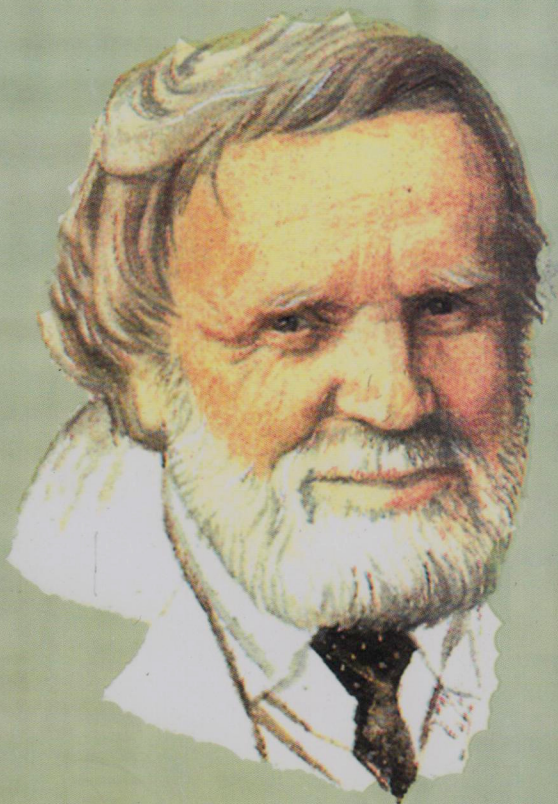

K-1475138

oe

БЕЛОВСКИЙ СБОРНИК

**Администрация города Вологды
Вологодский государственный университет
Вологодская областная универсальная библиотека**

БЕЛОВСКИЙ СБОРНИК

Выпуск 1

**Вологда
2016**

83.3:2=411.2)6-8
УДК 82.09
ББК 83.3(2Рос-Рус)6
Б43

Редколлегия

Г. В. Судаков, доктор филологических наук (гл. редактор);

С. Х. Головкина, кандидат филологических наук;

Н. В. Корнилова, гл. библиотекарь ВОУНБ

Б43 **Беловский сборник. Вып. 1 /** Администрация города Вологды;
Волог. гос. ун-т; Волог. обл. универсальная библиотека. – Вологда:
Легия, 2016. – 240 с.

ISBN 978-5-89791-138-7

В сборнике публикуются материалы Вторых Всероссийских Беловских чтений (Вологда, 21–23 октября 2015 г.). Авторы рассматривают творчество В.И. Белова в контексте ценностных ориентиров современной русской прозы, роль писателя в формировании «вологодского текста». Творчество Белова оценивается в историко-культурном контексте эпохи. На фоне культуры северного региона анализируется язык современной литературы. Изучению литературы Вологодского края в школе и проблемам пропаганды литературного наследия Вологодчины посвящены отдельные разделы сборника.

Книга предназначена для филологов, студентов и учащихся школ, может быть использована в учреждениях культуры.

УДК 82.09
ББК 83.3(2Рос-Рус)6

*На первой странице обложки портрет В.И. Белова,
выполненный заслуженным художником РФ,
членом-корреспондентом РАХ Юрием Александровичем Вороновым.
Публикуется с разрешения автора.*

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I

Творчество В. И. Белова в историко-культурном контексте эпохи

<i>Вересов Леонид Николаевич (Череповец). Неизвестная грань творческого наследия В. И. Белова: рецензии как литературоведческий источник</i>	6
<i>Байнин Сергей Вячеславович (Вологда). Николай Клюев на страницах периодических изданий Олонии</i>	13
<i>Головкина Светлана Христофоровна (Вологда). Николай Клюев о предназначении поэта и поэзии</i>	18
<i>Ехалов Анатолий Константинович (Вологда). Оптимист из русской деревни</i>	22
<i>Захарова Надежда Петровна (Вологда). Положительный герой рассказов В. И. Белова</i>	38
<i>Иванова Людмила Львовна (Мурманск). Александр Вампилов и пушкинская литературная традиция</i>	45
<i>Калягина Елена Юрьевна (Вологда). Ценностные ориентиры в «северной» поэзии С. Н. Маркова (на материале стихотворений о живой природе)</i>	56
<i>Кузина Наталья Михайловна (Вологда). Трансформация образа гармонии в лирических текстах В. И. Белова</i>	61
<i>Неволина Ольга Юрьевна, Неволина Анна Михайловна (Вологда). Невозвратные годы младенчества и детства в автобиографической прозе В. И. Белова: параллели в русской классике</i>	68
<i>Новиков Алексей Евгеньевич (Череповец). Тема Великой Отечественной войны в творчестве В. И. Белова</i>	78
<i>Розанов Юрий Владимирович (Вологда). Море-Океан и северные реки: водная символика Алексея Ремизова</i>	81
<i>Судаков Гурий Васильевич (Вологда). Проблема «вологодского текста» и роль В. И. Белова в его формировании</i>	88
<i>Федотовская Ольга Александровна (Вологда). Притчи в народных традициях Вологодского края</i>	100
<i>Широкова Людмила Вячеславовна (Вологда). Судьба писателя в России (по книге В. И. Белова «Тяжесть креста»)</i>	106
<i>Яцкевич Людмила Григорьевна (Вологда). Образы поэтов-современников в творчестве Н. А. Клюева</i>	112

Раздел II

Русское слово в контексте культуры северного региона. Литература Вологодского края в школе

<i>Андреева Елена Павловна (Вологда). Музыка русской деревни в повести В. И. Белова «Деревня Бердяйка»</i>	<i>125</i>
<i>Зорина Людмила Юрьевна (Вологда). Изучение харовских говоров вчера, сегодня... а завтра?</i>	<i>130</i>
<i>Вовченко Евгения Викторовна, Переяслов Евгений Алексеевич (Вологда). Жанр исторического рассказа в творчестве вологодских писателей (составление литературного путеводителя)</i>	<i>134</i>
<i>Горобец Надежда Ивановна (Северодвинск). Литературное образование ученика как способ вхождения в художественную культуру</i>	<i>142</i>
<i>Гусева Ольга Николаевна (Вологда). Синтаксические особенности рассказов В. И. Белова: моно- и полипропозитивные простые предложения... ..</i>	<i>150</i>
<i>Драчёва Юлия Николаевна, Опахина Елена Владимировна (Вологда). Вологодский край в зарубежном медиатексте</i>	<i>155</i>
<i>Елистратова Ксения Александровна (Череповец). Проблемы и перспективы изучения литературы Вологодского края</i>	<i>162</i>
<i>Кармановская Лариса Витальевна (Вологда). Знакомство с особенностями жанра рассказа-анекдота: В. И. Белов «Маникюр»</i>	<i>169</i>
<i>Комиссарова Татьяна Германовна (Вологда). Фольклорные тексты как материал для развития детской речи</i>	<i>179</i>
<i>Минец Диана Владимировна (Череповец). Отражение региональной идентичности в современной вологодской поэзии: лексико-семантический аспект</i>	<i>183</i>
<i>Поляков Максим Михайлович (Вологда). Образ дома-семьи в поэзии А. А. Романова</i>	<i>187</i>
<i>Русинова Лада Валериевна (Москва). Лингвистический анализ текста Дины Рубиной как средство развития коммуникативных навыков обучающихся, основа формирования нравственных качеств личности</i>	<i>194</i>
<i>Овчинникова Маргарита Александровна, Попова Наталья Владимировна (Северодвинск). Использование IT-технологий в освоении культурных ценностей родного края</i>	<i>200</i>

Раздел III

Работа учреждений культуры по пропаганде литературного наследия Вологодчины

<i>Калинюк Валентина Витальевна (с. Устье, Усть-Кубинский район). Библиотека с именем писателя как социокультурный объект на селе</i>	<i>205</i>
<i>Королёва Альбина Александровна (Череповец). «Честнейшие певцы Вологодчины»: опыт литературного краеведения</i>	<i>207</i>
<i>Маркевич Ольга Александровна (Вологда). Читательская конференция как способ освоения библиотерапевтического ресурса</i>	<i>211</i>
<i>Мартюкова Галина Алексеевна (с. Никольское, Тотемский район). 25-летие музея Н. М. Рубцова в селе Никольском: подводя промежуточные итоги</i>	<i>216</i>
<i>Никитнёва Мария Николаевна (п. Вожега). Вожега в произведениях В. Тендрякова</i>	<i>220</i>
<i>Никулинская Нина Николаевна (Тотьма). Библиотека им. Н. Рубцова в культурном пространстве города Тотьмы</i>	<i>223</i>
<i>Новосёлов Алексей Михайлович (Тотьма). Экскурсии по литературным местам Тотемского района</i>	<i>226</i>
<i>Серова Марина Юрьевна (с. Кубенское, Вологодский район). Год литературы как явление культурной и общественной жизни: из опыта работы Вологодской ЦРБ</i>	<i>231</i>
<i>Тихонова Валентина Борисовна (Харовск). Душа бессмертна: продвижение литературного наследия В. И. Белова</i>	<i>236</i>

ТВОРЧЕСТВО В. И. БЕЛОВА В ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ ЭПОХИ

Л.Н. Вересов
Череповец

НЕИЗВЕСТНАЯ ГРАНЬ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ В. И. БЕЛОВА: РЕЦЕНЗИИ КАК ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

В ГАВО (Государственном архиве Вологодской области) сохранилось достаточно много документов, рисующих картину литературной жизни Вологодчины с момента образования писательской организации в Вологде в 1961 году и более ранних лет. Они ещё ждут своих исследователей. Архивы и газеты прекрасно дополняют биографические и литературоведческие исследования.

В. И. Белов – крупный писатель и общественный деятель, яркий публицист и критик, драматург, прозаик, поэт, прижизненный классик, один из создателей жанра «деревенская проза», настоящий русский народный писатель. Маленьким штрихом дополним эти заслуженные звания Василия Белова и поговорим о писателе как о рецензенте. В таком качестве о нём ещё, кажется, никто не писал. Надо отметить также, что литературное наследие писателя, которое пока не удостоилось внимания исследователей, ещё довольно велико. Так, например, писателем написаны тысячи писем, которые наверняка явят нам нового, живого, неизвестного Белова. Задача только найти по возможности большее количество писем и автографов писателя и систематизировать их. Такая работа с успехом началась в центральной библиотеке г. Харовска. А вот направление «писатель Белов как рецензент» никогда широко не освещалось в литературоведении.

В ГАВО сохранились десятки рецензий поэта и писателя В. И. Белова, начиная с начала 60-х годов XX века. В очередной раз выражаю благодарность М. И. Карачёву, возглавляющему вологодскую писательскую организацию, за разрешение работать с её архивом [1]. Наш небольшой материал скорее будет служить ориентиром для будущих исследователей жизни и творчества В. И. Белова и не претендует на полное раскрытие заявленной темы.

В 60-80-е годы XX века Вологодская писательская организация была необычайно сильной творческой единицей и претендовала даже на звание «Вологодской литературной школы».

Рецензий В. И. Белова сохранилось достаточно много, автором материала просмотрены только бумаги примерно одного десятилетия: с конца 50-х до 1971 года. Дальнейшему развитию темы Белова как рецензента в 80-90-е годы и далее автором будет посвящён отдельный материал. Надо сразу отметить, что документы в 80-90-е годы от Вологодской писательской организации поступали в архив не в таком полном объёме, как в предыдущие десятилетия.

Белов оставил рецензии на произведения практически всех современных ему писателей. Конечно, в прямом значении критических работ писатель не публиковал. Но по его рецензиям мы сейчас в состоянии представить весь размах и мощь вологодской литературы того времени. Сам Белов, ещё не став членом СП РСФСР, входил в актив писательской организации Вологодчины и уже писал рецензии на работы других писателей, и получал их на свои рассказы и повести. Иногда эти рецензии были далеко не хвалебного тона. Они серьёзно разбирали творчество, в том числе и В. И. Белова, его негативные стороны и просчёты даже в художественном плане.

Русская деревня – его боль и предмет изображения. Уже много было насильно насаждено искусственного на селе, в вологодской глубинке. Но ещё теплился очаг русской самобытности и неповторимости русского уклада деревенской жизни. Вот это и хотел видеть В. И. Белов, вот об этом и писал в своих романах, повестях, рецензиях.

Важно подчеркнуть, что никто из писателей Вологодского отделения СП РСФСР, в том числе и Белов, не чурался этой, по сути, черновой, изнаноной работы писателя. Надо отметить, что в советское время за каждую рецензию платили небольшие деньги. В рецензиях В. И. Белова сразу чувствуются позиция и характер будущего выдающегося писателя. Он не кривит душой, чёрное называет чёрным, белое – белым, понимает ответственность литературы перед обществом и её задачи воспитывать людей на примерах духовных и совершенных по форме. Писатель Белов иногда резок, иногда лиричен, но видно, что он не просто отработывает свои деньги за рецензию, а всегда старается найти хорошее у рецензируемого автора, если тот не безнадёжен в литературном и творческом плане.

В те годы это была обязанность членов СП и литературного актива – писать рецензии на начинающих авторов, но есть один нюанс: никто не оговаривал, какой должна быть рецензия по объёму. В. И. Белов практически никогда не писал менее двух страниц текста, отпечатанного на машинке, давая рецензию на стихи или прозу молодых. И ведь, как минимум, надо было прочесть рецензируемое произведение, а иногда это бывали и повести, и даже романы. Рецензировались и подготовленные к печати книги. Никто не заставлял писателя Белова, как и других совестливых рецензентов, читать всё, вникать в суть. А Белов делал это, понимая, как легко сломать литературную судьбу человека, берущего в руки перо.

Белов в рецензиях «подставлял плечо», указывал на недостатки, журил и был объективен, как только мог, на момент написания рецензии. Белов

написал критический материал по существу на всех значительных вологодских писателей. Надо разбираться и смотреть: в чём-то он оказался пророком, в ком-то ошибся, кто-то сошёл с литературной стези из-за малодушия или обиды. В общем-то, это жёсткое занятие – литература. Как пример – слова Василия Белова из рецензии на череповецкого писателя Вениамина Шарыпова: «Вероятно, вологодская литературная общественность приобретает в его лице нового талантливую литератора» [2].

Рецензии, написанные на конкретные произведения и в конкретный день и год, фиксируют уровень и рецензируемого, и самого рецензента, его проницательность и добропорядочность. Это живой литературный материал человеческих отношений. И если бы его не было, много беднее был бы багаж знаний о литературе нашего региона.

В рецензиях мы чувствуем эстетические и литературные пристрастия самого Белова, его поэтическое и прозаическое «я» ярко прорисовывается в словах о произведениях другого автора.

Рецензии невозможно рассматривать только как технические документы эпохи. Они полны чувств, отношений, недоговорённости, надежды, почти всегда доброжелательны. В. И. Белов искренне сопереживает и горюет, что не всё получается, что не хватает работы над словом. Он постоянно даёт понять, что занятие литературой – это профессия, и только так к ней и надо относиться. Но, с другой стороны, на одном из выступлений Белова, на котором присутствовал автор этих строк, писателя спросили с ехидцей: «А как Вы относитесь к вдохновению для прозаика?». Белов стал вдруг строг и ответил: «Я отношусь к вдохновению очень серьёзно».

В своих рецензиях он также даёт понять, что без таланта не стать писателем. Но и то, что талант без труда очень часто сгорает без следа – это тоже сквозит в рецензиях.

Вот рецензия на бабаевского поэта В. Аншукова: «Мне кажется, что В. Аншуков, имея многие счастливые возможности, не использует эти возможности, боится говорить в полный голос, как бы не осмеливается преодолеть ограниченности и раздвинуть свой литературный горизонт... Хочется пожелать В. Аншукову творческой смелости, расширения тематики, хочется пожелать ему, чтобы он «расковал» свой голос, и тогда, весьма возможно, литературные силы пополнятся ещё одним интересным автором» [3].

А вот как Белов говорит о череповецком писателе Юрии Тарыничеве: «Рассказы Юрия Тарыничева привлекают внимание точными, яркими деталями, помогающими нарисовать и характер человека». Не о себе ли пишет Белов? То, к чему он сам стремился в литературе, и что у него отменно получалось, писатель ценит и у Юрия Тарыничева: «Значит, у молодого автора есть умение, внимание по-писательски смотреть окружающую жизнь». Явно Белов это ценит в принципе, не только выявляя у Юрия Тарыничева. «Хочется отметить способность Юрия Тарыничева передать живой диалог, внутренний монолог героев, услышать и к месту применить

бойкое народное словцо, эпитет, образ... Значит, начинающий автор старается серьёзно изучать людей, понимать движение их душ». ...Присутствие юмора. Это всё-таки редкое качество. И радостно, что Ю. Тарыничев обладал им небезуспешно». Кажется, что ради таких откровений писателя Белова стоит перелопатить все написанные им рецензии в поисках того, как сам Белов понимал писательское ремесло и что ценил, а что не принимал и не понимал в нём.

«Слабое же место в творчестве способного автора, порой художественная безвкусица и стремление как можно «яснее» прописать ситуацию, «быстрее» свести концы с концами и расставить все точки над «и» [4].

У автора данной публикации есть уникальные документы: рецензия молодого прозаика Василия Белова 1961 года на повесть Николая Угловского «Верочка Аникеева» [5] и две рецензии Угловского на ранние рассказы Белова того же времени [6].

Но по порядку, сначала о рецензии Белова на прозу Угловского. В этой рецензии сквозит уважение к автору, но много общих слов, употребляются правильные выражения, которые необходимо сказать старшему товарищу по писательскому цеху. Хотя это может быть обусловлено и темой произведения. «Повесть Угловского – произведение о современности (начало 60-х годов 20 века. – Л.В.). Как и прежде, писатель, с обычной для него смелостью, обращается к сегодняшним живым проблемам северной колхозной деревни, ворошит самые больные места, с любовью и знанием пишет о том новом, что с таким трудом пробивается в жизнь колхозного села...». Из этой рецензии мало что можно взять для понимания того, что же ценил сам Белов в прозе вообще в начале своего творческого пути. Разве что: «язык повести лаконичен и может быть несколько сдержан. В некоторых местах слаба языковая характеристика персонажей...». К недостаткам повести можно отнести подчас излишнюю затянутость повествования, а подчас, недоговорённость и скороговорку...». Белов не только находит положительные качества повести, но и решается сказать о её недостатках. Белов ещё не говорит в полный голос, критикуя старейшего писателя. Это случится позднее. В 1964 году В. И. Белов уже прямо укажет на недостатки прозы Н. В. Угловского.

А теперь о том, как же последний оценил первые опыты в прозе Василия Белова. «Хотя повесть заканчивается оптимистически: – «Бердяйка жила, что бы ни творилось на земле» – всё-таки герои её излишне заземлены, как-то обыденны, не чувствуется пульса большой жизни, движения вперёд. Но это уже относится к позиции автора. Как видно, он всё время боялся в чём-то, пусть в мелочах, приукрасить действительность, стать чуть выше её. В этом особенность его таланта. Язык повести чистый и сочный, но местами перегружен диалектизмами. В целом повесть «Деревня Бердяйка» – несомненный успех Вас. Белова» (10.10.1961 год. Москва. Инк. Угловский).

Отметим также, что многие высказывания и характеристики В. И. Белова сохранились в протоколах заседаний Вологодской писательской организации тех лет [7]. Протоколы – это не стенограммы, в них записывалась иногда только суть выступления писателя, однако точку зрения, основные положения выступления они фиксировали. Творческая составляющая протоколов показывает нам реальный пульс литературной жизни того времени. Протоколы заседаний беспристрастно повествуют о мелочах и глобальных событиях. В. И. Белов в 1970 году хорошо говорит о стихах поэтессы Дербиной, он даже прощает их «патологизм». Это факт, но без учёта дальнейших событий и трагедии с Николаем Рубцовым. Вот тут маленькая критика Дербиной стала во главу угла. Такой звериной жестокости никто от неё не ожидал...

Василий Белов, согласно найденным в ГАВО документам, впервые выступил в прениях 14.02.1958 года, когда писательская организация называлась ещё «Областное литературное объединение», председателем его был С. В. Викулов. Тут же можно прочесть и краткую биографию В. И. Белова, наряду с биографиями А. Я. Яшина, А. А. Романова, С. С. Орлова [8].

Далее приведём некоторые документальные эпизоды из заседаний Вологодского отделения Союза писателей. 14 февраля 1964 года рекомендуют Б. Чулкова в Союз писателей, обсуждают рукописи С. Викулова и В. Белова. Конец марта 1964 года – обсуждение поэмы А. Романова «Мать и земля». Белов: «Согласен – это ещё не поэма... Поэма однотипна, утомительна...» Здесь же Василий Белов оценивает поэзию Германа Александрова. 23 сентября 1964 года Белов говорит о Гарновском. 20 октября 1964 года при обсуждении новой повести Николая Угловского Василий Белов резок и категоричен: «Ты, Николай Васильевич, мало работаешь. Это видно по рукописи. Надо больше работать». Это лишь фрагменты выступлений В. И. Белова за 1964 год [9].

В следующие годы В. И. Белов был также очень активен на собраниях вологодских писателей. В 1965 году хорошо говорит о поэзии Натальи Масловой, но считает, что в Литинститут поступать ещё рано. При обсуждении рассказов В. Аринина говорит о них неплохие слова. А вот при обсуждении очерка Викулова «Письма из деревни» стоит на том, что «лучше бы всё говорить, всю правду, или всё, или ничего!» Здесь как раз и проявляется бескомпромиссный характер писателя. В протоколе от 4 сентября 1965 года находим слова Василия Белова об Ольге Фокиной. В протоколах за 1969, 1970 годы читаем слова писателя Белова при обсуждении стихов Юрия Надточего: «Рубцов в своём выступлении строго сказал. Мне кажется, что Надточий – очень интересный человек, он думающий, размышляющий человек. К нему ещё многое придёт». Этих выступлений было много больше и необходим их серьёзный анализ [10].

В заключение приведем списки писателей и поэтов, на произведения которых В. И. Белов дал рецензию.

ГАВО (Государственный архив Вологодской области), опись 1, ед. хр. 8 – рецензия на Угловского; ед. хр. 21 – на Н. Задумкина, А. Гусева; ед. хр. 27 – на Алексея Лапина «Порыв и месть»; ед. хр. 28 – на В. В. Малкова из колхоза «Родина» Грязовецкого района; ед. хр. 38 – на Аносова, Ю. Тарыничева, Н. Корсакова («Навстречу неведомому»), И. Лобанова (стихи), Капитонова, С. Барашкова, Аншукова, Н. Смирнова, Д. Хренкова (книга о С. Орлове), Добрынина; ед. хр. 39 – на Аносова «Перед грозой», В. Гарновского «Журавли на Луне», В. Елесина, Д. Мазрухо, С. Забродина, И. Кнышинского, В. Попову, Ильинского; ед. хр. 47 – на И. А. Балашова; ед. хр. 51 – на Ю. Тарыничева, С. Рожнову, В. Коротаева, С. Багрова, Протогена Ивановича Кудрякова, В. Астафьева «Пастух и пастушка», В. Ширикова, В. Железняк, С. Ф. Богданова; ед. хр. 64 – на А. Петухова, Кучмиду, В. Шарыпова; ед. хр. 75 – на П. И. Кудрякова, Е. Твердова, А. Кирикову, А. Сушинова, И. Полуянова, Б. Чулкова; ед. хр. 86 – на А. Петухова; ед. хр. 95 – на С. Ф. Богданова; ед. хр. 118 – на Бодренкова «На юру».

В ГАВО сохранилось много сведений о В. И. Белове: его характеристики, документы о вступлении в Союз писателей и другие. Приведём некоторые из них: ед. хр. 11. Собрание Вологодского отделения СП РСФСР от 18 апреля 1962 года «О рекомендации в члены СП В. И. Белова». Решение «Рекомендовать». В деле 15 сохранилось письмо Василия Белова Сергею Викулову о вступлении в СП. Ед. хр. 17 – отчёт об одном из первых творческих вечеров В. И. Белова от 7 сентября 1965 года. Ед. хр. 95 – разрешение В. И. Белову работать с партийным архивом Вологодской области. Видимо, 5 января 1970 года писатель всерьёз работал над романом «Кануны». А в партархив попасть было очень трудно. Ед. хр. 94 – характеристика писателя на заграничную поездку, в деле 103 – характеристика для военкомата для присвоения очередного воинского звания. Ед. хр. 34 – обсуждение рассказа Белова «Большие звуки», среди выступающих Гура и Викулов.

Для автора этих строк, как для жителя Череповца, несомненный интерес представляют слова, сказанные В. И. Беловым на отчётно-выборном собрании 28 января 1969 года: «Я согласен с Коротаевым, что в Череповце нет литературной жизни. Нам надо выявить талантливых людей в этом городе» (ед. хр. 9).

Будет уместным привести здесь обнаруженный недавно документ из архива Сергея Дмитриева. Это письмо Василия Белова Николаю Рубцову по поводу публикации стихов последнего в газете «Призыв» города Харовска Вологодской области. «Коля! Мы с тобой не сделали самое главное. Отбери, пожалуйста, стихов штук шесть и вместе с фотографией (которую ты всё равно должен делать для Москвы) сразу пошли по адресу: г. Харовск, редакция газеты «Призыв», Михаилу Ивановичу Котову. Это нужно, может быть, больше для меня, чем для тебя. Привет Саше, Лизе и Астафьевым. Белов». Это письмо следует датировать концом 1969 года. Просьба Белова последовала после пребывания Рубцова летом 1969 года в родной

деревне писателя Тимонихе. Рубцов послал стихи М. И. Котову. Существуют две записки журналисту Котову: одна в архиве Михаила Ивановича с правильным отчеством, а другая в ГАВО, написанная тоже рукой Рубцова, но с отчеством Михаил Александрович [11].

Эта публикация состоялась 7 ноября 1969 года и называлась «У нас в гостях поэт Н. Рубцов». Газета «Призыв» печатает несколько строк о поэте, ошибаясь, что он окончил Тотемский лесотехникум, на самом деле студент Рубцов одолел только два курса. Также публикуется высланная Рубцовым фотография и три стихотворения: «Зачем» («Она совсем ещё ребёнок...») без третьей строфы в классическом варианте, «Песня» («Отцветёт да поспеет на болоте морошка...») и «По мокрым скверам проходит осень...». В. И. Белов оказался «виновником» хорошей публикации стихов Н. М. Рубцова и связанной с ней загадкой двух автографов поэта.

Литература

1. ГАВО (Государственный архив Вологодской области). – Ф. 846. – Оп. 1. Вологодская писательская организация.
2. Рецензия В. Белова на В. Шарыпова (ГАВО. – Ф. 846. – Оп. 1. – Ед. хр. 64. – Л. 131–133).
3. Рецензия В. Белова на В. Аншукова (ГАВО. – Ф. 846. – Оп. 1. – Ед. хр. 38. – Л. 128–130).
4. Рецензия В. Белова на Ю. Тарыничева (ГАВО. – Ф. 846. – Оп. 1. – Ед. хр. 51. – Л. 17, 18).
5. Рецензия В. Белова на повесть Н. Угловского «Верочка Аникеева» (ГАВО. – Ф. 846. – Оп. 1. – Ед. хр. 8. – Л. 30, 31).
6. Рецензия Н. Угловского на повесть В. Белова «Деревня Бердяйка» от 10.10.1961 года (ГАВО. – Ф. 846. – Оп. 1. – Ед. хр. 8. – Л. 45, 46). Рецензия Н. Угловского на рассказы В. Белова «Скворцы», «Почесть», «Эхо», «Прежние годы» (ГАВО. – Ф. 846. – Оп. 1. – Ед. хр. 8. – Л. 47, 48).
7. ГАВО. – Ф. 846. Материалы Вологодской писательской организации.
8. ГАВО. – Ф. 4692. – Оп. 1. Областное литобъединение. – Л. 258, 311.
9. ГАВО. – Ф. 846. – Оп. 1. – Ед. хр. 34. – Л. 18, 38.
10. ГАВО. – Ф. 846. – Оп. 1. – Ед. хр. 44, 92.
11. Сайт «Душа хранит». Жизнь и поэзия Николая Рубцова (rubtsov.id.ru) Раздел «Очерки, заметки, мемуары» Л. Вересов «Михаил Иванович Котов. Два автографа Рубцова».

НИКОЛАЙ КЛЮЕВ НА СТРАНИЦАХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ ОЛОНИИ

Революционные события 1917 года «крестьянский» поэт Н. А. Клюев принимает с воодушевлением. Социально-политические изменения в государстве он оценивает с позиции деревни, что находит свое отражение в поэзии. 10 мая 1918 года Олонецкая газета «Известия» приветствовала «возвращение в родную Олонию даровитого поэта Николая Клюева» [3, с. 4]. (Однако, стоит отметить, что до весны 1918 года Клюев проживал в д. Рубцово, что в 40 километрах от Вытегры. После смерти отца поэт переезжает в город.) В первые послереволюционные годы Клюев активно сотрудничает с вытегорскими партийными деятелями Н. И. Архиповым, М. Н. Мехнецовым, А. В. Богдановым, С. И. Ручьевым и др. Революция ими была встречена положительно: «Пролетарская революция прорубила окно в Европу» [20, с. 3]. На внеочередном Чрезвычайном уездном съезде Советов крестьянских и рабочих депутатов, состоявшемся 20-24 марта 1918 года, было решено начать выпуск местной газеты под названием «Известия Вытегорского Совета крестьянских и рабочих депутатов» (до 1925 года называлась: «Трудовое слово», «Вытегорская коммуна» «Звезда Вытегры», «Крестьянское слово»). Практически в каждом номере газеты в рубрике «Литературная страничка» печатаются революционные стихотворения и статьи Клюева («Порванный невод», «Сорок два гвоздя», «Огненная грамота» и др.).

Редактором «Известий» был А. В. Богданов. Он писал статьи, отражающие насущные вопросы политики и жизни в стране и Олонецкой губернии, рецензии на книги и спектакли местного театра, сатирические очерки и философские эссе («Изломы жизни», «Тоска Иуды»), пробовал себя как поэт (старался подражать Клюеву). Именно Богданов как сотрудник Олонецкого Пролеткульта, ярый коммунист и творческая личность, стал главным критиком Клюева на родине. По мнению Богданова, «Пролеткульт – мост, звено к грядущему социализму...» [11, с. 2]. Богданов возмущался отсутствием в Олонецком отделении Пролеткульта литераторов и журналистов. В то время как «наш знаменитый крестьянский Верлен, Микула Селякович народной поэзии – поэт Николай Клюев, которого больше знают в далекой Бельгии, чем у нас в Олонии» [16, с. 12]. Это одна из причин частых публикаций произведений Клюева в местной печати. Председатель Вытегорского Исполнительного Комитета Союза учителей А. Пиконов заявлял в «Звезде Вытегры» (подпись: А. Н.) [4, с. 2] о необходимости изучать творчество пролетарских писателей, в т. ч. и Клюева.

В статье о Клюеве «Пророк Нечаянной Радости: (Творчество Н. Клюева)» Богданов писал: «На революцию Клюев откликнулся самыми глубоко-

кими стихами, которые по своей образности, силе и огню превзошли всё написанное про революцию» [12, с. 3]. Для Богданова, и всех ценителей поэзии Клюева, он действительно стал «пророком Нечаянной Радости». Так охарактеризовал его вытегорский критик, самовольно передав блоковский «титул» олонецкому поэту.

В революционном «Медном ките» (1919) Клюева Богданов увидел «много сокровенного, несказанного, мистического, что послужит пищей для будущего...» [13, с. 2]. Критик считает, что этот сборник – пик творчества поэта и «народ может гордиться своим певцом». Богданов не сомневается, что Клюев «истинный интернационалист» в отличие от многих поэтов Петроградского Пролеткульта: «В пестрядных стихах мужицкого поэта больше внутренней красоты и правды, чем в фельетонно-образных стихах Аксень-Ачкасова... Нельзя же всю Россию превратить в один сплошной завод; с ревом сирен, фабричными гудками, шелестом приводных ремней» [13, с. 2]. Какое совершенно иное мнение провинциального критика, защитника революции, с оценкой столичных публицистов. Например, Н. С. Ангарский, требуя от любого поэта «искренности и вдохновения», тем не менее, считал, что «основы пролетарского мировоззрения должны быть чужды всякого фетишизма» [6, с. 23]. Отсюда и соответствующая оценка книги Клюева.

П. К. Бессалько, познакомившись с «Медным китом», отмечает несомненный талант Клюева, но указывает на яркую ненависть к городу. Якобы, по мнению Клюева «жизнь должна строиться “на праведном сельском уставе, без кинематографов, без беспроволочных телеграфов”» [7, с. 13]. Бессалько явно преувеличил. Со всей своей религиозностью, консервативностью и ожиданиями от революции, Клюев понимал, что прогресс в любых сферах жизни не остановить. Поэт пытался донести – нельзя забывать прошлое, традиции, отвергать свои корни. И всё это хранится не в городе, а в деревне, в народных преданиях и песнях.

Богданов же в своих определениях и оценках литературной жизни текущего дня в первую очередь исходил из принципов отношения к Октябрьской революции: он отвергал тех, для кого недопустимы новые социально-политические устои советского общества. Но в то же время он и оправдывал друга: «Бессалько упрекает поэтов в религиозности... Но будь смелым: несмотря на взлёты Клюева к Богу, Николаю Чудотворцу, к Митирию Солунскому – я назову его религиозным анархистом. (Такой мой взгляд – может быть, ошибочный)» [13, с. 2]. И с этой точки зрения «Медный кит» – «книга мудрых, глубоких, огненных стихов» [8, с. 2]. Конечно, статья во многом основывалась на личном общении Богданова с Клюевым. В ней подчёркивается, что «ещё не пришло время справедливой оценки поэзии пророчества садовника древословного дерева, осеняющую избяную дремучую Русь, но оно придёт» [13, с. 2].

Важным событием, взбудоражившим вытегорскую общественность, стала пьеса Клюева «Красная Пасха», написанная к 100-летию со дня рож-

ления К. Маркса. По мнению Богданова, в пьесе Ключев достигает уровня Данте, Мильтона, Тассо. Текст произведения не сохранился. О содержании мы можем судить по статьям Богданова «Областная жизнь г. Вытегра. Вечер памяти Маркса» и «Новое вино». Сын Матери Земли Воля погиб от рук царей Золота, Суеверия и Глупости. В финале Воля воскрес, цари были повержены, и наступил праздник Красной пасхи [10, с. 2].

Безусловно, революционная пьеса была насыщена религиозными образами. Поэтому, хоть пьеса и была встречена в целом восторженно, многим обывателям она осталась до конца непонятной. Земляк Ключева поэт В. А. Соколов вспоминал об одном выступлении: «...Однажды на афишах Домпросвета появилось имя Николая Ключева, включенное в программу концерта. Я льнул сердцем к поэтическому слову, как волна к берегу, и, конечно, проник в зал Домпросвета... Объявили «Красную песню» Ключева. Пламенные слова начала стихотворения, напоминающего «Марсельезу», были встречены восторженно. Но дальше замелькали иные слова: “богородица-землица”, “народ-Святогор”, “наша-волюшка – Божий гостинец”, “ризы серафима”, “Китеж-град”. Это не воспринималось слушателями всерьез. Редкие хлопки смутили организаторов концерта» [18, с. 30].

Тем не менее, как уже отмечалось, «Красная Пасха» вызвала много споров. Священник Вытегры возмущался: «Почему де большевики на сцене кощунствуют, причащают святым таинством..., поют Христос Воскресе и т. п.» [21, с. 2]. Вытегорские партийцы встали на защиту Ключева. Поэту была объявлена благодарность за написание пьесы, а газета в лице того же Богданова старалась разъяснить религиозную символику произведения. Примечательно, что статьи, где Богданов отстаивал пьесу, он подписывал псевдонимом Хмурый, свидетельством его позиции в обсуждаемом вопросе. В одной из них автор описывал собрание социалистов-революционеров и священников, на котором обсуждалась тема «о Христе и о мировой тайне распятия Великой Любви» [22, с. 3]. Служители церкви даже слова не давали сказать коммунистам, утверждает Богданов. «Но вот, – пишет Хмурый, – точно лучом солнца блеснуло слово поэта Н. Ключева. Огненно-скорбным, образным словом он смягчил стадные инстинкты толпы, и дальнейшее собеседование потекло более ровно и спокойно» [22, с. 3].

Другим не менее важным событием в этот период стало издание песенника «Неувядаемый цвет», вышедшего в вытегорском издании кружка «Похвала народной песне и музыка» в 1920 году. По сведениям петрозаводского литературоведа А. К. Грунтова организатором кружка был друг Ключева Н. И. Архипов. Предполагалось издать пьесу «Красная пасха», а также три сборника стихов: «Карельский пряник», «Новый мир», «Неувядаемый цвет». Грунтов заявляет об издании двух последних [17]. Но до наших дней дошел лишь «Неувядаемый цвет». Азадовский подтверждает, что «никаких следов «Нового мира» до настоящего времени обнаружить не удалось» [5, с. 175]. Отреагировали на книгу лишь местные критики. Например, председатель Олонецкого губернского комитета РКП(б) Я. Ф. Игошкин под криптони-

мом «Я. Р.» на страницах петрозаводской «Коммуны» отметил, что не будь у него крестьянского происхождения и знаний различных преданий и обычаев – книгу Клюева он бы не понял. Однако, по мнению автора, «как памятник путаных бессмысленных представлений темной крестьянской души, книжка Н. Клюева имеет историческую ценность» [23, с. 4].

Возвращаясь к Богданову, стоит отметить, что в статьях о творчестве Клюева пытался разгадать тайну не только его поэзии, но и личности поэта. Например, в статье «Новое вино» он писал: «Многие последние его стихи, наполнены тоской об Иоанне, красивой тоской Христа о духовном сыне. Бесчисленно мудры и глубоки слова поэта, его слова и его молчание» [9, с. 2]. Параллельно, в отличие от столичных пролеткультовцев, критик положительно отзывался о творчестве писателей журнала «Скифы», «вдохновителем которого является наш родной поэт Н. Клюев». Однако Богданов выступал против политики партии левых эсеров и возмущался на страницах «Трудового слова» в 1920 году, что в их «корзину» бросали «прекрасные стихи пролетарского поэта В. Кириллова или талантливых мужиков – П. Орешина, С. Есенина, Н. Клюева» [14, с. 4].

Но со временем Богданов все меньше оставался ярким поклонником поэта, выражая иногда своё несогласие по вопросу поэзии. Религиозные убеждения Клюева, посещение им церкви, почитание икон, использование в стихах церковных символов вызывали недовольство не только у Богданова, но и у других коммунистов. Это и послужило причиной постановления Губкома РКП (б) Петрозаводска от 28 апреля 1920 года, на котором было решено об исключении Клюева из партии, т. к. «религиозные убеждения его находятся в полном противоречии с материалистической идеологией партии и ее задачами в деле борьбы за освобождение рабочего класса» [2, с. 3]. Отношение к поэту не отличалось уже прежней доброжелательностью. Его имя почти исчезло со страниц губернской и уездной газет. Газета «Карельская коммуна» в 1922 году критиковала Клюева за то, что он «насыщен прошлым. Духовная замкнутость и эстетическая самобытность деревни, несмотря даже на временное ослабление города, явно в ущербе. На ущербе как будто и Клюев» [1, с. 3]. Его близкие друзья и товарищи Архипов и Богданов покинули город. В начале 1923 года Клюев уехал из Вытегры. Архипов остался верен Клюеву до конца и «в 1937 году дружба с кулацким поэтом станет одной из обвинительных статей» для Архипова [19, с. 52].

Некогда близкий товарищ и подражатель Богданов вовсе отвернулся от Клюева. В 1924 году в «Трудовом слове» под псевдонимом «Семен Вечерний» он опубликовал статью «Правда о Н. Клюеве». Смена мнения о поэте произошла в результате знакомства с книгой В. В. Князева «Ржанные апостолы (Клюев и клюевщина)» (1924), на нее он и ссылается в статье. Критик отмечает пробел в марксистской критике о творчестве Клюева. Богданов, полностью соглашаясь с Князевым, отмечает: «Клюев последнего периода <...> – живой труп для новой России» [15, с. 2]. Два совершенно

разных человека: Богданов – беззаветно преданный делу революции, Советской власти, отмечающий на своём пути всех и, всё что мешало претворять в жизнь идеи коммунизма; Клюев – поэт, изображающий великую культуру деревенской Руси, верящий, что только революция с «крестьянским уклоном» способна спасти страну. Их связала вера в революционные изменения.

Клюеву не удалось стать своим в рядах пролетарских поэтов, как в столице, так у себя на родине. На страницах периодических изданий пролеткультовцы преподносят Клюева как обычного фальсификатора, который перепевает темы, давно уже описанные поэтами конца XIX века. По их мнению, фольклорность и религиозный мистицизм чужд рабочему читателю и новой государственной власти.

Литература

1. [Б.п.] Олонецкий поэт Николай Клюев // Карельская коммуна. – 1922. – 15 октября. – № 234. – С. 3.
2. [Б.п.] Партийная жизнь // Олонецкая коммуна. – 1920. – 4 мая.
3. [Б.п.] Поэт Клюев – большевик // Известия Олонецкого губернского исполнительного комитета. – 1918. – 10 мая. – С. 4.
4. А. Н. [Никонов А.] Что делать партийному клубу? // Звезда Вытегры. – 1919. – 19 апреля. – № 9. – С. 2.
5. Азадовский К. М. Жизнь Николая Клюева. Документальное повествование. СПб.: Издательство журнала «Звезда». – 2002. – 368 с.
6. Ангарский Н. С. Заметки о поэзии и поэтах // Творчество. – 1919. – № 1-3. – С. 23.
7. Бессалько П. К. О поэзии крестьянской и пролетарской // Грядущее. – 1918. № 7. – С. 13.
8. Богданов А. В. Медный кит // Известия Олонецкого губернского исполнительного комитета. – 1918. – 28 декабря. – № 264. – С. 2.
9. Богданов А. В. Новое вино // Известия Олонецкого губернского исполнительного комитета. – 1918. – 18 июня. – № 108. – С. 2.
10. Богданов А. В. Областная жизнь г. Вытегры. Вечер памяти Маркса // Известия Олонецкого губернского исполнительного комитета. – 1918. – 25 мая. – № 89. – С. 2.
11. Богданов А. В. Петрозаводск. 31 октября // Известия Олонецкого губернского исполнительного комитета. – 1918. – 31 октября. – № 217. – С. 2.
12. Богданов А. В. Пророк Нечаянной Радости: (Творчество Н. Клюева) // Известия. Вытегра. – 1919. – 18 января. – № 4. – С. 3.
13. Богданов А. В. Пророк Нечаянной Радости: (Творчество Н. Клюева) // Известия. Вытегра. – 1919. – 25 января. – № 6. – С. 2.
14. Богданов А. В. Пророк Нечаянной Радости: (Творчество Н. Клюева) // Известия Олонецкого губернского исполнительного комитета. – 1918. – 26 мая. – № 90.

мом «Я. Р.» на страницах петрозаводской «Коммуны» отметил, что не будь у него крестьянского происхождения и знаний различных преданий и обычаев – книгу Клюева он бы не понял. Однако, по мнению автора, «как памятник путаных бессмысленных представлений темной крестьянской души, книжка Н. Клюева имеет историческую ценность» [23, с. 4].

Возвращаясь к Богданову, стоит отметить, что в статьях о творчестве Клюева пытался разгадать тайну не только его поэзии, но и личности поэта. Например, в статье «Новое вино» он писал: «Многие последние его стихи, наполнены тоской об Иоанне, красивой тоской Христа о духовном сыне. Бесчисленно мудры и глубоки слова поэта, его слова и его молчание» [9, с. 2]. Параллельно, в отличие от столичных пролеткультовцев, критик положительно отзывался о творчестве писателей журнала «Скифы», «вдохновителем которого является наш родной поэт Н. Клюев». Однако Богданов выступал против политики партии левых эсеров и возмущался на страницах «Трудового слова» в 1920 году, что в их «корзину» бросали «прекрасные стихи пролетарского поэта В. Кириллова или талантливых мужиков – П. Орешина, С. Есенина, Н. Клюева» [14, с. 4].

Но со временем Богданов все меньше оставался ярым поклонником поэта, выражая иногда своё несогласие по вопросу поэзии. Религиозные убеждения Клюева, посещение им церкви, почитание икон, использование в стихах церковных символов вызывали недовольство не только у Богданова, но и у других коммунистов. Это и послужило причиной постановления Губкома РКП (б) Петрозаводска от 28 апреля 1920 года, на котором было решено об исключении Клюева из партии, т. к. «религиозные убеждения его находятся в полном противоречии с материалистической идеологией партии и ее задачами в деле борьбы за освобождение рабочего класса» [2, с. 3]. Отношение к поэту не отличалось уже прежней доброжелательностью. Его имя почти исчезло со страниц губернской и уездной газет. Газета «Карельская коммуна» в 1922 году критиковала Клюева за то, что он «насыщен прошлым. Духовная замкнутость и эстетическая самобытность деревни, несмотря даже на временное ослабление города, явно в ущербе. На ущербе как будто и Клюев» [1, с. 3]. Его близкие друзья и товарищи Архипов и Богданов покинули город. В начале 1923 года Клюев уехал из Вытегры. Архипов остался верен Клюеву до конца и «в 1937 году дружба с кулацким поэтом станет одной из обвинительных статей» для Архипова [19, с. 52].

Некогда близкий товарищ и подражатель Богданов вовсе отвернулся от Клюева. В 1924 году в «Трудовом слове» под псевдонимом «Семен Вечерний» он опубликовал статью «Правда о Н. Клюеве». Смена мнения о поэте произошла в результате знакомства с книгой В. В. Князева «Ржаные апостолы (Клюев и клюевщина)» (1924), на нее он и ссылается в статье. Критик отмечает пробел в марксистской критике о творчестве Клюева. Богданов, полностью соглашаясь с Князевым, отмечает: «Клюев последнего периода <...> – живой труп для новой России» [15, с. 2]. Два совершенно

разных человека: Богданов – беззаветно преданный делу революции, Советской власти, отмечающий на своём пути всех и, всё что мешало претворить в жизнь идеи коммунизма; Клюев – поэт, изображающий великую культуру деревенской Руси, верящий, что только революция с «крестьянским уклоном» способна спасти страну. Их связала вера в революционные изменения.

Клюеву не удалось стать своим в рядах пролетарских поэтов, как в столице, так у себя на родине. На страницах периодических изданий пролеткультовцы преподносят Клюева как обычного фальсификатора, который перепевает темы, давно уже описанные поэтами конца XIX века. По их мнению, фольклорность и религиозный мистицизм чужд рабочему читателю и новой государственной власти.

Литература

1. [Б.п.] Олонецкий поэт Николай Клюев // Карельская коммуна. – 1922. – 15 октября. – № 234. – С. 3.
2. [Б.п.] Партийная жизнь // Олонецкая коммуна. – 1920. – 4 мая.
3. [Б.л.] Поэт Клюев – большевик // Известия Олонецкого губернского исполнительного комитета. – 1918. – 10 мая. – С. 4.
4. А. Н. [Никонов А.] Что делать партийному клубу? // Звезда Вытегры. – 1919. – 19 апреля. – № 9. – С. 2.
5. Азадовский К. М. Жизнь Николая Клюева. Документальное повествование. – СПб.: Издательство журнала «Звезда». – 2002. – 368 с.
6. Ангарский Н. С. Заметки о поэзии и поэтах // Творчество. – 1919. – № 1-3. – С. 23.
7. Бессалько П. К. О поэзии крестьянской и пролетарской // Грядущее. – 1918. – № 7. – С. 13.
8. Богданов А. В. Медный кит // Известия Олонецкого губернского исполнительного комитета. – 1918. – 28 декабря. – № 264. – С. 2.
9. Богданов А. В. Новое вино // Известия Олонецкого губернского исполнительного комитета. – 1918. – 18 июня. – № 108. – С. 2.
10. Богданов А. В. Областная жизнь г. Вытегры. Вечер памяти Маркса // Известия Олонецкого губернского исполнительного комитета. – 1918. – 25 мая. – № 89. – С. 2.
11. Богданов А. В. Петрозаводск. 31 октября // Известия Олонецкого губернского исполнительного комитета. – 1918. – 31 октября. – № 217. – С. 2.
12. Богданов А. В. Пророк Нечаянной Радости: (Творчество Н. Клюева) // Известия. Вытегра. – 1919. – 18 января. – № 4. – С. 3.
13. Богданов А. В. Пророк Нечаянной Радости: (Творчество Н. Клюева) // Известия. Вытегра. – 1919. – 25 января. – № 6. – С. 2.
14. Богданов А. В. Пророк Нечаянной Радости: (Творчество Н. Клюева) // Известия Олонецкого губернского исполнительного комитета. – 1918. – 26 мая. – № 90.

15. Вечерний С. [Богданов А. В.] Отделение искусства от государства // Трудовое слово. Вытегра. – 1920. – 23 октября. – №125. – С. 4
16. Вечерний Семен [Богданов А. В.] Правда о Н. Ключеве // Трудовое слово. Вытегра. – 1924. – 9 января. – №126. – С.2
17. Грунтов А. К. А. В. Богданов // Архив Вытегорского краеведческого музея, ед. хранения № 126, 1972.
18. Грунтов А. К. Материалы к биографии Н.А. Ключева // Русская литература. – 1973. – №1. – С. 118-126.
19. Ипатова Т. А. Н. А. Ключев в воспоминаниях вытегор / Николай Ключев глазами современников. – СПб., Изд-во «Росток», 2005. С. 26-32.
20. Раскин А. Г., Уварова Т. В. Возвращение имени: Николай Ильич Архипов (1887-1967) // Псковский букет. – 2011. – №21. – С. 46-68.
21. Ручьев С. И. Мировой пожар // Известия. Вытегра. – 1918. – 23 ноября. – №61. – С. 3.
22. Хмурый [Богданов А. В.] Вытегорские очерки // Известия Олонецкого губернского исполнительного комитета. – 1918. – 9 июня. – №102. – С. 2.
23. Хмурый [Богданов А. В.] За что был распят Христос и кто его распял // Известия Олонецкого губернского исполнительного комитета. – 1918. – 10 июня. – №103. – С. 3.
24. Я. Р. [Игошкин Я. Ф.] Неувядаемый цвет (Песенник Н. Ключева) // Коммуна. Петрозаводск. – 1920. – 16 октября. – № 2 (235). – С. 4.

С.Х. Головкина
Вологда

НИКОЛАЙ КЛЮЕВ О ПРЕДНАЗНАЧЕНИИ ПОЭТА И ПОЭЗИИ*

Художественное творчество, сущность и роль поэзии, судьба и предназначение творца, создателя литературного произведения – бесконечные темы, пропитывающие творчество многих вологодских поэтов и писателей. Не исключение и Николай Ключев. Наверное, как и у многих других поэтов, жизнь Ключева – нескончаемая череда встреч, сближений с людьми разных взглядов, близких ему или чуждых поэтов, писателей, критиков... Поэтическое творчество Н. Ключева так или иначе отражает эти «встречи». В центре статьи одна из них: «Н. Ключев – В. Кириллов».

В 1918 году Н. Ключев вступает в «поэтическую полемику» с пролетарским поэтом Владимиром Кириловым (1890-1943). Поводом послужило стихотворение Кириллова «Мы» (1917), являвшегося своего рода стихотворной декларацией уничтожения мировой культуры («*Во имя нашего завтра сожжем Рафаэля, разрушим музеи, растопчем искусства цветы...*»). Поэтический ответ Николая Ключева – стихотворение «Мы – ржа-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке ГРНФ, проект № 15-04-00364 «Вологодский текст в русской словесности»

ные, толоконные...» [5]. Стихотворение Н. Клюева основано на контрасте несопадении взглядов на творчество. На уровне композиции оппозиция «своего» и «чужого» выражена прежде всего местоимениями «мы» – «вы». *Мы* – русские крестьянские поэты – хранители и носители традиций «истинной глубокой поэзии, корнями уходящей в творческие истоки святой земли русской». *Вы* – разрушители, создатели «новой» цивилизационной поэзии, ведущей к гибели творчества и духовности. Первая и вторая строфы содержат это противопоставление в попарно объединенных строках: 1) «*Мы – ржаные, толоконные, Пестрядинные, запечные... – Вы – чугунные, бетонные, Электрические, млечные*»; 2) «*Мы – огонь, вода и пажити, Озимь, солнца пеклеванные... – Вы же тайн не расскажете Про сады благоуханные*».

Универсальная оппозиция «свое – чужое» раскрывается в противопоставлении «народного и антинародного», «духовного и бездуховного», «сакрального и инфернального», «естественного и искусственного». Первая строфа отражает противопоставление «природного, крестьянского, здешнего (запечного)» и «городского, неживого, нездешнего (млечного)» с помощью прилагательных-эпитетов: *ржаные, толоконные, пестрядинные, запечные – чугунные, бетонные, электрические, млечные*.

Создание образов представителей разных поэтических мировоззрений достигается в результате метонимического переноса признаков реалий крестьянской жизни (сферы сельского хозяйства, в частности хлебопашества, прядения и ткачества: *ржаной, толоконный, пестрядинный*) в тематическую сферу «Человек», а также признаков реалий (артефактов) жизни городской (сфера производства, строительства): *чугунный, бетонный, электрический*. Противопоставление признаков *запечный* (за печью в избе,) <—> *млечный* (ср.: Млечный путь – звездное скопление в виде светлой полосы на темном небесном своде) основано на расположении в пространстве и связано с актуализацией семантических компонентов: «реальное» – «иллюзорное», «родное» (печь – символ связи с миром предков) – «неродное, чужое».

В отличие от первой оппозиция во второй строфе асимметрична с точки зрения грамматических средств выражения: концепт *Мы* – включает в себя *огонь, воду, пажити, озимь, солнца пеклеванные* – так поэт называет основополагающие элементы «своего» мира. *Вы* – передается предикативной конструкцией «*Тайн не расскажете про сады благоуханные*» – так выражается отсутствие «истинного» знания о мире, духовная пустота. Перифраза «сады благоуханные» – синкретичный образ творчества и творения (мира, человека, поэзии...). Далее оппозиция реализуется в двух композиционных частях, объединяющих несколько строф: 3, 4, 5, 6, 7 строфы («вы») <—> 8, 9, 10 строфы («мы»). Противопоставление поддерживается анафорическим употреблением местоимений «мы» и «вы».

Строфы, отражающие образ «вы», рисуют картину разрушения словесного творчества и, следовательно, мира: *Ваши песни – стоны молота*,

В них созвучья — шлак и олово; Жизни дерево надколото, Не плоды на нем, а головы.

«Апокалипсис» так называемой «новой» пролетарской поэзии. Поэзия соотносится Н. Клюевым с Древом жизни (в христианстве — райское дерево, посаженное Богом посреди Эдемского сада, его плоды дарят вечную жизнь, оно находится в тесной связи с Древом познания Добра и Зла). «И произрастил Господь Бог из земли всякое дерево, приятное на вид и хорошее для пищи, и дерево жизни посреди рая, и дерево познания добра и зла» (Быт. 2:9).

Ключевые в развитии мотива творчества слова: *жизни древо, плоды, подножие, гнезда, трон, песни, созвучья, сон кольцовский, терем меевский*. Идея смерти, гибели «древа жизни» воплощается в тексте лексемами: *головы, кости бранные, черепа с кромешным хохотом* (кромешный — от ст.-слав. кромѣшътънь (др.-греч. ἑξώτερος «крайний, внешний»). 1. Беспросветный, непроглядный. 2. Сплюснотый, невыносимо тягостный. Иносказательно: мир неграмотности, невежества (ирон. презрит.). В Евангелии от Матфея (Мф. 22:13) под этим выражением подразумевается ад, преисподняя — «тьма внешняя». Ср.: фразеологизм «кромешная тьма»); *филины* (по народным представлениям, нечистые, дьявольские, зловещие птицы, которые гнездятся на кладбище [4, с. 531, 568]). Таким образом, слова тематической группы «Человек» воплощают в тексте Клюева мотив смерти, насилия, гибели.

Признаки *«антитворчества»* (по Н. Клюеву): *песни — стоны молота; созвучья — шлак и олово; орды книжные, татарские; шестернею не осилены; кнут и кивер аракчеевский, утонуть в море клюквенном*. В этом ряду находятся слова — символы «нового мира» (мира «железа», пролетарской власти): *«На святыни пролетарские Гнезда вить слетелись филины; Орды книжные, татарские, Шестернею не осилены»*.

Седьмая строфа стихотворения завершает описание «чуждого» Николаю Клюеву мира: *«Ваша кровь водой разбавлена Из источника бумажного, И змея не обезглавлена Песней витязя отважного»*.

Превращение крови («одной из главных жизненных субстанций человеческого тела») в воду, плесень и другие вещества связывается поэтом с умиранием, разложением. Это осмысление языческой традиции нередко встречается в творчестве Клюева. Под *источником бумажным* подразумевается книжность, оторванная от народной культуры. Поэтическая фраза *«И змея не обезглавлена Песней витязя отважного»* связана с христианскими представлениями о Георгии Победоносце. Змей — это Сатана, искушение, враг Бога и участник грехопадения. Он олицетворяет силы зла, разрушение, могилу, коварство и лукавство, зло, которое человек должен преодолеть в себе.

Последние три строфы стихотворения дают представление об истинном творчестве, идеале поэта новой Руси. Анафорический повтор первой строки стихотворения *«Мы — ржанные, толоконные»* открывает новую композиционную часть текста.

*Мы – ржанные, толоконные,
Знаем Слово алатырное,
Чтобы крылья громобойные
Вас умчали во всемирное.*

*Там изба свирельным шоломом
Множит отзвуки павлинские...
Не глухим, бездушным оловом
Мир связать в снопы овинные.*

*Воск с медынью яблоновою –
Адамант в словостроении.
И цвести над Русью новою
Будут гречневые гении.*

Синестетический образ истинной поэзии (как освященного богом «крестьянского мироздания») представлен цепочкой ключевых элементов текста: *слово алатырное – всемирное – изба свирельным шоломом – отзвуки павлинские – снопы овинные – воск с медынью яблоновою – адамант в словостроении*. Слово *алатырное* (от слова «алатырь») – по преданию, чудесный камень, принесенный с Синаи и поставленный Иисусом Христом как алтарь в Сионском храме. Н. Бельченко обращает внимание на иносказательную связь в этом поэтическом тексте алтаря и Слова [2, с. 49]. Алатырь-камень, «всем камням отец», – один из ключевых образов «Стиха о Голубиной Книге» [3, с. 313]. В стихе о Голубиной книге алатырь ассоциируется с алтарём, расположенным в центре мира, посреди моря-океана, на острове Буяне. На нём стоит мировое дерево или трон мирового царствования. Камень наделён целебными и волшебными свойствами (из-под него по всему миру растекаются целебные реки). Алатырь охраняют мудрая змея Гарафена и птица Гагана. Как указывает А. Н. Афанасьев, по народным представлениям, «алатырь-камень есть собственно метафора ясного несенного солнца» [1, с. 158]. Визуальный образ *павлина* символически определяет красоту, многоцветие подлинной поэзии, *свирель* служит акустическим образом прекрасной, приятной слуху мелодики стиха, *адамант* – воплощение «несокрушимости, исключительной прочности, силы и уверенности поэтического слова.

Таким образом, разрушение (*глухое, бездушное олово*) противопоставляется идеальному мирозданию (*изба, снопы овинные, воск с медынью яблоновою*). Так в тексте формируется оппозитивная связь четвертой и восьмой строф.

Идеал поэзии для Клюева – крестьянская (народная) поэзия, а идеал поэта будущего метафорически сформулирован им в последних строках текста: «*И цвести над Русью новою Будут гречневые гении*».

Стихотворение Н. Клюева, по-видимому, не только выпад в сторону поэтов «Пролеткульта» (стихотворение В. Кириллова лишь веский повод высказать свое отношение к поэтическому творчеству). Это спор с урбанистической поэзией В. Маяковского и В. Брюсова. Строка «...вы же тайн не расскажете про сады благоуханные» – прямой выпад в сторону К. Бальмонта, сказавшего: «Я обещаю вам сады...»).

Литература

1. Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. – М., 1867. – Т. 2.
2. Бельченко Н. Ритуал как ключ к прочтению цикла «Спас» Н.А. Клюева // Ритуально-міфологічний підхід к інтерпретації тексту: Збірник наукових праць / За заг. ред. Л. О. Кисельової, П. Ю. Побережкіної. — Київ: Інститут змісту і методів навчання, 1998. – С. 35-49.
3. Бессонов П. А. Калики перехожие. – М., 1864. – Т. 2.
4. Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. – М.: Индрик, 1997.
5. Клюев Н. Стихотворения. Поэмы. – М.: Художественная литература, 1991. – С. 178.

Анатолий Ехалов
Вологда

ОПТИМИСТ ИЗ РУССКОЙ ДЕРЕВНИ

«Трагедия русской публицистики»

Действительно, трагедия... Если всю нашу литературу семидесятых-восьмидесятых годов прошлого столетия отнести к публицистике, то получается, как в той притче про лодку в океане, в которой одни спят, другие гребут, а третьи дырочки в бортах ковыряют ниже ватерлинии.

Сегодня можно сказать, что в литературе и публицистике семидесятых – восьмидесятых гребцов было мало... Творческую братию охватили критические настроения. Не осталось ни одной сферы общественного устройства, которая не была подвержена остракизму: одни жестоко развенчивали комсомол, другие – партию, третьи пенитенциарную систему критиковали, как несостоятельную и губительную, и даже людоедскую... Иные поставили под сомнение великие стройки, целесообразность создания рукотворных морей и гидроэлектростанций... Некоторые писатели фронтовики решили рассказать такую правду о минувшей войне, что не воевавшим захотелось поскорее в плен сдаться врагам... Многие посвятили себя критике коллективизации, индустриализации и все это сделали талантливо. Досталось науке, бесплатным медицине и образованию ...

И мы радовались новой правде в популярных журналах, романах, фильмах, вдыхая пьянящий воздух свободы. И этот воздух настолько опь-

янил, что мы не заметили, как не оставили под собой никакой опоры, которая удерживала бы нас на поверхности.

Пробоин ниже ватерлинии оказалось столько, что наш «Титаник» пошел ко дну. А если бы и не пошел, то мне порой кажется, плыть ему было некуда. Критикуя и развенчивая, с энтузиазмом громя то, что создавалось кровью и потом, через страдания и лишения, никто не ведал, чем все это заменить. Куда же плыть дальше....

Недавно заехал ко мне один православный журналист.

– Был, – говорит, – в одном приходе, таком далеком и заброшенном, что, кажется, даже вороны туда не летают. Батюшка из последних крох поддерживает церковь в порядке. Что там могут пожертвовать с пенсии с десятков старух? А делать-то надо, то одно, то другое. Приглашает последних мужичков на подмогу. А чем рассчитаться?..

Берет в руки шест, идет в рошу, что рядом с церковью, сшибет воронье или грачиное гнездо и мужикам отдаст. Те и рады. Тотчас несут в скупку: с гнезда пару бутылок водки выходит.

Оказывается, в советские времена была в этой церкви мастерская по ремонту электромоторов. И все обрезки проводов алюминиевых и медных сваливали мастера в яму под забор. А догадливые птицы сообразили, что гнезда лучше вить из проволоки, чем из прутьев: и легче, и долговечнее. И вот гнезда эти пережили и перестройку, и гайдаровские реформы, но вот современных кризисов не перенесли. Посшибал батюшка на церковные нужды остатки социализма.

Столько всего случается каждый день, что за сыплющейся горюхон информацией начинаешь терять смысл: кто мы, куда пробираемся, чего взыскуем? И что не понравилось в прежнем, устоявшемся, беззаботном социализме... Осталось что-то вроде послевкусия... Чего-то там было неплохо, а вот что – не помним...

А-а! Очереди

И вот нашел я недавно свой собственный рассказ 1987 года. Прочитал и удивился... И хочу его вам предложить для размышлений:

«Еще совсем недавно в селе имени Бабушкина стояла на пригорке небольшая кулинария, снабжавшая местное население замечательными пирогами. Не самим же печь пироги, если теперь есть специальные люди...

И вот как-то раз набилось в кулинарию народа за пирогами изрядно, даже на улице хвост. Ждут горяченьких. С пылу, с жару... С яйцами, луком, со сметаной, с палтусом... С холодным молоком – в самый раз.

И тут на улице кто-то истошно завопил:

– Бабы! В раймаг золото привезли!

Очередь в кулинарии будто вымело. Дружной толпой ринулись местные модницы в универмаг под гору. Впереди, сверкая белоснежными колпаками и халатами, бежали пекари и продавцы.

В один миг магазин оказался битком набит покупателями. Места всем не хватило, и на улице шевелился плотоядно огромный хвост очереди. И только начали было продавать золото, как снова на улице кто-то не по-хорошему заголосил:

– Бабы-ы-ы! Кулинария горит!

Очередь ахнула, но с места не тронулась. И так стояла упорно, пока все не озолотились...».

Либералы, не создав сами ничего, паразитируя на созданной коммунистами материальной базе, ругают и клянут Сталина. В девяностых годах я работал в Центре Гуманитарных Исследований института философии РАН, и мы проводили социологические исследования в деревнях и лесных поселках Бабушкинского района. Вот что выяснилось в результате опросов крестьян: «Самым благоприятным периодом жизни в деревне люди называли правление Брежнева, среди политических деятелей особо выделяли Маленкова, который после смерти Сталина в короткое свое правление прирезал колхозникам огороды и снизил налоги. И самым желаемым политиком называли Сталина».

В конце восьмидесятых на экраны СССР у нас с Александром Сидельниковым вышел документальный фильм «Преображение» о судьбе русского крестьянства в 20 веке, многие сцены фильма мы снимали в лесных поселках Бабушкинского района. Лет пятнадцать спустя, ко мне обратилась сценарист фильма «Неподнятая целина» Светланы Сорокиной с просьбой поделиться материалами о спецпереселенцах. Они хотели рассказать об ужасах сталинского режима.

Не сразу, но я согласился и привез Сорокину в Тринадцатый Квартал, поселок спецпереселенцев. И каково же было потрясение ее, когда с порога люди, потомки репрессированных крестьян, стали заявлять, что они все сплошь сталинисты.

В лесных поселках раскулаченных спецпереселенцев из Украины боготворили Сталина. Выселение на Север в леса оказалось для них спасением: сначала от грянувшего голода на Украине, от немецкой оккупации и мясорубки сорок первого года, раскулаченных стали брать на фронт позднее, когда потери пошли на убыль, еще раз от голода 48-го года. Власть не ограничивала спецпереселенцев в возможностях держать огороды, скот, реки были полны рыбы, леса дичью, а в лесной промышленности платили очень хорошие деньги.

Рассказам этих свидетелей ужасного сталинского правления в фильме Сорокиной не нашлось места. Что вспомним мы о нынешней власти, планирующей ликвидацию неперспективных городов, не оставляя русскому народу даже резерваций...

Либералы, например, превозносят Петра I. Вот некоторые цифры времен его правления: «Реформы Петра I принесли на Север опустошение и упадок экономики. Ежегодно только кокшары (ныне Тарногский район) вносили в казну 129 руб. 4 алт. 3/4 деньги с рыбных ловель, 99 руб. 26 алт.

5 ден. с бань, 18 руб. 16 алт. 1 деньгу с мельниц... А всего налогов платили 5063 руб. 4 алт. 1/2 деньга. Хорошая рабочая лошадь тогда стоила 6 рублей, туша говядины на городском рынке «тянула» на 2 рубля, баранья туша на 0,5 рубля. Чтобы рассчитаться только с основными налогами, крестьянин ежегодно должен был отдавать больше двух третей того, что могла вырастить и собрать его семья.

Еще были и косвенные налоги: померный (за взвешивание на весах), хомутейный, шапочный, сапожный, кожный (за право изготавливать хомуты, шить шапки, тачать сапоги, выделывать кожи), «подушной с извозчиков», с постоянных дворов, «пролубной» (за пользование прорубями на реках), водонойный, трубный с песчей (за постановку трубы над печью), привальный и отвальный (с судов, шедших по рекам), «со всякой купли и продажи».

Крестьянин у себя в волости носил бороду беспопшлинно, но при въезде в город и выезде из него платил за бороду по 2 деньга. Дворяне, чиновники и рядовое купечество, желавшие ходить с бородой, вносили в казну по 60 рублей, а купцы первой гильдии – по 100 рублей в год. После уплаты этого оброка им выдавалась медаль с надписью: «з бороды денги взяты». С каждой варки пива бралась явочная пошлина, со свадеб – купичные и убрусные. Облагались «десятой деньгой» заработки деревенских батраков, плотников и бобылей. Кроме того, крестьяне платили за содержание земских властей – чиновников и приставов. Существовала также пошлина за земского дьячка – 50 копеек в год».

На родине Белова

Осенью я провел две недели в поездках по Краснодарскому краю. И после теплого солнца, ласкового моря, зрелища виноградников без конца и края, буйства фестивальных огней и плясок возвращение на северную родину, где стояла мокропогодная глухая осень, было тягостным. Впервые любезная сердцу родина представилась заброшенным сельским кладбищем. Теперь еще и Тимониха, и сиротская могилка великого писателя...

Жизнь из наших северных деревень стремительно уходит. И хочется понять: что это? Историческая закономерность, суровая логика рынка, железная поступь технологического прогресса?

Так ли неконкурентоспособным оказалось наше сельскохозяйственное производство?

В конце восьмидесятых мы с Александром Сидельниковым, убитым впоследствии снайпером при штурме Белого Дома, снимали большой фильм о судьбе русского крестьянства в 20 веке. Конечно, вид брошенных домов и тогда внушал тревогу, но были надежды на лучшую долю нашего села. В каждом колхозе, сельсовете были разработаны планы социально-экономического развития на ближайшие пять лет и на дальнюю перспективу.

Но социализм, кажется, был уже приговорен.

Была встреча с Василием Леонтьевым, одним из выдающихся экономистов мира, уехавшим в Америку еще в 1925 году. Леонтьев разрабатывал экономические модели развития для большинства успешных государств мира. Он готов был сотрудничать и с СССР. Он говорил: «Ваша экономика не самая лучшая, но и не самая худшая. Ее не следует разрушать, нужно только наполнить ее паруса ветром предприимчивости».

Увы, сегодня с уверенностью можно сказать, что новое руководство России не прислушалось к словам великого экономиста и пошло иным путем. Мне кажется, что инициатива, предприимчивость на местах в течение последних двадцати лет намеренно и жестко пресекались.

Краеведы утверждают, что в середине восемнадцатого века на три тысячи жителей маленького провинциального городка Тотьма было официально зарегистрировано 500 купцов. Практически вся Тотьма жила купеческим промыслом.

Богата была Тотьма, стоящая на соли и снабжавшая царский двор сибирской и заморский пушниной.

А вот некоторые цифры недавнего прошлого. В 1990 году в районе было более 150 предприятий: колхозы, заводы, леспромхозы, строительные организации, автотранспортные предприятия. Особенно много было строителей, район испытывал настоящий строительный бум: двенадцать строительных организаций прокладывали дороги, строили промпредприятия, жилье, сельскохозяйственные объекты. Тотемский и Сухонский леспромхозы, лесхозы заготавливали 1 200 000 кубометров древесины. Накопления жителей района на книжках Сбербанка СССР составляли на душу населения более пяти тысяч рублей.

Однако экономика социализма была объявлена несостоятельной. После ее модернизации в Тотемском районе не осталось ни одной строительной организации, промышленность умерла, нет ни одного крупного лесного промышленного предприятия. Лесу заготавливается около 400 тысяч кубов при объеме годовой расчетной лесосеки в 2 миллиона 400 тысяч кубов. Два миллиона кубометров леса ежегодно уходят в переспевающие и погибают. Мощностей для того, чтобы взять их, давно нет, нет и дорог. Узкоколейки разобраны и сданы в металлолом, бетонные тоже разобраны. Однако вот загадка: неужели тотьмичи научились в этих условиях делать деньги. И, видимо, не малые. Выйдите на центральную площадь города, которая рябит вывесками: «Сбербанк», «Уралсиббанк». «Востокэксpressбанк», «Росгосстрахбанк», «Совкомбанк», «Пробизнесбанк», «Россельхозбанк», «Севергазбанк», «Казначейство Госбанка РФ» и плюс еще два банка коротких займов...

Тихий провинциальный город стал крупным центром банковского бизнеса? Кто бы прежде мог подумать, что можно ворочать капиталами при разрушенной экономике. Чудны дела твои, господи!

...Сердце сжимается, когда задумываешься о том, что мы утратили. Практически уничтожено льноводство, которое давало основной доход

северному сельскому хозяйству. В Вологодской области совсем недавно был закрыт Красавинский льнокомбинат, построенный в середине прошлого века для переработки знаменитых южских льнов. Вологодский льнокомбинат также стал банкротом, не помогли ни государственная поддержка, ни приезд Путина. Разве мир потерял интерес к экологически здоровой льняной одежде? Разве земля перестала родить лен?

Еще несколько лет назад под Тотьмой, что находится в среднем течении реки Сухоны, в хозяйстве потомственного крестьянина Бориса Владимировича Жданова рентабельность льноводства составляла около 300 процентов. Мне сказали, что наркобароны не имеют такой прибыли. В том же хозяйстве урожайность зерновых на протяжении многих лет была около пятидесяти центнеров с гектара, а надои составляли 5–6 тысяч литров молока от каждой коровы.

200 лет назад тотьмичи основали в Северной Калифорнии крепость Росс для выращивания продовольствия промысловикам русской Аляски. За эти годы сельское хозяйство Калифорнии ушло далеко вперед, однако и здесь на Севере в наших условиях тотемские крестьяне вполне способны конкурировать с американскими земледельцами, работающими в условиях субтропиков.

И таких примеров можно было бы привести множество. В Любимском районе Ярославской области в последние годы, благодаря заинтересованному отношению руководства района, стало стремительно развиваться молочное животноводство. Девять самых современных молочных комплексов, словно гигантские насосы, качают молоко самого отличного качества в столицу. И рентабельность опять же огромная. И климат хозяину не помеха. Значит, можно успешно хозяйствовать, если на то есть политическая воля. Но, увы, повсеместно торжествует идеология управления по принципу «водку выльем, бутылки сдадим, а на вырученные от бутылок деньги купим водки». В Тотьме, например, всеми правдами и неправдами успешного Жданова выжили, хозяйство пошло по рукам, потеряв свою самостоятельность.

В свое время Николай Верещагин, основатель маслodelьческой отрасли в России, говорил, что если есть заливные луга, то не нужны и золотые прииски. Действительно, в 1984 году СССР произвел 2 миллиона тонн сливочного масла, это больше, чем Франция, Англия, Германия и США вместе взятые. С этой вершины Горбачёв начал разваливать страну.

Увы, только в Вологодской области за эти годы поголовье молочного скота сократилось с 280 тысяч голов до 113 тысяч в 2011 году, а за последние три года – до 51 тысячи. Знаменитые заливные луга, прославившие в свое время Вологодчину вологодским маслом, зарастают диким бурьяном.

Однако, повторяюсь, не зря же мудрый Белов завещал похоронить себя в родной Тимонихе, где не осталось ни одного жителя. Наверное, он все же верил подспудно в возрождение села, а вместе с ним и всей России.

Несколько лет назад в эфире Первого канала в передаче А. Гордона «Россия 2030» мне довелось дискутировать с заместителем директора института философии РАН С. А. Никольским о будущем нашего сельского хозяйства.

Причем Никольский стоял на позициях пессимиста, утверждая, что наше сельское хозяйство ожидают более худшие времена и что в принципе перспектив у нашего села, по крайней мере на Северо-Западе России, нет.

Мне была отведена роль оптимиста, хотя в России, говорят, с конца девятнадцатого века слова «оптимист» и «идиот» — слова-синонимы. А кем мне остается быть, как не оптимистом, имея за собой четырех детей? И как бы ни было плачевно состояние нашей деревни, экономики ее и государства в целом, мы должны жить по пословице: «Помирать собирайся, а рожь сей».

Какие же аргументы дают основания сохранять оптимизм?

Было еще хуже

Если обратиться к нашей истории, то мы найдем в ней немало аналогов современному дню. В свое время мне доводилось общаться с профессором Вологодского пединститута Петром Андреевичем Колесниковым, который вывел некий алгоритм подъемов и спадов в нашей сельской местности. Многократно «мор и глад», набеги кочевников обескровливали наши территории, в шестнадцатом веке бубонная чума выкосила почти половину населения, после реформ Петра мужского населения здесь практически не оставалось, а сколько войн всеми тяготами легло на плечи деревень. Малые, молодые деревни, хутора, починки исчезали, но сохранялось ядро, корневые деревни, выживавшие при любых обстоятельствах, от которых вновь вырастали молодые побеги. И если сегодня взглянуть на административную карту области, то можно увидеть следующую картину: погибли в первую очередь молодые деревни, а корневые остались и, худо-бедно, внушают надежду, что они сохранят себя и далее.

Неперспективные города

Что еще должно случиться, чтобы мы поняли всю пагубность нынешнего своего существования, по сути паразитирования вокруг газовой трубы. Кого винить: начальство или себя в том, что только за последние три года из 113 тысяч голов дойного стада на Вологодчине осталась всего 51 тысяча...

Похоже, что в дискуссию «вернутся ли люди на землю» самый убедительный аргумент внесла Америка, заявив о санкциях против России. Ввозимое из-за бугра продовольствие — тот самый чужой караван, на который мы подсели давно. Теперь остался один вопрос: успеть бы вернуться... Как говорится, «дошла гиря до полу...»

Надо признаться, что город далеко не лучшее место для жизни. Наука говорит, что оторванное от природы, от земли городское население стремительно вырождается, что в организмах горожан уже на клеточном уровне происходят опасные мутации, не говоря о социальных и психологических проблемах.

Прежде всего, горожанин страдает от некачественного продовольствия, которое вынужден покупать в супермаркетах, которые все больше напоминают гигантские лохотроны.

По данным ученых Новосибирской «ЭКО-Новы», 90 процентов продуктов, покупаемых в наших магазинах, опасны для здоровья и жизни.

Но вот по весне мои знакомые фермеры, выращивающие свиней, вынуждены были сжечь за деревней более тонны свиного сала прекрасного качества.

Не могли продать. Вернее, им не дали контролирующие органы, которые, видимо, защищают интересы крупных производителей. Сдавать на мясокомбинаты себе дороже, даже транспортные расходы не оправдываются. Мясокомбинат не дает фермерам более тридцати рублей за килограмм самого отличного качества свинины. Наверное, австралийская кенгурятина выгоднее для производства колбас. А самим мелким фермерам, обложенным всевозможными запретами и условиями, поборами, переработку не потянуть.

Просто посоленное сало уже считается переработкой, разрезанное на кусочки – переработка, не дай бог, копченое в домашних условиях – запрет. Запрет на запрете... Даже на улице торговать мясом нельзя. Мало ли какой микроб залетит. Так они заботятся о нашем с вами здоровье, загоняя в супермаркеты с молоком, которое месяцами не киснет, мясом, выращенным на стимуляторах роста, и т.д. Таким образом, были уничтожены в наших деревнях коровы, молоко от которых отказывались принимать, а за ними пришел черед мелкого скота. Перестали выращивать бычков, гусей, кур... Теперь вот новый запрет на подворный забой скота в деревнях, который напроць уничтожает возможность держать в деревнях скот.

В апреле 2013 года вице-премьер Ольга Голодец проинформировала общественность, что «38 миллионов россиян трудоспособного возраста работают непонятно где». Нет, известно. Большая часть до 20 миллионов – жители села, владельцы личных подсобных хозяйств, у которых нет иных занятий, кроме работы на собственном огороде, с которого продать что-либо практически невозможно.

В декабре 2011 года Эльвира Набиуллина, тогда еще министр экономического развития, заявила: «Сохранение любой ценой экономически неэффективных малых городов и препятствование перетоку трудоспособного населения в крупные города может стоить нам двух-трех процентов экономического роста... Есть оценки, что в течение ближайших двадцати лет из малых городов России может высвободиться порядка 15–20 миллионов человек».

Ждет ли их кто в городе?

Владимир Путин ставит задачу создания 25 миллионов современных рабочих мест. Каждое влечет за собой сокращение от четырех до десяти рабочих мест. Считайте! Модернизация влечет за собой массовую безработицу. Такова логика развития. Мы становимся страной безработных. Государство наше, на которое мы не устаем уповать, выталкивает людей из деревень, закрывая школы, ФАПы, почты и магазины, укрупняя административные границы поселений. Развитие высокотехнологического сельскохозяйственного производства также ведет к гибели деревни, сокращению занятости.

Тем более, у капиталиста всегда велик соблазн в погоне за прибылями создавать ГМО-продукты, использовать недопустимые объемы химических удобрений, всевозможных стимуляторов роста, консервантов...

Вот что пишет мне Наталья Оленчина: «Я очень хочу верить в прекрасное будущее русской деревни. Но, к сожалению, то, что я вижу вокруг, не вселяет оптимизм. Сама на своей шкуре ощущаю все прелести отсутствия цивилизации в деревне. У нас дошло до маразма: мы ездим в соседское село за молоком, этой осенью продали последнюю корову в селе (хотя население около 2000 чел.). А всё потому, что держать скотину убыточно, а ещё ветслужба постоянно стала находить какие-то болезни у животных. Может, кому-то это покажется удивительным, но у нас в районе даже объявления о продаже поросят дать нельзя, приедут и сожгут твоих хрюшек, здоровых и холёных. Мы с семьёй всей душой ЛЮБИМ ДЕРЕВНЮ, но порой не знаем, как жить!»

Снова зададимся вопросом: может быть, это закономерный процесс исчезновения мелкотоварного производителя в наших северных деревнях? Нет же, все наоборот. Вот как обстоит дело в развитых капиталистических странах.

«...Агрохолдинги стали ведущим аграрным укладом в России, Казахстане и Украине... В развитых аграрных странах доминирующим укладом агропроизводства остается семейная ферма. В России думают, что в сельском хозяйстве США господствуют крупные корпорации. Но это не так. На долю семейных ферм в США до сих пор приходится порядка 85% производства валовой сельхозпродукции. Примерно то же в Канаде и Австралии.

В США и других странах за последние 100 лет было много попыток вторжения в аграрный бизнес крупных корпоративных структур. Но они в силу особенностей сельскохозяйственного производства оказались неудачными...» Автор этого заявления – генеральный директор Института конъюнктуры аграрного рынка (ИКАР) Дмитрий Рылко.

Получается, что такие невыносимые условия для частника создаются только в России и на постсоветском пространстве. И в деревне нет жизни, и в городе никто не ждет. Панель, существование на нищенские пособия, преступная среда, наркотики, болезни и преждевременная смерть... Рак стремительно выходит на первое место среди заболеваний.

Город, как очередной этап развития человечества, себя исчерпал. Не берусь стать предсказателем, но, на мой взгляд, если мы сейчас не вернемся к своим родовым гнездам, не вцепимся в землю руками и зубами, не начнем отстаивать свои права и не позаботимся о будущем своих детей, то расклад наших недругов, что населения России достаточно 15 миллионов человек, которые будут обслуживать нефтепроводы, скоро станет реальностью...

Но не будем впадать в пессимизм. У нас есть возможность сделать и городскую жизнь более привлекательной и безопасной. Для этого нужно вспомнить наши деревенские традиции. А мы, по сути дела, кто в первом, кто во втором колене, и есть самые настоящие крестьяне. Более того, почти у всех: у кого в деревне, у кого в дачном кооперативе есть в собственности клочок земли.

На Руси говорят: «Своя земля – и в гости мила». Что могут пятнадцать – двадцать родительских соток? При рациональном подходе к ним – очень многое. По крайней мере, горожане могут обеспечить себя, детей и внуков овощами, ягодами, яблоками. А теперь в наших краях растут и груши, и сливы, и даже виноград.

Но зайдите в супермаркет: начиная от картофеля, заканчивая фруктами – все заграничное, импортное... Неизвестно какого качества. Скорее всего, выращенное китайскими или польскими земледельцами с использованием современных технологий подкормки и борьбы с вредителями. Во весь рост встала перед нами проблема генно-модифицированных продуктов... В конце января 2014 при Вологодской областной универсальной научной библиотеке имени Бабушкина я собрал первое организационное заседание общественного движения «Вологодская деревня». В нем приняли участие, помимо простых граждан, озабоченных разрушением деревни, ученые, руководители хозяйств, фермеры, предприниматели, мастера народных промыслов, писатели, хранители сельской культуры...

Спасибо всем, кто пришел и поддержал это начинание, которое должно быть успешным. И в первую очередь потому, что подавляющая часть пришедших поддерживать деревню, настроена позитивно и намерена делами повлиять на сложившуюся ситуацию в селе или, по крайней мере, обеспечить себя и свои семьи безопасным продовольствием. Отрадно, что много было молодежи, примеряющей на свои плечи сельскую жизнь. И не все так уныло и бесперспективно. Олег Коншин из деревни Пожарища рассказал о своем опыте сохранения деревенских традиций, обрядов, которые помогли сохранить деревню. На сегодня на постоянное жительство в их общину едут из разных городов, из Москвы, и даже из Канады приехала молодая семья. Сегодня клуб «Вологодская деревня» объединяет более тысячи человек. И основная задача его объединительная.

До революции вся русская сельская жизнь уверенно покоилась на трех китах: соборность, заединщина, артельность. То есть основные проблемы решались всем миром, общество объединяли единые цели, и все большое и многотрудное создавалось артельно.

В городе, надо признать, мы настолько разобщены, что часто не знаем соседей по лестничной площадке, превращаясь для искателей политической власти в электорат, которым легко манипулировать.

Но вот появились «товарищества собственников жилья», и это радует, потому что в рамках этих товариществ возможно самоуправление, те самые соборность и заединщина, и даже артельность, которые позволяли селянам решать самые сложные вопросы и выживать в самых суровых условиях Севера. На этих испытанных китах можно и нужно выстраивать городскую жизнь, не позволяя себя закабалять и отравлять. Мы, горожане, способны сами обеспечить себя и картофелем, и морковью, и яблоками, яйцами и даже мясом, объединившись и специализировавшись. Нам нужна кооперация и координация. Вспомним Александра Чаянова, всемирно известного теоретика российской кооперации. Кооперация – эффективная защита мелкого производителя от крупного капитала. Закон о кооперации не дает возможности государственного вмешательства в ее деятельность, она избавлена от непосильных налогов, которые несет современный мелкий бизнес.

Верю, что в постиндустриальном обществе будут другие побудительные причины жить на земле. И владение собственным участком на земле будет намного престижнее и круче, чем городская упакованная гаджетами квартира...

И напоследок одно из писем, пришедших в мой адрес: «Мы с мужем хотим возродить какую-то вологодскую деревню. Хочется, чтобы была именно деревня, как общность людей, а не индивидуальная усадьба. Хотим пригласить единомышленников примерно 10 семей. Сделать общие мастерские, установить правила и т. д. Хотела у Вас спросить – не знаете ли Вы, где можно узнать информацию о таких деревнях (так, чтобы оставались столбы для электричества, какая-то дорога, пусть и не хорошего качества). Нам бы хотелось примерно Сокольский, Сямженский или Тотемский район. Но можем и другие варианты рассмотреть. Заранее спасибо. Меня зовут Тамара Старцева. Мы сейчас как раз продаем рукодельный бизнес – производство товаров для рукоделия и хотим заняться русскими северными народными ремеслами, русской северной культурой и т. д. Поэтому и мастерские хотим организовать для работы с натуральными материалами: деревом, льном и другими. В первую очередь хотим сами освоить несколько ремёсел».

И такое письмо не единственное. Их много. Люди хотели бы покинуть город и уехать в деревню, но пока не знают, как это сделать.

Если говорить о мировом экономическом кризисе и способах выхода из него, то редко кто из политиков, экономистов говорит о том, что это, прежде всего, кризис «общества потребления», которое уже практически исчерпало ресурсы планеты, отравив ее отходами цивилизации, сосредоточив население в городах и гигантских мегаполисах. И сегодня положение городов для меня кажется более драматичным, чем положение села.

На работу, как на праздник

Мы живем в непростых климатических условиях.

...Западные аграрии красят нашу северную территорию в белый цвет, где, по их мнению, сельское хозяйство невозможно, а значит, невозможна и жизнь. Действительно, у нас среднегодовая температура отрицательная. Нам все дается гораздо большими трудами и затратами, чем на Западе под теплым боком Гольфстрима.

Однако мы живем здесь в этих условиях тысячелетия. Более того, русский народ сумел создать такую уникальную культуру, которая позволила сделать этот чрезвычайно тяжелый, порой до кровавых кругов в глазах труд желанным и радостным.

Откройте календарь земледельца, и вы увидите, что в нем нет практически ни одного дня, не опозитизированного, не украшенного каким-либо обрядом, праздником, традицией... Легко заметить, что в русском языке «работа» и «праздник» имеют один корень.

Один лишь маленький пример, взятый наугад. Фролов день — 5 декабря. В этот день все, от малого до великого, отправлялись на общественную работу по расчистке троп и дорожек к амбарам, овинам, к реке, проवेशивали ветками переходы и обозначали будущие дороги, чтобы в метель путник не заплутал. А ближе к вечеру выносились на улицу столы, угощения и общинное пиво в честь такого славного трудового почина.

А уже 7 декабря — Катерина Санница. Это уже не праздник, а сплошная поэзия души. Готовятся сани, возки, чистится упряжь, сами лошади, гривы и дуги украшаются лентами. В возке — медвежья полость, а в — ней молодожены, которые сыграли свадьбы на Покров день. С ними тещи, свекры, деверья, невестки, разодетые в пух и прах. Этакие смотрины семейного благополучия...

А что стоит, например, празднуемый в конце апреля «ляльник» — праздник любви, женщин и детей!

Когда противоречие между праздниками сценическими и подлинно народными стало критическим и не в пользу последних, тогда при поддержке Губернатора области я написал сценарии и поставил до двадцати народных праздников, которые сегодня уже прижились и пользуются неизменной любовью и популярностью у народа.

Так, например, Праздник Коня с соревнованиями троек, с катанием с ледяных гор, взятием снежной крепости, гонками самодельной техники, смотринами молодых семей собирает по 15–20 тысяч человек, которые не просто зрители, а активные участники всех игр.

Праздники Топора, Коровы, Самовара, Русской Печки, Пирога, Живой воды, Шоу драндулетов, Банная ассамблея возвращают народу утраченную способность самому ежечасно и ежедневно творить свой мир, свою культуру. Праздники эти давно уже перешагнули границы Вологодской области и широко шагают по стране.

В деревне Пожарища Нюксенского района Олег Коншин еще паренком начал собирать деревенские обряды, песни, сказки, истории. Он сумел вокруг себя, вокруг деревенских традиций так объединить народ, сделать их жизнь осмысленной и наполненной красотой, что деревня сумела в нынешней экономической сумятице сохранить себя, школу, производство и удержать на земле молодежь.

Подальше от сцены, от разрушающего влияния телевизора, поближе к своим корням, традициям. И жизнь наша наполнится новым осмысленным светом!

Универсальная деревня

Однажды мне попался в руки любопытный дореволюционный документ — что-то вроде государственного реестра, в котором говорилось, что в нашей губернии на конец девятнадцатого века было зарегистрировано 200 тысяч ремесленников-кустарей и три тысячи самых разнообразных ремесел. Может быть, произошла ошибка, статистическая погрешность.

Я с трудом смог насчитать около пятидесяти сельских специальностей, и то этот список был внушительным, хотя до трех тысяч было далеко.

Я решил сознательно собирать все, что встречается мне в жизни, в книгах, рассказах стариков о крестьянских ремеслах, делая записи в свой дневник...

И скоро понял, как многого я не знал... Деревенская жизнь и история, стали открываться новыми глубинными сторонами, о которых я даже не подозревал. Я только начал собирать эти сведения, но уже сообразил, что цифра, которая попалась мне в старинных бумагах, вполне может быть реальной... Русская деревня была абсолютно универсальной и могла делать все: от литья корабельных цепей и пушек до строительства морских судов. Более того, в те времена не только марксистская теория озадачивала российские передовые умы. Довольно распространенным было мнение, что у России свой собственный путь развития, отличный от Запада: аграрно-кустарный. Сегодня этот взгляд может показаться абсолютной утопией. И действительно, стоит ли заниматься поисками утраченного, отжившего?

Я все чаще прихожу к мысли, что русская деревня, иногда воспринимаемая нами как отсталая, безграмотная, сермяжная, явила миру великолепнейший образец универсальности, которая несмотря на все потрясения, тяготы, выпавшие на ее долю, помогала селу преодолевать самые тяжкие испытания. И это еще не все.

Я думаю, что универсальность нашей деревни является бесценным наследием, которое позволяло вчерашним полуграмотным крестьянам становиться учеными с мировыми именами, политиками, гениальными конструкторами, военачальниками, разгромившими самую отлаженную и агрессивную военную машину фашистской Германии. Думаю, что это наследие еще послужит нам.

Уже много лет в районном селе Сямже существует традиция: по весне на труднодоступное Шиченгское озеро выезжает отряд рыболовов-любителей на самодельных болотоходах. Этим вездеходам не страшны ни разбитые проселки, ни вздувшиеся водопольем реки, ни болота, ни само озеро с распаяющимся льдом... Болотоходы эти способны идти как по льду, как по ледовой каше, так и по воде...

Александр Агеев, фермер из Кириллова, владеет передаваемым по наследству секретом кладки бездымных печей с очень высоким коэффициентом полезного действия...

У деревенского изобретателя из Шекснинского района Чистякова, ныне, к сожалению, покойного, было более двадцати авторских свидетельств на изобретения, среди которых ни много ни мало – комбайн «Русь», способный убирать без потерь самые высокие урожаи. У Валентина Петровича был свой ветряк на крыше, который производил необходимое количество электроэнергии, а с помощью бензопилы он пахал огород, окучивал картошку, косил сено...

Мне кажется, что единственным залогом сохранения деревни и в целом сельского хозяйства является многоукладность его экономики. Универсальность нашей северной деревни. Крупные животноводческие комплексы, автоматизированные и роботизированные, несмотря на всю их экономическую выгоду, иссушают деревню, лишают работы ее жителей.

Никогда и прежде экономика нашей деревни не строилась на производстве одной лишь сельскохозяйственной продукции. Слишком трудно и затратно давались на Севере хлеб, молоко, мясо. А потому наш северный крестьянин в большей степени производил продукты питания для внутренних потребностей, за исключением разве масла и льна. Все остальные необходимые для жизни средства он добывал прикладными промыслами, охотой, рыбалкой, бортничеством, извозом, плотницким ремеслом, солеварением, отхожими промыслами, уходил за Урал в Сибирь за мехами и за хвостом соболя добегал до Тихого океана, а там, построив корабли, добрался и до Америки... И надо заметить, что северный крестьянин не был бедным. Достаточно проехать по деревням на реке Сухоне, чтобы понять это.

Занимаясь сбором материалов о народных промыслах, я сумел собрать и описать в детской приключенческой повести «В поисках забытых ремесел» около 400 бытовавших в наших краях промыслов и ремесел.

И надо сказать, что возвращение к ним в наше время спасло от вымирания целые сельсоветы: например, катавальный промысел Николая Сайкина дал работу и смысл жизни целому округу, гончарный промысел Мишенцевых вытащил из забвения целую округу, плотницкое ремесло кормит сегодня многие районы...

Власть земли

В свое время Глеб Иванович Успенский, большой знаток и исследователь русской деревни, вывел знаменитую форму существования русского народа: «Русский народ до тех пор велик, терпелив, могуч, до тех пор держит на своих плечах вся и все, покуда царит над ним власть земли, пока живет в его сознании невозможность ослушания ее повелений... Уберите эту власть... и нет уже того великого, терпеливого, могучего народа... наступает страшное “иди, куда хошь...”»

Нет смысла говорить, что в 17-м году была нарушена эта связь, народ лишился земной власти, а между крестьянином и землей встал посредник: комиссар, уполномоченный, работник райкома... А когда обрезали последние сотки приусадебного огорода, которые еще хоть и слабо, но удерживали крестьянина на земле, – вот тогда-то и наступило страшное «иди, куда хошь»... Но и сегодня мы не избавились до конца от этого пагубного посредничества между крестьянином и землей...

Нравственные, психологические утраты в современной деревне колоссальны. Порой кажется, что уже не за что зацепиться, не отродится крестьянский корешок. Однако у нас есть мощнейшие инструменты воздействия на умы, которые служат сегодня не созиданию, а направлены на разрушение. Я говорю о средствах массовой информации и, прежде всего, электронных СМИ. Русский человек – носитель общинного сознания. Уверен, что добрый пример, показанный на экране телевизора, найдет отклик в душе русского человека и позовет его в поле, к земле, к созидательному труду без посредников.

«Скрытая война»

Мы плохо знаем свой народ. Особенно северный. «Мы» – я имею в виду тех, кто хочет понять происходящие сейчас процессы.

Однажды в девяностых годах я присутствовал на заседании научной конференции в институте философии РАН. Обсуждались вопросы «развития и реформирования агропромышленного комплекса страны», который, надо сказать, к тому времени вовсе не развивался, а стремительно разваливался. Наверное, было не просто ученым со столичной пропиской, большей частью видевших деревню лишь в экспедициях и собиравших знания о ней на страницах книг и газет, выработать единственно верную «Стратегию реформирования села в 21 веке».

И вот одна ученая дама не молодого возраста, доктор наук, заметьте, устало бросила в зал: «Русский народ всегда воровал, ворует и будет воровать...».

Это заявление меня окончательно разозлило и заставило жестко возразить: – Обвиняют русский народ в воровстве только невежды, правители, которые не знают сути общинной деревенской жизни, да те, кто приходит в деревню со своим уставом, пытаясь навязать свои правила, и еще тот, кто сознательно создает миф о вороватости русского народа. Теперь я в своей

почте нахожу подтверждение тому, что миф этот приживается уже в самом народе: «Мы умеем воровать...»

А вспомните, давно ли в наших деревнях появились замки? Палка да кичига, приставленные к дверям, говорили о том, что хозяина нет дома. И все. Русский народ – носитель общинного самосознания и общинного способа производства, когда справедливость при распределении созданного общиной продукта или землепользования была главным правилом деревенской жизни. В деревне каждый человек на виду, и даже такая поговорка была: «Худой да свой». И воровство в деревенском мире было просто немыслимо. И сегодня даже под натиском разрушительных мифов, капиталистической идеологии вседозволенности, крайнего обнищания и разрухи, эти принципы деревенского общежития остаются главными в нашем селе. А как же тогда с растащивкой, которая со времен Хрущёва и Брежнева началась в колхозах, когда с фермы тащили корма, сено, молоко, зерно с амбаров...

А вот эту растащивку в народном понимании назвать воровством сложно. Тащили-то свое. Скорее, это было восстановлением попорченной справедливости, когда в деревенский мир вторглось государство, отбирая практически все, понуждая работать за палочки, вынуждая свести со двора скотину, отдать под пустырь огород...

Когда реки и озера, рыба в них перестали принадлежать деревенскому обществу, когда леса и угодья, на которых кормились столетиями и тысячами нашими предками, перестали принадлежать нам, когда под запреты попали и дерево, и рыба в реке, и заяц в лесу, медведь на овсе. Когда появилась охрана, сберегающая природу для какого-то неведомого дяди в лимузине... Кто и что у кого украл?

А ученые в Москве разрабатывают уже методы реформирования села в 21 веке. Кого и как реформировать?

И когда меня спросили об этом, то я совершенно убежденно сказал, что самая лучшая реформа будет состоять в запрещении кому бы то ни было и когда бы то ни было лезть в деревню со своими реформами. Обиделись... А на кого обижаться нам?

Почему люди не хотят работать сейчас в деревнях и селах, почему хают в магазинах и гостиницах... Почему ломаются трактора в полях, валочные машины на лесосеках, пилорамы... Почему пьют?

Наверное, потому, что здесь на Севере, где труд чрезвычайно тяжел, веками утверждалась система общинно-складнического способа земледелия, когда результат можно было получить только общим напряжением и общими усилиями. И поэтому даже небольшой результат этот должен был быть бережно и справедливо поделен.

Поэтому, видимо, у нашего северного народа общинное самосознание и его природное стремление к справедливости в нынешних условиях оскорблено и требует «сатисфакции».

По сути дела, если лесоруб пьет на делянке, закинув пилу под елку, у тракториста трактор простаивает в канаве, а земля зарастает, если в кафе или гостинице вам хамит обслуга, то это она хамит не нам, она выражает протест владельцам бара, которые лишили ее работу всякого побудительного смысла. Этакая скрытая гражданская война.

Поэтому я считаю, что капитализм на нашем русском Севере в тех его откровенных формах эксплуатации, когда одним хочется сразу из грязи да на Багамы, прибрав всю прибыль к своим рукам, не делясь ни с кем, такой капитализм не станет созидательной базой для развития экономики и общества.

Земли будущего

Известный искусствовед С. В. Жарникова, ссылаясь на «Известия архангельского общества изучения северного края», пишет о том, что в начале прошлого века департамент земледелия Соединенных Штатов Америки провел под руководством известного ученого, бывшего земского агронома из Архангельской губернии Александра Криштафовича обследование всех сельскохозяйственных угодий планеты на предмет их перспективности. И что в результате этих исследований самыми перспективными были названы земли Северо-Запада России.

Какие факторы были в пользу этого? Длинный световой день, обилие не прямой солнечной радиации, достаточное количество влаги, чтобы не страдать засухами, достаточный температурный режим и плодородие почв.

Земли Северо-Запада были названы «землями будущего». И хочется в это верить всем сердцем и разумом.

*Н.П. Захарова
Вологда*

ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ ГЕРОЙ РАССКАЗОВ В. И. БЕЛОВА

В советский период беловский герой чаще оценивался с точки зрения социальной активности или с точки зрения соответствия национальным традициям, в частности, так называемой «власти земли». Оценки героев были крайне полярны: или их упрекали в негероичности и неактивности (Л. Плоткин, И. Дедков), или превозносили до небес, видя в них идеальное воплощение «цельного гармоничного человека земли» (Емельянов Л., Кудрова И., Смирнова А.). Такой подход к оценке крестьянского героя В. Белова кажется нам несостоятельным ввиду своей однолинейности.

После 90-х годов назрела необходимость пересмотреть концепцию личности в русской литературе 20 века. Ю. А. Большакова («Феномен «деревенской прозы») отмечает, что «в постсоветский период наметилась аль-

тернативная концепция, направленная на обоснование взгляда на деревенскую прозу как явление творческого противодействия тоталитарной системе недавних времен: поэтика «деревенской прозы» в целом была ориентирована на поиск глубинных основ народной жизни, которые должны были замечать государственную идеологию».

В связи с этим появились и новые критерии в оценке героев «деревенской» прозы. В. М. Пронягин предлагает типологию героев, исходя из идеи соборно-хорового единения; в основе типологии Ю. М. Павлова совокупность многих критериев, главными из которых являются религия и нравственность. Такой подход к оценке героев В. И. Белова кажется нам наиболее правильным.

Положительным героем произведений малого жанра В. И. Белова является крестьянский герой. Интерес к такому типу в прозе конца 20 века объясним. По утверждению А. Ю. Большаковой, «деревенская проза как феномен национального сознания проявляет себя в раскрытии и художественном сохранении тех важнейших черт народной души, психологии, этики и эстетики, самобытного строя философского мирозерцания, которые были во многом утрачены в исторических переменах и катаклизмах 20 века, но были сохранены национальным (исконно крестьянским) менталитетом в таких его канонических категориях, как национальная самоидентичность, русская идея, народный характер». Наверное, именно поэтому В. И. Белов оценивает своих героев по-особому, вне времени, вне политики, словно обнявая, отбрасывая все наносное, представляя на суд читателя только то, что является по-настоящему ценным во все времена.

Вот почему в изображении судеб положительных героев Белова есть следующие закономерности:

1. Жизненный путь героя – это цепь трагических событий, не зависящих от воли человека.

2. Главный жизненный принцип героя – терпение, покорность судьбе.

3. Характер героя проявляется не в борьбе за счастье, а в выполнении будничной, повседневной работы.

Особенно ярко эта концепция проявляется в таких рассказах, как «Весна», «Скакал казак», «Колоколена», «Такая война». Каждый из них является целостным описанием жизни человека, сложившейся тем или иным образом не по его воле, а в силу ряда неблагоприятных, а порой трагических обстоятельств. На первый взгляд, их жизненную позицию можно было бы назвать пассивной, так как они принимают навязанные им временем, системой нечеловеческие условия и не обладают развитым личностным сознанием. Именно поэтому герои рассказов В. И. Белова казались некоторым критикам негероичными, не заслуживающими внимания. Думается, это обусловлено особым пониманием автором предназначения жизни и идеи добра. Мы сделали попытку проанализировать сквозь призму вышеперечисленных закономерностей несколько рассказов, включенных в сборник «Душа бессмертна», сравнить способы изображения центральных

персонажей, чтобы выяснить, чем определяется характер героя и какие критерии в его оценке для автора являются приоритетными.

1. Мужские образы

Рассказ «Весна». Главный герой – Иван Тимофеевич за недолгий период времени теряет самых родных и близких ему людей: на войне умирают два сына. Автор подчеркивает, что *«в эту зиму Ивана Тимофеевича все чаще прихватывала тоска. Началось это после того, как пришла вторая похоронная – похоронная на младшего – Колюху. Только успели опомниться от горя после первого извещения – извещения на старшего, как опять принесли бумажку из сельсовета. В ней писалось, что сын геройски погиб при выполнении задания, что похоронен там-то и там-то. Два года – две головы...»*. «За что беда такая, за что?» – думает Иван Тимофеевич. Но даже это не отвлекает его от выполнения повседневной работы. Он едет на ослабевшей от голода лошади за дровами, рискуя жизнью: *«Передний волк дважды прыгал к горлу Свербехи, и каждый раз, кувыркаясь, отлетал, отброшенный запрягом»*.

Следующее событие – смерть коровы, когда в колхозе началась бескормица. После этого жена Ивана Тимофеевича начала заговариваться, но героя, видимо, поддерживают будничные заботы, и даже лошадь он призывает: *«Ну, потерпи, потерпи»*.

Однажды утром накануне пахоты он надевает новую рубаху, радуясь, выкатывает из гумна плуг и выводит Свербеху на борозду, уговаривая: *«Давай, матушка, давай, надо ведь»*. Радость весенних работ омрачается третьей похоронкой. *«У Ивана Тимофеевича затряслись руки, когда он начал читать. Солнце покатилося и перевернулось вместе с небом, деревня перевернулась крышами вниз...»*

– Левонида! Левонида убило! – кричал Ярыка, и вся деревня сбегалась к этому крыльцу. Плакали все до одного, плакали навзрыд о погибшем на чужой стороне за три дня до конца войны».

Не стерпев горя, умирает жена, остается один лишь старый друг – кобыла Свербеха, спасительный огонек, дающий душевное тепло и силы для дальнейшей жизни, но и он вскоре затухает от голода. *«Свербеха лежала на левом боку и не двигалась. Иван Тимофеевич кинулся к ней, дернул за холку, но тяжелая оскаленная голова была холодна и неподвижна, большие копыта откинута. Иван Тимофеевич медленно опустился на холодный лошадиный круп»*.

У Ивана Тимофеевича не остается ничего, что могло бы смягчить неутраченную боль, чем можно было бы оправдать пребывание в этом мире, и он решается на добровольный уход в мир иной. Но односельчанка Польша спасает его от смерти. Та Польша, которая сама потеряла на фронте мужа и осталась одна с маленьким сыном. И перед нею совестно становится старику за совершенное. *«Не говори, Полинарья, никому, – повторял Иван Тимофееви, стыдясь того, что случилось»*.

Почему стыдно герою? Почему не желает он, чтобы о его поступке узнали в деревне? Герой осознает, что не один он такой несчастный и раздавленный обстоятельствами, что все терпят такие же трудности. В свете этого его желание уйти из жизни кажется ему проявлением слабости, предательством по отношению к односельчанам, среди которых не осталось мужчин, и к родной земле. Выбрать смерть было бы слишком просто. «Надо было жить, сеять хлеб, дышать и ходить по этой трудной земле, потому что другому некому было делать все это».

Рассказ «Скакал казак». Судьба Ивана Тимофеевича напоминает судьбу бригадира Гудкова, героя рассказа «Скакал казак». Воспринимать всё происходящее в жизни как должное — именно так относится к действительности Степан Михайлович. Питаясь жидкой картофельной похлебкой и пареной брюквой, он целый день хлопочет по хозяйству, которое он знает и любит. В конце дня в своей книжке бригадир записывает: *«24 октября. В четверг. День прошел благополучно»*. А ведь в этот день произошло много далеко не приятных событий: чуть не скончалась от угара одна жительница: *«Шурка была без чувств от угару. Зеленая слюна пенилась на сжатых зубах, глаза были закрыты»*

Другая, желая хоть как-то прокормить и порадовать своих детей, взяла себе несколько горсточек ржи и теперь будет посажена в тюрьму на полтора, а то и на два года. *«...о том, что Костерьке дадут полтора, а то два года, знала вся деревня»*. Знал это и бригадир, знал, что и с него за это могут спросить.

Взети рожь приходится отправлять оскорбивших его подростков, уговорить которых стоило Гудкову немалых усилий. И все это — помимо тревожного ожидания вестей с фронта, похоронок, хронического недоедания, физического истощения, непомерно завышенных планов хлебазаготовок, нехватки рабочих рук, изнурительного труда, безумной тирании председателя сельисполкома.

Почему же Степан Михайлович называет этот день благополучным? Да потому, что зерно всё-таки удаётся вывести. И не из-за того, что все боятся председателя, а потому, что осознает: хлеб действительно нужен на фронте.

В заботе об общественном благе проявляются лучшие черты Степана Михайловича. Он понимает, что отдать хлеб — это долг родине. Но он понимает, что и колхозницам приходится нелегко, поэтому старается всячески помочь им. Понимает Степан Михайлович и Костерьку, которая украла несколько горсточек ржи. Понимает он и Яшу, которому не в чем ехать, и Анютку, у которой уже два нарыва, и Поликсенью, которая боится лошадей. Но понимает он и то, что «жить без работы и совсем не было никакого толку».

II. Женские образы

В рассказе «Колоколена» перед читателем предстает звонкая, веселая, подвижная героиня Параня. В монологе героини вырисовывается судьба крестьянской женщины, брошенной на старости лет сыновьями, живущей в не совсем благополучной семье дочери. Она несет бремя домашнего хозяйства, ухаживает за внуками много лет подряд.

«Жила она у дочки и зятя в соседней с нашей деревне, двенадцать годов подряд нянчила ребятнишек». Ей, забытой своими сыновьями, «было так обидно, что и не выговорить».

Но, несмотря на всё, её голос остаётся звонким, она словно излучает свет и тепло, именно поэтому рассказчику становится весело, когда Параня начинает говорить: *«Все это было сказано за три секунды, и я сразу повеселел»*

Шумная, говорливая Параня на самом деле терпеливо несет назначенный ей крест, сетуя, как заведено, на свою долю, но и не отрекаясь от нее. В ней нет никакой обиды ни на людей, ни на свою судьбу. Это становится понятно из отношения к бросившим её сыновьям: хотя Параня и упрекает их, но в этих упреках нет ни капли злобы, она давно их простила. Забота о внуках, сочувствие чужой беде наполняют ее жизнь смыслом. Она просто ко всему относится. Эта простота, легкость и умение прощать вызывают симпатию у читателя к героине.

Рассказ «Такая война». Ещё один типичный образ крестьянки, поставленной в жестокие условия и мирно несущей все трудности жизни, показывает Белов в рассказе «Такая война». Героиня рассказа Дарья Румянцева переносит все сложности, но не теряет той доброты, миролюбия, которые воспитывает в человеке христианская вера. На фронте умирает единственный сын Дарьи Иван, и ей приходит похоронка, но Дарья не верит, не хочет верить в это. Поэтому героиня старается найти причины фальшивости похоронки: каждый раз, как приезжают цыгане, она просит их погадать, не жалея для этого самого лучшего, что у неё есть. *«Когда через деревню проезжали цыгане, Дарья каждый раз ходила гадать на Ваню. Карты ложились веселые, все почти красные. Дарья уходила от цыганки радостная, просветленная, не жалея ни козьей сметаны, ни последней напойки еще довоенного китайского чаю».*

Вера в то, что её сын всё-таки жив, помогает Дарье самой жить дальше: *«Сердце ее успокаивалось, и она ходила по всем домам с одним разговором: «Жив у меня Ванюшко, жив, пустая эта бумага, неверная...»*

Несмотря на все тяготы, она не потеряла способности ценить самое обыденное. Приходя вечером в конюшню, Дарья радуется за лошадей, которые наконец-то могут отдохнуть и поесть: *«Пока она шла длинным коридором, в ней светилось чувство покоя и удовлетворения, но она не знала, что это была всего лишь радость за измученных за день и теперь утолявших голод лошадей».* Эту любовь проявляет Дарья не только к лошадям, но и к своей козе, которая приносит хозяйке только хлопоты. Дарью даже

штрафуют из-за проделок козы: *«То забиралась коза в колхозный хлеб, и тогда Дарью, как, впрочем, и других, штрафовали на пять — десять трудодней»*. Но героиня всё терпит и даже жалеет козу: *«Из-за всего этого и называла Дарья свою «корову» разными кличками: то Валькой, то Щепоткой, но всегда без особого зла, и в общем-то жалела животину»*.

От козы никакого толку, да ещё и полный налог приходится платить. Дарья мучается, но старается всё выплатить, ведь понимает, что надо: *«С нее брали полный налог: яйца, мясо, шерсть, картошку. Все это она сдала, кое прикутив, кое заменив одно другим, и только по мясу числилась недоимка, да денежный налог был еще весь цехонек, не говоря уже о страховке, займе и самообложении»*. Но Дарья рада пришедшему напомнить ей о долге Пашке: *«завыставляла самовар, от души радуясь гостю»*. Не жалеет она и о козле, которого не успела сдать в счет мясопоставок, его отбирают в виде штрафа за умершего не по её вине мерина. Было обидно, но Дарья ни на кого не держит зла.

Когда наступает голод, бабы начинают менять вещи на еду. Всё, что осталось у Дарьи, — полушерстяной Иванов костюм, с которым ей тяжело расстаться. *«Она не могла осмелиться идти с бабами и тогда, когда начали пухнуть ноги»*. Но жить надо, и приходится отдать костюм: *«Она выменяла на Иванов костюм полмешка картошки и обрезками посадила полторы гряды»*.

Дарья не мыслит себя без односельчан, чувство коллективизма оказывает лечебный эффект и на душу, и на ее больные ноги: *«Дарья каждый день ходила с бабами косить: в куче и время шло быстрее, и есть меньше хотелось, и тоска как будто стихала»*. И даже, когда её становится плохо, Дарья терпит, и в ней откуда-то опять появляются новые силы. Приходя домой, от тоски она разговаривает с самоваром. Самовар — единственная ценность, что остается у неё. Вот и бежит она укрывать самовар, когда начинается гроза: *«Дарья, слабея от страха, задвинула вьюшку, плотно укрыла самовар холщовой скатертью, и в это время грохнуло так, что она, не успев перекреститься, бессильно упала на пол и потеряла память»*. Когда за долги перед государством описывают имущество, она, не сопротивляясь, отдает шерсть, но, когда Куверик забирает даже самое последнее — самовар, несмотря на мольбы оставить его, у Дарьи не остается ничего, чтобы жить дальше.

Как жить больной, ограбленной, одинокой женщине, у которой, кроме веры, что сын жив, нет ничего? Тело Дарьи находят через некоторое время в заброшенном сарае. Добровольный ли это уход из жизни? Могла ли Дарья уйти умирать подальше от дома, чтобы не видели односельчане? Старик Миша смеялся над такими предположениями. Не верит в это и автор. После конфискации самовара Дарья бредит, ей кажется, что она видит Ивана на пригорке без оружия и спешит спасти сына: *«... Дарья побежала к нему, вся в жестокой тревоге. Ей хотелось бежать быстрее, а ноги ее не слушались, и что-то тяжелое, всесильное не давало ей бежать к сыну»*.

И ряды солдат неотвратимо, медленно удалялись от Дарьи все дальше и дальше...». Нет, не добровольный это уход из жизни, это было бы слишком легко: умереть, оставив в опасности сына, бросив односельчан, которым тоже нелегко.

Дарья не умирать шла, поэтому она взяла с собой и корзинку с едой. Она погибает от голода и усталости, думая, что спасает сына. Разве это не героическая смерть?

В рассказах В. Белова представлены люди разных возрастов и полов. Судьбы каждого из героев похожи, как и их отношение к действительности, к миру: все они не борцы, а страстотерпцы, для них отказ от этой доли есть проявление слабости, предательство по отношению к ближним. Они живут по принципу «если не я, то кто же» и не перекладывают свою ношу на других, а несут тяжелый крест вместе со своим народом. За это и любит их автор.

Проза Василия Белова осмысливается как отстаивание народно-православной традиции. Православие формирует особую нравственность, диктуя писателю особую концепцию мира и человека. По утверждению С. Ю. Баранова, «концепция эта трагична, человек в соответствии с ней изначально обречен страдать, испытывать лишения, терпеть и находить смысл своего существования в его поддержании и продолжении, невзирая ни на что». Сила человеческого характера определяется не способностью к бунту против навязанных условий, а возможностью вынести, пережить все жизненные невзгоды, сохранив при этом человеческое достоинство.

Ключевыми нравственными понятиями у Белова становятся «труд», «совесть», «терпение», «забота о ближних», «любовь». Добро у Белова – это «несотворение зла и непрерывное делание жизни в её обычных проявлениях». Поэтому их терпение и покорность судьбе – проявление силы и мужества, а не слабости.

Литература

1. Баранов С. Ю. О рассказах В. Белова // Предисловие к книге рассказов. Белов В. Душа бессмертна. – М.: Центр книги ВГБИЛ им. М. И. Рудомино, 2010.
2. Белов В. И. Душа бессмертна: Книга рассказов. – М.: Центр книги ВГБИЛ им. М. И. Рудомино, 2010.
3. Большакова А. Ю. Феномен «деревенской прозы» // История советской литературы: Новый взгляд. – М., 1990. – С. 144-156.
4. Емельянов В. А. Идеино-художественная эволюция характера в прозе В. И. Белова. – М., 1984. – С. 29-36.
5. Новожеева И. В. Концепция человека в деревенской прозе 1960 – 1980 г.: по произведениям В. Астафьева, Ф. Абрамова, В. Белова, В. Распутина, В. Шукшина. – Брянск, 2007.
6. Смирнова А. Концепция человека в современной прозе о деревне. – Север, 1977. – №1. – С. 111-113.

АЛЕКСАНДР ВАМПИЛОВ И ПУШКИНСКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ТРАДИЦИЯ

Сегодня не так много имен, которые бы напрямую соотносились с русской классической традицией. Вампилов – одно из них. И, может быть, наипервейшее. Филолог по образованию, он профессионально ориентировался в мировой и отечественной литературе. Приоритетными для будущего писателя были имена Пушкина и Гоголя, Достоевского, Чехова. Вампилов не только усвоил набор готовых классических рецептов и истин, но воспринял сам метод освоения художниками действительности. Он посмотрел «окрест себя» взглядом спокойным трезвым, чуть ироническим. Молодому литератору удалось разглядеть своих современников такими, какими они явились в мир ко второй половине XX века, в советской России – в самой ее глубинке, Сибири – духовной и географической «провинции». Не то же ли самое позволил себе и Пушкин, находясь в карантинном Болдино, когда каждый день в течение неправдоподобно короткого отрезка времени из-под его руки выходили шедевр за шедевром.

Речь идет, конечно же, о цикле «Повестей Белкина». «Повести Белкина» – один из замечательных экспериментов Пушкина, новая оригинальная игра с читателем, очередное перевоплощение. На этот раз в трудолюбивого провинциального литератора. Вымысел спровоцирован карантинной задержкой на пути к желанному венцу. А что если ситуация никогда не разрешится положительно? Можно ли век прожить и скончаться скромным тружеником пера в каком-нибудь забытом Богом, но таком сердцевинно русском Горюхине? Да и так ли уж Бог оставил вниманием горюхинских жителей? Пушкин придумал Белкина. Поэт художественно обобщил то, что было по сути и его родовым свойством, так и личностной противоположностью. Конечно, Иван Петрович – еще не Иван Иванович или Иван Никифорович из «Миргорода» Гоголя. У него в отличие от них человеческое, хотя и предельно стертное – стандартизированное – лицо, приличные манеры, благородная увлеченность сочинительством. Но он из тех, кто уже навеки ограничен иносказательным Горюхиным. У Гоголя таким символом является плетеная миргородская изгородь. Именно она отделяет русского провинциального человека от всего цивилизованного мира – до тоски, до смертельной безысходности, до невольного отупения. Белкин усердно исследует историю родного села, своего рода «малой родины». В ней для него источник как гордости, так и стыда: здесь со времен фонвизинского «недоросля» рабство одних и оскотинивание других фатально неизбежны. Но здесь же – кладезь премудрости, уроки терпения и смирения, счастье брачных уз, рождение потомства Белкин – не российское «большинство», он, скорее, приятное – в меру просвещенное – исключение из тихого омута

провинциального “застоя”. Но он и не гений, стремящийся выйти за пределы отведенного ему судьбой «огорода», Белкин – не Пушкин. Он проще и человечнее. Иван Петрович – смиренный, запертый в захолустье, стреноженный нравственностью, законопослушанием порядочный дворянин. Историк по зову души. Наконец, христианин.

Герой Пушкина – тот человеческий тип, который, несомненно, дорог сердцу Пушкина, но при этом сам поэт до 30-го года еще не смог, а после 30-го уже не сможет стать Белкиным вполне. Провинциальный сочинитель обречен на безвестное слияние с глубинной Россией. Пушкин же, являя собой поэтическое совершенство, неизбежно становится российским гением – певцом Отечества, но вместе с тем и невольным ниспровергателем его основ. Переживая тоску и муку болдинского заточения, поэт – пусть внешне не всерьез и как бы играючи – мастерски перевоплощается в другого человека, меняет прежде всего свое сознание. Он начинает по-иному видеть и оценивать окружающий мир, принимает на веру свойственные добросердечным провинциалам истины, предъявляет к людям и жизни в целом требования обыкновенной морали. Наверное, это и шутка гениального Пушкина, его моцартианство, но в значительной мере – и поиск ответа на самые сокровенные вопросы. Пушкин учится у русской провинции вере, терпению и доброте; постигая чужие ошибки, пытается предупредить свои (показательно то, что многие сюжетные ходы взяты поэтом из собственной, богатой событиями биографии). Переодевшись русским недорослем (эпиграф, взятый из известной комедии Фонвизина, заслуживает особого разговора), Пушкин сумел постичь скрытый механизм русской жизни и судьбы каждого отдельного человека

Усвоив содержание “Повестей Белкина”, мы убеждаемся в том, как замысловато, но вместе с тем логично и гармонично связаны в один узел у Пушкина: человеческое своеобразие (характер), особенности национального бытования (природа, времена года), божий промысел (случайное «стечение обстоятельств»), роковой ход истории (бунты, войны, революции). Связь творческого метода Александра Вампилова с пушкинской традицией заметна даже невооруженным глазом. Что между ними общего? Прежде всего, обращение к теме русского захолустья, изображение мест, географически отдаленных от центральных магистралей российской действительности. Отставной Белкин склонен проливать слезы отчаяния и умиления над судьбой Горюхина и горюхинцев, но неслучайно Пушкин надевает на себя именно эту простодушную маску доброго малого. Взгляд самого писателя – умнейшего человека своего времени – беспощадно остр, вьедлив. Критичен. Белкин же остерегается занять какую-нибудь оценочную позицию. Он наивно выносит на суд читателя истории, заслуживающие, казалось бы, только праздного любопытства. Но, как это уже неоднократно доказывалось в критике и литературоведении, в них – столь незамысловатых, на первый взгляд, скрыты глубокие смыслы и выводы о жизни русского человека: его нравственном багаже и потенциале, духов-

ных искушениях, наивных суевериях. В них – жизнь, любовь, смерть обыкновенного «маленького человека». А, значит, жизнь, любовь и смерть России как таковой.

На поверхности лежит сюжетное сходство таких произведений Пушкина и Вампилова как «Станционный смотритель» и «Старший сын». В «театре Вампилова» так или иначе «аукается» искрометная «Барышня – крестьянка»: ведь именно в ней главный сюжетный двигатель – озорной розыгрыш, приведший к временному недоразумению, но способствовавший тем не менее пробуждению в героях искренних чувств, соединению их в брачном союзе, примирению отцов с детьми и друг другом. Повесть «Гробовщик» имеет немало общего с «Провинциальными анекдотами». Ведь кульминационным моментом этих произведений является торжество страха смерти, под впечатлением которого происходит пусть минутный, но сильный нравственный шок, сменяющийся восстановлением нормального течения жизни. Призрак смерти лишь на мгновение смутил душевный покой пушкинских и вампиловских персонажей, но этого достаточно, чтобы увидеть вместо житейской плоскости – сферу, где есть «бытие» и «небытие». Невидима грань их разделяющая, пугает и манит тайна как присутствия человека в земном мире, так и ухода из него в «мир иной».

Повесть Пушкина «Выстрел» может быть сопоставима с пьесами Вампилова по самому приему «дуэли» в сюжете художественного произведения. Герои Пушкина испытывают друг друга опасностью гибели на смертельном поединке. Под дулом пистолета жизнь приобретает большую ценность, так как она оказывается важна не только для самих персонажей, сколько для близких им людей (Мария Гавриловна вряд ли легко пережила бы кончину милого супруга, ее мольба о пощаде взволнованна и отчаянна). Дуэль – способ разрешить спор между недругами. Грань между жизнью и смертью обостряет противоречия во взглядах персонажей на мир, в манере их бытового поведения. Дуэль – торжество антагонистических отношений. А иногда – дань преступному легкомыслию. Пушкин уделял поединку в сюжетах своих произведений подчас центральное место (Онегин – Ленский и др.). Дуэль как способ разрешения конфликтных отношений имеет место быть и в сюжетах Вампилова. Вспомним, что стреляются из заряженных ружей Букин и Гмыра (Прощание в июне)), грозит убить Шаманова и решительно нажимает на курок револьвера Пашка («Прошлым летом в Чулимске»). По сути вся жизнь Виктора Зилова – это форма дуэли с самим собой, его перманентная попытка самоубийства. Манера поведения центрального персонажа «Утиной охоты» в чем-то главным напоминает гягу к риску Сильвио из пушкинского «Выстрела». Тот и другой – природжденные игроки. Их забава – «русская рулетка». В прямом и переносном смысле этого слова.

«Провинция» Вампилова то и дело «аукается» (или «рифмуется») с селом Горюхино. И это неслучайно. Россия – страна провинциальная. Это общеизвестно. Однако изображение этой именно далекой от столиц (Пе-

тербург и Москва) реальности во всей реалистической многогранности пришло в русскую литературу исподволь (первые шаги на этом пути сделаны, пожалуй, Радищевым). Апофеозом же «провинциальности» (или «глуши», или «уездности») в отечественной литературе можно считать именно пушкинское творчество. В «Евгении Онегине» отдаленность помещицкой деревенской жизни от пышности и «постылой жизни суеты» составляет ядро идейного содержания романа. В «деревне, где скучал Онегин», в этом «прелестном уголке» для Пушкина воедино слились и праздность, и пошлость (понятие в эпоху Пушкина еще не нашедшее своего воплощения, ибо оно возникает в буржуазную эпоху как полное подчинение индивидуальности человека стереотипам среды), скука и задумчивость дружеского общения, дикость нравов и мечтательность натур. Пушкин дает понять, что русская глубинка полностью поглощает человека (гости на именинах Татьяны), уродуя его внешне и нравственно, но она же определяет целостность отдельных – идеальных – характеров. Такова, как известно, Татьяна. Это хрестоматийно выводится. Тем не менее важно заострить на них исследовательское внимание. Смысловой анализ повестей Пушкина приводит к мысли о том, что гениальный писатель угадал универсальную схему сюжетосложения, своего рода модель сосуществования и взаимовлияния в жизни российской глубинки трех судьбоносных начал: Бога, Истории и «глупой воли» (выражение Достоевского) самого человека.

“Повести Белкина” Пушкина при всей выразительности изображения им человеческих пороков и заблуждений, искрятся. В них жива именно “искра Божья”. Она-то и дает русскому человеку заблудиться во мраке. На нее уповает поэт в своей осенней карантинной безысходности – своего рода России в миниатюре. Александр Вампилов в изображении и осмыслении русского провинциального бытия легко мог довольствоваться именно чеховской – безбожной – моделью мира, но он, на наш взгляд, гениально следует прежде всего вслед за Пушкиным. Его реальность – это сложно организованная жизнь, в которой одномоментны две тенденции: разрушительная и спасительная. Разрушается то, что далеко (или удаляется) от истинного положения вещей, спасительно – возвращение «на круги своя». В этом отношении для Пушкина весьма показательна повесть «Метель». Рассказанная в ней история глубоко провинциальна. Молодые люди, нахватавшись романтических вершков, хотят устроить свою жизнь по своему эгоистическому разумению (вернее, безумию). Принятое решение – тайно венчаться в церкви – ведет за собой ряд губительных для обоих влюбленных поступков: обман родителей, нарушение правил венчания священником, легкомысленных сговор приятелей жениха и т. д. Эти неблагоприятные поступки вызывают к жизни центральную ситуацию поистине бесовской метели, которая путает все замыслы персонажей. Как следствие допущенных ошибок – болезнь Марии Гавриловны, ссора с Владимиром, его смерть на войне. Однако Пушкин, доведя разрушение, вызванное легкомыслием Маши и Владимира, до кульминации полного окончательного несчастья

героини (она вынуждена вести затворнический образ жизни, так как обручена с незнакомцем во время метели), находит выход в счастливом «стечении обстоятельств». Сам божественный промысел вмешался в эту историю, когда в деревеньку, где грустили Маша и ее маменька на постой пришли brave гусары. И среди них – поручик Бурмин, с которым Маша и обвенчалась той памятной ночью. Жизнь обрела черты счастливого человеческого бытия. В “Метели” Пушкина как нигде и никогда в русской литературе переплелись личная воля, историческая необходимость, божий промысел. История Маши и Бурмина закончилась (сюжетно) благополучно. Но в художественном мире Пушкина, как и в самой ничто окончательно не разрешается, никто не гарантирован от очередного “сюрприза”. Заметим, что Пушкин не делает по сути ни одного окончательного вывода. Прикрываясь маской простодушного Белкина, тридцатилетний поэт лишь осторожно наблюдает за непредсказуемым развитием преподносимых самой действительностью “анекдотов”. Вывод как окончательный рецепт счастья или огорчения неуместен. Можно только догадываться, что человек в России часто оказывается “марионеткой” во власти разного толка сил и условий. От его «глупой воли» может нарушиться (вплоть до разрушения) привычный уклад жизни, но в итоге воля его будет скорректирована вмешательством Высших сил, самого Проведения. Вспомним, что Сильвио так и не убил графа («Выстрел»), Владимир не обвенчался с Машей («Метель»), Вырин не уберег и не вернул из Петербурга Дуню («Станционный смотритель»), гробовщик не властен не видеть страшные сны («Гробовщик») и т. д. Памятна строка Баратынского: “Не властны мы в самих себе. И в молодые наши лета даем поспешные обеты, смешные, может быть, всевидящей судьбе”. Пушкин как бы проиллюстрировал философскую мысль собрата по перу. Он наглядно показал коррекцию активного человеческого поведения со стороны таинственного мира, относясь к этому в меру серьезно и иронически.

Александр Вампилов наследует Пушкина уже потому, что предметом изображения в его творчестве становятся российские «медвежьи углы». Похоже, что он намеревается рассказывать только «провинциальные анекдоты». Именно в том, пушкинском, смысле этого понятия: житейские истории, над которыми и призадуматься и посмеяться. В фокусе внимания автора – некий внешне забавный случай, продиктованное этим случаем «стечение обстоятельств». Оно то и позволяет высветить, как будто рентгеном, суть людских отношений. Человек в художественном мире Вампилова, как и в пушкинской сюжетной «модели», прост и незамысловат. Он мог бы прожить весь свой век абсолютно никем не замеченным, жизнь его могла бы быть ничем особенным не отмечена. Персонажи Вампилова – это обыкновеннейшие обыватели. Люди из троллейбусов и пригородных электричек. Символично название гостиницы в «Истории с метранпажем» («Провинциальные анекдоты») – «Тайга».

Именно – глушь, куда редко заглядывает луч не то, чтобы славы, – самой судьбы. И тем не менее в вампиловских пьесах происходят события, из ряда вон выходящие. Они вызывают интерес читателей (зрителей), проясняют, а иногда и принципиально меняют отношение провинциалов к самим себе, друг другу, к жизненной ситуации в целом. И у Вампилова, и у Пушкина поводом к развитию сюжетной истории может послужить случай. Центральная коллизия, сложившаяся в результате вынужденного действия того или иного персонажа, приобретает двусмысленный характер. В ней есть место «шуточке», вскрывающей глубину реальных отношений. Розыгрыши у Вампилова, действительно, имеют место в каждой пьесе: герои вынужденно разыгрывают из себя «старших братьев», «ангелов», «сумасшедших», «уставших», «мертвецов» и т. д. Они власть развлекаются: приносят на дом приятелю траурный венок («Утиная охота»); запирают на ключ в своём доме зашедшего проститься «на минуточку» молодого учителя («Дом окнами в поле»); выкрикивают в открытое настежь окно мольбы о помощи, на которую, конечно же, не надеются («Провинциальные анекдоты»).

Кульминацией, как правило, служит пограничная между «жизнью» и «смертью» ситуация. Развязка двойственна: внешний конфликт разрешается сравнительно легко и благополучно, а вот внутренний – психологический – продолжает занимать ум и воображение читателя своей многозначительной недосказанностью. Финалы у Пушкина и Вампилова открытые. Персонажи живы и обогащены опытом произошедшего с ними «анекдота». Дальнейшая их судьба во многом зависит от того, будут ли они равны себе – обновленным. Или предпочтут плыть по течению жизни, без учета нравственного урока, преподнесенного им судьбой.

Пушкинские «пометы» на полях вампиловских пьес можно найти повсюду. Его «провинция» – это село Горюхино почти два века спустя. Надо признать, что в нем мало что изменилось. Разве не похож старик Сарафанов, (Вампилов «Старший сын») лицом к лицу оказавшийся перед пугающей бездной своего одиночества, на несчастного Самсона Вырина (А. Пушкин «Станционный смотритель»)? Если разъедутся вслед за своими мужьями и любимыми его дети, то станется с ним самим? Проблема «отцов и детей», дилемма эгоистичной свободы выбора своего жизненного пути и моральная ответственность за родителей – вот, что до сих пор волнует обывателей в провинции. Между «жизнью» и «смертью» оказываются герои Вампилова во внешне потешных «Провинциальных анекдотах». И почему-то проступает в сюжете «Двадцати минут с ангелом» и «Истории с метранпажем» пушкинский «Гробовщик». Он ведь случайно – изрядно выпив – произнес тост за своих молчаливых клиентов, но они пришли к нему во сне как моральное наказание страхом. А агроном Хомутов откликнулся на случайный призыв о помощи из окна. И пришел к юродствующим командировочным, просящим о материальной помощи через открытое окно провинциальной гостиницы, с деньгами, жгущими ему не карман –

сердце. И визит этот обернулся дурным сном сразу для всех постояльцев «Тайги», а для Хомутова – в первую очередь. Он столкнулся почти с инобытием, где понятия добра и зла искажены до абсурда. Пройти через испытание «суда» над собой ему было важно, чтобы очиститься от мук совести. Его история (невнимание к матери и позднее раскаяние) послужила уроком и для его «мучителей». В «Гробовщике» ситуация ночного кошмара разрешается утренней тишиной и привычным чаепитием. В «Двадцати минутах с ангелом» – общей примирительной все конфликтующие стороны выливкой, заунывной старинной песней. В поминальном застолье восстанавливается мир между людьми.

Пушкин и Вампилов как бы невзначай напомнили своим персонажам о присутствии смерти, ненароком разыграли с ними «черную комедию». Вспомним, что по-своему «дурной сон» приснился и Калошину («История с метранпажем»). И он тоже оказался в ситуации проверки страхом небытия. А это своего рода трагикомический катарсис. Возвращение к своей подлинности. Но подлинность эта, увы, мало, чем примечательна. На поверку в людях открывается мелочность, гнетущий душу шкурный интерес, слабость, привязанность к теплomu карьерному местечку. И тем не менее герои Вампилова после пережитых ими событий начинают осознавать, что «жизнь, собственно, проиграна» (Зилов). Происшедшее с ними лишний раз подтверждает мысль о том, что «провинция» – нешуточная угроза для человека, в ее «застойности» размывается индивидуальность, деформируется и деградирует личность.

Почти все пьесы Вампилова оборачиваются трагифарсом; в лучшем случае, финалы их в большой степени ироничны. Персонажи (Калошин, Шаманов, Зилов, Букин и др.) напрямую соприкоснулись со смертельной угрозой, но – опасность миновала! – и жизнь их остается еще при них, дается шанс на осмысление. Исправление? Что для этого потребуется? Способны ли вампиловские персонажи хоть что-то изменить к лучшему? Или исколыхнувшая их история так и останется только забавным розыгрышем, недоразумением, случайным «стечением обстоятельств»? И здесь опять стоит прибегнуть к сравнению Вампилова с Пушкиным. Классик XIX века, изображая примитивность русского захолустья, исподволь вел своих героев (может быть, в большей степени своих читателей) к приятию христианских заповедей. По сути мир Пушкина – это мир, живущий по божьим законам. И они рано или поздно торжествуют. «Повести Белкина» заключают в себе православный смысл. Пьесы Вампилова как собрание «провинциальных анекдотов» подводят и персонажей, и зрителей к мысли об опустошении жизни. Персонажи оказываются один на один с самими собой. Жизнь продолжается. Более того – она открылась им в своей трагической подлинности. Необходимо принять и себя, и мир в этом по-новому открывшемся качестве. Где взять для этого силы? Трагической подоплека в пьесах Вампилова не менее остра, чем в «Повестях Белкина». Может быть, даже более драматична. Ведь вампиловским «игрокам» с жизнью и смер-

тью приходится в итоге надеяться только на себя. Мир Пушкина – это мир, в котором есть нерушимость христианской (моральной) традиции. Прежде всего, традиции семейного уклада, аристократического рода, опора в ремесле (тот же гробовщик), в искренности любовного чувства, в справедливости божьего промысла. У Вампилова жизнь более скудна на ценностные ориентиры. Традиции подточены, так как им не на что в духовном плане опереться. И потому автор только обозначает проблему, ставя героев и читателей перед необходимостью что-то коренным образом изменить в себе самих, чтобы изменилась и жизнь. И это изменение должно произойти не на внешнем, а на внутреннем. Даже не психологическом, а духовном уровне. А основа духовности, как известно, религиозное сознание. Вера.

Христианские мотивы в творчестве А. С. Пушкина сегодня изучаются и интерпретируются в литературоведении достаточно подробно, убедительно. То, что великий русский поэт последовательно и, можно сказать, вполне осознанно пришел к утверждению христианских ценностей, нынче, пожалуй, мало у кого вызывает сомнение. Причем, утверждает он эти ценности ненавязчиво. Просто руководствуется ими сам и учитывает в сюжетах своих произведений. Его последняя повесть «Капитанская дочка» по сути нравственное завещание России. А ней-то как раз самым красноречивым образом выражена на модель мироустройства, которая гениально наметилась (и воплотилась) в болдинских «Повестях Белкина». Пушкин напрямую выходит к осмыслению понятия «судьба». Она для него, повторюсь, в соединении личной человеческой воли, исторической неизбежности и божьего промысла. Судьба Петруши Гриневы – это судьба русского человека, дворянина, который вопреки своей воле (он как обычный недоросль не планировал свою жизнь дальше женитьбы) оказался на самом гребне исторических событий (восстание Пугачева) и счастливо избежал почти неминуемой гибели благодаря своему доброму сердцу, врожденной честности и божьему промыслу. Всевышний послал ему немалые испытания (ужасом смерти, неволей, искушением предательством) и ангела-хранителя, которой, безусловно, стала для него Маша Миронова. Пушкин утвердил в своих сюжетах то, что теперь называется хэппи эндом. Счастливое разрешение сюжетных коллизий – это дань милосердию, пробужденному в душах его персонажей благодаря внешней случайности. Застигнутый случаем врасплох человек Пушкина проявляет свои лучшие качества, поступает по-божески, как подсказывает ему его сердце. А в сердце – Бог. Божественное начало в мире Пушкина присутствует в женских образах. Они у него, как правило, именно идеальны. «Милый идеал» – Татьяна Ларина. Она не поддавалась искушению лукавых демонических сил. И помогло ей в этом проведение. Именно оно направило ее на стезю христианского брака. Устами матери были произнесены «заклинания», нашелся порядочный достойный супруг. У Татьяны хватило сил противостоять искушению Онегина. Ее «проповедь», обращенная к нему, продиктована ей даже не здравым смыслом – смирением. И смирение это христианское. Она

именно спасена! И спасение — в ней самой, в чистоте ее души и ее помыслов. Пушкин проникает в самую сердцевину русского национального бытия и обнаруживает там сокровенное зерно: веру, надежду, любовь, мудрость. Личная воля часто амбициозна и потому губительна для русского человека. Она приводит к свовольным решениям, кровавым бунтам, опрометчивым шагам, ведущим персонажей к безумию (апофеоз здесь является фигура Германа из «Пиковой дамы»). Русская натура простосердечна. И потому русского человека любит Бог. Бог — помощь. Было бы дело правым.

Заветы Пушкина в отечественной литературе декларировались, но практически не исполнялись. Причина ясна — в тоталитарном атеистическом обществе интерпретировать сюжеты Пушкина с христианской точки зрения было просто невысказано. Утвердился иной метод изображения советской действительности. Приоритеты в развитии и преобразении человеческой личности отводились отнюдь не Богу. Человек сам становился творцом своей жизни. Всячески приветствовалась и поощрялась именно воля. Причем, личная воля каждого отдельного индивидуума должна была неукоснительно совпадать с коллективной волей.

Сюжетосложение пьес Вампилова при тщательном рассмотрении отвечает мысли о том, что драматург предчувствовал, в соответствии с читательским (профессионально филологическим) опытом и интуитивным прозрением более сложную, чем просто плоскостную модель мироустройства. Центральным событием в его пьесах становится то, что условно можно назвать «чудом». Поясню сказанное.

Первоначально персонажи пьесы объединены друг с другом по чисто формальным признакам: сослуживцы, члены одной семьи, соседи по дому, гостинице, общежитию, однокурсники, случайные знакомые. По мере развития сюжета, ближе к финалу в сознании людей происходят психологические трансформации, которые иначе как «чудесными» «и не назовешь». Весьма иррационально, но вместе с тем неизбежно люди объединяются на основе не кровного или социально — коммунального, а именно душевного родства. Заслуживает внимания приём, с помощью которого Вампилову удаётся выяснить либо возможность духовного братства людей, либо невозможность его. Драматург создаёт проверочные конфликтные ситуации внутри центральной коллизии. Они очень будничные и обыкновенные, на первый взгляд, но требуют к себе особого отношения, особой формы поведения: такта, чуткости, внимания. В этих ситуациях есть какой-то особый «нерв», который одни герои улавливают, а другие нет. Этот «нерв» сказывается в особенном эмоциональном настрое какого-либо одного или всех вместе героев, в обнажённости и незащищённости чувств. Это своего рода эмоциональная волна, которую можно поймать и пропустить через свою душу или, не уловив её, что-то испортить в душе другого человека. Практически эти маленькие будничные столкновения окажутся проверкой героя на человечность. Самым выразительным примером такой проверочной ситуации может служить сцена выяснения, где и при каких обстоятельствах

«правдолюбец» Кудимов видел Сарафанова («Старший сын»). Не случайно, что именно после этой сцены происходит разрыв между Ниной, дочерью Сарафанова, и Кудимовым, спешит выйти из игры Сильва. В то же время эта проверочная ситуация скрепляет отношения между отцом Сарафановым и всеми его детьми. Аналогичны сцены исповеди «ангела» Хомутова («20 минут с ангелом»), раскаяния Калошина («История с метранпажем»). Заметим, что проверкой на человечность может служить в пьесах Вампилова не какая-нибудь определённая сцена, а повторяющийся на протяжении всей пьесы отдельный факт, требующий к себе такого же бережного, неординарного отношения, например – стремление Валентины сбегать палисадник («Прошлым летом в Чулимске»); или отношение к охоте («Утиная охота»). Человеческие отношения основываются на таких, не поддающихся точному определению нюансов чувств как сострадание, прощение, доброта сопереживание, взаимопонимание.

Не так ли и у Пушкина? Ведь именно чудо произошло тогда, когда на станцию, в семейство Выриных волею судеб заброшен был гусар Минский. Он искренне влюбился в Дуни. Своею волею увез ее от отца в Петербург. Старое гнездо, конечно, разрушилось. Но создалась новая счастливая семья, родились дети. Для молоденькой Дуни произошло именно чудесное стечение обстоятельств. Она стала законной женой и матерью. А старик Вырин не смог пережить отъезд дочери. Не в силах принять он новую реальность, которую уготовило Дуне само проведение. Он не сумел побороть свое эгоистическое начало. Спился и умер. Его жизнь разрушилась, Дунина и Минского сложились. Продолжился род. Персонажи обогащены нравственным уроком: чувство вины заставляет дочь поклониться праху отца, пролить слезы на его могиле. И это чувство раскаяния нельзя сбрасывать со счетов. Оно тоже – знак высшего промысла. И герои Пушкина внемлют ему. Абсолютное чудо произошло и в «Выстреле», когда проведение, позабывшись в сюжете «Метели» о якобы дважды случайной встрече Маши и Бурмина, спасает уже женатого поручика от злой мстительной воли Сильвио. Сначала пулю от Бурмина отводит слепой жребий, потом ему не суждено стать убийцей Сильвио (пуля попадает в картину), а в самый роковой момент открывается дверь и на пороге комнаты оказывается любящая супруга. Именно любовь Марии Гавриловны (как в свое время и любовь Маши Мироновой к Петруше Гриневу) спасла героя «Выстрела». Трогательная мольба убитой ужасом происходящего женщины, смягчила сердце Сильвио. Он удовлетворился созерцанием смятения на лице своего соперника и оставил дом Бурминых навсегда. Чудесным образом пришли к бракосочетанию по любви Владимир и Настенька. Традиционно сюжет «Барышни-крестьянки» трактуют как торжество активного начала в изобретательном поведении будущей невесты. Нельзя отрицать ее выдумку, остроумие, инициативу. Но без участия высших – чудодейственных – сил здесь не обошлось. Молодые люди были просто созданы друг для друга, их брак уже давно свершился на небесах. Он необходим для примирения двух

нелепо враждующих семей. Кстати, примирение между старшими родственниками произошло тоже внешне случайно. Падение с лошади отца Владимира заставило другого отца поспешить ему на братскую помощь. В итоге «Повестей Белкина» восторжествовала Любовь, открывающая горизонты долгой и благополучной семейной жизни.

В художественном мире Пушкина все персонажи так или иначе чувствуют себя причастными к общему бытию, Творцом которой в конечном итоге (как и в начале всех начал) является не столько сам человек, сколько руководимая им божья воля. И они подчиняются ей беспрекословно. Тот же, кто не прочитывает вовремя знаки судьбы, оказывается повержен ею. Пушкин, как потом и Толстой, видит, как плачевна участь нарушителей христианских заповедей. Они остаются ни с чем, их внутренний храм души разрушен. Они погибают насильственной смертью. Их ждет поражение – личные планы, как правил, ведут к краху. Таков Вырин («Станционный смотритель»), Сильвио («Выстрел»), Владимир («Метель»).

Итак, мы рассмотрели сходство (и различие) «театра Вампилова» и «Повестей Белкина» А. С. Пушкина и надеемся ходом своих рассуждений внести посильный вклад в разгадку вампиловского «феномена».

Литература

1. Тендитник Н. А. Вампилов. Литературный портрет. – Западно-Сибирское книжное изд-во, 1979.
2. Сака С. Три встречи с Вампиловым // Кодры. – 1978. – № 12.
3. Жемчужников В. Александр Вампилов // Сибирь. – 1977. – № 4.
4. Смелков Ю. Театр Вампилова // Литературное обозрение. – 1975. – № 3.
5. Сахаров Вл. Театр Вампилова // Наш современник. – 1976. – № 3. – С. 179.
6. Боровиков С. Естественность и театральность // Наш современник. – 1978. – № 3.
7. Шайтанов И. Четыре варианта одной проблемы // Сибирские огни. – 1974. – № 7.
8. Рудницкий К. По ту сторону вымысла. Заметки о драматургии А. Вампилова. // Вопросы литературы. – 1976. – № 10.
9. Туровская М. Вампилов и его критика. // Альманах Сибирь. – 1976. – № 3.
10. Антипов Н. Злой добрый человек. Конфликт в драматургии А. Вампилова // Сибирь. – 1976. – № 5. – С. 90-97.
11. Демидов А. Заметки о драматургии А. Вампилова // Театр. – 1974. – № 3.
12. Вампилов А. Избранное – М.: Искусство, 1975.

**ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ
В «СЕВЕРНОЙ» ПОЭЗИИ С. Н. МАРКОВА
(на материале стихотворений о живой природе)**

С. Н. Марков (1906–1979) – поэт, прозаик, ученый (историк, этнолог, географ). Родился в селе Парфентьево, в Костромской губернии, детство провел в Грязовце. Рано начал писать, и первые его произведения были стихотворными. Но, по иронии судьбы, первый сборник стихов «Радуга-река» вышел в свет в 1946 году, после признания Маркова как писателя и публикации рассказов и романа «Юконский ворон». В тридцатые годы Сергей Николаевич работал на Севере, ездил и в Вологду, и в Великий Устюг.

Как справедливо отмечает писатель А. Грязев, хотя люди разных мест считают С. Н. Маркова своим земляком (костромичи, жители Вологодской области, Урала, Сибири, Казахстана), Сергей Николаевич всегда помнил родной ему Север, «костромские и вологодские черные леса, белокаменный Великий Устюг» [2, с. 4]. Северянин по рождению и воспитанию, он кровными узами был связан с Вологдой, Сольвычегодском, Тотмой, где жили его предки. Север поэтично запечатлен им. Изданий стихотворных произведений в советское время было немало (с 1946 по 1989 годы, по нашим подсчетам, было выпущено 13 поэтических сборников). Обратим также внимание на вступительную статью к одному из них, вышедшему в 1965 году, автор которой (В. Утков) пишет: «истинный ключ к пониманию творчества Маркова кроется в его стихах». Он отмечает, что именно в них писателю удалось связать романтичность с точностью исследователя, а «смелый полет фантазии с недюжинной эрудицией» [6, с. 9]. Фантазия проявилась в домысливании деталей, в придумывании поэтических эквивалентов географическим названиям. Так, Грязовец в поэтическом мире С. Н. Маркова стал Снеговцем, Можайск переименовался в Рябинин-город. Писатель-путешественник любовался северной природой. Остановимся на наиболее ценных для него образах.

Излюбленный северный образ птицы-лебедь. В стихотворении «Хрустальный дворец» (1934) происходит диалог двух возлюбленных. Центральный образ – сказочная птица, вестник, пребывающий у лукоморья. В славянской мифологии лебедь относится к почитаемым, «святым» птицам. В северной Руси лебедь ставится выше других птиц, о чем свидетельствует, например, сказочный сюжет о выборе царя птиц, которым становится белый лебедь. Лебедь – священная птица славян, с ней связано представление о супружеской верности. С кольцом на тонкой ноге, лебедь летит от лирической героини к ее возлюбленному и изнемогает от бури. Но трагический конец птицы озаменовал причастность к вечности, небо – «хрустальный дворец» – откликнулось на эту трагедию. В стихотворении «Знаю

я – малиновою ранью...» (1940) (где также упоминаются безмолвные лебеди, что «*плывут над Лебедянью*») лирический герой, подобно птице из «Хрустального дворца», также приобщается к вечности. Со своим огромным чувством он становится сопричастен природе. Финальные строки звучат так:

*Я узнаю, где стоит твой дом,
Я люблю тебя, как любят гром,
Яблоко, сосну в седом уборе.
Если я когда-нибудь умру,
Все равно услышишь на ветру
Голос мой в серебряном просторе!*

Серебряный простор – это наш северный край. В этом краю одинаково любимы Сергею Николаевичу и ставятся в один поэтический ряд человеческие и природные образы. Так, он обращается к своей возлюбленной: «*Я люблю тебя, как любят гром, яблоко, сосну в седом уборе!*»

Обратимся к образу деревьев. Два наиболее часто встречаемые в поэтическом творчестве Маркова – сосна и рябина. Сергей Николаевич вспоминает так про свою малую родину в стихотворении 1940 года:

*Что же я – в почете иль в награде?
Я рожден в неведомом посаде,
Где сосна да заячья тропа...*

(«Что же я — в почете иль в награде...», 1940). Последняя строфа этого стихотворения звучит так:

*Надо мною часто пела вьюга:
«Я твоя давнишняя подруга.
Приголублю... Аль нехороша?»
Что сказать метелице-зазнобе?
Алою рябиной на сугробе
Пламенеет русская душа.*

Рябина – весомый образ в лирике Маркова, претерпевающий трансформацию. Неслучайно в его поэтической вселенной появляется Рябинин-город, который С. Золотцев [3] называет обобщенным образом древнерусского города в северной полосе. Рябина в одноименном стихотворении 1929 года – участница свидания, в предчувствии разлуки она плачет и тоскует. Такое представление о ней соотносится в целом с общепринятым в русской поэзии и идущим из славянской символики образом печали и горечи. У Н. А. Клюева рябина сравнивается с матерью, убитой горем, с солнцем «*осямнадцатого года*», которое, подобно рябине, плачет кровью.

**ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ
В «СЕВЕРНОЙ» ПОЭЗИИ С. Н. МАРКОВА
(на материале стихотворений о живой природе)**

С. Н. Марков (1906–1979) – поэт, прозаик, ученый (историк, этнолог, географ). Родился в селе Парфентьево, в Костромской губернии, детство провел в Грязовце. Рано начал писать, и первые его произведения были стихотворными. Но, по иронии судьбы, первый сборник стихов «Радуга-река» вышел в свет в 1946 году, после признания Маркова как писателя и публикации рассказов и романа «Юконский ворон». В тридцатые годы Сергей Николаевич работал на Севере, ездил и в Вологду, и в Великий Устюг.

Как справедливо отмечает писатель А. Грязев, хотя люди разных мест считают С. Н. Маркова своим земляком (костромичи, жители Вологодской области, Урала, Сибири, Казахстана), Сергей Николаевич всегда помнил родной ему Север, «костромские и вологодские черные леса, белокаменный Великий Устюг» [2, с. 4]. Северянин по рождению и воспитанию, он кровными узами был связан с Вологдой, Сольвычегодском, Тотмой, где жили его предки. Север поэтично запечатлен им. Изданий стихотворных произведений в советское время было немало (с 1946 по 1989 годы, по нашим подсчетам, было выпущено 13 поэтических сборников). Обратим также внимание на вступительную статью к одному из них, вышедшему в 1965 году, автор которой (В. Утков) пишет: «истинный ключ к пониманию творчества Маркова кроется в его стихах». Он отмечает, что именно в них писателю удалось связать романтичность с точностью исследователя, а «смелый полет фантазии с недюжинной эрудицией» [6, с. 9]. Фантазия проявилась в домысливании деталей, в придумывании поэтических эквивалентов географическим названиям. Так, Грязовец в поэтическом мире С. Н. Маркова стал Снеговцем, Можайск переименовался в Рябинин-город. Писатель-путешественник любовался северной природой. Остановимся на наиболее ценных для него образах.

Излюбленный северный образ птицы-лебедь. В стихотворении «Хрустальный дворец» (1934) происходит диалог двух возлюбленных. Центральный образ – сказочная птица, вестник, пребывающий у лукоморья. В славянской мифологии лебедь относится к почитаемым, «святым» птицам. В северной Руси лебедь ставится выше других птиц, о чем свидетельствует, например, сказочный сюжет о выборе царя птиц, которым становится белый лебедь. Лебедь – священная птица славян, с ней связано представление о супружеской верности. С кольцом на тонкой ноге, лебедь летит от лирической героини к ее возлюбленному и изнемогает от бури. Но трагический конец птицы ознаменовал причастность к вечности, небо – «хрустальный дворец» – откликнулось на эту трагедию. В стихотворении «Знаю

я – малиновою ранью...» (1940) (где также упоминаются безмолвные лебеди, что «*плывут над Лебедянью*») лирический герой, подобно птице из «Хрустального дворца», также приобщается к вечности. Со своим огромным чувством он становится сопричастен природе. Финальные строки звучат так:

*Я узнаю, где стоит твой дом,
Я люблю тебя, как любят гром,
Яблоко, сосну в сedom уборе.
Если я когда-нибудь умру,
Все равно услышишь на ветру
Голос мой в серебряном просторе!*

Серебряный простор – это наш северный край. В этом краю одинаково любимы Сергею Николаевичу и ставятся в один поэтический ряд человеческие и природные образы. Так, он обращается к своей возлюбленной: «*Я люблю тебя, как любят гром, яблоко, сосну в сedom уборе!*»

Обратимся к образу деревьев. Два наиболее часто встречаемые в поэтическом творчестве Маркова – сосна и рябина. Сергей Николаевич вспоминает так про свою малую родину в стихотворении 1940 года:

*Что же я – в почете иль в награде?
Я рожден в неведомом посаде,
Где сосна да заячья тропа...*

(«Что же я — в почете иль в награде...», 1940). Последняя строфа этого стихотворения звучит так:

*Надо мною часто пела вьюга:
«Я твоя давнишняя подруга.
Приголублю... Аль нехороша?»
Что сказать метелице-зазнобе?
Алою рябиной на сугробе
Пламенеет русская душа.*

Рябина – весомый образ в лирике Маркова, претерпевающий трансформацию. Неслучайно в его поэтической вселенной появляется Рябинин-город, который С. Золотцев [3] называет обобщенным образом древнерусского города в северной полосе. Рябина в одноименном стихотворении 1929 года – участница свидания, в предчувствии разлуки она плачет и тоскует. Такое представление о ней соотносится в целом с общепринятым в русской поэзии и идущим из славянской символики образом печали и горечи. У Н. А. Клюева рябина сравнивается с матерью, убитой горем, с солнцем «*осмнадцатого года*», которое, подобно рябине, плачет кровью.

У С. Есенина также рябина «облилась кровью ягод». Расширила данный образ М. И. Цветаева, выйдя на символику русской судьбы: «Рябина – судьбина горькая, рябина – судьбина русская» (1934). У С. Н. Маркова рябина от традиционно связанного с ней значения горечи, разлуки и печали становится в более позднем творчестве символом русской души. В романе «Юконский ворон» (1941) дано развернутое сравнение рябины и души русского человека: *«Благословенны просторы отчизны, занесенной снегами! Любезен сыновьему сердцу видж рябины, склонившейся над алмазным сугробом. Разрой снежный холм – и найдешь в его недрах кисть осенних ягод. Пролежав в снегу, они обрели большую прелесть. Снег и мороз не смогли погубить их. Подобна им и русская душа. Суровая метель замечает ее. Борей леденит своим дыханием, но она горит алой рябиной на белом сугробе».*

Заметим, что Рябинин-город в стих. «Радуга-река» становится сказочным местом, неким земным раем, в котором животные и люди дружат. С образами животным в целом связаны ценности дружбы в поэтическом мире С. Н. Маркова. В северных стихах это образы лебедя, чудо-кита и разных рыб. Так, Рябинин-город (стихотворение «Радуга-река, 1946) оказывается полон лебедей:

*Но опять я слышу от людей,
Град Рябинин полон лебедей,
Лебеди слетаются к светлицам,
Бьют крылами в каждое окно
Да клюют заморское пшено,
Ластятся к рябининским девицам!
Морок... Наваждение... Мечта...*

Эта самая мечта помогает выстоять С. Н. Маркову в годы серьезных испытаний. Конечно, немало горя пришлось на долю русского человека в годы войны.

На войне лирический герой вспоминает: *«И рос у нашего окна мак одинокий и багровый»* («На дне походного мешка...», 1941). Цветы в стихах Маркова всегда ассоциируются с образом любимой. Лирический герой готов пойти за ней хоть куда: *«Как ночной цветок дыша, уведи меня во мглу!»* («Скоро буду я седым...», 1935). Либо цветы ждут свидания с ней: *«Десять огненных гвоздик на моем живут окне»* (там же). Стихотворение «Рябинин-город» начинается строкой *«Цветет в Рябинине герань»*, а значит, речь пойдет о ней, любимой. Заметим, что здесь важен цвет: это различные оттенки красного. Эпитеты, примененные к маку в стихотворении («На дне походного мешка...», 1941) *«одинокий и багровый»* несут дополнительную семантику: о маке вспоминает герой, который уже испытывает одиночество и видит кровь, и мак в данном контексте выступает предвестником разлуки и войны. Сухое крыло мотылька, которое тщетно ищет герой на дне мешка

— это память об ушедшем лете. Интересен эпитет к слову потеря — «*нежная*». Крыло (мотылька, стрекозы, птицы и само по себе) связано с ощущением нежности в поэтическом мире Маркова. С нежностью вспоминает лирический герой в своем сне о пчелах, цветах, любимой. Последняя строфа построена по принципу антитезы: противопоставляются два мира: сон (в котором *нежное* крыло мотылька) и действительность, где рука нащупала «*холстину грубого мешка*». Две рифмующиеся строки в конце стихотворения «*В сиянье майского простора*» — «*И лед ружейного затвора*» рисуют яркое противопоставление тепла — холода, простора — ограниченности пространства (затворить), мира природы — человеческого, рукотворного мира.

Именно человек, своим вторжением, стремлением к завоеванию разрушает гармонию природы, которая была священна для древних славян. В стихотворении «Село звалось Берло» (1945) ивы, уцелевшие на обрыве, хранят память веков, святости места: «*корни древних ив в пластах священной глины*». В первой половине стихотворения мы видим картину довоенного села, которая начинается со слов: «*Где язь царит, как князь*». Вот он главный герой села, его кормилец! Во второй половине стихотворения — сожаление автора об утраченном: «*Где язь, всей веси князь?*»

Северный период в жизни Маркова связан с рыбной ловлей. Именно рыбы становятся сказочными персонажами в ролевой лирике Маркова. В стихотворении «Рыба-пинагор» (1932) происходит разговор окуня, семги и палтуса, «*приведного старика*». Все боятся расправы пинагора, но должен, по мысли палтуса, выручить мореплаватель Егор. Таким образом, человек становится защитником слабых в мире природы.

Защитником для своей семьи был и Марков. Жизнь испытывала Сергея Николаевича на прочность с детства. Трагические годы связаны с Акмолинском (Казахстан), где он потерял отца и мать. Рано, с 15 лет, пришлось идти работать, помогать пятерым братьям и сестрам (он был старшим в семье). Терпение бедствий закалило характер, актуальным для Сергея Николаевича стал призыв А. С. Грина, стихи которого еще в отрочестве произвели сильное впечатление: надо жить и бороться, «*жизнь целуя в губы*» [5, с. 9] Образы сильных духом людей и равных по силе животных будут нередко встречаться в его творчестве.

Ссылка на Север, в Мезень, стала для поэта плодотворной. Годы тяжелых испытаний он принял с моряцкой стойкостью («Морская буря»), а новые друзья стали героями его стихов. В них Сергей Николаевич показал чуткие к добру характеры («Соседка»). Как отмечает С. Золотцев, Север пробудил в Маркове «улыбчивость, искрометное чувство юмора». Поэзия стала в те годы для него образом «недостижимой красоты земли и высоты человеческого духа, желанным пределом, к которому стремишься весь век и который всегда остается впереди тебя» [3, с. 116]. Не этим ли томлением по идеалу пронизана наша классическая русская литература? Д. С. Москвитин, говоря о художественной местнографии русской литературы 1920–1930-х годов [7, с. 395], замечает, что именно в антропогеографии как ми-

ровоззрении проявилось типологическое единство литературы этого периода с русской классикой 19 века и со всей русской словесностью в целом. В связи с этим она вспоминает М. Пришвина, А. Платонова, С. Есенина, Н. Заболоцкого, Н. Клюева, А. Ахматову. Хотелось бы в этот ряд поставить и С. Маркова, который также обращал внимание на «спасительное таинство события человека и земли». Заметим, что С. Куняев в своей вступительной статье к избранным произведениям С. Н. Маркова [4] пишет о том, что при создании стихов «северного цикла» на Сергея Николаевича повлияло творчество Н. Клюева, с которым он общался и произведения которого с удовольствием слушал.

Поэт Маркова (ученого-самоучку, сына землемера) можно отнести к представителям народной литературы 20 века – «серебряного века простонародья», по любопытному выражению В. Г. Бондаренко [1]. Народная литература в 20 веке, говорит он, «шла своим параллельным потоком, не вмешиваясь в дела власти, поднимая свои народные проблемы, воспевая природу, добро и любовь» [1, с. 348]. Применяя эти слова к поэтическому творчеству С. Н. Маркова, можно сказать, что в нем такие вечные человеческие ценности, как любовь и дружба, воспеты были через образы природы. И с особой нежностью и трепетностью — через северные образы.

Родная сторона ближе: и природой, и культурными ценностями. В стихотворении «Дон Сысой, или Русские в Калифорнии» (1965) лирический герой, увидев благостную картину природы, вспомнил тут же родной край:

*И мнится: маки золотистые
Звенят у Золотых ворот».*

Тем не менее, поэтический дар С. Н. Маркова остался в тени. Но необходимо помнить, что одни из самых ярких впечатлений детства – прочтение ряда стихов, да и сам Сергей Николаевич писал поэзию всю свою жизнь (последнее стихотворение, вошедшее в сборники, датируется 1979 годом). Наверное, надо просто глубже присмотреться к данной стороне его творчества. Одной из удачных попыток в этом плане является вступительная статья С. Куняева в последнем сборнике произведений, изданном в серии «Возрождение Тобольска». «Избранные произведения» 2010 года – первое постсоветское издание о Маркове. Здесь собраны вместе стихи и проза. Будем надеяться, что это не последнее издание, что выйдут в свет и сборники стихов, где будет представлено более глубокое осмысление творчества и более удачная подборка, например, по тематическому принципу. Наиболее жизнеутверждающим и светлым стал бы, на наш взгляд, сборник «северных стихотворений» С. Н. Маркова.

Литература

1. Бондаренко В. Г. Серебряный век простонародья. Книга статей о стержневой русской словесности, об окопной правде, о деревенской прозе и тихой лирике. – М. – 2004. – 512 с.

2. Грязев А. По земному кругу // Красный Север. – 1991 – 1 марта. – С. 4.
3. Золотцев С. Лебединый океан (Север в поэзии Сергея Маркова) // Север. – 1987. – № 5. – С. 111-116.
4. Марков С. Н. Избранные произведения. – Тобольск, 2010. – С. 5-36.
5. Марков С. Н. Светильник: Стихи. – М. – 1986. – 320 с.
6. Марков С. Н. Стихотворения. – 1965. – 240 с.
7. Московская Д. С. Н. П. Анциферов и художественная местнография русской литературы 1920-1930-х: к истории взаимосвязей русской литературы и краеведения. – М. – 2010. – 432 с.

Н.М. Кузина
Вологда

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА ГАРМОНИ В ЛИРИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ В.И. БЕЛОВА

В художественном произведении автором создается особая реальность, моделирующая эстетическими средствами его представление о действительности. Это сложный, целостный образ, в котором все составные элементы тесно связаны между собой. Одним из таких элементов является предметный мир.

В рамках разговора о предметном мире особое место занимает понятие «вещь». Вещь и предмет в нашем понимании соотносятся как часть и целое. Предметами могут быть любые материальные объекты – и природные, и возникшие в результате человеческой деятельности. Вещи – это только то, что создано человеческими руками. Когда они попадают в текст, происходит сущностная трансформация. «В творении высокого искусства реальный предмет погибает, чтобы дать жизнь предмету художественному, лишь обманчиво похожему на прототип, но иному по своей сути, по новым многообразным качествам» [5, с. 260]. Находясь в произведении, вещь вбирает в себя новые смыслы, генерируемые замыслом писателя, и предлагает широкие возможности для интерпретации читателям и литературоведам. Потенциально вещи семантизируются и в быту.

«Драматичной и внутрисюжетной вещь оказывается не сама по себе, а в зависимости от того, какие чувства и настроения она отражает» [3, с. 117]. Вещь в руках создателя художественного произведения – это средство выражения определенной мысли, идеи. Важно то, что с помощью такого изображения реалии хотел сказать автор, и как эта мысль трансформируется на каждом этапе его творчества. Вещи на страницах художественного произведения – это важная составляющая внутреннего мира. С их помощью выражается миропонимание автора, его представление о действительности, его «страстное стремление проломиться сквозь стену вещей в надвещный мир, увидеть через вещи нечто субстанциональное, высшее, обрести вневременную и общечеловеческую истину» [5, с. 280].

Иногда одна и та же вещь настойчиво повторяется на разных этапах творчества автора, в разных произведениях. Чаще всего функции такой вещи меняются, но ее ценность для авторского миропонимания в целом остается неизменной. Эта реалья становится своеобразным мотивом всего творчества автора, либо какого-то определенного его этапа. В художественном мире представителя «деревенской прозы» Василия Ивановича Белова таких предметных мотивов много. Показательной для его творчества является трансформация образа гармонии в лирических текстах.

«Первые свои «беспомощные» стихотворные опыты он относит к 1943 году, когда ему было 11 лет. Почему они были стихотворными, а не прозаическими, объясняется, вероятно, тем, что «литературность» поэзии кажется неискушенному взгляду более очевидной, нежели нагая простота «жизнеподобной» прозы...» [1, с. 14]. Тем не менее, стихотворный этап в творчестве Василия Ивановича Белова – это первый этап в становлении его как литератора. «В даровании Белова первой заявила о себе лирическая стихия; найдя поначалу свое выражение в поэзии, она сохраняется и в прозе Белова...» [4]. Система тем, мотивов и образов, а также реалии предметного мира, изображенные в поэтических текстах, впоследствии найдут свое отражение в прозе писателя. К тому же, Василий Иванович писал стихотворения на протяжении всей жизни (одни из последних датируются 2006 годом), только в раннем творчестве поэтических текстов было больше, нежели в позднем. Различаются эти тексты и в тематическом плане: от пейзажных зарисовок через социальные и нравственные темы автор приходит к пониманию жизни в целом. О «телеге жизни» Василий Иванович рассуждает в стихотворении «Сон», написанном в 2006 году:

*... Зачем мне этот дух противоречий,
Холодный жар колючих рассуждений?
Многообразие пыльное идей?
Зачем, зачем? Не лучше ли тихонько, –
Не говорю, совсем остановиться, –
Притормозить скрипучую телегу,
Ужасный ход безжалостных колес?..* [2, с. 164]

Образ гармонии в поэтических текстах автора как раз является средством приостановки быстрого хода жизненных событий. С этим музыкальным инструментом в руках человек может отдохнуть, перевести дыхание на своем жизненном пути. При этом большое значение имеет характер исполняемой мелодии, передающий настроение и чувства гармониста в минуту игры. Нередко в стихотворных текстах Василия Ивановича игра на гармонии сопровождается пляской и пением частушек. Из девятина стихотворений и поэм, входящих в собрание сочинений Белова, образ описываемого музыкального инструмента встречается в шести текстах: «Вечер» (1956), «Разговор с другом» (1956), «На празднике» (1958), «О чем поет

гармонь» (1960), «Гармонист» (1960), «Комсомольское лето» (1961). При этом образ гармони в каждом из текстов представлен с разной силой: в одних из них он является доминирующим, в других – вспомогательным, а в третьих не называется прямо, а указывается косвенно, через определенные действия. Таким образом, выстраивается ряд поэтических произведений, позволяющих рассмотреть, как образ гармони трансформируется в поэтическом творчестве автора и как это зависит от времени создания и тематики текстов.

«Вечер»

Это стихотворение открывает раздел «Стихотворения и поэмы» в собрании сочинений Василия Ивановича Белова. Оно представляет собой емкую, проникнутую любовью к людям и родной деревне пейзажную зарисовку летнего вечера. Образ гармони в тексте выполняет вспомогательную функцию. Он позволяет автору создать атмосферу такого вечера не только на зрительном, но и на слуховом уровне:

*Я люблюсь родной сторонкой,
Словно не было с ней разлуки,
Слышу звон комариный тонкий
И гармоник первые звуки [2, с. 43].*

Первые звуки гармони и тонкий комариный звон читатель слышит вместе с лирическим героем. Такие звуковые ассоциации создают уникальное «музыкальное сопровождение» стихотворения. Стоит обратить внимание на то, что «первые звуки гармоник» словно бы начинают летний вечер, позволяя людям, живущим в деревне, отдохнуть от повседневных забот и выразить через игру на этом музыкальном инструменте состояние своей души. В данном тексте гармонь выполняет своеобразную культурологическую функцию – это символ, знак деревенской среды. Являясь в стихотворении эпизодичной, эта вещь все-таки дает повод для того, чтобы отнести ее к категории вещей-ценностей, поскольку она значима для данного текста. Представив «первые звуки гармоник», читатель может погрузиться в родную для лирического героя деревенскую атмосферу.

«Разговор с другом»

Это стихотворение написано как обращение лирического героя к другу, содержащее просьбу вернуться домой. В качестве аргументов пишущий представляет адресату всю прелесть деревенского бытия: сосновый шум, ольховые кусты, февральские метели, лесные тропинки, знакомые горюшки... Среди перечисленных примет деревенского быта встречаются девичьи частушки и свадебная пляска:

*...И тебе не прожить
Без девичьих частушек... [2, с. 45]
...Мы б с тобою на свадьбе
На вашей сплясали!.. [2, с. 46]*

Через действия, перечисленные лирическим героем, косвенно намечается и образ гармонии. При прочтении текста становится понятным, что частушки девушками будут исполняться под искусное музыкальное сопровождение гармониста, как и задорная свадебная пляска. Образ гармонии вновь возникает как атрибут деревенского гуляния, праздника, погружая читателя в определенную атмосферу, но не появляясь при этом вещественно в самом тексте.

«На празднике»

Стихотворение описывает размышления лирического героя на деревенском празднике. Он думает о способности деревенского народа забывать горькие впечатления суровых лет, о способности радоваться каждой прожитой минуте вопреки неисчислимым бедам. Также лирическим героем владеют размышления о своей судьбе среди этих людей. Атмосфера праздника передается через плясовые мотивы:

*У клуба, на завалинке,
Ребята пляшут, топают,
Поют, большой и маленький... [2, с. 67]*

*...Курители, судачницы,
Плясуньи с гармонистами,
Поется вам и пляшется,
Уж так ведется исстари... [2, с. 67]*

Как и в предыдущем тексте, образ гармонии в этом стихотворении фигурирует не прямо, а опосредованно. Он введен через плясовые мотивы. Помимо обозначения деревенской среды гармонь выполняет еще одну функцию: через нее находит выражение способность получить радость от настоящего момента жизни, забыв горести прошлого.

«О чем поет гармонь»

Текст имеет авторский подзаголовок «лирическая поэма». Образ гармонии в нем является сквозным, доминирующим. Лирического героя поэмы читатель видит сначала мальчишкой, затем взрослым человеком, вернувшимся на родину. Но меняется лишь физический облик лирического героя. Суть обращения к музыкальному инструменту с годами не изменилась: гармонь является средством забыть боль утраты. После смерти отца мальчик берет в руки гармонь и пытается освоить игру на ней:

*...Доставал гармонь я из комода,
Уносил ее на косогор
И в густой траве, у огорода,
Подбирал упрямо перебор... [2, с. 79]*

Упрямство в освоении инструмента можно объяснить тем, что у лирического героя возникло желание «убежать» от мыслей о погибшем отце. Но, научившись немного играть, молодой гармонист аккомпанирует деревенским девушкам, исполняющим частушки (тексты частушек также включены в поэму).

Боль от потери родного человека с годами удалось лишь приглушить. Взрослый лирический герой, вернувшись на родину, вновь берет в руки гармонь, но рассуждает уже не о личной утрате, а о потерях своих землячек:

*...Отчего вы к девкам не вернулись,
Ягодинки, дроли, женихи?... [2, с. 81]*

«Новое поколение» девчонок поет новые частушки, но аккомпанемент лирического героя им не подходит. Тогда он передает свою гармонь другим гармонистам и задумывается о настоящем и будущем этих людей:

*... А в руках у новых гармонистов
Пусть играет старая гармонь.
Пусть играет целыми ночами
Для моей ольховой стороны,
Пусть играет, только без печали,
Без девичьей боли, без войны [2, с. 82].*

Образ гармони в поэме по-прежнему выполняет культурологическую функцию, являясь символом, знаком деревенской среды. Но помимо этого гармонь в произведении характеризует лирического героя, принадлежит ему. Гармонь – вещь-ценность для героя в личностном плане. Особо значимо то, что лирический герой сам является гармонистом: именно его мысли и чувства передаются с помощью игры на музыкальном инструменте. К описанным функциям можно добавить еще сюжетообразующую. Гармонь находится в центре повествования, она является средством пробуждения в лирическом герое склонности к размышлениям.

«Гармонист»

Данное стихотворение стоит особняком среди лирических текстов, в которых есть образ гармони. Оно «рисует» читателю портрет человека, виртуозно владеющего этим музыкальным инструментом:

*Может быть, из всех ребят
Он один угрюм немножко
И знаком, на первый взгляд,
Лишь с кирилловской гармошкой... [2, с. 83]*

Лирический герой также характеризует гармониста как «несмелого в разговорах». Но стоит ему взять в руки гармонию, как все преобразается: лесорубы начинают плясать, девушки петь задорные частушки. Гармонь в этом стихотворении представлена как средство выражения человеческой души через музыку. Инструмент продолжает выполнять культурологическую и характерологическую функции, только направление последней несколько меняется: она характеризует уже не лирического героя, а человека, в совершенстве владеющего игрой на гармонии.

«Комсомольское лето»

Текст имеет жанровый авторский подзаголовок «поэма». Лирический герой словно бы наблюдает за жизнью рабочего райкома, при этом иногда отождествляя себя с ним. Этот человек трудится в городе на благо комсомола, а его любимая девушка живет в деревне. Загруженный работой, молодой человек не может часто выезжать за пределы районной столицы. По этой причине его девушка покидает:

*... Жизнь-то, парень, не шутка,
Все райком да райком,
Улетела голубка
В Ленинград с моряком... [2, с. 124]*

Между любовью и долгом работник райкома колеблется недолго и выбирает долг. Именно к такому итогу подводит читателя в конце поэмы лирический герой:

*... За великие цели,
За великую новь
Мы и жизнь не жалели,
А не то что любовь [2, с. 126].*

Образ гармони появляется лишь в одном эпизоде текста. Молодой человек выходит из кабинета райкома на субботник. Соскучившись по физическому труду, он работает в полную силу. А вечером его душа просит полноценного деревенского отдыха:

*... А под вечер мозоли
Зажимаешь в ладонь.
- Спеть, ребята, бы, что ли.
У кого тут гармонь? [2, с. 121]*

Вновь гармонь выполняет культурологическую функцию – обозначает среду, стихию деревенской жизни. Также с этим музыкальным инструментом связано понятие об отдыхе и веселье.

Образ гармони в представленных лирических текстах Василия Ивановича Белова претерпевает изменения. Из текста в текст сохраняется культурологическая функция вещи: где бы ни появился этот музыкальный инструмент, он всегда привносит в повествование яркий элемент колорита деревенской жизни. В стихотворениях «Разговор с другом» и «На празднике» гармонь не называется прямо, на нее указывается косвенно, чаще всего через пляску и частушки. Как вспомогательный этот образ проявляет себя в произведениях «Вечер» и «Комсомольское лето», в первом – создавая звуковую ассоциацию у читателя, а во втором – обозначая понятие об отдыхе и веселье деревенского жителя. Наконец, как доминирующий образ гармони обозначен в лирической поэме «О чем поет гармонь» и в стихотворении «Гармонист». В обоих произведениях вещь характеризует исполнителя музыки. Также в лирической поэме этот образ достигает апогея многофункциональности: к культурологической и характерологической функциям добавляется сюжетобразующая.

Гармонь вводится в творчество Белова постепенно, сначала через эпизодическое восприятие в текстах 1956 и 1958 года, раскрываясь в полную силу в последующих произведениях. С этой точки зрения особняком стоит «Комсомольское лето», написанное в 1961 году. В этом произведении образ музыкального инструмента тускнеет, а впоследствии в лирических текстах не упоминается. Все же гармонь – образ яркий и емкий. Благодаря мастерству и таланту Василия Ивановича он получил новое осмысление.

Литература

1. Баранов С. Ю. Василий Иванович Белов: на путях творчества // Белов В. И. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 1. Стихотворения и поэмы. Повести. Рассказы. – М., 2011.
2. Белов В. И. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 1. Стихотворения и поэмы. Повести. Рассказы. – М., 2011.
3. Галанов Б. Е. Живопись словом. Человек. Пейзаж. Вещь. – М., 1972.
4. Русские писатели. XX век: биобиблиографическ. словарь. – Т.1. – М., 1998.
5. Чудаков А. П. Поэтика Чехова. – М., 1971.

НЕВОЗВРАТНЫЕ ГОДЫ МЛАДЕНЧЕСТВА И ДЕТСТВА В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ В. И. БЕЛОВА: ПАРАЛЛЕЛИ В РУССКОЙ КЛАССИКЕ

Детство и младенчество, – полагал В. И. Белов, – являются самыми важными этапами жизни человека, «они определяют человеческую судьбу, ставят вешки слева и справа на всю последующую жизненную дорогу» [1, с. 7]. В этих воспоминаниях – источник вдохновения, сила жизнепрития, нужные ориентиры: «Отраднo и неожиданнo всплывают эти впечатления посреди жизненных бурь, нечаянно возникают в зрелые годы, указывая верные направления пути, вдохновляя на борьбу и убеждая человека не падать духом» [1, с. 7].

Автор осознавал, как сложно вычленить детскую (тем более младенческую) память из напластований времени, и тем не менее утверждал: «Да все так и было, я не проецирую в прошлое элементы моих теперешних состояний или изощренной фантазии» [1, с. 7]. В то же время для писателя не так уж и важна достоверность того, о чем он вспоминает: «Как меня крестили и где? Мне думается, что это в самом деле помню. Или я просто спутал то, что писал, с тем, что должно было быть? Господь ведает!» [1, с. 91] По-видимому, правда художественная для него значимее правды жизненной, так как она менее зависит от причуд человеческой памяти, глубже и тоньше передает суть жизни.

«По своему опыту знаю, ощущаю, как годы прессуются во временные пласты. Эти пласты давят на человека в настоящем. Мне кажется, они и будут давить, пока человек жив, пока способен ощущать физическую тяжесть. И тем сильнее, чем дольше человек живёт» [1, с. 10]. Спрессованные воспоминания детства год от года становились грустнее, потому что «жизнь пошла на закат», и ярче, острее, так как «картины далекой, более чем – увы! – полувековой голодной, но счастливой поры» наполнялись для писателя новым смыслом. «Начал многое понимать лишь недавно», – писал В.И. Белов об истоках своей жизни. Примечательно в этом отношении движение авторского замысла в названии рассматриваемого нами произведения: от «Невозвратных дней» к «Невозвратным годам». Временная горизонталь в хронотопе повести от отрезка жизни вытягивается в жизненный путь, судьбу, повторить которые невозможно. Потому и «невозвратность» как то, что уже не вернётся, не восполнится, не восстановится, обретает драматический или даже трагический смысл.

Мемуары о своем детстве, отрочестве, юности В. И. Белов создавал на протяжении рубежного как для себя самого, так и для страны времени. В самом тексте повести автор обмолвился, что писал ее, видя свое приближающееся семидесятилетие, «под конец жизни», которая, как он пола-

гал, «трагична независимо от жизненной продолжительности» [1, с. 8]. Произведение создавалось В.И. Беловым с 1997 по 2000 годы. Впервые в полном объеме оно было опубликовано в журнале «Наш современник» (2001, №№8-9, с подзаголовком «Воспоминания писателя»; 2002, №2, с подзаголовком «Воспоминания»; 2005, №1). Ранее в журнале «Литература в школе» (1998, №8) с отрывком из произведения, которое имело тогда название «Невозвратные дни», читатель мог познакомиться в рубрике «Из автобиографической повести». Отрывок назывался «Березка». Первое самостоятельное издание повести вышло в 2005 г. в Санкт-Петербурге. Повестью «Невозвратные годы» открывается третий том семитомного собрания сочинений В. И. Белова с авторскими и редакционными комментариями.

Жанр произведения несмотря на внешнюю его очевидность – автобиографическая повесть – сложно определить, так как в нем есть и собственно художественное, и публицистическое начало. «Как увязать документальность с художественностью? Не знаю...» [1, с. 32], – размышляет автор. Повесть соединяет в себе элементы философского эссе, острой политической публицистики, свободного лирического монолога и даже свода архивных документов с указанием номеров фондов, описей и т.д. Сам автор называет свое произведение биографическими записями, выросшими из дневника, который он пытался вести в семидесятые годы, но вскоре забросил как ненужное «интеллигентское занятие». Наверное, это самое точное определение – биографические записи, так как в произведении автор не стремится к композиционной стройности (в книге есть повторы, стилистические небрежности, неточности в цитировании). Перед нами произведение, где повествование организуется потоком человеческой памяти, которая весьма причудлива и избирательна в отборе жизненного материала. Сложная субъектная организация связана с многоликостью повествователя: то ребенок в разную пору его взросления, то умудренного жизнью писателя.

Образ последнего встает в самом начале повести. В качестве эпитафии, точнее вместо него, автор цитирует стихотворение А.С. Пушкина «Птичка». В.И. Белов говорит, что хотел бы поставить эпитафией следующие строки: «Я стал доступен утешенью; За что на Бога мне роптать?», но, не смея править А. С. Пушкина, «ставить вместо точки с запятой знак вопроса», предпочитает оставить повесть «совсем без эпитафии...» [1, с. 7], заявляя тем не менее основной ее пафос в духе пушкинского «Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит». С имени А. С. Пушкина начинается большая литературная составляющая повести «Невозвратные годы»: отметим отсылки к творчеству В. А. Жуковского, Н. В. Гоголя, А. Н. Плещеева, А. З. Сурикова, А. Т. Твардовского, М. А. Шолохова, А. А. Фадеева и многих других, в том числе писателей-современников.

Произведение В.И. Белова «Невозвратные годы» вписывается в традиционную линию русской автобиографической прозы XIX века (Л. Н. Толстой «Детство», «Отрочество», «Юность», С.Т. Аксаков «Детские годы Багрова-внука», Н. Г. Гарин-Михайловский «Детство Тьмы» и

др.) и феноменологической прозы XX века (И. А. Бунин «Жизнь Арсеньева», Б. К. Зайцев «Путешествие Глеба», Г. И. Газданов «Вечер у Клэр», И. С. Шмелев «Лето Господне» и др.) прежде всего особым интересом к теме детства.

В повести «Невозвратные годы» автор неоднократно возвращается к описанию и анализу детства. Особенно интересно писателю время колыбели человека – младенчества. Воспоминания-переживания этого состояния пленяют и удивляют его, в нем он находит божественную природу человека, когда окружающий мир и ребенок совершенно нераздельны.

Младенчество для В. И. Белова состояло «из радости, спокойствия, блаженства, полной гармонии и ещё чего-то необъяснимого и прекрасного» [1, с. 7]. И именно оно определяет человеческую судьбу, остается главным на всю жизнь. Нельзя не увидеть в этих строках традиционно толстовской мысли о детстве: «Счастливая, счастливая, невозвратимая пора детства! Как не любить, не делять воспоминаний о ней? Воспоминания эти освежают, возвышают мою душу и служат для меня источником лучших наслаждений» [3, с. 36].

Не дата появления на свет первостепенна для ребенка. Для В. И. Белова знаковым был тот факт, что день и число его «появления в этом, первоначально прекрасном мире не запомнила даже мама Анфиса Ивановна» [1, с. 8]. У И. А. Бунина находим близкую В. И. Белову мысль: «У нас нет чувства своего начала и конца. И очень жаль, что мне сказали, когда именно я родился» [3, с. 339]. Для обоих писателей более важен первый образ окружившего младенца мира. «Объёмен, универсален этот образ. Он не дробился на отдельные зрительные, слуховые и прочие ощущения. Он был неосознанным и он также не имеет названия», – пишет В. И. Белов [1, с. 7]. Это и тоска ребенка по матери, ушедшей за реку косить траву, и страх непреодолимого расстояния, и молитвенные и колыбельные мелодии бабушки, и счастливые детские сны. Состояние младенчества описано в произведении как нерасчленимое, нераздельное, растворенное в мире существование: «Моего «я» совсем тогда не существовало, я был окружён миром, отражённым самим в себе, а может быть, мир был мною, отражающим самоё себя. <...> Я был растворён в мире, хотя моё тельце уже качалось в скрипучей драночной колыбели» [1, с. 7].

Внутренний мир младенца неотделим от мира внешнего, ведь их граница лежит в осознании себя. Не осознавая своего существования, дитя не осознает и границы между грезами и реальностью. В. И. Белов пишет: «Как раз в таком младенческом и раннедетском состоянии сны и явь плавнее перетекают друг в друга, то сливаются в одно целое, то разъединяются. У младенца нет разницы между сном и реальностью» [1, с. 7]. Без образов детских снов не обходится почти ни одно автобиографическое повествование. «Образы детских счастливых снов, приходившие ко мне во младенчестве, разумеется, давно стёрлись. Давно улетели из моей памяти эти мимолётные вестники разума. Утверждать, что ясно помню шелест их нежных,

почти ангельских крылышков, я не могу, но ощущение этой радостной нежности, их лучезарный свет остались, видимо, навсегда...» [1, с. 7]. Тон умиления и ангельской святости детских снов в мемуарах В. И. Белова звучит эхом «Детства» Л. Н. Толстого: «Где те горячие молитвы? где лучший дар -- те чистые слезы умиления? Прилетал ангел-утешитель, с улыбочкой утирал слезы эти и навевал сладкие грезы неиспорченному детскому воображению» [5, с. 37]. Дар умиления у ребенка передается и писателям, переживающим его в своих воспоминаниях как «чувство покойной, сладостной жалости, смирения, сокрушения, душевного радушного участия» [4, с. 1011].

Раннедетское состояние гармонии ребёнка с миром очень подвижно, хрупко, зыбко. Оно постоянно нарушается в «Невозвратных годах» то тоской от временной (пусть и совсем непродолжительной) разлуки с матерью, то страхом потерять родных, с кем ребенок уже ощущает кровную связь, то совсем необъяснимо возникающим состоянием одиночества в этом мире. Странно, что все эти переживания маленького Васи серьезны, глубоки, по-настоящему горестны и, по-видимому, врезались в память навсегда, так как именно они всплывают (иногда вспыхивают) в раздумьях писателя о первом годе своей жизни. Не раз в тексте повести он вспомнит о том, как больно ему было от предчувствия, что бабушка Фоминишна любит его меньше, чем старшего брата Юрия: «Это ощущение моей, так сказать неполноценности в глазах бабушки я испытал очень рано, почти в младенчестве, то есть ещё в 1933 году, когда мне было меньше года... Как охарактеризовать это самое ранее горькое чувство?» [1, с. 83].

Как оказывается важно для писателей осмыслить, понять, правдиво реконструировать время колыбели во всей его противоречивости. Так И. А. Бунин писал: «Младенчество своё я вспоминаю с печалью. Каждое младенчество печально: скуден тихий мир, в котором грезит жизнью ещё не совсем пробудившаяся для жизни, всем и всему ещё чуждая, робкая и нежная душа. Золотое, счастливое время! Нет, это время несчастное, болезненно чувствительное, жалкое... Почему же остались в моей памяти только минуты полного одиночества?» [3, с. 341].

Стремясь объяснить трагичность «младенческого одиночества», И. А. Бунин и В. И. Белов заканчивают монологи похожими синтаксическими конструкциями. Прямого ответа на поставленные писателями вопросы в автобиографических текстах нет. Но у В. И. Белова есть такие размышления: «Рождая дитя, мать испытывает боль, физические страдания. По логике, такую же боль должен вынести и рождающийся младенец. Разве ему не так же больно и трудно, как и его матери? Но мы никогда не говорим о страданиях и боли рождающихся. Может быть, они не испытывают боли потому, что ничего не знают о ней?» [1, с. 8].

Младенчество и детство соотносится у В. И. Белова прежде всего с образом матери: «Ликующие образы мира и образ матери — для младенца одно и то же» [1, с. 8]. В то же время «первые младенческие трагедии» то-

же связаны с матерью: боль от обидной для матери частушки соседки, страдание к матери из-за неоправданной ревности отца. «Мое сердце разрывалось от жалости к матери» [1, с. 84], — пишет автор.

Конечно, это голос взрослого сына, но это и детские неосознанные, интуитивные страдания, сохраненные памятью ребенка. «Я задыхаюсь от нестерпимой тяги к ней, от сладкой тоскливой нежности к этому родному и единственному в мире существу, бегущему от заречных травяных копен меня выручать» [1, с. 20]. Сохранила память такие воспоминания и у других русских писателей. Например, у И. А. Бунина в «Жизни Арсеньева» читаем: «Что до матери, то, конечно, я заметил и понял ее прежде всех. Мать была для меня совсем особым существом среди всех прочих, нераздельным с моим собственным, я заметил, почувствовал ее, вероятно, тогда же, когда и себя самого... С матерью связана самая горькая любовь всей моей жизни. Все и все, кого любим мы, есть наша мука, -- чего стоит один этот вечный страх потери любимого! А я с младенчества нес великое бремя моей неизменной любви к ней, -- к той, которая, давши мне жизнь, поразила мою душу именно мукой, поразила тем более, что, в силу любви, из коей состояла вся ее душа, была она и воплощенной печалью: сколько слез видел я ребенком на ее глазах, сколько горестных песен слышал из ее уст!» [3, с. 345].

Облик матери в раннедетской (определение В. И. Белова) памяти запечатлен особым образом. Он продиктован чувственными ощущениями. Общее выражение может ускользать, память сохраняет отдельные зрительные, слуховые, тактильные и другие впечатления. В. И. Белов пишет об одном из них: «Как и что певала моя матушка? Об этом говорить можно очень долго, но здесь главное для меня не слова, а мелодии и манера пения». Звук песни матери, «без слов, но живой», упоминает в своих дневниковых записях М. Ю. Лермонтов: «Когда я был трех лет, то была песня, от которой я плакал: ее не могу теперь вспомнить, но уверен, что, если б услышал ее, она бы произвела прежнее действие. Ее певала мне покойная мать» [7, с. 14].

В «Детстве» Л. Н. Толстого маленький герой не раз возвращается к мысли о том, что «лицо и положение мапана решительно ускользают» из его воображения, но он помнит музыку, которую она исполняла: «Мапана играла второй концерт Фильда — своего учителя. Я дремал, и в моем воображении возникали какие-то легкие, светлые и прозрачные воспоминания. Она заиграла Патетическую сонату Бетховена, и я вспоминал что-то грустное, тяжелое и мрачное. Мапана часто играла эти две пьесы; поэтому я очень хорошо помню чувство, которое они во мне возбуждали. Чувство это было похоже на воспоминание; но воспоминание чего? казалось, что вспоминаешь то, чего никогда не было» [5, с. 27]. Вспоминаемое и воображаемое сливается в душе ребенка, рождая удивительные образы, которые человек пытается порой разгадать на протяжении всей последующей сознательной жизни.

Л. Н. Толстой, И. А. Бунин, В. И. Белов, описывая в своих автобиографических текстах детские ощущения и воспоминания, размышляют об их природе. В. И. Белов полагал, что «запахи, звуки, игра света запоминаются с младенчества» [2, с. 99], а «картинки детства» сохраняются «десятками, сотнями» [1, с. 15]. Образная ли память ребенка, художественная ли память писателя отбирает из этого множества не столько происходящее с дитя, сколько переживаемое им, чувственное, суггестивное, подобное «живописному холсту в раме» [1, с. 20] событий. Как, например, насыщенно восприятие маленького героя Л. Н. Толстого: «Говор народа, топот лошадей и телег, веселый свист перепелов, жужжание насекомых, которые неподвижными стаями вились в воздухе, запах полыни, соломы и лошадиного пота, тысячи различных цветов и теней, которые разливало палящее солнце по светло-желтому жнивью, синей дали леса и бело-лиловым облакам, белые паутины, которые носились в воздухе или ложились по жнивью, — все это я видел, слышал и чувствовал» [5, с. 21].

Интересна образная переключка с текстом В. И. Белова, в память которого «врезалась ... незабвенная, ослепительно яркая картина солнечного зелёного дня с белыми клубами облаков на голубом бесконечном небе, с гудящими в нашем огороде оводами и мухами, с крапивой и какими-то мощными цветочными запахами» [1, с. 20]. Память героя «Жизни Арсеньева» И. А. Бунина сохранила самое первое, младенческое впечатление: «большая, освещенная предосенним солнцем комната, его сухой блеск над косогором, видимым в окно на юг...» [3, с. 340]. Арсеньева мучает вопрос: «Почему именно в этот день и час, именно в эту минуту и по такому пустому поводу впервые в жизни вспыхнуло мое сознание столь ярко, что уже явилась возможность действия памяти? И почему тотчас же после этого снова надолго погасло оно?» [3, с. 340].

Самые ранние воспоминаия, запечатлевшие статичный мир без времени, сменяются последовательностью подвижных и взаимосвязанных ощущений и образов. Вот как об этом писал И. А. Бунин: «Детство стало понемногу связывать меня с жизнью, — теперь в моей памяти уже мелькают некоторые лица, некоторые картины усадебного быта, некоторые события» [3, с. 342]. В этой смене, может быть, переход из младенчества в детство. Граница между этими состояниями так же «неясна, неопределенна, как неясна она при смене, например, ночи и утра, весны и лета, ручья и речки» [2, с. 99]. Определяя эту пору, писатель старается восстановить в памяти последовательность осознания им своей самостоятельности, перехода из хаоса, растворенности в мире к отдельности существования: «Оно, это единство, всё активнее то и дело подменялось какой-то маленькой, зато упорядоченной своей частицей. Теперь, будучи взрослым, я знаю, что начало этой подмены совпадает с началом самосознания...» [1, с. 15].

Осознав себя в мире, ребенок испытывает и себя, и мир: «Влекомый какой-то силой», он «вдохновенно ползет по траве» и переживает «неудержимый восторг от преодоления двух древних ступенек» ветхой лест-

ницы [1, с. 20]. И каждый шаг ребенка – новое открытие мира: «В то же лето я начал своими ногами бродить по деревенской травке, остерегаясь крапивы. Чудное, сладостное чувство новизны охватывало меня при знакомстве с деревней, с новыми, не родными людьми!» [1, с. 20]. Кто как не ребенок открывает мир как божественное творение. «О, как я уже чувствовал это божественное великолепие мира и Бога, над ним царящего и его создавшего с такой полнотой и силой вещественности!» [2 с. 347] – восклицает герой Бунина. Конечно, печать божественного несет прежде всего само дитя. Оно не знает об этом, значительно позже «мы смутно сознаем себя самих — лишь грезю природы» [6, с. 352]. Лишь повзрослев, понимаем, что в детстве «мы сами были и душистыми лазоревыми цветами, и небесными птицами», по выражению В. И. Белова.

Мир детства в книгах Толстого, Бунина, Белова – это благоухающая природа деревни, щедро одаривающая людей своими богатствами, это роскошь общения с нею, это царство зверей, растений. «Во времена моего детства зимой у гумна, в двухстах метрах от дома, ещё прыгали по кочкам зайцы двух пород: крупные – русаки и поменьше – беляки. Сам своими глазами их видел. < > Лисы ходили по заячьим следам, не одна и не две. Стаи куропаток шумно вылетали из гумна. Какой стоял гам, какой вселенский концерт звучал в летнем нашем лесу. Особенно весной или в начале лета» [1, с. 43], – вспоминал Белов.

«По-видимому, лучше всего считать началом детства то время, когда человек начинает помнить самого себя» [2, с. 99], – полагал В. И. Белов. У писателя эти воспоминания относятся к первым годам жизни: «Из самого раннего детства я помню несколько чётких ощущений. Три или четыре ярких картинки запечатлены в душе очень четко. Мне было два или три года» [1, с. 14]. «Самое раннее впечатление детской поры» писателя связано с бабкой Наташей, которая потеряла свой нательный крестик: «Бабка Наташа ищет его сама, и мы с братом тоже ищем, ползая по полу. Ощущение этого поиска до сих пор так свежо, так непосредственно и остро!» [1, с. 15].

Что детская память отбирает из окружающей ребенка картины мира? «Я не помню ни лица её, ни одежды, помню только ощущение её доброты и хлопотливости» [1, с. 15], – пишет В. И. Белов о своей двоюродной бабушке, Наташе*. Подобные детские ощущения находим и у героя Л. Н. Толстого: «С тех пор как я себя помню, помню я и Наталью Савишну, ее любовь и ласки; но теперь только умею ценить их, – тогда же мне и в голову не приходило, какое редкое, чудесное создание была эта старушка» [5, с. 31]. Не с этого ли раннедетского «ощущения доброты» и начинается осознание доброты человеком?

* Интересен комментарий В. И. Белова к этому имени: «Не Натальей звали, не Натальей Лаврентьевной, а именно Наташей. Совсем девичье имя, как в толстовской «Войне и мире»» [1, с. 21].

С ранних лет герой отмечал людей, наделенных добротой, или его память, не совсем осознанно для маленького и вполне осознанно для взрослого, сохраняла их образы. «Почему я так усиленно вспоминаю тётку отца Наташу, кривую (с бельмом) бабушку Таню, горбатенькую Иришу? Объясни в обратном порядке. Ириша запомнилась как бесконечно добрая, смиренная мамина крестная. Таня Колыгина тоже была добрая». В чутком сердце ребенка образы доброты «сливались в одну картину» [1, с. 22], и в этой слитности «память сердца» переносила их в сознание взрослого.

Вероятно, с образом смиренной доброты для героя мемуаров было связано первое ощущение Бога: «Да, это была та самая горбатенькая Ириша! Она крестная мать моей родительницы Анфисы. Я так хорошо её помню... Она собирала милостыню и всегда заходила к нам в пору нашего детства. Ириша была типичной представительницей Святой Руси, её доброта оказалась поистине неизбыточной!» [1, с. 21]

Доброта всегда божественна – эта истина открыта детям. И страдание божественно. Сопричастность ему наделяет ребенка величайшим даром, какой только может быть дан человеку – даром сострадания. Герой мемуаров В.И. Белова сострадал горбатенькой нищей Иришке, Николенька Иртенев – нищему юродивому Грише, Арсеньев – учителю Басакакову, «странному человеку, зачем-то дотла разорившему свою жизнь и бесцельно мотавшему ее по свету, единственному, кто понимал мои [мальчика] бесцельные мечты и страсти» [3, с. 360].

Из «детского удивления, жалости и благоговения» [5, с. 29] вырастает сострадание у героя-ребенка: «Он молился о всех благодетелях своих (так он называл тех, которые принимали его), в том числе о матушке, о нас, молился о себе, просил, чтобы Бог простил ему его тяжкие грехи, твердил: "Боже, прости врагам моим!" – кряхтя, поднимался и, повторяя еще и еще те же слова, припадал к земле и опять поднимался, несмотря на тяжесть вериг, которые издавали сухой резкий звук, ударяясь о землю. <...> О великий христианин Гриша! Твоя вера была так сильна, что ты чувствовал близость Бога, твоя любовь так велика, что слова сами собою лились из уст твоих – ты их не поверял рассудком...» [5, с. 29-30].

Сопереживая верующему, ребенок и сам причащается святых тайн: «И не раз видел я, с каким горестным восторгом молилась в этот угол мать, оставшись одна в зале и опустившись на колени перед лампадкой, крестом и иконами... О чем скорбела она? И о чем вообще всю жизнь, даже и тогда, когда, казалось, не было на то никакой причины, горевала она, часами молилась по ночам, плакала порой в самые прекрасные летние дни, сидя у окна и глядя в поле? О том, что душа ее полна любви ко всему и ко всем и особенно к нам, ее близким, родным и кровным, и о том, что все проходит и пройдет навсегда и без возврата, что в мире есть разлуки, болезни, горести, несбыточные мечты, неосуществимые надежды, невыразимые или невыраженные чувства – и смерть...» [3, с. 355].

В детстве чувство Бога так непосредственно и, безусловно, так вещественно и таинственно одновременно. Рассказы о Боге невероятно глубоко пленяют душу ребенка. «Раисья так горячо, так убежденно говорила о Христе и Предтече, что и не веришь, да поверишь. Таковы мои университеты. Верьте – не верьте» [1, с. 91], – вспоминает Белов.

Интерес к рассказам пробудился у будущего писателя благодаря отцу Ивану Федоровичу и старшему брату Юрию, было тогда ему пять или шесть лет от роду: «Я не умел тогда даже читать. Слушать, однако, умел» [1, с. 55]. Слушал он брата Юрия, читавшего вслух журнал «Колхозник», слушал отца, которого отпустили на несколько дней домой после ранения на фронте, он рассказал детям про «Тихий Дон» М. А. Шолохова и «Василия Теркина» А. Т. Твардовского. Особенно запомнилась Василию поэзия А. Т. Твардовского, остались в памяти «образы» трубокура и балагура Ивушки, жилистого деда Данилы, который парился в бане «в потолок ног» и ещё что-то смутное, волнующее о ловле рыбы решетом» [1, с. 65].

В детской памяти отложились не имена авторов и названия книг, а герои: например, Старый Гольд из «Дерсу Узала» В. К. Арсеньева, старый негр с завиральными историями про братца Кролика из «Сказок дядюшки Римуса» Д.-Ч. Харриса. Вспоминая о первых читательских опытах, В. И. Белов даст свое понимание ценности книги. Книга дорога тогда, когда читателю не важно, кто её автор. Гораздо важнее общение между героем и читателем, степень доверия последнего. «Счастливы при добротной литературе оба: и читатель, и автор, не ведающие друг о друге» [1, с. 56], – заключает В. И. Белов. Об этом счастье, пережитом еще в детстве, писал и И. А. Бунин: «Казалось бы, какой пустяк, – несколько хороших, пусть даже прекрасных, на редкость прекрасных стихов! А меж тем они на весь век вошли во все мое существо, стали одной из высших радостей, пережитых мной на земле. Казалось бы, какой вздор – какое-то никогда и нигде не существовавшее лукоморье, какой-то "ученый" кот, ни с того ни с сего очутившийся на нем и зачем-то прикованный к дубу, какой-то лесный, русалки и "на неведомых дорожках следы невиданных зверей". Но очевидно, в том-то и дело, что вздор, нечто нелепое, небывалое, а не что-нибудь разумное, подлинное» [3, с. 363] волнует воображение ребенка.

Детская фантазия оживляет любую вещь: «древнее каменное корыто, под которым можно прятаться друг от друга» [3, с. 347] или кресло, превращенное в коляску. «Один сажился кучером, другой лакеем, девочки в середину, три стула были тройка лошадей, -- и мы отправлялись в дорогу. И какие разные приключения случались в этой дороге!» [5, с. 24]. Золотое детство немыслимо без игр. «А игры не будет, что ж тогда остается?..» [5, с. 24], – писал в «Детстве» Л. Н. Толстой.

По воспоминаниям В. И. Белова, особенно много игр было летом: хождение в крапиве, «гигантские шаги», игра в рюхи (городки), «в имальцы» (т. е. с завязанными глазами нужно было кого-то искать), прыганье на гибкой доске, «в муху», «гонять попа», «в чалу», «в цыпки». Уличные забавы

деревенской детворы требовали сноровки, смекалки, быстроты реакции, сообразительности. В играх героини-мальчишки примеряли на себя роль защитников, охотников, воинов. «Каждый из сверстников и родных братьев влюблен был в оружие, стреляющее и колющее. О, сколько у меня было дел с ружьями и наганами!» [1, с. 91], – пишет В. И. Белов. Маленький герой «Жизни Арсеньева» также испытывал «страстную и бесцельную любовь» к старинному оружию: «Какой сладострастный восторг охватывал меня при одном прикосновении к этой гладкой, холодной, острой стали! Мне хотелось поцеловать, прижать ее к сердцу – и затем во что-нибудь вонзить, всадить по рукоятку» [3, с. 359-360]. Романтическое сознание мальчишек пленяло не только оружие, но девичья нежность и грация, «первый проблеск самого непонятного из всех человеческих чувств...» [3, с. 361]. Так детство сменялось отрочеством...

Несмотря на разное историческое время, вопреки разнице событий детства, социального статуса героев, степени «художественности» и «публицистичности» в автобиографических текстах Л. Н. Толстого, И. А. Бунина, В. И. Белова, есть универсальные категории, в которых образ детства в их прозе реализуется. Думается, что есть явная архетипическая основа в осмыслении образа детства в русской классической прозе, частью которой является творчество В. И. Белова. Архетип идиллического мира младенчества и детства постоянно мелькает среди трагичных размышлений писателя. Невозвратные годы детства являются важнейшей составляющей духовной родины В. И. Белова. Деревня с устоявшимися правилами «лада», духовного здоровья является основной пространственной координатой, где происходили все значимые события для самосознания и самопознания ребенка. Круг семьи, родни, друзей, в общении с которыми сформировались главные жизненные ценности, во многом уже очерчен в детстве писателя. И, наконец, игры, устные рассказы, книги и золотые россыпи народного творчества дали ориентиры из детства в отрочество и юность.

Литература

1. Белов В. И. Невозвратные годы // Белов В. И. Собр. соч. в 7-ми томах. – Т. 3. – М., 2011. – С. 7-94.
2. Белов В. И. Лад // Белов В. И. Собр. соч. в 7-ми томах. – Т. 5. – М., 2012. – С. 7-286.
3. Бунин И. А. Жизнь Арсеньева // Бунин И. А. Избранные сочинения. – М., 1984. – С. 339-558.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4-х томах. – ТТ. 2,4. – М., 1994.
5. Толстой Л. Н. Детство. Отрочество. Юность. – М., 1978.
6. Тютчев Ф. И. Сочинения. – СПб., 1886.
7. Шувалов С. В. М. Ю. Лермонтов: жизнь и творчество. – М.; Л., 1925.

ТЕМА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ТВОРЧЕСТВЕ В. И. БЕЛОВА

В творчестве В. И. Белова нет собственно «военных» произведений, связанных с изображением сражений Великой Отечественной войны (как, например, у писателей-фронтовиков Ю. В. Бондарева, В. П. Астафьева и др.), и все же тема войны занимает значительное место в его произведениях, как стихотворных, так и прозаических. Так, в стихах Белова постоянно возникают образы «сыновей... / Что с войны не пришли домой» [1, с. 49], тех, чья «молодость и сила / Навсегда украдена войной» [1, с. 81].

Особенно ярким и проникновенным в этом смысле является, на наш взгляд, стихотворение «Мне память ваша дорога...», написанное от лица погибшего воина, в котором угадывается образ отца писателя – Ивана Федоровича Белова, погибшего на фронте в 1943 г. Здесь главной становится тема памяти, дающей героям бессмертие:

Мне память ваша дорога,
Я только с ней, друзья, бессмертен
И также страшен для врага,
Как это было в сорок третьем.
Припомните последний бой.
Я умер на степном пригорке,
Не дописав письмо домой,
Не докурив паёк махорки.
Был голубым небесный свод,
Он потемнел от смертной пыли.
Вы без меня ушли вперед
И без меня врага добили.
А я лежал без чувств и сил,
Уже не слыша гул сражений,
Я у Отчизны попросил
Земли родимой две сажени...
Весной нарядится земля, —
Как много было мирных весен, —
Я слышу шорох ковыля
И перелив девичьих песен,
И шум ветров в степных лугах, —
Я слышу все, друзья, поверьте!
Мне ваша память дорога,
Лишь с ней я неподвластен смерти [1, с. 64].

В дальнейшем о своем отце и его судьбе В. И. Белов рассказывает в повести (воспоминаниях) «Невозвратные годы» (1997 – 2000). Иван Федорович был призван в армию в начале 1942 г. В одном из сохранившихся писем (которое цитирует Белов в своем произведении) отец писал 18 мая этого года из госпиталя своей сестре: «О себе скажу, что в армию был взят в феврале и сразу же был направлен на Ленинградский фронт. На фронте был 28 дней и все время в боях. Каждый день наступали, занимали немецкие блиндажи. Ночевали и опять наступали. Не рассчитывал, что останусь живой, но судьба все-таки пока улыбнулась... Последний день, когда пошел в бой, пуля ударила в кисть правой руки, до этого ни одна пуля, ни один осколок не порвал шинели. Кто-то за меня молился, что я еще так отделался...» [2, с. 12, 16].

После ранения Ивана Федоровича «отпустили на несколько дней домой». «Помню, как он рассказывал нам про книгу «Тихий Дон», сожалея, что не успел дочитать ее в госпитале», – пишет В. И. Белов в своей повести [2, с. 56]. Это была последняя его встреча с отцом: в сентябре 1943 г. отец погиб под Смоленском во время штурма Духовщины.

«В конце лета 1943 года, – сообщает Василий Иванович далее, – войска под командованием генерала Еременко заняли плацдарм на берегу смоленской реки Царевич... Генералом Еременко было решено взять Духовщинский укрепленный район без танков и артиллерии. Тройная линия вражеской обороны была сделана с немецкой основательностью. Обширное поле перед селом Троицким... было сплошь, словно снопами, устлано телами бойцов, а вода в реке Царевич текла бурой от крови...» [2, с. 13]. Здесь и сложил свою головушку Иван Федорович Белов...

В. И. Белову довелось побывать на братской могиле, где был похоронен его отец. Их оказалось целых три (в какой из них был похоронен Иван Федорович, узнать было невозможно). «Я поминал отца на трех могилах, по очереди...» [2], – пишет Василий Иванович. Своей матери, Анфисе Ивановне, он привез «пучок осенней травы» с могилы над Царевичем...

Война предстает в произведениях Белова и в рассказах фронтовиков, вернувшихся с поля боя домой. К примеру, главный герой принесшей первую известность писателю повести «Привычное дело» (1966-1967) Иван Африканович Дрынов был фронтовиком, прошел всю войну, «до Берлина дошел» [3, с. 52], пришел с нее – «скрозь» него «шесть пуль прошло» [3, с. 53], «живого места нет, нога хромала, так и плясал с хромой ногой» [3, с. 20], имел награды – ордена Красной Звезды и Славы (с ним «на груди» бегал его сын Васька [3, с. 52]). В разговоре с земляками он вспоминает, «сколько страху пережил <...> на Мурманском направлении» [3, с. 53], как их часть высадили 9 февраля 1942 г. на станции Хвойной Северо-Западного фронта и они шли «пешком на Волхов, оборону заняли у Чудова, голодные и холодные, кусать было нечего, кроме червивой конины» [3, с. 53-54], как он чудом остался жив, когда снаряд попал в землянку и «такое колебание случилось, что от командира ничего не осталось», а сам

Иван Африканыч только в Малой Вишере, в госпитале, очухался, где его «три месяца перекачивали <...> санитары с боку на бок» [3, с. 54], как под Смоленском ходили «в тыл к немцу <...> мостик один заминировать да еще и немца, который повиднее, для штаба приволокчи» [3, с. 54] и, наконец, о том, как его дружки-сослуживцы Олешка Сапогов, татарин Охмет и Мишуха рязанский накрыли его плащ-палаткой и устроили ему «темную», чтобы он матушке письма писал [3, с. 54]. Рассказ Ивана Африканыча о перипетиях его военной жизни, несомненно, дополняет наши представления об этом сложном и неоднозначном образе.

Обращаются к воспоминаниям о войне и герои пьесы Белова «Над светлой водой» (1973) – престарелый колхозник Федор Дмитриевич Касаткин («сержант Касаткин») и полковник в отставке Михаил Павлович Смирнов («товарищ лейтенант»), служившие в сорок втором в одной части на Калининском фронте. «Миша... Помнишь, как под Оршей-то? В атаку-то поднялись, в рукопашную-то? Вот тогда умирать боязно было... А теперь что...» – признается Федор Касаткин, отстаивая свое право на жизнь в Каменке, которая должна была быть ликвидирована в связи с проведением кампании по укрупнению деревень [4, с. 308].

А про майора – героя рассказа «За тремя волоками» (1963), пробирающегося спустя много лет в родную деревню Караваиху, известно только, что он «как на фронт уехал, так больше и не бывал дома» [1, с. 352] и что он «жил и рисковал иногда жизнью из-за неё, ради этой родины, ради её людей» [1, с. 344]. Какие на его долю выпали испытания в годы войны – автор об этом умалчивает, хотя, несомненно, что пережито его героем было немало...

Следует отметить, что В. И. Белов очень трепетно и осторожно относился к теме Великой Отечественной войны, стараясь в своих произведениях писать только о том, что было известно ему из достоверных источников (со слов очевидцев, например) и чему он сам был свидетелем. Не случайно более развернуто в его творчестве описана жизнь в тылу в годы войны, суровое детство в дни «военной мороки» [5, с. 15] в вологодской глубинке.

Подлинного драматизма исполнен рассказ «Такая война» (1985), в котором повествуется о судьбе простой русской женщины – немолодой колхозницы Дарьи Румянцевой. Её сына Ивана «убило на фронте в сорок втором», однако «похоронка» «пришла только весной сорок третьего» и «шла к Дарье больше года» [3, с. 427]. Из-за этого, а также потому, что подпись на бумаге была непонятная («один крючок с петелькой»), она решила, что «бумага фальшивая, подделанная каким-то недобрым человеком» [3, с. 427] и продолжала ждать своего сына, верила, что он жив. Но жить становилось все труднее и труднее: нужно было не только выживать в условиях полуголодного существования, но и отдавать государству налоги. Как не вышедшая из возраста Дарья должна была платить полный налог, включавший, помимо продуктов (яйца, мясо, шерсть и картошка) еще и денеж-

ный сбор. С деньгами же у Дарьи было совсем плохо, и ответственный сборщик налогов в деревне «Пашка Неустроев, по прозвищу Куверик, по здоровью не взятый в армию Ваня одногодок» [3, с. 429], проявил «принципиальность» и забрал у Дарьи в счет уплаты денежного налога последнюю ценную вещь – самовар, в котором она и воду кипятила, и картошку варила... Деревенские бабы выкупили самовар, но Дарьи уже не нашли: изба ее была на замке, «видно, сердешная, по миру ушла» [3, с. 437]... В этом контексте название рассказа – «Такая война» – приобретает двойной смысл. Ведь получается, что война шла не только на фронте, но и в тылу, где она была связана с борьбой за выживание, за сохранение человеческого достоинства, за веру и любовь против формализма, лжи и лицемерия.

О своем трудном военном детстве В. И. Белов рассказывает на страницах повести «Невозвратные годы» [2, с. 7-94]. Тема детства в суровых условиях военного лихолетья находит также воплощение и в целом ряде других прозаических произведений автора (рассказах «Мальчишки», «Моя жизнь», «Калорийная булочка» и других).

Таким образом, тема Великой Отечественной войны занимает заметное место в творчестве В. И. Белова: и как память о подвиге отцов, и как воспоминание о суровом детстве в военные годы, и как то, что требует на современном этапе нового осмысления и защиты от лжи и передергиваний... При этом Белов в полной мере следует реалистическим традициям русской литературы, стремясь к глубоко правдивому изображению реалий тех грозных лет.

Литература

1. Белов В. И. Собрание сочинений: В 7 т. Т.1. – М.: РИЦ «Классика», 2011.
2. Белов В. И. Собрание сочинений: В 7 т. Т.3. – М.: РИЦ «Классика», 2011.
3. Белов В. И. Собрание сочинений: В 7 т. Т.2. – М.: РИЦ «Классика», 2011.
4. Белов В. И. Собрание сочинений: В 7 т. Т.6. – М.: РИЦ «Классика», 2012.
5. Рубцов Н. М. Собрание сочинений: В 3 т. Т.2. – М.: ТЕРРА, 2000.

Ю.В. Розанов
Вологда

МОРЕ-ОКЕАН И СЕВЕРНЫЕ РЕКИ: ВОДНАЯ СИМВОЛИКА АЛЕКСЕЯ РЕМИЗОВА

Говоря о водной символике в произведениях А. М. Ремизова, в первую очередь вспоминают фольклорный гидроним «Море-Океан». Свою основную «неомифологическую» книгу, вышедшую в 1911 году, писатель назвал «К Морю-Океану». Именно туда отправляются юные герои Ремизова – Алалей и Лейла. На пути они встречаются с множеством мифологических и квазимифологических существ, описание которых и составляет ос-

новой смысл книги. Заявленная ремизовскими героями цель путешествия – достижение «Моря-Океана» – конкретизировалась на последнем этапе работы над книгой. В написанном в 1909 году рассказе «Ночь у Вия», который также будет включен в новую книгу, герои еще направляются к более привычному «синему морю» [4, с. 47]. «Море-Океан» как ритуальная или символическая (в парадигме фольклорного символизма) цель «хождения» чаще всего встречается в зачинах русских заговоров: «Стану я, раб Божий, благословясь, пойду перекрестясь из избы в двери, из ворот в ворота, в чисто поле в восход, в восточную сторону, к Окияну морю, и на том святом Окияне стоит стар матер муж...» [3, с. 142]. Это устойчивое выражение, представляющее собой столь распространенное в языке фольклора парное сочетание синонимов, не имеет четкого значения. Под «Морем-Океаном» фольклор подразумевает и иной мир («тот свет»), и небо, и некую изначальную водную стихию – «океан-море – всем морям отец», и водную преграду на границе «сокровенной страны Беловодьс», а также и некоторые реальные водные объекты, чаще всего Белое море. Такая неопределенность полностью принимается писателем, поскольку истинной целью ремизовской «дороги на океан» является не достижение какой-либо географической точки (даже в плане мифологической географии), а освоение неведомого для элитарной культуры пространства русской демонологии, демонстрация существ, это пространство населяющих. Из фольклорного символизма данный топос естественно перешел в символизм литературный. Если бальмонтская Жар-птица лишь мечтала «О том заморском крае, / Где Море с Небом слито» [2, с. 3], то ремизовские герои достигли «Моря-Океана». Писатель повышает ценностный статус фольклорного образа и, следовательно, тематики своей книги, поскольку главный символ в литературе символизма должен соответствовать абсолюту. Так, Андрей Белый в сборнике «Золото в лазури» (1904) трактует поиски лирическим героем и его друзьями «аргонавтами» «золотого руна» как «плаванье» за Великой Истиной, сокрытой в глубинах мироздания. Не исключено, что путешествие «аргонавтов» Белого непосредственно повлияло на сюжетный ход Ремизова. Во всяком случае, в символе «Море-Океан» писатель нашел удачный национальный аналог «золотому руну».

Другая грань «водного символизма» Ремизова проявилась в его текстах, связанных с Русским Севером, с Вологдой. Начинающий писатель отбывал ссылку в Вологодской губернии с 1900 по 1903 год, жил он во вполне речных местах: сначала в Устьсысольске – небольшом городке близ устья достаточно крупной реки Сысолы, притока Вычегды (система Северной Двины), потом в Вологде, на берегу одноименной реки. В «вологодских» произведениях писателя встречаются самые разнообразные речные мотивы: названия рек, их характеристики, речные пейзажи, названия судов и пароходных компаний, исторические и мифологические представления о реках и речных существах, экзистенциальные взгляды на сущность рек.

Исследователь мифопоэтики русского символизма А. Ханзен-Лёве выделяет две разновидности водной символики у авторов этого направления: «Стоячая вода отражает некий диаволический (лунный) мир теней и демонов, но обнаруживает и свои глубины, где обитают существа нижнего мира; а текучая вода символизирует реку времени, вечное течение или текучую вечность, с которой мы встречались в описаниях космогонии» [11, с. 676]. Ремизов не просто «дышал воздухом символизма», по известному выражению В. Ходасевича, он, по сути дела, открыто позиционировал себя в качестве символиста школы Вяч. Иванова. Поэтому речная градация Ханзена-Лёва вполне применима для нашего случая.

Стоячая вода – это река Вологда. В энциклопедической статье особо подчеркивается, что «падение реки небольшое и поэтому скорость течения невелика, глубина в верховьях малая, но ниже г. Вологды достаточная для судоходства» [11, с. 59]. Летом вода в реке обычно «зацветала» – покрывалась плавающими на поверхности зелено-бурыми водорослями, издавала неприятный запах. Историческая песня, основанная на местной легенде, утверждает, что раньше река была быстрая и чистая, но испортилась из-за проклятия Ивана Грозного, на голову которому упала «плинфа красная» из свода Успенского собора в Вологде:

Река быстра – славна Вологда
Стала быть рекой стоячею,
Водой мутною, вонючею,
И покрылася вся тиною,
Скверной зеленью со плесенью...

Обратимся к одному из самых ранних «вологодских» текстов Ремизова – рассказу «Иван Купал» (1903). На Иванов день к рассказчику приходит гость, Иван Степанович, приятель хозяина, любитель ночных купаний и подводной археологии. Это довольно странный субъект с «испытым, изболевшимся лицом» и «мутными страдальческими глазами». Гость демонстрирует рассказчику не менее странные предметы, найденные им прошлой ночью в реке: склянку с песком, который он считает золотиносным, и старую позеленевшую кость, предположительно фрагмент бивня мамонта. Из слов Ивана Степановича следует, что главное речное сокровище ему мешают найти некие демоны, которых он по закону табуации называет местоимением «они». «Они все знают, ... знают и чувствуют. И сила их в том, что чувствуют. А мы что? И знаем немного, а того меньше чувствуем. Но дай срок, нырну я в самую глубь, найду я такое место в реке» [6, с. 110]. Здесь, несомненно, отразились вологодские городские предания о «водяных тайниках», якобы устроенных Иваном Грозным на дне реки при строительстве на берегу крепости, и о водяных демонах, охраняющих царские сокровища.

Вторая часть рассказа ориентирована на более традиционную водную мифологию. Вечером приятели идут на реку. Они наблюдают, как дети, исполняя древний купальский обряд, бросают венки из полевых цветов в воду, загадывая «на счастье». Герои подходят к омуту. «Вот тут, – шепнул Иван Степанович. Он вытащил из-под полы венок и, показав на темную вздрагивающую воду омута, бросил: – на тебя, на твоё счастье. И венок завертелся, запрыгал, потом глубоко скрылся и снова выплыл. Выплыл мой венок и канул» [6, с. 111].

Из краткого изложения эпизода видно, что в нем имплицитно присутствует мифологический рассказ, основанный на поверьях о гадании на Ивана Купалу, но герой Ремизова, очевидно, по незнанию, нарушает правила обряда. В народной традиции гадают исключительно девушки, причем только на себя, гадание на другого не допускается. На более древней стадии обряда, как свидетельствуют материалы А. Терещенко, венки осмыслялись как дар русалкам, за который они добывали девицам женихов [9, с. 132]. Гадание на брошенном в воду венке предполагает такие результаты: чей венок утонет – та умрет в течение года; чей венок поплывет в определенную сторону – в ту сторону эта девушка в ближайший год и выйдет замуж; чей венок уплывет дальше прочих – той улыбнется самой большое счастье; у кого венок стоит неподвижно – у той не будет особых перемен в жизни [1, с. 137]. Тем не менее, в рассказе «Иван Купал» в сакральное время «приведен в действие» мантический механизм и получен вполне определенный ответ: венок «канул», что означает смерть в ближайшем году человека, бросившего в воду этот венок.

Но более адекватным представляется иное толкование этого символического эпизода. В этом случае незнание обряда относится не только к герою, но и к автору. В 1903 году Ремизов мог знать лишь самое общее в мантическом действе на Купалу – утонувший венок предвещает лишь несчастье, смерть, что и использовал. Мастерство художника подсказало ему нетривиальный ход – венок, брошенный героем в омут, «завертелся, запрыгал, потом глубоко скрылся и снова выплыл, выплыл и канул», т. е. допускается возможность, что он не утонул, а незаметно для героев уплыл по течению. Если условия обряда не соблюдены, то нет и ясного результата. Остается лишь ощущение тревожной неопределенности, чего, видимо, и хотел достичь писатель-декадент.

Ровно через полвека Ремизов вновь вспомнит реку Вологду в мемуарном рассказе «Мое вступление в литературу», позднее вошедшем в книгу «Иверень». За этот срок Ремизов не только неплохо изучил народную демонологию, но и создал собственную мифологию, в которой причудливо переплелись традиционные демонологические представления с фантазиями писателя и реалиями его долгой жизни в искусстве. Начнем с более традиционного эпизода. Бездна «тихих вод» обычно сопоставляется с любовными переживаниями под знаком луны и ночи, при этом в раннем символизме «еще доминирует типично диаволическое наслаждение гибели и демо-

ническая красота» [11, с. 669]. У Ремизова любовный аспект заменен дружеским: «– по Вологде на лодке, за нами луна – широкий ключ – а не догони. Лунная ночь – находчивый и хитрый вопрошающий Кирик, а разговоры – душа нараспашку» [7, с. 487]. Если учесть, что самым близким другом писателя в Вологде был поэт и будущий террорист Иван Каляев, то и тема смерти не будет лишней в этом душевном мужском разговоре на реке под луной.

Еще два эпизода из книги «Иверень» происходят на реке Вологде, точнее в ее окултуренном сегменте – купальне. Дощатые купальни, представляющие собой полуоткрытый сарай с затопленным полом-дном, в различных модификациях просуществовали в Вологде до начала 1960-х годов. Качество воды они, конечно, не улучшали, но были удобны и предохраняли людей от плавающей грязи и водорослей. В первом эпизоде рассказчик вновь встречает странного купальщика, но теперь это странность другого рода. «В тесной купальне, как и все купальни по примеру Силоамовой Купели, плескалась шушера и мелочь, но один из купальщиков обращал на себя всеобщее внимание. Это был природный вологодский титан, громкое имя Желвунцов, а по прозвищу «невесомое тело», в чем я убедился собственноразумно». Секрет загадочного купальщика заключался в том, что его большие пальцы на ногах «были онапёрстаны двумя перепончатыми хоботками, припаянными прямо к когтям, – вращаясь эти хоботки и держали его на воде, как пробку» [7, с. 435].

Эпизод рифмуется со сценой купания Павла Щеголева, друга Ремизова по вологодской ссылке, в будущем видного историка и пушкиниста, из шутивого ремизовского «подорожия». (Начинающий писатель всем отбывшим срок ссылки и уезжающим из Вологды писал такие прощальные тексты). «Подорожие» Щеголеву в новой редакции также вошло в «Иверень». «Павел Елисеевич скинул с себя рубашку, повесил на гвоздик. В купальне занял он всю скамейку, а на краешке нас трое: я, часовщик и лесоторговец. На подсыхающем полу играет солнце – по щелястой стене бегали зайчики. Щеголев, не торопясь, погрузился в воду – поднимаются волны, купальня ходуном пошла, буря. «Эх, не выдержал часовщик, Россия». «Дда, одобряет сосед, Ангарец!». И оба, прикованные, следят за пловцом: с намыленной головой Щеголев плывет. В купальню набрались любопытные: не купаться, а посмотреть. <...> Только бы не упустить, когда выходить будет. «Зосима и Савватий!» – подхватывает кто-то из опоздавших» [7, с. 489].

Комментаторы современного собрания сочинений Ремизова сообщают, что возглас восхищенных зрителей процедуры нечто иное как «обращение к соловецким святым как защита от опасности или стихийного бедствия» [7, с. 671]. На самом деле речь идет не о соловецких угодниках, а о двух новых товарно-пассажирских пароходах, появившихся в то время на вологодской пристани: «Преподобный Савватий» и «Преподобный Зосима». Эти суда одной серии с цельнометаллическими корпусами грузоподъемно-

стью по 160 тонн были построены в 1902 году на Коломенском заводе и принадлежали «Северному акционерному пароходному обществу». Несмотря на их отечественное происхождение, пароходы упорно называли «американскими» или просто «американцами». Оба судна работали на маршруте Вологда – Архангельск. Таких гигантов, рассчитанных на 766 пассажиров и 30 членов команды каждый, в Вологде до этого не было, чем и объясняется сравнение дородного купальщика с пароходами. К такому же типу относится и сравнение Щеголева с «Ангарцем». В «Иверне» Ремизов упоминает этот пароход в связи со своей поездкой из Устьысыольска: «Приехал я в Вологду – пять суток плыл на Хаминовском Ангарце!» [7, с. 478]. Купец из Сольвычегодска Прокопий Хаминов занимался разными видами бизнеса, но владел только одним пароходом, причем его «Ангарец» по всем параметрам уступал «американцам».

Пароходные комментарии привели нас к большой, «текучей» воде, если воспользоваться выражением Ханзена-Лёве. Речной маршрут из Вологды в Устьысыольск по большим рекам, описан Ремизовым дважды: в синхронном плане – в цикле рассказов «В плену», в диахронном – в «Иверне». Итак, молодой москвич не по своей воле отправляется на долгих три года в «царство полуночного солнца»: «Стою на трапе. Далеко над рекою раскинулась ночь, последняя летняя. <...> Месяц широким густым ключом падает в реку. И взапуски бегут серебряные дрожащие струйки и, нагоняя друг друга, извиваются кованой лентой». На этот, пока еще нейтральный речной пейзаж, накладывается звук – слова речников: «– Налеву, куда правишь, налево! – закричал командир. – А-ах! – ответили с баржи. – налево, коли надо, прими чалку, а то отходи, поверни что ль еще! – А-ах! – ответили с баржи! <...> – На правой, вперед! – кричит командир. – Де-вять, де-сять... – отвечают с баржи». (Звукопись «стоячей воды» в символизме принципиально иная, как, например, у Александра Добролюбова: «... Дети! Поверьте: эта песня-река. Я помню и тростники, которые шепчутся над нею о грёзах своих»). Постепенно тоска и страх овладевают рассказчиком, он осознает, что плывет в страну вечного холода, в царство смерти, где он должен забыть прежнюю жизнь. «Там, впереди для меня словно остров – там что-то заброшенное и утонувшее в снеге, а позади оторванное и застывшее. <...> И протяжно и гулко запел пароход. Вздогнул лес, вздогнули берега и, громогласно ответив на зов, погрузились в сон. Что-то страшное вошло в ночь и затеснило грудь» [6, с. 98-99]. Присутствующий в этом тексте мотив забвения, связанного с рекой, традиционен. Тут и державинская «пропасть забвения» в стихотворении «Река времен», и замерзшая река времени Андрея Белого, и народные мифологические представления. В Вологодской губернии существовало поверье, существенно упрощенный вариант античной мифологии Лета – река забвения, что умерший человек через сорок дней после смерти переправляется через Забыть-реку, после чего полностью забывает свою прежнюю жизнь, родных и знакомых [10, с. 56]. Позднее Ремизов называл себя «угнанным за пять

реку» [7, с. 451]. Такая номинация также намекает на «иной мир», который в некоторых мифологических системах отделен от реального мира рекой или реками. Словом, как выразился декадент Бальмонт, «Кто в реку заглянул, / Тот Небо видит ближе».

В поздних мемуарных текстах Ремизова взгляд на северную ссылку изменился, стал более позитивным. В Вологодскую губернию в начале XX века шел все увеличивающийся поток ссыльных, распределяясь внутри региона по уездным городам. Добирались до своих мест ссыльные преимущественно на пароходах. Кроме того, и «старые» ссыльные не слишком долго сидели на одном месте. Благодаря либеральным взглядам высшего губернского начальства им разрешалось менять города. Ремизов вспоминал: «Срок ссылки три года. Усидеть на одном месте нет никакой возможности – осточертеет! – и обыкновенно передвигались: из Яренска и Устьсысольска в Сольвычегодск; из Сольвычегодска в Великий Устюг; а потом в Тотьму, либо в Кадников и наконец, в Вологду, или прямо в Вологду» [7, с. 483]. Практически все эти передвижение также осуществлялись по рекам. После Первой русской революции, когда цензура существенно ослабла, информация о движении ссыльных стала просачиваться в печать. «Вологодский листок» 1 июля 1909 года (№ 219) сообщал: «Пароход «Зырянка» отправляется из Вологды в 8 часов вечера с этапом ссыльных в Тотьму – 31 человек, в Устюг – 15 человек, в Сольвычегодск и Устьсысольск – остальные». На возросшее количество «плавающих и путешествующих» отреагировал бизнес. Известное пароходство «Лебедь» перегнало с Волги на север три парохода мощностью по 130 лошадиных сил 1860 года постройки: «Триада», «Сильфида» и «Никса». При этом громкие иностранные имена судов меняются на отечественные, простые: «Гражданка», «Москвичка» и «Зырянка» соответственно.

В ремизовских мемуарах присутствует панорамный взгляд на большие северные реки, эта панорама, вопреки устойчивым литературным штампам в описании Севера («серая вода», «серое небо») – яркая и цветная. «Нигде во всем мире нет такого неба, как в Вологде, и где вы найдете такие краски, как реки красятся – только вологодские. Полуночное солнце в белые ночи – вон глядите! Голубая и алая плывет Вологда – Вологда, Лея, Сухона, Луза, Юг, Вычегда, Сысола. А зимой при северном сиянии – небо пополам! И над белой (на сажень лед), скованной рекой льется багровое, как июньская полночь, а зеленее самой суздальской муравы, а уж такое красное – осенняя лесная ягода» [7, с. 477]. Мистическая составляющая ремизовского описания больших рек также по-своему эпична. В рассказе «Семь бесов» (1915), посвященном воспоминаниям о северной ссылке, писатель утверждал, что в пасхальную ночь из воды звучат колокола: «В Сольвычегодске на пустынном усолье ... задается год, и счастливые в полночь слышат звон ... разливной, гудет по Устюжине шире Сухоны, Лузы, Юга и Вычегды – «Христос воскрес!» [5, с. 423]. В рассказе «Суд Божий» (1908) Ремизов «вспоминает», как преподобный Логгин Коряжемский «молился

среди своих печальных кедров белою ночью всю ночь до колокольного звона, плывшего по реке из Соли Вычегодской» [8, с. 145]. Из этих текстов не совсем ясно, звонят ли это фантомные колокола утонувших церквей, как в легенде о Китеже, или реки служат проводниками реальных звонов крупных церковных центров, находящихся на их берегах, но на большом отдалении от «счастливых» реципиентов. Таким образом, даже беглое рассмотрение комплекса речных мотивов в «вологодских» произведениях писателя показывает, что они в самом общем виде соответствуют двум основным трактовкам символики воды в русском модернизме начала XX века.

Литература

1. Балов А. В. К вопросу о характере и значении древних «купальских» обрядов и игрищ // Живая старина. – 1896. – Вып. 5.
2. Бальмонт К. Жар-Птица: Свирель славянина. – М., 1907.
3. Майков Л. Н. Великорусские заклинания. – СПб., 1994.
4. Ремизов А. Ночь у Вия // Русская мысль. – 1909. – № 4.
5. Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 2. – М., 2000.
6. Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 3. – М., 2000.
7. Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 8. – М., 2000.
8. Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 11. – СПб., 2015.
9. Терещенко А. Быт русского народа. Ч. 6. – СПб., 1848.
10. Успенский Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей. – М., 1982.
11. Хансен-Лёве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм. Космическая символика. – СПб., 2003.
12. Ю. Ш. [Шокальский Ю. М.] Вологда или Вологода // Энциклопедический словарь / Издатели Ф. А. Брокгауз, И. А. Эфрон. Т. 7. – СПб., 1892.

Г.В. Судаков
Вологда

ПРОБЛЕМА «ВОЛОГОДСКОГО ТЕКСТА» И РОЛЬ В. И. БЕЛОВА В ЕГО ФОРМИРОВАНИИ

Художественные произведения В. И. Белова посвящены изображению вологодской, преимущественно сельской действительности. Поэтический и одновременно реалистический образ Вологодчины, герои со своим особым мировосприятием происходящего – всё это позволяет ставить вопрос: могут ли произведения Белова служить образцом «вологодского текста»?

Идея «региональности» как набора особых художественных качеств текста, обусловленных свойствами описываемого объекта, появилась сравнительно недавно: её выдвинул в 1984 году и затем обосновал в своих работах, посвященных «петербургскому» тексту академик В. Н. Топоров

(1928 – 2005). То, что возможность претензий того или иного региона на наличие своего регионального текста зависит прежде всего от значимости самого региона в культурной истории государства, было очевидно для автора идеи: «Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (Введение в тему)» – так называлась первая работа академика, посвященная обозначенной проблеме [Топоров 1995; впервые опубликована в 1984 г. в вып. 18 «Трудов по знаковым системам» Тартуского ун-та]. Первый раздел этого сочинения «Петербургская идея русской истории. Петербург – Москва» как раз и был посвящен обоснованию и характеристике особого «мифопоэтического пространства» Петербурга, выразительного при сопоставлении с аналогичным образом Москвы. Таким образом, две особенности «петербургского» текста стали очевидны сразу: 1) высокая историко-культурная и геополитическая значимость региона (города) в истории государства; 2) наличие оппозиционных свойств в объекте, который исторически противопоставлен Москве: две столицы – две эпохи, два непохожих мира. При этом и сам город Петербург с позиций семиотики воспринимается как особый художественный текст – эта часть концепции В. Н. Топорова была усилена в работах Ю. М. Лотмана [Лотман 1984; Лотман 1996]. Третья особенность подразумевалась сама по себе: «региональный» текст – это художественно значимый корпус текстов, отражающий регион как объект, наделенный особым мифопоэтическим пространством (у Топорова это прежде всего произведения писателей Серебряного века: А. Блока, А. Ахматовой, А. Белого, А. Ремизова; потом сюда добавили Ф. Достоевского).

Сами по себе идеи В. Н. Топорова применительно к Петербургу не были абсолютно новыми. Впервые о феномене некоей цельности произведений о Петербурге, причем их художественного единства, задаваемого самим городом, стал писать в начале двадцатого века Н. П. Анциферов [1922; 1923; 1924]. Впервые Петербург Пушкина, Гоголя, Некрасова, Достоевского, Блока описан именно им.

Какие особенности должны быть у регионального, именного текста? Какими чертам должен отличаться мифопоэтический образ города, в честь которого создается корпус текстов?

Первое – это локус, пространство с его активной функцией строительства судьбы героев произведений. Для возникновения «текста» (сверхтекста) локус должен обладать наряду с историко-культурной и социальной значимостью мифологическим смыслом. Благословенное место – место гармонии человека с природой, упорядоченный мир, замкнутый и целостный, самодостаточный и защищенный стеной народной духовности и культуры. Образы места закрепляются в разнообразных и разновременных текстах. См. довольно общее определение понятия «провинциальный текст» в работе: [Миногина 2012].

Кажется, сейчас для исследователей уже не важно, в какой мере является тот или иной регион мифопоэтическим пространством, освященным множеством высокохудожественных текстов. Перечень региональных тек-

стов то больших, то малых территорий увеличивается день ото дня: московский, волжский, уральский, сибирский, алтайский, северный, кавказский, пермский. Этот размах поддерживается широтой тематики реализуемых научных проектов, см. вышедшие сравнительно недавно большие книги: «Евразийское пространство. Звук, слово, образ» (М.: Языки славянской культуры, 2003); «Геопанорама русской культуры. Провинция и её локальные тексты» (М.: Языки славянской культуры, 2004). Исследователи уже вышли за пределы России: они изучают парижский и лондонский мифы в русской культуре, мотив моря в одесском тексте, героев венецианского текста, туркестанский и ташкентский тексты. Но привлекательны и малые территории: тексты царицынский, крымский, вятский, томский, тюменский, см., например, сборники: [Филологические традиции в современном литературном и лингвистическом образовании. – Вып. 11. В 2 т. – М.: МГПИ. 2012; Северный и сибирский тексты русской литературы как сверхтексты: типологическое и уникальное. – Архангельск: САФУ им. М. В. Ломоносова. 2014].

Отметим особую значимость для развития исследований «северного текста» работ Е. Ш. Галимовой, например: [Галимова 2010; 2012]. Она дает и более определенное толкование северного текста: «это создававшийся преимущественно на протяжении столетия (с начала XX в. до наших дней) в творчестве многих русских писателей особый *севернорусский вариант национальной картины мира*, наделённый, наряду с индивидуальным, отражающим своеобразие мировидения каждого из авторов, также и общими, типологическими чертами» [Галимова 2010: 9]. «На уровне поэтики цельность севернорусского текста проявляется в обилии сквозных мотивов и образов (в том числе архетипических), в единстве характера пространственно-временной ориентации художественного мира произведений, образующих этот сверхтекст, в близости авторского восприятия Русского Севера» [Галимова 2010: 12].

Относятся ли произведения о Вологодской земле к северному тексту, как утверждает Галимова? Мы согласны, что далеко не каждая местность способна породить свой «текст» в художественном смысле. Для возникновения реального «вологодского текста» необходимы сильные точки памяти культуры в отношении исторически и культурно значимой территории Вологодчины, что будет подталкивать к художественной рефлексии по поводу этой территории, к освоению вологодского варианта национальной картины мира. Творчество В. И. Белова, безусловно, дает материал для положительного решения данной проблемы.

Одни архангелогородцы (Лошаков А. Г., Белоусова С. В.) характеризуют только поморский текст, не упоминая при этом Вологодчины; другие (например, Галимова Е. Ш.) в пределы территорий северного текста включают и Вологодскую область, но при характеристике самого северного текста никаких вологодских черт этого текста не указывают. Характерно, что имени В. И. Белова – наиболее яркого представителя современной русской

литературы, создавшего первоклассные образцы художественных текстов, архангелогородцы не называют, вероятно, осознавая, что в их параметры «северного текста» Белов не вписывается.

Каковы главные составляющие специфической, региональной картины мира «вологодского текста»?

1) Пространственно-временная организация (мифопоэтическая природа пространства, особые художественные характеристики ландшафта, тема отношений природы и человека, художественное время как единство прошлого, настоящего и будущего. Для В. И. Белова Вологодская земля – мифопоэтическое пространство, таящее в себе загадку русской истории и духовности, самой души России (идея «Вологда – душа Русского Севера» появилась не на пустом месте). В Вологодчине скрывается и тайна русского художественного слова. Напомню мысль из беловского «Лада»: «Что значило для народной жизни слово вообще? Такой вопрос даже несколько жутковато задавать, не только отвечать на него. Дело в том, что слово приравнивалось нашими предками к самой жизни. Слово порождало и объясняло жизнь. оно было для крестьянина хранителем памяти и залогом бесконечности будущего. Вместе с этим (и, может быть, как раз поэтому) оно утешало, помогало, двигало на подвиг, заступалось, лечило, вдохновляло. ...Покажется ли удивительным при таких условиях возникновение культа слова...»;

2) система мотивов (путь (или поиск), испытание, преображение и т.п.);

3) система сквозных художественных образов, исходящих из фольклорной традиции (дом, дорога и др.);

4) система образов-персонажей как субъектов особого отношения к окружающему миру и с особым складом мышления.

Полагаем, что этот набор достаточно проясняет устоявшееся и положительно оцениваемое, хотя и несколько общее, определение регионального текста (сверхтекста) Н. Е. Меднис, ср.: сверхтекст – «сложная система интегрированных текстов, имеющих общую внетекстовую ориентацию, образующих незамкнутое единство, отмеченное смысловой и языковой целостностью» [Меднис 2003: 6].

Предлагаем следующее определение «вологодского текста» в качестве дискуссионного. «Вологодский текст» – совокупность художественных текстов разного времени, имеющих общую внетекстовую ориентацию (то есть ориентацию на Вологодчину как мифопоэтическое пространство), текстов, представляющих в основном вологодский вариант национальной картины мира и отличающихся общностью художественных мотивов и образов.

Создавался «вологодский текст» много веков: сюда войдут и вологодские летописи, и жития местных святых, и вологодский фольклор, и авторские художественные тексты разного времени. Не отрицая возможности толковать понятие *текст* расширительно, понимать под ним и совокупность местных обычаев, мир вологодской архитектуры и искусства, мы

только настаиваем не смешивать явления разных сфер действительности в один «котёл текстов»: семиотика это допускает, филология хотела бы заниматься художественными текстами.

Художественных образов Вологодчины в «вологодском тексте» много: они разные и даже оппозиционные, в том числе негативные (вспомним мифологемы «вологодский конвой», «вологодская ссылка»).

Мы допускаем в «вологодском тексте» симбиоз, наложение текстов разной внетекстовой ориентации: вологодский писатель, описывающий в своем произведении приключения вологжан в Париже и передающий их оценку Парижа, по-видимому, одновременно создает и «парижский текст», и «вологодский текст».

Для развития исследований «вологодского текста» важно параллельно структурировать и изучить мифологему «Вологодчина» [ср. аналоги, связанные с другими регионами: Тюпа 2002; Матонин 2015]. Для изучения Вологодчины многое уже сделано, но новая задача позволяет по-новому оценить сделанное и создать теоретическую основу актуальной программы «Вологодчина – душа России».

При обсуждении проблемы регионального текста важен вопрос и о выборе самих текстов. Для нас это художественные тексты, т. е. тексты, где есть мифопоэтическое, образное изображение региона во всей совокупности его составляющих: территория, время, лейтмотивы, система образов, язык. В сборниках «Русская провинция: миф – текст – реальность» (с начала 1990-х годов вышло около десятка книг) наметился выход за пределы художественного текста: анализируются мемуары, публицистика, сочинения краеведов. Напомним, что для В. Н. Топорова, автора концепции регионального текста, художественный образ топоса создается художественными текстами.

Обратимся к трилогии В. И. Белова, куда входят романы «Кануны», «Год великого перелома», «Час шестой».

Творчеству писателя посвящено много работ, в том числе монография Ю. И. Селезнёва [Селезнёв 1983] и более десятка диссертаций. С литературоведческой точки зрения трилогию исследовали разные авторы, есть интересный сборник, посвященный роману «Кануны» [сборник «С разных точек зрения», 2001; Гаврилова 2002].

«Кануны» снисходительно и чрезмерно критически оценил А. Солженицын: «Композиция романа не упорядочена... Динамика то и дело ослабляется эпизодами, совершенно ни к чему не прилегающими», критик неоднократно упрекает Белова в «композиционной расслабленности», в «хаосе бессмысленных эпизодов» [Солженицын 2003: 166–167]. Кажется, этот провозглашённый властями классик литературы не вдумался в то, что название «Кануны» дополнено у автора: «Хроника конца 20-х годов», а «Год великого перелома» – это «Хроника начала 30-х годов». Хроника предполагает неспешное повествование, раскрывающее движение жизни людей на широком природном и историческом фоне.

Встает вопрос и об уровне художественного дарования самого судьи. Например, во многих произведениях Солженицына вообще не упоминается природа, а там, где вдруг появляется пейзаж, то это описание не превышает одного предложения. Солженицын – странное явление: русский писатель, не замечавший русской природы! Кроме того, мир для Солженицына бесцветен и беззвучен, в нем почти нет никаких красок и голосов. А запах есть, правда всегда один: для его героя Ивана Денисовича – это только запах еды.

Почему для Белова деревенская тема была постоянно главной? Почему деревенская тема была значима в русской литературе XX века? Для Белова деревня – это образ национального бытия, передача русского национального сознания, реальная жизнь народа и реальные народные характеры. «Кануны» – идеальная картина деревни, и здесь центральный образ – дом. В «Годе великого перелома» рушится дом как центр мироздания. В последнем романе – постепенное восстановление жизни на руинах разрушенных семейных гнезд Шибанихи.

Другим организационным центром трилогии является образ дороги как аналог человеческого бытия, т.е. выбор каждым героем своего пути в жизни.

Далее мы должны учесть, что в каждом романе используется комплекс жанров: «Кануны» – семейная хроника (первая и вторая часть романа) и историческая хроника (часть третья); «Год великого перелома» – историческое повествование; «Час шестый» – семейно-бытовое повествование.

Именно семейно-бытовое повествование дает возможность достаточно широкого использования живой народной речи: диалектизмов и просторечия. Выбор типа повествования организуется с ориентацией на определенную позицию, точку зрения: автора, рассказчика, персонажа. И здесь стоит вспомнить рецензию А. Солженицына, не понявшего этой особенности организации беловского текста: «Все разговоры крестьянские – живые, достоверные до последнего звука. Однако собственный авторский язык Белова не выражен своеобразно, им не приходится наслаждаться. И в нём – меньше богатых живучих русских слов, нежели у Распутина и Астафьева» [Солженицын 2003: 168]. Дело в том, что есть такие художественные феномены, как несобственно-авторское повествование или несобственно-прямая речь героев, и таких фрагментов у Белова гораздо больше, чем собственной авторской речи. Куда же их отнес ретивый критик: это речь героев или речь автора? По форме – речь автора, а по типу повествования – речь героев, в том числе и больше всего героев из крестьян. Да, это язык достоверный, народный, а не тот, который предлагает Солженицын в своем «Русском словаре языкового расширения», где, как он признается, «многие разъяснительные примеры дословно взяты из Даля» [Солженицын 1990: 4]. Кстати, отсылка к Далю в этом словаре нет, что и сколько взято из Даля – не указано. Зато есть список авторов, чьи речения включил Солженицын в придуманный якобы им словарь: среди 27 русских писателей, начиная с Пушкина, упомянут и В. И. Белов.

И ещё по поводу оценки Солженицыным речи беловских героев: «Все разговоры крестьянские – живые, достоверные до последнего звук». Детство Солженицына – «знатока» (в кавычках) северной крестьянской речи прошло на юге, а юность и последующие годы, за вычетом лагерных, – в городе. То, что в авторской речи Белова нет обилия авторских окказионализмов, как у Астафьева, – это свидетельство в пользу Белова: к языку он относился честно, как учил ещё Н. В. Гоголь. Словом, небрежное замечание А. Солженицына не может быть принято за объективную оценку художественного языка В. И. Белова.

Работ, посвященных языку писателя В. И. Белова, мало. Специально диалектизмам в художественной речи писателя посвящено монографическое исследование Е. П. Бугрий, выполненное в 1986 г. в ЛГУ [Бугрий 1986]. Значительный корпус диалектных речений представлен в словаре «Народное слово в произведениях В. И. Белова», составленном проф. Л. Г. Яцкевич [Яцкевич 2004]. Диалектизм в художественном тексте обязательно используется как стилистическое средство, т. е. обладающее яркой образностью, выразительностью. Известные функции диалектизмов: для создания местного колорита и для характеристики речи героев – требуют семантической прозрачности употреблённого слова (или фразеологизма), то есть понимания смысла этого речения с помощью контекста. Какие приемы раскрытия значения диалектизма использует В. И. Белов?

Первая возможность раскрыть значение диалектного слова – широкий контекст, т. е. несколько слов или целая фраза. Блюдо из овсяной крупы называлось *саламат*, ср. его введение в контекст предложения: *После щей они подали горячий саламат: пареную овсяную крупу, щедро одобренную топленым коровьим маслом* (Кануны, 119). Диалектологи обычно приравнивают слова *саламат* и *саламата*, а для Белова *саламата* – это блюдо из толокна, т. е. из овсяной муки.

Прямо в тексте писатель разъясняет смысл выражения *щи постные* (другое название блюда *сухарница*): ... *сухарницу сами сделали: Евграф разминал сухари в ладонях, сыпал в большое глиняное блюдо с похлебкой. Такими щами в посты испокон веку называли овсяную заспу, сваренную с картошкой и луком* (Час, 408). Заметим, что это более точное и конкретное объяснение значения, чем в «Словаре вологодских говоров»: **Сухарница** «кушанье из толченых сухарей, залитых горячим молоком, супом или кипятком» (СВГ-10: 164). Нет, постное не сдабривали молоком.

В тексте поясняется и слово *выскырь*: – *Стащим под выскырь. – Большая толстая ель упала от урагана лет пять назад. Она корнями выворотила большую болотную яму* (Час, 593).

Второй способ раскрытия значения – это пояснение смысла диалектизма в тексте посредством общеупотребительных средств: *Он принес дров, открыл челусник – дымовую дыру – и затопил каменку* (Кануны, 6). Речь идет о Носопыре: он жил в бане, которая топилась по-черному, т. е. печь (*каменка*) не имела трубы, поэтому вверху в стене было отверстие для выхода дыма –

че(и)лисник. В другом месте значение этого слова поясняется авторским примечанием: *Дым от каменки уходил в чилисник под низкой крышей избышки* (примечание: *отверстие под потолком для выхода дыма*; Час, 480).

Третий приём – это толкование диалектизма с помощью литературных синонимов. Приведем пример, связанный с внутренней речью Носопыря, который рассуждает о святочных забавах ребятишек: *В святки и я бывало дразнил бобылей. Пускай дикаются, больше не выйду* (Кануны, 7). Обратим внимание, что вначале автор употребляет общелитературный глагол *дразнить*, а затем диалектное *дикаются*. По Далю, *дикасьтеся* – от слова *дикий* [Даль-1: 436].

Похожий факт по особенностям употребления диалектного слова встретился в описании деревенской драки: [Отец Николай] *Схватил какого-то усташинского парня с колом. Парень задрыгал ногами и выронил уразину* (Кануны, 261). Значение слова *уразина* понимается без затруднений, так как первоначально это орудие было названо *колом*. Ср. *уразина* – *крепкая палка, дубинка* (Вологодское словечко, 299). Слово *уразина* от *разить* «бить, ударять» зафиксировано уже Далем [Даль-4: 31].

Аналогичные факты отмечаются в романе «Год великого перелома»: – *Я ему, дьяволу, вихлет сломлю* (прим автора: *хребет*)... – *Моржам будешь спины ломать, гражданин Миронов* (Год, 238). Здесь наблюдается некоторая избыточность в пояснении смысла слова *вихлет*: и авторское примечание, и контекстное пояснение *спина*.

Сравнительно нечастый прием «цитатности», т.е. употребление слова с ссылкой «*по-здешнему*», «*другими словами*», также позволяет писателю вводить в текст диалектизмы этнографического плана: *Шибановцы городили лесной огород, по-здешнему осек, опоясывая поскотину и отделяя её от хлебных полей* (Кануны, 185; ср. в вологодских говорах *осек* – это и «изгородь, ограда», и «огороженное лесное пастбище». – Вологодское словечко, 180). В романе «Год великого перелома» слово употреблено в женском роде: *Шибановцы общей артелью ещё ходили в осеку, догораживали в лесу большую поскотину* (Год, 285).

Ср. ещё пример: *Кандейка в деревне, другими словами потребилровка вроде зыринской лавки, размещалась в другом конце* (Год, 304). Слово *кандейка* в этом значении не фиксируется вологодскими диалектологами. *Потребилровка* «магазин сельской потребительской кооперации» – факт общерусского просторечия. Напомним, что словарь русского просторечия пока не создан, в состав словарей литературного языка просторечные элементы не попадают; хотя просторечие – общерусское явление, просторечные выражения часто относят к диалектизмам.

Иногда писатель занимается сравнением местных говоров, подчеркивая разнообразие укладов и говоров даже соседних деревень: *Вспахать надо было всего один загон, как называли в Шибанихе полосы. (В Ольховице говорили почему-то не загон, а повыток)* (Год, 282). Индивидуальные участки селян чаще называли *полоса* (это слово и приводит В. И. Белов как

общеупотребительное), в Шибанихе это – *загон*, в Ольховице – *повыток*, а вообще в вологодских говорах *повыток* – «земельный надел на одну душу или на одну семью» (Вологодское словечко, 203).

Есть несколько излюбленных писателем слов, которые он употребляет несколько раз, не объясняя как-то дополнительно их смысл. Это, например, многозначный глагол *выпростать*, *выпростаться* «освободить, освободиться, выйти»: *ребятишки, получив по гостинцу, выпростали избу* (Кануны, 90), наречие *наразу* в значении «сразу, не откладывая, попутно»: – *Экой он бес, экой мазурик, – расстраивалась Марья, наразу пришивая рукав к тулупу* (Кануны, 34). Л. Г. Яцкевич предложила толковать это наречие – «в таком случае» [Народное слово, 76], но, судя по контекстам, её толкование сомнительно.

Рассмотрим ещё один прием «семантизации» (разъяснения смысла диалектизма) – это авторское примечание. См. пример: ... *он оставлял Роговых, как говорится, «на верхосытку»* (Год, 121). «*На верхосытку*» сопровождается примечанием автора: *на закуску, на заедку в конце трапезы* (Год, 607; ср.: лакомое кушанье, подаваемое в конце обеда или ужина. – Вологодское словечко, 35). Обратим внимание на то, что здесь автор и выражение взял в кавычки («*на верхосытку*»), да ещё и предупредил словами «*как говорится*» о факте цитации выражения из народной речи. Говорить о непродуманности, стихийности народных речений у Белова в этом случае уж никак не приходится.

Подробно разъясняет писатель смысл слова *веко*: «*плетеная из дранок, плоская корзина для хранения сушеных грибов, ягод и т.д.*» (Год, 285; напомним, что веко Самовариха превратила в зыбку – колыбель для малыша). В вологодском словаре *веко* объясняется как крышка от корзины, что неправильно.

Писатель своими примечаниями помогает разобраться в разнообразии сельских изгородей и проходов через них: *Вера открыла отвод, и Павел, не глядя на жену, направил мерина под гору... больно много надо открывать отводов и раскладывать заворов, если ехать полями* (Год, 292, 293); *Краснофлотец перемахнул через завор* (Час, 472; примечание автора: *жерди, которыми закладывают проезд в изгороди*; ср. аналогичное примечание к слову *завор* в рассказе «Утром в субботу»: *Завор – проезд в лесной изгороди, закладываемый жердями*. – Утром, 433). *Отвод* – это тип ворот в полевой изгороди, они подвешивались к основному столбу, ворота можно было отводить, отводы мастерили там, где проезжали часто; *завор* – тип прохода, где между столбами (кольями), вставляли жерди. В этом случае сомнительны показания диалектного словаря, где *завор* и *отвод* толкуются однозначно как разборное звено изгороди (Вологодское словечко, 82, 182).

Любопытно сравнить подачу того или иного диалектизма в разных произведениях писателя. Так, *лога* в «Канунах» не объясняется как-то специально, а в «Привычном деле» есть примечание автора «скошенная, предназначенная на сено трава», при этом приводится описание *кошенины*

(Привычное дело, 148). Севернорусское *чунки*, несколько раз употребленное в трилогии в достаточно ясных контекстах, в рассказе «Утром в субботу» автором пояснялось: *Чунки – санки, салазки* (Утром, 436).

Некоторые разъяснения автора становятся подробными и превращаются в этнографические справки. Дороги сердцу писателя деревенские развлечения *горюн* и *столбушка* (*звать, идти к столбу, выйти от столба*, где *столб* в значении «занавешенный в углу за печью закуток для беседы парня с девушкой один на один. Учтем, что столбушки становятся важным элементом в развитии взаимоотношений героев, кроме того, они характеризуют целомудренную деревенскую этику, см. описание этой игры в: [Лад, 299 – 300]. Судя по данным вологодских диалектологов, эта игра и соответствующие названия представлены только в Харовском районе (Вологодское словечко, 57, 268). Но есть одно слово, пока не замеченное диалектологами: «*Неужто сделает головешку, не придет*». *Головешка* – это когда отказывают и не идут к столбу (Год, 101), слово *головешка* в значении, раскрытом В. И. Беловым, пока не учтено в диалектных словарях.

Чем объясняется неодинаковое стремление писателя сделать диалектизм семантически прозрачным за счет средств контекста, дополнительных пояснений или оставить смысл диалектного слова непроясненным? Повидимому, только разной содержательной значимостью диалектных речений, поэтому остается без разъяснения географическая терминология (названия явлений природы, форм рельефа и т. п.), этнографическая номенклатура, особенно, если называемые предметы и явления не участвуют в развитии сюжета.

Диалектизмы, характеризующие внешность человека, его поведение и черты характера, часто используются в речи персонажей, и они отличаются повышенной оценочностью и экспрессивностью и тоже не всегда нуждаются в уточнении значения.

Где преимущественно употребляются диалектизмы: в авторской речи или в речи героев? Конечно, во втором случае. Более того, местные речения, включенные в авторский текст, разъясняются автором более старательно, чем выражения из речи героев.

Некоторые слова, употребляемые писателем, зафиксированы диалектологами в других вариантах: названия санок с сиденьями у Белова *корёги* (Кануны, 149) – *корёжки* (Утром, 432); в словаре «Вологодское словечко» со ссылкой на верховажские записи приводится *корёхи – корёшки* (Вологодское словечко, 123). Эти и подобные примеры убеждают, что, рисуя картины сельского быта, В. И. Белов опирался на собственное знание быта и культуры жителей Харовского района, где прошли его детство и юность, где созданы многие его произведения.

В целом диалектизмы употребляются нечасто: в «Канунах», учитывая даже повторы, не более пятидесяти лексических диалектизмов. Причем автор не стремится их сделать незаметными, наоборот, выбирает самые яркие, семантически выразительные и эмоционально насыщенные, подчёр-

кивает их необходимость при описании деревенского быта и тем самым показывает самобытность, автономность крестьянского мира, его самодостаточность в материальном и культурном отношении. В романе «Кануны» местные слова становятся понятны в контексте и благодаря семантике корней: *беремя, вечеровальники, вутре, вязы, пустоголовое, рыльник, с одной разки, ступни*. В романе «Год великого перелома» многие диалектные слова в большинстве случаев понятны в пределах словосочетаний: *впусе, большуха* (в выражении *хозяйка-большуха*), *рукотёрник, пойти впрёмь, корова помырквала, самосильно, загаркать народ, труба кужлявилась, дорога накнула, ежедень*. Кроме того, некоторые слова и не являются диалектизмами: *кужлявиться, самосильно* – общерусское просторечие, *впусе, пойти впрёмь* – вероятные индивидуальные речевые окказионализмы.

Таким образом, выбор и описание места и времени, оценка всего происходящего в деревне через сознание и голоса главных персонажей, с опорой на менталитет жителей вологодской деревни Шибанихи свидетельствуют о том, что В.И. Белов создал текст, соответствующий по своим качествам определению «вологодский текст».

Литература

- Анциферов Н. П. Быль и миф Петербурга / Н. П. Анциферов. – Пг., 1922. – 226 с.
- Анциферов Н. П. Душа Петербурга / Н. П. Анциферов. – Пг., 1922. – 227 с.
- Анциферов Н. П. Петербург Достоевского / Н. П. Анциферов. – Пг., 1923. – 106 с.
- Белов В. И. Год великого перелома. Хроника начала 30-х годов // Белов В. И. Собр. соч.: в 7 томах. – Том 4: Романы. – М.: РИЦ «Классика», 2011. – 616 с.
- Белов В. И. Кануны: Хроника конца 20-х годов / В. И. Белов. – М.: Голос, 1994. – 480 с.
- Белов В. И. Лад. Очерки о народной эстетике / В. И. Белов. – М.: 1988. – 422 с.
- Белов В. И. Привычное дело // Белов В. И. За тремя волоками: Повести; Рассказы; Очерки. – М.: Худож. лит., 1989. – 527 с.
- Белов В. И. Утром в субботу (Из записной книжки) // Белов В. И. За тремя волоками: Повести; Рассказы; Очерки. – М.: Худож. лит., 1989. – 527 с.
- Белов В. И. Час шестый: Роман // Белов В. И. Собр. соч.: в 7 томах. – Том 4: Романы. – М.: РИЦ «Классика», 2011. – 616 с.
- Бугрий Е. П. Лексические и фразеологические диалектизмы в прозе В. Белова (способы семантизации): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Л.: изд-во ЛГУ, 1986. – 18 с.
- Вологодское словечко. Изд. 2. – Вологда, 2011. – 344 с.
- Гаврилова Н. А. Романы В. И. Белова «Кануны», «Год великого перелома», «Час шестый» как художественная целостность: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Череповец, 2002. – 24 с.
- Галимова Е. Ш. Северный текст русской литературы как сверхтекст // Семантика и прагматика слова и текста. Поморский текст. – Архангельск: САФУ им. М.В. Ломоносова, 2010. – С. 8–15.

- Галимова Е. Ш. Специфика северного текста русской литературы как локального сверткестекста // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – Вып. № 1. – 2012. – С. 121–129.
- Геокультурное пространство Европейского Севера: генезис, структура, семантика. – Архангельск, 2011. – 505 с.
- Геопанорама русской культуры. Провинция и её локальные тексты. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 672 с.
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М., 1978.
- Евразийское пространство. Звук, слово, образ. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 584 с.
- Лотман Ю. М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Лотман Ю. М. История и типология русской культуры. – СПб., 2002. – С. 208–220.
- Лотман Ю. М. Символические пространства // Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. – М., 1996. – С. 239–300.
- Лошаков А. Г. Поморский текст в контексте современной научной парадигмы // Семантика и прагматика слова и текста. Поморский текст. – Архангельск: САФУ им. М. В. Ломоносова, 2010. – С. 3–7.
- Матонин В. С. Социокультурное пространство северной деревни: структура, семантика, генезис: дисс. ... доктора культурологии. – СПб., 2015. – 326 с.
- Меднис Н. Е. Сверткестексты в русской литературе / Н. Е. Меднис. – Новосибирск: 2003 // Электронный ресурс. Режим доступа: <http://knie.orod.gmsib.ni//files/36.rar>
- Миногина Е. Г. Провинциальный текст // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. – 2012. – № 3. – С. 50–56.
- Народное слово в произведениях В.И. Белова. Словарь / Сост. Л. Г. Яцкевич. – Вологда, 2004. – 214 с.
- Русская провинция: миф – текст – реальность. – М.; СПб., 2000. – 491 с.
- С разных точек зрения. «Кануны» Василия Белова. – М., 1991. – 240 с.
- Северный и сибирский тексты русской литературы как сверткестексты: типологическое и уникальное. – Архангельск: САФУ им. М. В. Ломоносова, 2014. – 384 с.
- Селезнев Ю. Василий Белов. – М., 1983.
- Словарь вологодских говоров. Вып. 10. – Вологда, 2005. – 182 с.
- Солженицын А. Василий Белов // Новый мир. – 2003. – № 12. – С. 54–169.
- Солженицын А.И. Русский словарь языкового расширения. – М., 1990. – 247 с.
- Топоров В. Н. «Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (Введение в тему) // Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифологического: Избранное. – М., 1995. – С. 259–367. См. отдельное издание: Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы. Избранные труды. – СПб., 2003. – 614 с.
- Тюпа В. И. Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сибирский филологический журнал. – 2002. – № 1. – С. 27–35.

ПРИТЧИ В НАРОДНЫХ ТРАДИЦИЯХ ВОЛОГОДСКОГО КРАЯ

Во время экспедиционной работы в родном крае* автором записаны особые тексты прозаического фольклора с яркой нравоучительной направленностью. Записанные произведения практически все относятся к не сказочной прозе[†]. Каждое из записанных произведений содержит в себе моральное поучение – своеобразный «урок» мудрости, нравственности. В представленных текстах функция нравоучения (воспитательная) преобладает над художественной. По ярко-выраженному воспитательному компоненту тексты схожи с пословицами, но для них характерен художественный приём «недосказанности», где слушателю возникает необходимость осмыслить услышанное (пословицы имеют суждение и толкование/поучение). Данное свойство позволяет установить связь текстов с жанром «притча» как «коротким рассказом, передающим главную идею в инсказательной форме, который посвящен, как правило, нравственному поучению» [3, с. 5]. Как и в притчах, наши рассказы не содержат прямого вывода или наставления, а мораль из текста извлекает сам слушающий – своеобразное «поучение примером» [3, с. 5], тексты должны «вызывать к самоопределению человека, к выбору» [5].

Мы поставили задачу определить общий характер материала, его функционирование в рамках народной традиции, а также оценить педагогическую роль этих произведений.

Притчи «Сырое полотенце» (см. образец №1 в Приложении), «Бутылочка воды» (см. образец №2 в Приложении), «Помогай, Бог!» записаны от Игнашевой Зинаиды Александровны в д. Гридино Сямженского района Вологодской области (1941 г.р.) и строятся на одном сюжетном мотиве – жалобе замужней дочери своей матери: в первом случае – «на сердитую свекровку», во втором – что «вытирается сырым полотенцем», в третьем – «прохождение на жатве отвлекают от работы».

Значительную роль в композиции данных рассказов играют диалоги между мамой и дочерью, которые направлены на то, чтобы вызвать реак-

* Фольклорные экспедиции с 1981 года ежегодно проводятся на музыкальном отделении (факультете) Вологодского государственного педагогического университета (1981-1995 гг. – Вологодский государственный педагогический институт, с 2014 года – Вологодский государственный университет) под научным руководством заслуженного работника культуры РФ, кандидата искусствоведения, профессора кафедры пения и музыкального образования Г.П. Парадовской с целью изучения и сохранения ценного культурного опыта поколений.

[†] Исключение составляет текст «Прогулял», где при общей реалистичности сюжета содержатся сказочные мотивы: принимают участие животные (петух, курочки, кот, корова), на языке которых звучит мораль, связанная с проступком главного персонажа.

нию слушателя, заставляют его задуматься над поставленной проблемой. Из уст матери звучит народная мудрость: она даёт советы – учит свою дочь, как надо поступить. В каждом отдельно взятом случае, чтобы получить то, чего ты хочешь, нужно приложить личные усилия или соблюдать нравственные законы: если хочешь, вытираться сухим полотенцем – вставай раньше всех; уважай свекровь и старших людей; выходи пораньше на работу – наработаться успеешь и мешать тебе никто не будет.

Кожин Г.А. (уроженец д. Васильевское Чучковского с/с Сокольского района, 1967 г.р.) запомнил пять рассказов-текстов, которые он в молодости слышал от своих родственников.

Первый сюжет «Прогуляу» (см. Приложение №3) о молодом человеке, которому односельчане собирают средства и отправляют его в город на заработки. Парень, оказавшись в большом городе, не сумел устоять перед сё соблазнами, прогулял все деньги. Дорога домой – центральный мотив притчи, где встречи с разными животными подчеркивают проступок главного «героя». Посредством особой художественной образности – причудливого и контрастного сочетания реального и фантастического – был высмеян главный персонаж, который прогулял все собранные для него общиной деньги. В тексте стоит задача пристыдить «героя», заставить его переживать и осознать свой проступок. Педагогическая ценность рассказа – культивирование таких нравственных качеств человека, как взаимовыручка, общинность, ответственность за поступки, трудолюбие.

«Косяки и сани» – маленькая история деревенской жизни, как мужик сани делал в избе, из которой явно просматривается мораль: прежде чем браться за какое-либо дело – то надо всё просчитать, иначе «косяки выставляй или сани ломай». Вспоминаются в контексте притчи-рассказа народная пословица «Семь раз отмерь, а один раз отрежь».

«Ешь-ту всё с медом, а “Бог-то в помощь” никому не говори» – нравоучительная история о том, как нужно жить не лениться, добросовестно трудиться. В этом случае жизнь будет у человека хорошая, успешная и счастливая. Притча основана на идее пословицы «Кто рано встаёт – тому Бог подаёт». В деревенской жизни присказка часто произносилась как пожелание.

«Закуривай, сват» (см. Приложение №4) – история, которая на примере отношений родственников (сватов) подчеркивает очень важную черту русского человека – гостеприимство.

«Непорядок» – рассказ о том, как старое поколение не могло принять новую моду. По-деревенски считалось, что костюм должен быть крашенный (если белый костюм – это «исподняя рубаха», нижняя одежда), обувь не должна быть с дырами (это показатель старой, изношенной обуви) – значит, человек живет в достатке. По словам Г. А. Кожина, такую историю могли рассказывать, с одной стороны, в шутку о «серости деревенской – незнания нового мира», с другой – «в ней нарочито было сказано о хозяйственности человека».

Исполнители определили свои рассказы как «присказки». Осмыслим народную терминологию и определим роль данных произведений. В. И. Даль даёт следующее толкование слову «присказка»: «прибаутка, прибавка, прикраска к сказке, с намеками на содержание последней» [1, с. 441]. В глагольной форме – значение слова уточняется действием «примолвить, прибавить к сказанному»; «приговаривать, повторять» [1, с. 441]. Репортажи о функционировании поучительных историй показывают их взаимосвязь с жизненной практикой человека, с конкретной ситуацией-поводом для их актуализации. Тексты привязаны к разговорам людей о проблемных жизненных ситуациях, анализу своих ошибок, построению планов на жизнь. Действительно, тексты-притчи выполняют роль «прибавки к сказанному».

По воспоминаниям наших информаторов, поучительные истории и рассказы вспоминались в тот момент, когда что-то из жизни «выплыло из ошибок» или «кто-то совершил неосмысленную глупость», где требовалось «показать истинное положение дела», в другой ситуации – «поучить своих дочерей». Г. А. Кожин вспоминал: *«Было это за пирогами. Дело было прошлое уже [случай уже произошёл]. Мама Зоя Азарьевна говорила это нам в пример и в шутку. Уже не ругали нас за это горе, уже патрашились: «О, ребята, учить-то вас не кому, да и нам некогда! Вот, ведь прогуляли! Вот один парень отправлен в город – тоже прогулял...». Вслед за этим была рассказана история «Прогулял», после которой виновники «уже понимали свою вину и ошибки».*

За общим столом с пирогами рассказывалось много различных поучительных историй, поводом для которых были, прежде всего, разговоры о современных ошибках и проблемах. Также нам рассказывал Г. А. Кожин: *«Ставилось на повестку дня, например, следующее: «Худенько, ребята! Мы ошиблись, надо переделывать! И чтобы нейтрализовать ситуацию, смириться и начать всё сначала, вот и рассказывалась байка. Тесть Михаил Андреевич любил «патрашиться» (шутил, рассказывал различные прибаутки), вот и начнёт рассказывать «Косяки и сани»: «Всякое бывало. Вон мне рассказывали в юности про одного деятеля – старик сани делал ...». Разговоры были о жизни, про деньги – как разжиться, чтоб всё на хозяйстве было. А в ответ молодые слышали от родителей: «А не сложно – Ешь-ту всё с медом, а Бог-то в помощь никому не говори...Встань пораньше, так всё у тебя и будет. Дрова сами не прибегут, воду не принесут, крышу никто не закроет». А вслед за этим от нас следовал вопрос, а как это «Есть всё с медом, а Бог-то в помощь никому не говорить?», на который следовал рассказ про героев одноименной истории».*

История «Закуривай, сват» рассказывалась, когда за столом поднимали тему про гостеприимство. Г. А. Кожин продолжал об этом свой рассказ: *«Михаил Андреевич обращался к гостю: Ну, чего, [хозяйка], гостей не подчуеть? Давай, заходи! Ешьте, полно степениться-то, бери пирожок, да ешь».*

– Да я не хочу [отвечал гость]. – Не переживай, кушай. У нас ведь не как в той сказке, про того свата. – Про какого? – А вот в юности рассказывали про двух сватовей, как сват к свату пришёл, да покурили. Вот слушай был такой....»

Содержательные разговоры с Г. А. Кожиным по поводу функционирования текстов позволили нам увидеть и сделать важные выводы о философии деревенских людей: в деревне просто так ничего не говорилось (а бы, кабы, чего бы!); говорили к месту, по делу; каждое слово имело свой смысл, сказанное было истиной; всё было на пословицах, на шутках и прибаутках.

На ярком образном материале представлен ценный жизненный опыт людей. Тексты образны, интересны и имеют важные свойства: «запоминаться благодаря необычному сюжету, неожиданным вопросам и ещё более неожиданным ответам, а также сдвиг заметной иронией над человеческой гордыней и страстями» [6]; иметь высокую степень воздействия на слушателей; не содержать прямой морализации, нотаций.

Незаменимы такие рассказы-притчи в современном воспитании – могут служить верным «методом преобразования и совершенствования человека, средством повышения его успешности» [4].

Осмысление роли и контекста исполнения рассказов показало, что воспитание и преобразование человека в народной традиции не заканчивается в детском и подростковом возрасте. В дальнейшей взрослой жизни также важны оценка деятельности, анализ своих поступков, воспитательные меры воздействия на людей.

Литература

1. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М.: Рус. яз. 1998 – Т. № II. – 1998. – 555 с.
2. Зуева Т. В., Кирдан Б. П. Русский фольклор / учебник для студентов и преподавателей-филологов, – 2002, – М.: Флинта: Наука, – 392 с.
3. Колодий А. И. Притча и притчевость в украинской прозе 70-80 годов XX ст. – Автореф. дисс. на соиск. учен. степени канд. филол. наук по специальности 10.01.06. – Киев, 2000. – 28 с.
4. Еремеева И. Г. // URL: <http://www.b17.ru/article/1466> (Дата обращения: 10.11.2014).
5. Кураев Андрей (диако́н). Школьное богословие. Притчи христовы // URL: http://azbyka.ru/tserkov/lyubov_i_semya/vera_i_deti/kuraev_shkolnoe_bogoclovie_32-all.shtml (Дата обращения: 12.05.2015).
6. URL: <http://www.smisl-zhizni.ru/pritchi> (Дата обращения: 15.11.2014).

1. «Сырое полотенце»*

«Я расскажу одну присказку.

Одна девушка вышла замуж и говорит:

– Все бы хорошо, да полотенцем всё приходится сырым вытираться. (Вешали одно полотенце, [им] вытиралась вся семья). Всё сырым вытираюсь.

– А ты, девка, встаёшь, дак кто у тебя еще не встал в семье-то?

(Пришла [замужняя дочь] домой, матке жалуется родной).

– Да все стали, только мы вот с мужиком-то.

[Матка ей даёт совет:]

– Девушка, вставай первая пораньше, дак всегда будет твоё сухое пол'отенце!»

Комментарии: «Эта история и [в] за правду [была] или может поучительная».

2. «Бутылочка воды»

«А потом вторая тожно пришла к матке, жалуетсё, что:

– Всё бы хорошо, мам, да уж больно свекровка-та много наговаривает-то. Все говорит, не перестаёт. Сердитая!

– А ты знаешь что, девушка, вот, на – я тебе водицьки бутылочку налью. Она как заругается, ты глотни, а не глотай – держи во рту воду-то.

Ну вот выпил'а всю эту бутыл'оцьку [девушка] и говорит:

– Мам, свекровка-то хорошая стал'а, не ругается, только вода у меня вся кончил'ась.

– Я тебе, девка, еще налью!

Тоже ведь для чего-то [нужна было это]: свекровка ругается дак – ты мол'ци, не отвецй ей!»

Комментарии: «(В.: А как назвать такие вот рассказыики?) Это – то ли шутки, то ли прибаутки – как хотите, называйте! Поучительные тоже дак».

3. «Прогулял»†

Из одной большой деревенской семьи довелось старшему отроку ехать в город на заработки. А денег на дорогу не было. Вся деревня собирала

* «Присказки» №1, 2 записаны от Игнашевой Зинаиды Александровны, уроженки д. Гридино Режского поселения Сямженского района Вологодской области (1941 г.р.). Хранение материалов – фонды Центра традиционной народной культуры Вологодского государственного университета (автор записи Федотовская О.А., 2013 г.)

† Присказка «Прогулял» (образец №3) записана со слов жительницы д. Чучково Бубякиной Зои Азарьевны (1932 г.р.), была воспринята ей от матери Лубниной Марии Павлиновны (1907 г.р.); «Закуривай, сват» (образец №4) рассказывал Бубякин Михаил Андреевич (д. Чучково Сокольского р-на Вологодской области, 1931 г.р.). Тексты присказок записаны и отредактированы Кожиным Г.А., представлены в рукописи его авторского сборника «Истина, которой дорожу» (сост. – Федотовская О.А.).

помочь в дорогу и на проживание. Вот он приехал в город, а жизни-то такой ещё и не видывал: улицы широкие, с фонарями, а кругом трактиры да пивные. Вскружила голову городская жизнь. Прогулял все деньги на радостях, а на работу не устроился. Думает, что и делать?! Решил идти к отцу, матери и обо всём покаяться. Да как идти, ведь вся деревня провожала, стыдно! Вот и решил пойти он ночью. Подумал, что ночью-то его никто не увидит и не узнает. ...Шёл он по лесу до родной деревни, а как закончился лес – увидел, как на родном полюшке пасутся коровушки. А коровы, почуяв прохожего, замычали на свой лад (да мычание у них было своеобразное и интересное). Пареньку слышится: «Наш, наш, наш» (рыкают). Стыдно стало пареньку, ведь узнали его коровушки. Думает, пойду я побыстрее к деревне, авось там никого не встречу. И только подошёл к околице, как петух взлетел на плетень и как закричит: «Без де-нёт! Без де-нёт!». Совсем стало стыдно пареньку – и тут его узнали. Забежал он к себе во двор, как тут же курочка под ногами, вторит петуху: «Ко-ко-ко, как это – так это?! Как это – так это?!» И совсем расстроившись, что его и тут узнали, заскочил он в сени и за собой дверь закрыл, думает, что теперь уж никто не увидит. Да не тут-то было. Подбежал кот, стал возле ног тереться да приговаривать: «Мяу, мяу, прогуляю! Прогуляю, прогуляю...»

3. «Закуривай, сват»

Тесал мужик бревно у своего дома, смотрит: издалёка к нему человек подходит. Оказалось, что его сват в гости пришел. Подошёл и приветствует:

– Здорово, сват!

– Здорово! – отвечает человек с топориком. – Ну, садись, присаживайся, посидим, погутарим.

Воткнул топорик в бревно и достаёт кисет. Достаёт кисет и потчует гостя:

– Закуривай, сват.

Скрутили самокрутку, сидят курят, о том и о сём разговаривают. А хозяин топора опять:

– Закуривай, сват.

Ну, выкурили ещё по одной, ещё поговорили. Да ещё по одной выкурили, да ещё по одной... А сват, как бы спохватившись, спрашивает своего гостя:

– А что сватья-то не пришла?

А тот подумал, подумал, да и ответил:

– Да она не курит.

СУДЬБА ПИСАТЕЛЯ В РОССИИ (ПО КНИГЕ В. И. БЕЛОВА «ТЯЖЕСТЬ КРЕСТА»)

Позднее творчество В. И. Белова ознаменовано обращением к документалистике и публицистике. В девяностые годы публицистичность стала тенденцией развития «традиционной» прозы, в которой работали В. Белов, В. Распутин, Е. Носов и др. Современники заявляли о творческом кризисе данных авторов. Однако время все расставило на свои места. Спустя время проблемы, заявленные прозаиками, стали еще острее. Поэтому наступает время пересмотра публицистических и мемуарных произведений конца 20 века. Вместе с тем, позднее творчество В. И. Белова остается почти без внимания исследователей, хотя именно оно является выражением прямой авторской позиции, дает возможность переосмыслить многие произведения автора, показывает эволюцию взглядов писателя.

В 2000 году Белов опубликовал в журнальном варианте книгу воспоминаний о Шукшине «Тяжесть креста» – произведение острополюемическое. Мемуарная литература подразумевает откровенный разговор с читателем, перед которым автор раскрывает многие секреты своей и чужой биографии. В. И. Белов предельно искренне говорит о себе и деликатен, бережен в описании жизни В. М. Шукшина. Глубоким чувством уважения проникнуты строки, посвященные другу, его семье и работе. Даже несогласие во взглядах на кинематограф, на отношение к историческим персонажам выражено тактично, допускается иная точка зрения. При этом «Тяжесть креста» – суровая и трудная книга. Посвящая ее Шукшину, Белов постоянно включает своего друга в широкий круг русской культуры. Читатель вместе с автором размышляет о судьбе писателя в России. Самокритичность и жесткость В. И. Белова объясняются, как кажется, обостренным чувством справедливости, которое не дает молчать мастеру в труднейшие годы перелома. Трагические изменения идут не только в политике, но и в нравственности, в культуре в целом. Для В. Белова, который всегда выступал проповедником традиционной культуры с четкими нравственными ориентирами, абсолютно неприемлемыми оказались многие перемены в обществе.

В. И. Белова волнует судьба русской культуры, которую, как и многие европейские культуры, пытаются унифицировать. Он со страниц своей книги стремится напомнить обществу, в чем истинное предназначение писателя, мастера, творца. А оно заключается, по мысли автора, в борьбе за национальные интересы России. Настоящих защитников, как считает В. Белов, общество не знает. Однако именно такими защитниками являются писатели из народа. Об их трудной судьбе и размышляет автор.

Одним из защитников национального мировоззрения, по мысли Белова, является Василий Макарович Шукшин. С образом В. Шукшина в вос-

поминания входит ряд тем: судьба талантливого человека в России и судьба русского народа; православие, поиск истины.

Дружба Шукшина и Белова основывалась на близости душ, сходстве судеб и тем творчества, главной из которых стала судьба русского народа.

Шукшин предстает в прозе В. Белова русским самородком, жизненный путь которого «усыпан максимальными трудностями, максимальными замыслами». Выросший без отца, Шукшин до конца дней сохранил трепетное отношение к матери, сестре. Трудности быта, неудачная женитьба не обозлили его, хотя наложили неизгладимый отпечаток на восприятие мира: «Шукшинская душевная боль имела явно общероссийские масштабы, мы унаследовали эту боль от собственных матерей и погибших отцов» [1, с. 94]. Некоторые черты людей, подобных Шукшину, на наш взгляд, нашли отражение и в художественном творчестве Белова: доброта, мудрость и, одновременно, некая детскость, веселость, невозможность переносить детские слезы и вечный поиск смысла жизни. Эти черты присутствуют и в образе Кости Зорина, и в образе Дмитрия Медведева. Это герои, живущие в городе, так и не сумели приспособиться до конца к этой жизни, как Шукшин, как сам Белов.

Стремясь следовать хронологии в описании жизни Шукшина, автор часто включает в повествование собственные размышления, выстраивает ассоциативные ряды, что способствует расширению границ повествования во времени и пространстве. Главное место в повествовании занимают воспоминания о Шукшине, однако они тесно переплетаются с воспоминаниями о многих литераторах советского времени: Есенине, Шолохове, Яшине, Твардовском, Тендрякове, Абрамове, Рубцове и тех, кто по разным причинам не смог получить признания или вообще не стал писателем. Восхищаясь ими, Белов отмечает: «О, сколько было их на Руси, талантливых, но пропавших из-за сиротства, из-за тюрьмы или из-за обычной нужды» [1, с. 87].

Без связей, без средств к существованию они пробивались к вершинам писательской славы, заслуживали уважение и признание простых людей и подвергались нападкам и гонениям со стороны представителей власти, в том числе в литературной среде. Об этой странной закономерности Белов размышляет на протяжении всей книги. Для писателя очевидно, что такова была политика не только внутри государства, но, как пишет Белов, «цензура была всемирна» [1, с. 91]. Выхода к читателю или слушателю не давали и за рубежом: «Мои друзья в Европе слушали мое выступление на радио «Свобода», вдруг началось завывание генераторов. Европейские глушилки включались, когда кто-то намеренно или ошибочно говорил по «Свободе» что-то невыгодное «мировой закулисе»» [1, с. 91].

Однако именно писатели из глубинки стремились сохранить традиционную культуру, с ее нравственностью и духовными ценностями, этим, как кажется, объясняется и популярность «традиционной» прозы у читателя. Творчество таких писателей, как Шолохов, Яшин, Твардовский, Шукшин, Белов, отражало глубинные процессы жизни народа с ее падениями и взле-

тами. Судьбы данных мастеров были наполнены драматическими, подчас трагическими событиями. Все время им приходилось доказывать свою состоятельность, искать средства к существованию, растрачивать свой талант на пустяки ради заработка. Умение выстоять, не сломаться, не отступить от своего предназначения приравнивается В. Беловым к подвигу. Василий Иванович и сам прошел трудный путь «неудобного» писателя, о чем автор неоднократно говорит в мемуарах. Дружба с Шукшиным и работа над воспоминаниями именно о нем объясняется сходством судеб и взглядов: «Почему я так долго не осмеливался братья за шукшинскую тему? Дело в том, что я как-то стеснялся откровенно рассказать о наших отношениях с Василием Макаровичем, поскольку многие эпизоды его судьбы до смешного схожи с моими. Впрочем, смешного в этом сходстве мало... Оно скорее трагично» [1, с. 78].

Одним из ключевых образов книги воспоминаний является крест.

О назначении писателя и о тяжести его креста В. Белов размышляет с первых строк книги. Творчество осмысливается автором как дерзновение. Эта мысль звучит в начале повествования: «Никто не запрещает тебе ставить поистине божественные задачи! Стремись быть лучше Толстого и Пушкина (только молчком), получится, может быть, не хуже, чем у Тургенева» [1, с. 71]. О смелости уже духовной, а не только творческой, он заявляет дальше: «Что за писатель, если он трус?» [1, с. 100]. Риск оказаться неугодным, откровенно враждебное или лицемерно внимательное отношение губят писателей беловского круга. «Традиционная» проза, которую упрощенно называли «деревенской», находя отклик у читателей, в литературной среде 60-х – 90-х годов оказывалась часто оппозиционной. Борьба за право говорить о своем, напоминать обществу о его корнях, выносить приговор бесчеловечности и безнравственности стали делом жизни для Шукшина и Белова. Этому они учились у мастеров-предшественников. Включая в повествование имена Пушкина и Достоевского, Есенина и Шолохова, Белов не просто проводит параллели со своим временем, но и делает вывод о неизбежности крестного пути для истинно русского писателя.

Рассказ о драматических событиях в жизни Шукшина, сопровождается постоянными экскурсами в историю. Литература и культура России теснейшим образом оказывается связана с именами Пушкина, Есенина, писателей 20 века. Для Белова именно Пушкин и Есенин являются ключами к постижению писательской тайны. Гибель этих великих людей предопределяет судьбу всей русской культуры. Размышляя о трудностях издания книг, проталкивания произведений, которые спустя время объявлялись классикой, автор заявляет: «Мы натыкались на какую-то невидимую паутину, сплетенную хитро, давно и основательно» [1, с. 87]. «Интеллигентской эстетике», которой проникнуты столичные мастера, Белов противопоставляет народную правду. Носителем народной правды является упоминаемый в первых строках книги плотник Нестерко, мастер, создавший Кижи.

В этот же ряд ставит писатель С. Есенина, Н. Рубцова, В. Шукшина. Мастерство требует от писателя полного самоотречения, полной самоотдачи.

Упомянув записи В. Жуковского о счастье, о том, что «счастье не самое главное в жизни», Белов подводит читателя к проблеме страдания. Человек, идущий особой узкой тропой, ищущий истину, открывающий ее людям, должен быть не просто готов к страданию, а желать его. «Божественная стыдливость страдания» мешает жаловаться, мстить, дает силы терпеть унижения и оскорбления непосвященных. Судьба истинно народных писателей, по мнению В. Белова, это отражение народной судьбы, которая ведет на Голгофу. На этом пути формируется великое терпение и мудрость народа и лучших его представителей.

Повествуя о своей жизни и жизни своих друзей, Белов подводит читателя к мысли, что судьба литераторов 20 века теснейшим образом связана с судьбой народа. Революции и войны привели к масштабным изменениям в духовном развитии общества. Белов размышляет о сходстве биографий писателей- современников. Безотцовщина, отсутствие глубокого образования, аттестата и, как следствие, борьба за читателя, ощущение бесконечного одиночества преследует и Рубцова, и Шукшина, и самого Белова. «Крестьянская боль передалась нам по наследству», – пишет автор мемуаров, с болью вспоминая жизнь отцов и матерей. Представители власти воспринимаются им как враги народа, так как разрушают семьи, народную культуру и ломают традиционные представления общества о добре и зле. Все эти мысли неоднократно находили отражение в художественных произведениях писателя, однако в мемуарах они звучат резче, отчетливее. В воспоминаниях Белов многократно останавливается на проблеме сохранения русской культуры. Большинство русских писателей шло в литературу тернистым путем. Крестьяне, из которых вышли многие русские авторы, не имели прав, знаний, народная культура причислялась к разряду отсталых культур. К этому добавились последствия репрессий, раскулачивания. Относились к русским писателям, вышедшим из глубинки, в 50-70-е годы как к второсортным авторам. Размышляя о трудном пути таких мастеров, о судьбе Шукшина, Белов отмечает, что судьбы русской культуры решаются «то гавкающими церберами, то ехидным щебетом столичных пташек» [1, с. 73].

Тем важнее образцы победителей «столичной элитарной» культуры 20 века. Наибольшее уважение у Белова и у Шукшина вызывал Шолохов. «Шолохов вывернул меня наизнанку. Шолохов мне внушил – не словами, а присутствием своим в Вешенской и в литературе, – что нельзя торопиться, гоняться за рекордами в искусстве, что нужно искать тишину и спокойствие, где можно осмыслить глубоко народную судьбу... Он предстал передо мной реальным, земным светом правды», – говорил Шукшин в своем последнем интервью [1, с. 102]. Эти слова стали писательским кредо и для Белова. О советском классике Белов говорит с искренним восхищением силой характера и писательским талантом. «Поднятую целину» он считает не столько ошибкой, сколько «уступкой конъюнктуре».

К 60-70-м годам 20 века неприязнь к крестьянам, рвущимся в литературу, явно усиливалась, что ощущал и сам Белов. Поэтому суровым обвинением в адрес чиновников в литературе звучат слова писателя о дипломе, который сравнивается со справкой Ивану-дураку о том, что он не дурак, на добывании справки строится сюжет сказки Шукшина «До третьих петухов». Рефреном проходит в воспоминаниях фраза – предупреждение из этой пьесы: «Ванька, смотри!». Сам Белов пытается за событиями бытовыми и социальными увидеть причинно-следственные связи, найти объяснение неустроенности жизни талантливых людей в России. И приходит к неутешительным выводам: писатель на Руси вынужден быть пророком, которому нет места в своем отечестве.

Размышляя о политике государства по отношению к русским, писатель ставит проблему вытеснения русской культуры. Идет подмена понятий, за которой трудно угледеть истинные причины событий. Политику государства он оценивает как колониальную по отношению к своему же народу. Используя образы сказки Шукшина, Белов рисует государство как монастырь, в который вошли (с помощью самого Ивана-дурака) черти, выгнали монахов и пируют там. Усиливается критика чиновничьего аппарата, когда речь идет о книге Шукшина «Разин». Для Василия Макаровича это произведение было очень важно, он хотел, чтобы читатель узнал его героя. Невозможность «протолкнуть» «Разина» в этом смысле символична. Элитарной культуре не нужен образ русского бунтаря, удобнее представлять читателю и зрителю то, что попроще, в чем нет мощи мысли, характера Стеньки Разина (за которым стоит не только Шукшин, но и весь русский народ).

Включение воспоминаний о Шукшине в контекст всего творчества Белова позволяет обнаружить еще одну закономерность. Говоря о «Разине» Шукшина, В. Белов не соглашается с трактовкой этого исторического персонажа своим другом. У Василия Ивановича есть пьеса «Александр Невский», в которой создан образ правителя. Князь Александр рисуется писателем как государственный человек, для которого честь и мощь Отечества выше личных амбиций. Невский готов терпеть власть Золотой Орды до тех пор, пока не окрепнет молодое государство, пока Русь не будет готова подняться против грозного врага. Белов показывает сомнения и страдания князя, которого обвиняют в слабости и практически – в предательстве. Однако именно деятельность Александра Невского готовит Русь к будущей Куликовской битве. Те же взгляды на государство можно обнаружить в мемуарах: «Разин для меня был не только вождем крестьянского восстания, но еще и разбойником, разрушителем государства. Разин и Пугачев и сегодня олицетворяют для меня центробежные силы, враждебные для русского государства» [1, с. 101]. Исходя из подобных высказываний автора, можно утверждать, что Белов выступал не против государства и власти, а за крепкую власть, которая служила бы верой и правдой Отечеству. Вместе с тем, в современности Белов не видит таких людей. Литературная среда, как государство в государстве, отражало эту закономерность.

Предостережением и одновременно завещанием Шукшина, по мнению В. Белова, звучат слова из сказки: «Ванька, смотри!», где в роли Ваньки выступает русский человек, униженный, пляшущий под чужую дудку, и все же умный и сильный. Актуальны эти слова и сейчас.

Центральный образ креста в воспоминаниях неизбежно обращает читателя к теме христианства, православия, возвращения русского человека к вере. Этот путь подразумевает серьезную работу души, он скрыт для окружающих и потому непонятен многим. Однако ориентация на традиционные духовные принципы рано или поздно должна была привести писателя к вопросам веры.

Всё творчество В. Белова, по сути своей, строится на православной традиции. Она является обязательной частью народной культуры, в которой формировалось мировоззрение русского крестьянина и самого Белова. Поиск Христа для писателя стал важен еще в советское время. Воспоминания раскрывают некоторые этапы этих поисков. Еще в студенческие годы православные праздники были для него важной датой, однако, на наш взгляд, это пока только обрядовая форма, традиция, а не потребность души. Затем была подаренная Шукшину икона Христа-Эммануила, воспринятая пока как подарок, знак принадлежности к народной культуре. Однако постепенно усиливается интерес к религии, идет зарождение веры в душе человека: «Сам пробуждался только-только... Страна была все еще заморожена атеистическим холодом. Лишь отдельные места, редкие проталины, вроде Псково-Печорского монастыря, подтачивали холодный комуну-еврейский айсберг» [1, с. 89].

Путь Шукшина к Богу сходен с путем Белова. Генетически в них жила вера, которая усиливалась, углублялась в преодолении самых разных преград. Кажется, что Шукшин был более близок к христианскому всепрощению, его природная доброта способствовала этому. Шукшин в своем почтении матери спрашивал у нее разрешения обзавестись третьим ребенком. Белов более суров к людям, однако он понимает, что у каждого свой путь. Воспоминания названы «Тяжесть креста». В первую очередь, это крест Шукшина: «Макарыч шел на свою Голгофу, не оглядываясь и не озираясь» [1, с. 71]. Трудный путь этого мастера: его ранняя смерть, душевная мягкость и кротость, гонения со стороны государства, чиновников, пережитые унижения и стыд за Россию, жалость ко всему живому – все это приближает Шукшина к образу народного героя.

С другой стороны, тяжесть креста ощущает сам Белов, судьба которого схожа с судьбой друга. Наконец, речь идет о кресте русского народа, пережившего от своих предков православие: «Тяжесть жизненного креста, если человек встал с колен и шагает истинно православным путем, увеличивается с каждым последующим шагом. Такое, то есть религиозное, отношение к жизни постепенно и сперва неосознанно вырабатывалось в моем сердце» [1, с. 70].

Воспоминания Белова явились философским подведением итогов всего развития русской культуры 20-го века. Они вновь подняли вопрос о выживании русского народа и его предназначении. Вместе с тем, определили окончательно отношение писателя к вере.

Таким образом, книга воспоминаний о Шукшине является важной частью творческого наследия автора, раскрывая тяготы писательского труда, погружая читателя в противоречия литературного и культурного развития России в 20 веке. В книге «Тяжесть креста» В. И. Белов остается верен своим принципам. Он суров и откровенен с читателем. Утверждая вновь и вновь народную традицию, он пытается пробудить сознание людей, напоминая об истоках и нравственном потенциале русской культуры.

Литература

1. Белов В. И. Тяжесть креста. Воспоминания о В. М. Шукшине // Роман-газета. – 2001. – №8. – С. 70 – 112.
2. Дунаев М. М. Вера в горниле сомнений. Православие и русская литература в XVII – XX веках. – М., 2002. – 1056 с.
3. Мемуары на сломе эпох // Вопросы литературы. – 1999. – №1. – С. 3–35.
4. Распутин В. Г. Служба Василия Белова // Наш современник. – 2002. – №10. – С. 3–4.
5. Тартаковский А. Мемуаристика как феномен культуры // Вопросы литературы. – 1999. – №1. – С. 35–55.
6. Трофимов В. К. Истоки и сущность русского национального менталитета (Социально-философский аспект) Автореф. дис. ... доктора философ. наук. – Екатеринбург, 2001. – 43 с.

*Л.Г. Яцкевич
Вологда*

ОБРАЗЫ ПОЭТОВ-СОВРЕМЕННОКОВ В ТВОРЧЕСТВЕ Н. А. КЛЮЕВА

Н. А. Клюев имел широкий круг знакомств в литературном мире, однако всегда был в этом мире одинок и часто не понят, или, как сам писал об этом, «греховным миром не разгадан» [9, с. 3–53]. Именно поэтому особенно ценны для нас наблюдения и оценки поэтом своих собратьев по перу, которые постоянно встречаются в его стихотворениях. Клюев посвящает им свои произведения, в которых вступает в поэтический диалог с ними. В некоторых своих стихотворениях он как бы оглядывается на них, ища у них дружеской поддержки, или вступая с ними в спор. Эта пушкинская черта его поэзии очень примечательна.

Обратимся к образам поэтов-современников, которые запечатлел в своем творчестве Н. А. Клюев. В зависимости от того, какое поэтическое

направление они представляли и как поэт относился к ним, их можно объединить в следующие группы: 1) поэты «серебряного века» А. А. Блок, А. А. Ахматова, В. Я. Брюсов, К. Д. Бальмонт, О. Э. Мандельштам, Б. О. Пастернак; 2) новокрестьянские поэты С. А. Есенин, П. Н. Васильев, С. А. Клычков; 3) пролетарские поэты В. Т. Кириллов, А. К. Гастев; 4) поэты новой советской формации: В. В. Маяковский, А. А. Прокофьев, Н. С. Тихонов, А. И. Безыменский, В. А. Рождественский, Д. Бедный, А. Б. Мариенгоф; 5) иностранцы поэты П. Верлен, Э. Верхарн, К. Гамсун, Г. Лонгфелло.

В данной статье рассматриваются поэтические образы только некоторых поэтов-современников.

1. Клюев о поэтах Серебряного века

А. Блок

В молодости Клюев в своем поэтическом творчестве жадно впитывал образы и мотивы поэзии Блока, но не растворялся в них, упорно ведя свою поэтическую партию, не теряя своего поэтического голоса. Известно, что они переписывались, а затем встречались в 1908–1911 годах. И эта встреча двух гениев русской словесности была значительным событием в их духовной биографии. Как отмечает К. М. Азадовский, «личность Клюева и переписка с ним наложили, бесспорно, свой отпечаток на образ России, каким он предстает в стихах и статьях поэта» [2, с. 31].

Оставляя в стороне сложные отношения этих поэтов, о которых написано достаточно много, обратимся к блоковским образам в поэзии Клюева. Он посвятил Блоку три стихотворения. В стихотворении «Пловец» (1908 год), используя библейские мотивы, он следует русской традиции и говорит о пророческом служении поэта.

*В страну пророков и царей
Я челн измученный направил
И на безбрежности морей
Творца Всевидающего славил.
Рукою благостной Господь
Развевал сумрак непогодный*

*И дал мне светлую милоть
И пояс, радуге подобный.
Молниеvidен стал мой лик
И ясновидящ взор туманный,
Прозрев за далью материк
Земли, пловцу обетованной...*

Поэтический мотив беззащитности пророка развивается во второй части этого стихотворения:

*По сон угас, как зори мая,
Надводным холодом дыша.
И с той поры о дивном крае
Томится падающая душа.
Ей снятся солнечные стены
Нерукотворных городов,*

*И в ледяном мерцанье пены
Сиянье чудится венцов.
Как будто в сумраке далече,
За гранью стынущей зари,
Пловцу отважному навстречу
Идут пророки и цари.*

Э. Б. Мекш, известный исследователь творчества Н. А. Клюева, считает, что в этом стихотворении «отражается сюжетная модель стихотворения» Н. М. Языкова «Пловец» («Нелюдимо наше море...»), ставшего популярной песней [14, с. 53-166]. К. М. Азадовский пишет о том, что образы корабля, челна и моря появились у Клюева в «блоковский период» под влиянием сборника Блока «Нечаянная радость» [2, с. 17]. На наш взгляд, оба литературоведа отметили внешние предпосылки для появления этого стихотворения и сходства его образов с образами Языкова и Блока. Однако существует и внутренняя предпосылка – приверженность Клюева к поэтике библейских символов и мотивов, которые и послужили общим источником для стихотворений этих трех поэтов. И. Кудряшов обратил внимание на то, что наиболее близки образы этого стихотворения к содержанию 106 псалма, стих 28-32 [13]: *«Но воззвали они к Господу в скорби своей, и от бед избавил Он их; И повелел буре, и настала тишина, и умолкли волны морские. И возрадовались они, что утих ветер, и направил Он их в пристань желанную, Да прославят Господа за милости Его и чудеса Его, явленные сынам человеческим! Да превозносят Его в собрании народа и в сонме старцев да восхвалят Его!»* [5, с. 803]. Этот же мотив плывцов, терпящих бедствие в морской стихии и спасенных по молитвам их к Богу, находим в других частях Библии: в Книге пророка Ионы [5, с. 1336-1338] и в Откровении Иоанна Богослова 7,1-8 [5., с. 1827].

Два других стихотворения, посвященные Блоку, написаны в 1910 году. В первом из них *«Верить ли песням твоим ...»* продолжается тема пророческого служения поэта. Клюев обращается к Блоку и его стихи называет *«птицами морского рассвета»*, которые поют свои песни в глухом тумане повседневности. Здесь, видимо, содержится намек на стихотворение Блока *«Гамаюн, птица вещая»*, посвященное картине В. Васнецова: *«На гладях бесконечных вод, / Закатом в пурпур облеченных, / Она вещает и поет, / Не в силах крыл поднять смятенных ...»*. Далее, в своем стихотворении Клюев говорит об одиночестве поэтов в холодном мире: *«Вышли из хижины мы, / Смотрим в морозные дали: / Духи метели и тьмы/ Взморье снегами сковали.* Но поэт верит, что они (Блок и Клюев) познают духовную радость: *«Радость незримо придет, / И над вечерними нами / Тонкой рукою зажжет / Зорь незакатное пламя»*. *«Зорь незакатное пламя»* – это поэтическая перифраза *Света Невечернего*, которая в христианских молитвах обозначает благодать Иисуса Христа.

Третье стихотворение блоковского цикла посвящено поэтическому размышлению о тайне России, которая для Клюева и есть та непостижимая *«прекрасная дама»*, о которой грезил Блок:

*Я болен сладостным недугом –
Осенней, рдяною тоской.
Нерасторжимым полукругом
Сомкнулось небо надо мной.*

*Она везде, неуловима,
Трепещет, дышит и живет:
В рыбачьей песне, в свитках дыма,
В жужжанье ос и блеске вод.*

*В шурианье трав – ее походка,
В нагорном эхо – всплески рук,
И казематная решетка –
Лишь символ смерти и разлук.
Ее ли косы смоляные,
Как ветер смех, мгновенный взгляд...*

*О, кто Ты: Женщина? Россия?
В годину черную собрат!
Поведай тайное сомненье
Какою казнью искупить,
Чтоб на единое мгновенье
Твой лик прекрасный уловить?*

В первой части стихотворения слышен явственно блоковский мотив тоски, о которой сам Блок в статье «Народ и интеллигенция» писал, исповедуясь: «...во мне самом нет ничего, что любил бы я больше, чем свою влюбленность индивидуалиста и свою тоску, которая, как тень, всегда и неотступно следует за такою влюбленностью ...» [6, с. 327]. Затем Клюев вплетает в этот мотив тоски свое ее понимание: тоска его лирического героя – стремление постигнуть духовную тайну России («Чтоб на единое мгновение / Твой лик прекрасный уловить»).

А. А. Ахматова

С Анной Ахматовой Клюев был также лично знаком. Как известно, после первой встречи поэтесса сказала о нем: «Таинственный деревенский Клюев». Как справедливо отмечает П. Поберезкина, «эпитет «таинственный» для Ахматовой является знаком настоящего Поэта и потому скорее связан с ее высокой оценкой клюевского творчества, чем с неспособностью понять Клюева, как полагает К. М. Азадовский [1, с. 66-70] [18, с. 151].

Клюев посвятил Ахматовой четыре стихотворения [12, с. 64-65], известно одно из них – «Мне сказали, что ты умерла...» (1911 г.). Однако много позже, в 1964 году, поэтесса скептически отмечает: «Это, конечно, не мне и не тогда написано. Но я уверена, что у него была мысль сделать из меня небесную градоправительницу, как он сделал Блока нареченным Руси» [12, с. 65].

Как свидетельствуют мемуары, Клюев назвал Ахматову «китежанкой»: «Николай Клюев был ловец душ. Он каждому хотел подсказать его призвание. Блоку объяснял, что Россия его «Жена». Меня назвал «Китежанкой» [7, с. 411]. Предсказание поэта свершилось, и в 30 – 40-х годах Ахматова именно так себя чувствовала [18, с. 148- 150]. П. Поберезкина отмечает: «Оставшись после гибели современников последней «китежанкой» и предчувствуя в 1940 году близость «последних сроков», она создает поэму «Путем вся земли», пронизанную клюевскими реминисценциями» [18, с. 149].

Имя Ахматовой упоминается в стихотворении «Клеветникам искусства», посвященном своеобразному критическому обзору современной поэзии. Стихотворение строится на противопоставлении, с одной стороны, истинных поэтов, своими произведениями обогативших русское искусство, и, с другой стороны, околотицературной саранчи, которую поэт называет *нетопырями*, *гнусавыми воронами*, а их критику – *граем вороньим. черным*

смехом. Их писания, по мнению Клюева, это – *крапива полуслов, бурьян междометий*, они *бумажные размножили погосты / И вывели ежей, улиток, саранчу!*.. Поэт не называет поименно этих представителей лжелитературы, поскольку их очень много (*имя им – легион*)), они безлики, агрессивны и у них власть. Зато самым близким ему современным поэтам – А. А. Ахматовой, С. А. Есенину, П. Н. Васильеву и С. А. Клычкову – он посвящает прекрасные поэтические строки, написанные с любовью.

Вот отрывок из этого стихотворения, посвященный А. Ахматовой:

*Ахматова – жасминный куст,
Обожженный асфальтом серым,
Тропу утратила ль к пещерам,
Где Данте шел, и воздух густ,
И нимфа лен прядет хрустальный!
Средь русских жениц **Анной** дальней
Она как облачко сквозит
Вечерней проседей ракут!*

Этот поэтический этюд имеет очень сложную смысловую композицию, так как в него включены реминисценции из различных произведений Ахматовой и посвященного ей стихотворения Н. С. Гумилева. Клюев выбрал самое важное для него в ее творчестве и жизни. Во-первых, используется мифологема из стихотворения Ахматовой «Лотова жена» (*«асфальт серый»*), то есть горящая сера, которою Бог наказал за грехи древние города Содом и Гоморру). Следует отметить, что, по мнению Б. Л. Пастернака, это стихотворение Ахматовой создает неточное представление о ее музе. Для него она, прежде всего, певец Петербурга и белых ночей. В его стихотворении «Анне Ахматовой» читаем: *«Я слышу мокрых кровель говорок, / Торцовых плит заглохшие элоги. / Какой-то город, явный с первых строк, / Растет и отдается в каждом слоге...»*, и далее: *«Бывает глаз поразному остер, / По-разному бывает образ точен. Но самой страшной крепости раствор – / Ночная даль под взглядом белой ночи. / Таким я вижу облик ваш и взгляд. / Он мне внушен не тем столбом из соли, / Которым вы пять лет тому назад / Испуг оглядки к рифме прикололи...»*. При сравнении этих двух различных поэтических образов Ахматовой видно, что Пастернак обращает внимание на внешние обстоятельства жизни поэтессы и на одну из тем ее стихотворений, а Клюев сразу говорит о ее трагической судьбе. В стихотворении А. Блока «Анне Ахматовой», в котором используются мотивы Кармен, представлен субъективный образ поэтессы: *«Красота страшна» – Вам скажут, / Вы накинете лениво / Шаль испанскую на плечи, / Красный розан – в волосах»*. В «Воспоминаниях об А. Блоке» А. Ахматова пишет: *«У меня никогда не было испанской шали, в которой я там изображена, но в то время Блок бредил Кармен и испанизировал меня. Я и красной розы, разумеется, никогда в волосах не носила. ...»* [3, с. 167].

Далее, в стихотворении Клюева появляется поэтический образ поэта-изгнанника Данте, который характерен для творчества Ахматовой, как и для многих поэтов «серебряного века». Он выражает мотив избранничества и одиночества поэта в мире людей, например, в ее стихотворении «Муза»:

*Когда я ночью жду ее прихода,
Жизнь, кажется, висит на волоске.
Что почести, что юность, что свобода
Пред милой гостьей с дудочкой в руке.
И вот вошла. Откинув покрывало,
Внимательно взглянула на меня.
Ей говорю: «Ты ль Данту диктовала
Страницы Ада?» – Отвечает: «Я».*

Последние 3 строки клюевского этюда об Ахматовой («Средь русских женщин Анной дальней / Она как облачко сквозит / Вечерней проседью ракет!») перекликаются с образом поэтессы в стихотворении Н.С. Гумилева «Она»: «... Ее душа открыта жадно / Лишь мерной музыке стиха, / Пред жизнью дольней и отрадной / Высокомерна и глуха. / Невслышный и неторопливый, / Так странно плавлен шаг ее...». У Ахматовой есть отклик на это стихотворение: «Сказал, что у меня соперниц нет. / Я для него не женщина земная. / А солнца зимнего утешный свет / и песня дикая родного края...» [20, с.24-25].

О меткости характеристик Ахматовой Клюевым говорят многие факты ее творчества. Так, она избрала эпиграфом ко второй части «Поэмы без героя» («Решка») строки о ней из стихотворения «Клеветникам искусства». Правда, она заменила последнее слово в соответствии с темой своей поэмы: «Где Данте шел и воздух пуст» [18, с. 152].

В поэме «Кремль», описывая горестную судьбу русских поэтов, Клюев цитирует строчку из стихотворения Ахматовой 1913 года «Ты знаешь, я томлюсь в неволе ...» [15, с. 289]: «... Клычков! Пытливым пешеходом / Он мерит тракт и у столба, / Где побирушкою судьба / Уселась с ложкою над тюрей, / Поет одетые в лазури / **Тверские скудные поля!**»

Подводя итог, обратимся к словам самой поэтессы, которая, вспоминая клюевские поэтические строки о ней, произнесла: «Лучшее, что сказано о моих стихах» [4, с. 518].

С. А. Клычков

Мишель Никё, рассмотрев существенные различия в религиозном сознании Н. А. Клюева и С. А. Клычкова, пришёл к выводу: «Клычков – жертва темного века, Клюев – тоже его жертва, но и пророк Невечернего Света» [17, с. 85]. Клычков «был поражен метафизическим, извечным, непреодолимым существованием зла» – пишет исследователь его творчества [17, с. 85]. Это мнение о поэте очень близко той поэтической оценке, которую дал Клюев своему другу поэту-современнику в стихотворении «Клеветникам искусства»:

*И от тверских дубленых пахот,
С анютником лесным под мышкой,
Клычков размыкал ли излишки
Своих стихов – еловых почек,
И выплакал ли зори-очи
До мертвых костяных прорех
На грой вороний – черный смех?!*

Вместе с тем, Клюев высоко ценил произведения этого поэта. В письмах к А. В. Ширяевцу стихи Клычкова он называет «хрустальными песнями» [11, с. 219], «свежими, как Апрельский Лес» [11, с. 221]. В 1926 году он пишет о новом романе С. А. Клычкова «Чертухинский балакирь»: «Я так взволнован сегодня, что и сказать нельзя, получил я книгу, написанную от великого страдания, от великой скорби за русскую красоту. <...> Надо в ноги поклониться С. Клычкову за желанное рождество слова и плача великого. В книге «Балакирь» вся чарь и сладость Лескова, и чего Лесков недосказал и не высказал, что только в совестливые минуты чувалось Мельникову-Печерскому от купальского корня, от Дионисиевской вапы, от меча-кладенца, что под главой Ивана-богатыря – все в «Балакире» сказалось, ажно терпкий пот прошибает. И радостно и жалостно смертельно» [11, с. 73].

В поэме «Кремль» (1934 г.) он создает образ Клычкова как поэта-певца родной тверской земли: «Домашний, с ароматом печи, / Когда на расстегай малинный / Летит в оконце рой пчелиный, / И крылья опаляет медом, – / Клычков! Пытливым пешеходом / Он мерит тракт и у столба, / Где побирушкою судьба / Уселась с ложкою над тюрей, / Поет одетые в лазури / Тверские скудные поля!» [16, с. 214].

Трагичной была судьба молодого талантливоего поэта Павла Васильева, погибшего в застенках в 26 лет. Он обвинялся в «кулацкой» идеологии и «клеевщине». Взаимоотношения Клеова и Васильева складывались поразному. Нередко Клеов возмущался буйным поведением молодого поэта. Так, в письме к А.Н. Яр-Кравченко читаем: *«торцовой мостовой жиган, но вобщем дурак негодяй Васильев»* (11 мая 1933 г.) [11, с.292]. Из ссылки в письме к В. Н. Горбачевой (25.12.1935) он пишет: *«Жалко сердечно Павла Васильева, хоть и виноват он передо мною черной виной»* [11, с. 371]. Из письма В. Н. Горбачевой (22.12.1936): *«Что Литгазеты назвали его бездарным – это ничего не доказывает. Поэт такой яркости, обладатель чудесных арсеналов с кладенцами. <...> Мне бы очень хотелось прочесть «бездарные» стихи Павла. Хотя он и много потрудился, чтобы я умолк навсегда. Передайте ему, что я написал четыре поэмы. В одной из них воспет и он, не как негодяй, Иуда и убийца, а как хризопраз самоцветный!»* [11, с. 385-386]. Действительно, в стихотворении «Клеветникам искусства» Клеов с любовью лепит образ Павла Васильева на основе целой цепочки аллюзий на его поэтические мотивы и образы: это степь, полынь, казаки, Иртыш, омуль, шука, ерш, осетр.

Полыни сноп, степное юдо,
Полуказак, **полукентавр**,
В чьей песне бранный гром литавр,
Багдадский шелк и перлы грудой,
Васильев – омуль с Иртыша,
Он выбрал шуку и ерша
Себе в друзья – на песню право,
Чтоб цвeсть в поэзии купавой, –
Не с вами правнук Ермака!
На стук степного батожка,
На ржанье сосунка **кентавра**
Я осетром разинул жабры,
Чтоб гость в моей подводной келье
Испил раскольничьего зелья,
В легенде став **единорогом**,
И по **родным** полынным логам,
Жил **гривы** заревом, отгулами **копыт** –
Так нагадал осётр и вспенил перлы кит!

Клюев сравнивает Васильева с *кентавром*, так же, как себя называл «*потомком бога Китовраса*», у Есенина он также находил сходство с *Китоврасом*: *Белый цвет Серёжа, / С Китоврасом схожий*. Мифологический образ Кентавра или славянского Китовраса – это символ неукротимой стихии и свободы. Однако поэтическое содержание, которое сформировалось у имени *Китоврас* в контексте всего творчества Клюева несколько иное: это символ сказочной крестьянской Руси, Китежа, и её певцов – Есенина, Клычкова, Васильева [19].

В стихотворении «Я человек, рожденный не в боях ...» (1933 г.), посвященном П. Васильеву, говорится о защите крестьянской культуры и ее певцов от враждебных ей критиков. В своей последней поэме «Кремль» Клюев начинает описание современного ему «Сада Поэтов» с Павла Васильева:

*Васильев – перекасти-море
И по колено и по холку,
В чьей песне по Тибета шелку
Аукает игла казачки,
Иртыш по Дону правит плачки,
И капает вишневым соком
Лихая сабля, ненароком*

Окунута в живую печень. И в этот раз Клюев своим дружественным поэтическим взором путешествует по страницам произведений Васильева.

3. Клюев о поэтах новой советской формации

В. В. Маяковский

Два талантливых поэта, Клюев и Маяковский, были совершенно не совместимы друг с другом ни в жизни, ни в поэтическом пространстве. Их современники вспоминают о взаимных оскорбительных характеристиках, которые они давали друг друга. Маяковский относил Клюева к «*мужиковствующих своре*» (см. ст-ние «Юбилейное»), а Клюев называл его «*крикуном-богоборцем*» [12, с. 109, 120, 350].

В 1919 году Клюев написал два стихотворения, в которых противопоставляет революционной поэзии Маяковского свое понимание произошедшей революции, ее назначение. Ниже приводится одно из них, в котором встречаются реминисценции из произведений Маяковского:

*Маяковскому грезится гудок над Зимним,
А мне – журавлиный перелет и кот на лежанке.
Брат мой несчастный, будь гостеприимным:
За окном лесные сумерки, совиные зарянки!
Тебе ненавистна моя рубаха,
Распутинские сапоги с набором, –
В них жаворонки и грусть монаха
О белых птицах над морским простором.
В каблуке в моем – терем Кащеев,
Соловей-разбойник поныне, –
Проедет ли Маркони, Менделеев,
Всяк оставит свой мозг на тыне.
Всякий станет песней в ночевке,
Под свист костра, над излучиной сивой;
Заблудиться в моей поддевке
«Изобразительным искусствам» не диво.
В ней двенадцать швов, как в году високосном,
Солноповороты, голубые пролетя,
На опушке по сафьяновым соснам
Прыгают дятлы и белки – столетья.
Иглокожим, головоногим претят смоль и черника,
Тетеревиные токи в дремучих строчках.
Свете тихий от народного лика
Опочил на моих запятых и точках.
Простой, как мычание, и облаком в штанах казинетовых
Не станет Россия – так вещает Изба.
От мереж осетровых и кетовых
Всплески рифм и стихов ворожба.
Песнотворцу ль радеть о краях подъемных,
Прикармливать воронов – стоны молота?
Только в думах поддонных, в сердечных домах
Выплавится жизни багряное золото.*

В поэме «Кремль» (1934), уже после гибели Маяковского, Клюев опять вступает в диалог с ним. В этот раз он как бы оправдывается перед ним за свой народный язык: «Опять славянское слово! / Ну что же делать беззаконцу, / Когда карельскому Олонцу / Шлет Кострома «досель» да «инде» / И убежать от пестрых индий / И Маяковскому не в пору?!» (16, с. 209)

Этот современник Клюева – автор комсомольского гимна «Молодая гвардия», близкий сотрудник Л. Троцкого, а затем «обличитель троцкизма», тем не менее, до конца жизни проводивший его антирусскую линию в литературе и своими критическими статьями-доносами пытавшийся погубить многих талантливых поэтов и писателей. Травлю Клюева он начал в 1927 году со статьи «Русское дело», написанной по поводу новой клюевской поэмы «Деревня» и напечатанной в «Красной газете» [11, с. 637]. В. Маяковский с презрением относился к этому «комсомольскому поэту» и в стихотворении «Юбилейное» написал: *«Ну, а что вот Безыменский?! Так ... ничего... морковный кофе».*

Клюев запечатлел образ литературного иуды в своей поэме «Кремль», не грубя при этом, как Маяковский, а используя мотивы и образы самого «поэта-критика» для скрытой насмешки над ним:

*Чу! Безыменский – ярый граб,
Что в поединке не ослаб
С косматым зубром-листодедом! –
Дымится сук, и красным хором
На нем уселись фазаны,
Чтобы гореть и клетком рьяным
Глушить дроздов, их скрип обозный;
Меж тем в дупле петух колхозный,
Склевав амбар пшеничной нови,
Как сторож трубит в рог коровий,
Что молод мир, и буйны яри,
Что Волховстрой румянец карий
Не зажелтит и во сто лет!
Мое перо прости, поэт, -
Оно совиное и рябо;
Виденьем петуха и граба
Я не по чину разузoren!*

В более раннем стихотворении 1933 года «Я человек, рожденный не в боях...» Клюев дает мужественный поэтический ответ Безыменскому и другим критикам, враждебным русской культуре:

<...>

*Кольцо Светланы точит время,
Но есть ребячий городок
Из пуха, пряжи и созвучий,
Куда не входит зверь рыкучий
Пожрать волшебный колобок,
И кто в громах рожден, как тучи,
Тем не уловится текучий,
Как сон, запечный ручеек!
Я тил из лютни жемчужовой
Пригоршней, сапожком бухарским,
И вот судьбою пролетарским
Казним за нежность, тайну, слово,
За морок горенки в глазах,—
Орланом — иволга в кустах.
Не сдамся!*

Литература

1. Азадовский К. М. «Меня назвал «китежанкой»: Анна Ахматова и Николай Клюев // Литературное обозрение. — М., 1989. — № 5. — С. 66-70.
2. Азадовский К. М. Стихия и культура. // Клюев Николай. Письма к Александру Блоку 1907-1915. — М., 2003.
3. Ахматова А. А. Собрание сочинений: В 2 т. — М., 1996.
4. Ахматова А. А. Стихотворения и поэмы. — Л., 1979.
5. Библия. Книга Священного писания Ветхого и Нового Завета. Синодальный перевод. Четвертое издание. Брюссель, 1989.
6. Блок А. А. Собрание сочинений. Том пятый. — М.-Л., 1962.
7. Воспоминания об Анне Ахматовой: Сборник. — М., 1991. — С. 404-419.
8. Гарнин В.П. Примечания // Клюев Н. Сердце Единорога. Стихотворения и поэмы. — СПб., 1999. С. 817-987.
9. Киселева Л. А. «Греховным миром не разгадан... (Николай Клюев) // Николай Клюев. Воспоминания современников. — М., 2010. С. 3-53.
10. Клюев Н. Сердце Единорога. Стихотворения и поэмы / Предисловие Н.Н. Скатова, вступ. статья А.И. Михайлова; составление, подготовка текста и примечания В.П. Гарнина. — СПб., 1999.
11. Клюев Н. Словесное древо. Проза / Вступ. статья А.И. Михайлова; составление, подготовка текста и примечания В.П. Гарнина. — СПб., 2003.
12. Клюев Н. Воспоминания современников. / [сост. П.Е. Поберезкина] отв. ред. С.И. Субботин. — М., 2010.
13. Кудряшов И. «О кто поймет, услышит псалмов высокий лад?»: мотивы и образы песен царя Давида в поэзии Н.А. Клюева // www.academia.edu/6672608/Клюевослов. URL: <http://www.kluev.org.ua/collegium/kudrjashov/php>.

14. Мекш Э. Б. Коллизия «море – пловец – берег» в лирике Николая Крюева (языковский контекст) // XXI век на пути к Крюеву. Материалы Международной конференции «Олонецкие страницы жизни и творчества Николая Крюева и проблемы этнопоэтики». – Петрозаводск, 2006. – С. 153-166.

15. Михайлов А. И. Примечания // Наследие комет. Неизвестное о Николае Крюеве и Анатолии Яре. Кравченко Т., Михайлов А. – М., 2006. – С. 227-291.

16. *Наследие комет*. Неизвестное о Николае Крюеве и Анатолии Яре. Кравченко Т., Михайлов А. – М., 2006.

17. Никё М. Теодицея у Н. Крюева и С. Клычкова // XXI век на пути к Крюеву. Материалы Международной конференции «Олонецкие страницы жизни и творчества Николая Крюева и проблемы этнопоэтики». – Петрозаводск, 2006. – С. 81- 86.

18. Поберезкина П. Крюевское слово в творчестве Анны Ахматовой // Ритуально-міфологiний підхід до інтерпретації тексту. Збірник наукових праць. – Київ, 1998. – С. 140-156.

19. Смольников С. Н., Яцкевич Л. Г. На золотом пороге немеркнущих времен: Поэтика имен собственных в произведениях Н. Крюева. – Вологда, 2006.

20. Яцкевич Л. Г. Структура поэтического текста. – Вологда, 1999.

РУССКОЕ СЛОВО В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ СЕВЕРНОГО РЕГИОНА. ЛИТЕРАТУРА ВОЛОГОДСКОГО КРАЯ В ШКОЛЕ

Е.П. Андреева
Вологда

МУЗЫКА РУССКОЙ ДЕРЕВНИ В ПОВЕСТИ В. И. БЕЛОВА «ДЕРЕВНЯ БЕРДЯЙКА»

Предметом описания в данной статье является «звуковая» лексика в повести В. И. Белова «Деревня Бердяйка».

С. Ю. Баранов, характеризуя начало творческого пути писателя, отмечает: «Впервые он выступил на страницах печати как поэт. Произошло это в 1956 году. Пять лет спустя Белов дебютировал как прозаик, только не рассказами, что соответствовало бы привычному стереотипу, а повестью «Деревня Бердяйка» [Баранов 2007: 6]. Видимо, не случайно в этой ранней повести В. Белова мы видим поэтическое изображение мира русской деревни, повествование проникнуто лирическими интонациями. Исследователи отмечают близость ранних повестей и рассказов В. Белова к «лирической» прозе, у истоков которой стояли К. Паустовский, В. Солоухин, А. Яшин [Алавидзе 1983: 10]. В. Меньшиков считает В. И. Белова тем русским писателем, «кого формально нельзя отнести к цеху стихотворцев, но они всем строем образной ткани своих произведений, глубочайшим их лиризмом, эмоциональной наполненностью фразы заслуживают того, чтобы именоваться поэтами» [Меньшиков 1984: 3].

Пейзажные картины в анализируемой повести привлекают внимание точностью описываемых деталей, в частности тем, как передается мир звуков северной деревни. Наполнена звуками деревенская ночь: «над речкой Каменкой, в ивовых кустах и поросших лютиком левадках скрипят и скрипят коростели», «в деревне неутомимо трынкает гармонь», «шумно вдыхала и жевала жвачку корова: “Хруп-хруп!”», «все еще играла Венькина гармошка и скрипел за баней бессонный коростель». Но вот «коростели над Каменкой смолкли, начиналось воскресное утро».

Описание утра воссоздает уже иную звуковую картину, в которой В. И. Белов выделяет яркие в акустическом плане детали: «петух... издал мощный картавый звук, после чего в горле у него еще секунды две что-то клокотало и журчало». Пробуждается деревня, писатель описывает звуки, сопровождающие начало крестьянского трудового дня. Бабка Наталья «по-

бабьи чиркала стички и добродушно что-то ворчала», «с другой стороны печки слышались кряхтение и стоны» больного деда Николая, «звучно колотил в барабанку пастух», «у кузницы кто-то копошился и звякал ключами», агроном «Полина Григорьевна... гремела противнями и ухватами», «у фермы стоял разноголосый коровий мык».

Описывая то, как тянется день в избе деда Николая, страдающего от старческой немощи, болезни, а главное от того, что не под силу ему любимый крестьянский труд, писатель создает новый звуковой образ. Доминируют негромкие, однообразные, монотонные звуки: «сквозь мушное гудение слышно, как постукивают часы и как с приятным звоном шлепают в таз капли воды из умывальника», «натужно гудит овод», а за окном слышны другие звуки: «с дзиканьем метнулись и пронеслись два стрижа», «накатился и смок громовой гуд реактивных самолетов».

Физическая слабость отступает, когда деда Николая привозят на сенокос (приутихло «головокружение со звоном в ушах»). Он включается в общий труд, отбивая косу: «поплевал на бабку и тюкнул радостно». Меняется звуковая картина. Ее создают стук молотка в руках деда Николая («звуки были ровные, ритмичные»), посвист косы бригадира, неумолкающий говорок бабки Натальи. Все это на фоне негромкой музыки знойного летнего дня: «сверху неумолчно булькали жаворонки», «так же неумолчно звенели вокруг кузнечики», «шелестели осины».

Отметим акустическую точность в описании природных звуков, звуков, сопровождающих повседневные занятия, труд жителей деревни. Писатель умело использует звукоподражательные свойства фонетических единиц, изобразительно-выразительные возможности фоники, его отличает тонкий фонетический слух.

И. В. Голуб справедливо утверждает, что «стилистическая “активность” фоники зависит от эмоциональной окраски речи», представляется важным и то, что «при эмфатической интонации возможно обращение к звукописи не только в поэзии, но и в художественной прозе». [Голуб: 167-168]. Справедливость этой мысли подтверждает анализ текста повести «Деревня Бердяйка». Обратимся к описанию грозы во время сенокоса. Писатель создает ее точный акустический образ. Звучат первые аккорды: «земля даже под водой дрогнула от глухого близкого раската», «через минуту громыхнуло сильнее». Меняется общая тональность летнего дня: «сверчки будто бы приутихли, только жаворонок беспечно вздохнул булькал в знойной вышине». Торопятся косцы сметать стога: «сено по-сверчиному звенело под граблями». И в этом описании продолжают нарастать смычные звуки, по акустической классификации они относятся к резким: в приведенном отрывке отметим сочетание вибранта *p* с аффрикатой *ч* и взрывным *г*.

Гроза приближается: «ударил такой раскат грома, что земля словно хрустнула», «гром уже не урчал, а трещал, словно кто-то невидимый по

швам *распарывал громадную небесную шубу*». Близкий звуковой рисунок отметим в предложениях, описывающих действия людей во время грозы. В этом фрагменте отсутствуют глаголы звучания, но используются звуки, близкие по своим акустическим свойствам к уже описанным выше: «*Бабы загреба́ли последние валки. Бригади́р морга́л просоленными, выгоревшими ресницами, с натуго́й выбра́сывал грома́дные охапки, приговарива́л: – Да-вай, давай, бабоньки!...*» Наступает кульминация, вновь используются глаголы звучания, продолжают доминировать резкие звуки: «*гро́м греме́л, казалось, около самых ушей, и огненные лучины молний втыка́лись как будто прямо в опустевшую луговину пустоши*», «*вокруг всё трещало и шумело*», «*новый трескучий раскат грома*».

С одной стороны, описание сенокосной грозы выполняет функцию психологического параллелизма: писатель передает эмоциональное состояние героев, их душевный подъем, когда они спасают сено от разывавшейся стихии. С другой стороны, образ грозы можно оценивать как символический. Для Вали, смотревшей «на эту сумасшедшую грозу», «безжалостную, веселую», она – символ грядущих радостных перемен в жизни.

Приведем еще один пример использования звукописи в тексте повести «Деревня Бердяйка». Описание раннего утра включает две звуковые темы: а) «*Ещё ни одна труба в деревне не кужаявится дымом, ещё в берёзовых кронах шарахается и картаво орёт утреннее воронье*, б) а *Илья Степанович уже на ногах <...>- Кыш-шь, кыш-шь, прохвостки! – слышится в зоревом свежем воздухе стариковский голос и кашель*». Первая тема развивается за счет доминирования резких звуков, близких к крику ворон: прежде всего, это вибранты *p, p'* в сочетаниях с взрывными звуками *k, t* и гласными *a, o* (звукобуквы *a, o, ё*). Звуковые повторы шипящих в сочетании с гласными звуками *ы, ъ* (звукобуквы *ы, и, е*) развивают вторую тему, которая возникает с появлением старого плотника Ильи Степановича. Новый звуковой рисунок оправдан тем, что описывается старик, которого время от времени мучит кашель, удушье, в руках его старческая дрожь.

В этих фрагментах повести мы можем проследить, как используются изобразительно-выразительные возможности фоники, свою роль играют наряду со звукоподражательными звукообразные свойства фонетических единиц.

У каждого времени года в повести В. Белова своя музыка. Наступает осень: «*осторожно шуршал листопад*», «*и не было конца <...> тихому, осторожному шороху*». А затем и «*зима прикатила вьюжная, но не холодная*»: «*мягко перешептывались метели*», «*ветер тихо звенел в слегка обледеневших ветках черемух и берез, сухо посвистывал в обшивках домов*».

Важно, что для жителей образ деревни неразрывно связан не только с красотой родной природой, но и с привычными звуками окружающего ми-

ра. Так, дед Николай вспоминает, как в юности, уходя с артелью плотников «в дымный и неприятный Питер», он тосковал по «лугам и трескучим крикам коростелей». «Сладко екнуло сердце» у Геннадия Лукинова, по-деревенски – Генка Илюхина, едущего «на побывку домой», когда он слышит звон родного вокзального колокола.

Описывая психологическое состояние героев, В. И. Белов нередко использует звуковой фон. После похорон отца Геннадий возвращается в опустевшую избу. Его состояние (опоздал проститься с отцом, остался один-одишенек, *«не к кому больше приезжать в Бердяйку»*), писатель передает одной фразой, повторив ее в начале двух абзацев: *«Тикали на простенке равнодушные ходики»* <... > *«Тикали ходики»*.

Нельзя не отметить, как писатель передает мелодику северной речи в монологах и диалогах героев, дает ей образную характеристику: Сметана *«довольно приятно выводит: “Па диким степям Забайкалья...”*. *Поет он каждый раз одну эту песню, причем всегда на “а”, тогда как говорит окая, словно голыши катает»*. Звучат в деревне Бердяйке частушки, песни, «новые и старопрежние», пляшут под звуки гармошки и молодые, и пожилые. Писатель, описывая, как выстраивается общая песня (*«несколько разноцветных бабьих голосов тут же приладилось к Натальиному»*, *«роко-чуций Никашин басок пристроился к хору, отчего в песню словно вдохнули новую душу»*), показывает духовную красоту народа, умение выразить в музыке душу.

Отметим еще два ключевых эпизода повести, связанных между собой. В. Белов пишет, что *«много-много лет в деревне не слышал никто ребячьего крика»*. Крик новорожденного ребенка в конце повести имеет символический смысл: сын Татьяны *«весело и неугомонно ревел на мозолистой руке бабки Натальи»*. Есть будущее у деревни Бердяйки. Об этом свидетельствует и финальная фраза повести. Анютка, муж которой трагически погиб, прислушивается к толчкам еще не родившегося ребенка: *«Вновь ощутила она того, кого еще не было на свете, но кто уже уверенно стучался в жизнь»*.

Как видим, в повести В. И. Белова «Деревня Бердяйка» лексика звучания играет важную роль. Широко используются лексические единицы из разных групп фоносферы. Это, прежде всего, слова, которые номинируют звуки живой и неживой природы. Выделяются орнитофоны, обозначающие птичьи голоса, отметим, что писатель создает неповторимый звуковой облик голоса каждой птицы: коростели *скрипят*, жаворонки *булькают*, петуший крик *клокочет* и *журчит*, раздается *дзеньканье* стрижа, *картаво орет* воронье, *чирикают* стрижи и ласточки. При помощи зоофонов с большой точностью передаются голоса зверей, насекомых: *помыкивать*, *разноголосый мык*, мерин *заржал*, *звенят*, *бренчат* кузнечики, *гудит* овод. Свои негромкие ноты в музыку русской природы вплетают растения. Фи-

тофоны немногочисленны, но выразительны в акустическом плане: осины *шелестят*, *шуршит* листопад, *шорох* листьев. Группа слов обозначает звуки, сопровождающие различные действия человека. Одни из антропофонов описывают его физические действия: например, *чиркать*, *колотить*, *греметь*, *звякать*, *стук*, другие выражают физическое или эмоциональное состояние: *закашляться*, *кряхтение*, *стоны*, *охи*, *всхлипывать*, *хохотать*, третьи характеризуют особенности речи: *ворчать*, *лаяться*, *окать*. Дополняют фонетическую картину повести звуки неживой природы: воды, ветра, метели. Наиболее ярко изображается, как было показано, звучание грозы. Наконец, следует отметить слова, обозначающие звуки неодушевленных предметов искусственного происхождения (артефактов): *гудят* трактора, *тархтит* телега, *тикают* ходики, *отфыркивается* и *чихает* движок кинопередвижки.

Приведенные примеры показывают значимость в художественном тексте слов оноματοпоэтического происхождения. В повести В. И. Белова «Деревня Бердяйка» выделяются, во-первых, лексические единицы, которым свойственна примарная (фонетическая) мотивированность. Такие слова имеют прозрачную внутреннюю форму, как правило, они образованы от звукоподражаний (например, *чиркать*, *греметь*, *звякать*). В основе лексического значения подобных слов лежит яркий фонетический образ. Во-вторых, следует отметить слова с частичной утратой примарной мотивированности, их значение формируется за счет метафорического переноса, важную роль играет ассоциативный компонент (*булькают жаворонки*, *перешептываются метели*, *посвистывает ветер*).

Таким образом, фоника выступает в анализируемой повести как самостоятельный компонент. Важнейшей характеристикой звуковой материи в данном художественном тексте является ее способность быть связанной с выражением эмоций и смысла. Анализ звукоизобразительной лексики, описание акустического облика слов с архисемой 'звучание' позволяет показать один из фрагментов индивидуальной картины мира В. И. Белова, своеобразие его идиостиля.

Литература

Алавидзе У. М. Проза В. И. Белова: автореф. дис. канд. филол. н. / У. М. Алавидзе – Тбилиси, 1983. – 21 с.

Баранов С. Ю. Предисловие. О рассказах Василия Белова / С. Ю. Баранов // Белов В. И. Душа бессмертна: Книга рассказов – Вологда: Книжное наследие, 2007. – 320 с.

Голуб И. Б. Стилистика русского языка / И. Б. Голуб – 3-е изд., испр. – М.: Рольф, 2001. – 448 с.

Меньшиков В. Предисловие. Поэт жизни действительной / В. Меньшиков // В. Белов. Повести и рассказы. М.: Художественная литература, 1984. – С. 3-9.

ИЗУЧЕНИЕ ХАРОВСКИХ ГОВОРОВ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ... А ЗАВТРА?

В мировой науке к факту существования диалектов сформировалось положительное отношение – как к проявлению языкового многообразия в толерантном обществе. Обращает на себя внимание бережное отношение к немецким диалектам германского общества, финляндского общества – к финно-угорским диалектам и т. д. В российском обществе долгое время господствовало представление о том, что говоры – пережиточное, исчезающее явление. Однако на протяжении всего XX века диалект для значительной части населения являлся естественным средством общения, закономерным территориальным вариантом русского языка. Коренное преобразование деревни и распространение массовых форм культуры и языка в XX веке привело к трансформации диалектов, к вытеснению их из обихода.

Русистика конца XX века характеризуется расцветом диалектологических исследований. Завершается подготовка последних выпусков сводного «Словаря русских народных говоров», ведётся работа по созданию «Лексического атласа русских народных говоров», другие серьезные проекты. В плане отражения языковой картины мира в настоящее время изучаются архангельские, поморские диалекты, волгоградские казацкие и др. говоры

Диалектологи Вологодского государственного педагогического института, впоследствии – университета на протяжении многих десятилетий работают над изучением говоров родного края. Итогом такой работы стал сводный Словарь вологодских говоров, отражающий живую речь сельских жителей центральных и восточных районов Вологодской области [СВГ]. В адаптированном для массового читателя варианте этот словарь представлен словарями школьного типа «Вологодское словечко» [Словечко] и «Золотые россыпи» [Россыпи].

В вологодской глубинке, в деревне Тимониха Азлецкого сельсовета Харовского района Вологодской области, родился и вырос великий российский писатель В. И. Белов. По своему происхождению и, следовательно, мировосприятию он связан с харовскими говорами, то есть с говорами центра Вологодской группы говоров. Живая струя народной речи заметно отражается в многочисленных произведениях писателя, о чём существует обширнейшая научная литература [Народное слово и др.].

Харовские говоры на протяжении последних десятилетий активно изучались. Экспедиции и отдельные наблюдатели со специальными тематическими заданиями побывали в следующих деревнях и населенных пунктах Харовского района: *Беляевская, Большая, Борисовская, Власьево, Волчиха,*

Дорогушиха, Дружинино, Дьяковская, Золотава, Зуена, Клепестиха, Кумзеро, Лебежь, Лысовская, Макаровская, Максимовская, Михайловская, Мишутиха, Насоново, Негодяиха, Никольский Погост, Никулинское, Поповка, Пустораменье, Савкино, Семигородняя, Сибла, Спичиха, Стегаиха, Тимониха, Угольское, Шалиха, Шапша, Шильково.

Особенно интенсивно шла работа в экспедициях под руководством О. И. Новосёловой в с. Никулинское и Г. А. Дружининой в д. Кумзеро. Любопытно, что в последнем населённом пункте практически одновременно столкнулись две экспедиции – Вологодского государственного педагогического и Череповецкого государственного университетов. Диалектологов в основном интересует речь женщин старшего возраста, так как именно в ней в большей степени сохраняется традиционный строй народной речи. Все студенты-диалектологи (а их было значительное количество) получили кров над головой и были обеспечены интересной работой. Радующие и открытость местных жителей, их гостеприимство и искренняя заинтересованность в успехе собирательской работы приезжих способствовали тому, что жизнь студентов обоих университетов протекала в исключительно благоприятной атмосфере.

Словоохотливые собеседницы (а в основном это действительно очень пожилые женщины), понимая, что в современной харовской речи есть некоторые особенности, трогательно воспроизводили такие обороты речи и выражения, которые когда-то употребляли их матери и даже бабушки... Так постепенно создавалась богатая «коллекция» харовских лексических и фразеологических единиц. Проиллюстрируем её небольшим текстом, в котором ярко представлены особенности харовских говоров:

Олька, ысь иди! Стынет сун-от. На вот тебе крошеніна. Клічешь, клічешь, а тбўку нет. Вот, Зойка, жїзь-от какá! Вчерась простовáтики пеклá, дак сэгод крўком и хожу. Стїну-то Іомит. А ты хлебáй, хлебáй, не твоего ума, да иди в заўк. Не хлебáй молоко-то, оно кїсloe.

Из подобных текстов извлекаются материалы для Словаря вологодских говоров, а также для комплексного описания местных диалектов.

С 1989 года вологодские говоры плотно обследуются по Программе собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров. Харовские говоры тоже попали в зону обследования. Уже проведено обследование по темам «Человек» и «Природа» («растительный мир», «животный мир», «ландшафт», «метеорология, календарь»). Собранные материалы переданы в Институт лингвистических исследований РАН, где находится обширная картотека ЛАРНГ. Дубликаты материалов в виде лексических тетрадей хранятся на кафедре русского языка Вологодского государственного университета.

На этой кафедре были успешно защищены выпускные квалификационные работы «Описание говора села Шапша Харовского района Вологод-

ской области» [Вишнякова 2000], «Названия рукавиц в харовских говорах» [Бобкова 1999], «Народный речевой этикет в Харовском районе Вологодской области» [Лукошкина 2005], «Система субстантивного словообразования в говорах Харовского района Вологодской области» [Демакова 2009].

На материале одной из перечисленных выпускных квалификационных работ [Вишнякова 2000] было составлено описание близкого к деревне Тимониха шапшинского говора Харовского района. Оно нашло отражение в статье «Так говорят харовчане» [Зорина 2004]. Адаптированный для массового читателя вариант этой статьи – «Галой, горюн... и многое другое» опубликован в литературно-художественном журнале «Вологодский ЛАД» [Зорина 2012]. В статье автор приводит записи реально прозвучавших текстов и касается некоторых фонетико-морфологических и лексических особенностей говора.

Помимо шапшинского говора, весьма близкого говору деревни Тимониха, описан ещё один азлецкий говор – говор деревни Леуниха [Богобоязов 2013]. Самый старый вариант этого азлецкого диалекта помнится автору по речи его родной бабушки, Анастасии Николаевны Богобоязовой, 1881 года рождения, абсолютно неграмотной, не испытавшей влияния ни радио, ни других средств массовой информации, поэтому сохранившей свой язык в неизменном виде с конца позапрошлого века до 70-х годов уже прошедшего XX века.

Разностороннему описанию харовских диалектов уделено большое внимание в публикациях Института русского языка им. В. В. Виноградова. На протяжении нескольких десятилетий сотрудники отдела диалектологии этого института под руководством Л. Л. Касаткина целенаправленно фиксировали говоры Слободского сельсовета Харовского района. В итоге в фоноархиве ИРЯ РАН накопились многочасовые магнитофонные записи, сделанные диалектологами в 1960–1990-х годах, а также новые записи отдела диалектологии и лингвгеографии в 2002–2005 годах. Уже появилась целая серия публикаций об особенностях харовских говоров. Это очерки об отдельных особенностях говоров, написанные Л. Л. Касаткиным [Касаткин 2012 б], Р. Ф. Касаткиной [Касаткина 2012], А. В. Тер-Аванесовой [2012]. В разделе «Говоры Слободского сельсовета Харовского района Вологодской области» приводится также библиографический список работ, написанных ранее на материале харовских говоров [Касаткин 2012 а: 4].

Как видим, изучение особенностей народных говоров на родине В. И. Белова в настоящее время вызывает у лингвистов несомненный интерес. Думается, что он не ослабеет и впоследствии. Это значит, что не останутся в стороне и вологодские диалектологи. Что им для этого нужно сделать?

В настоящее время необходимо интенсифицировать изучение говоров Харовского района Вологодской области:

- с помощью современной аудио- и видеотехники записать как можно больше образцов народной речи, создать целую коллекцию таких записей;
- целенаправленно составлять словарь (словари) местных слов (пусть их будет даже несколько);
- в экстренном порядке, пока не ушло из жизни старшее крестьянское поколение, собрать материалы по другим разделам Программы обследования говоров для Лексического атласа русских народных говоров;
- сохранять культурологические и лингвистические сочинения учащихся, педагогов школ, а также прочих краеведов, накапливая материалы в специальных регистраторах и, по возможности, публиковать их для широкого к ним доступа;
- оказывать всяческое содействие (транспортом, размещением, подбором информантов и др.) профессиональным экспедиционным группам из Института русского языка им. В.В. Виноградова, а также из Вологодского государственного университета.

Только выполнив всё здесь намеченное, мы сможем впоследствии сказать, что для описания говоров родного В. И. Белову Харовского края сделано всё, что было в силах его современников.

Литература

Бобкова Н. А. Названия рукавиц в говорах Харовского района Вологодской области. Выпускная квалификационная работа. Рук. – доц. Л. Ю. Зорина. – Вологда: ВГПУ, 1999.

Богобоязов С. Н. Языковые элементы азлецкого диалекта на фоне славянских языков // Русское слово и Костромской край: сборник статей / отв. ред. Н. С. Ганцовская, О. Н. Крылова. – СПб.: ИЛИ РАН: Нестор-История, 2013. – С. 95–100.

Вишнякова Е. В. Описание говора села Шапша Харовского района Вологодской области. Выпускная квалификационная работа. Рук. – доц. Л. Ю. Зорина. – Вологда: ВГПУ, 2000.

Демакова И. Н. Система субстантивного словообразования в говорах Харовского района Вологодской области. Выпускная квалификационная работа. Рук. – проф. Е. Н. Шаброва. – Вологда: ВГПУ, 2009.

Зорина Л. Ю. Галой, горюн ... и многое другое // Вологодский ЛАД. Литературно-художественный журнал. – Вологда, 2012. №1. – С. 228–239.

Зорина Л. Ю. Так говорят харовчане // Харовск. Краеведческий альманах / Отв. ред. Н. И. Голикова. – Вологда, 2004. – С. 330–346.

Касаткин Л. Л. К истории изучения слободских говоров // Материалы и исследования по русской диалектологии / отв. ред. Л. Л. Касаткин. Кн. III (IX). – М.: Наука, 2008. – С. 3–4 (а).

Касаткин Л. Л. Консонантизм слободских говоров // Материалы и исследования по русской диалектологии / отв. ред. Л. Л. Касаткин. Кн. III (IX). – М.: Наука, 2008. – С. 3–50 (б).

Касаткина Р. Ф. Псевдо-артикли и местоимение-артикли в слободских говорах // Материалы и исследования по русской диалектологии / отв. ред. Л. Л. Касаткин. Кн. III (IX). – М.: Наука, 2008. – С. 11–131.

Лукошкина К. Н. Народный речевой этикет в Харовском районе Вологодской области. Выпускная квалификационная работа. Рук. – доц. Л. Ю. Зорина. – Вологда: ВГПУ, 2005.

Народное слово – Народное слово в произведениях В. И. Белова. Словарь / Л. Г. Яцкевич / научн. ред. Г. В. Судаков. – Вологда: ВИРО. 2004. – 216 с.

Россыпи – Золотые россыпи: словарь устойчивых оборотов речи в вологодских народных говорах / Е. П. Андреева, С. Б. Виноградова, Л. Ю. Зорина, Е. Н. Иванова, Е. Н. Ильина, Н. В. Кознева, Н. В. Комлева, Т. Г. Овсянникова, Т. В. Парменова, Л. Г. Яцкевич / отв. редактор Л. Ю. Зорина. – Вологда: ВГПУ: Полиграфист, 2014. – 304 с.

СВГ – Словарь вологодских говоров / Вып. 1–6 / под ред. Т. Г. Паникаровской. – Вып. 7–12 / под ред. Л. Ю. Зориной. – Вологда: ВГПИ / ВГПУ, 1983–2007.

Словечко – Вологодское словечко: Школьный словарь диалектных слов / отв. ред. Л. Ю. Зорина. Изд. 1. – Вологда: ВГПУ, 2010. – Изд. 2, исправл. и доп. – Вологда: ВГПУ, 2011.

Тер-Аванесова А. В. Фрагмент системы именного словоизменения и акцентуации слободского говора // Материалы и исследования по русской диалектологии / отв. ред. Л. Л. Касаткин. Кн. III (IX). – М.: Наука, 2008. – С. 67–111.

Е. В. Вовченко, Е. А. Переяслов
Вологда

ЖАНР ИСТОРИЧЕСКОГО РАССКАЗА В ТВОРЧЕСТВЕ ВОЛОГОДСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ (составление литературного путеводителя)

Чтение исторических миниатюр В. Пикуля, среди которых оказался и «Вологодский полтергейст», привело к мысли о создании информационного проекта под условным названием: «Писатели-вологжане пишут на исторические темы». Необходимо было определиться с кругом имён и произведений по теме; отобрать самое яркое, значимое; сделать выводы о темах, проблемах, героях; составить на основе собранного материала «Литературный путеводитель» (конечный продукт работы).

Жанр рассказа выбран не случайно: 1) нельзя «объять необъятное», поэтому границы темы сузили; 2) следовало разобраться в специфике этого жанра.

Критерии отбора материала: занимательность, информативность, художественные достоинства произведения. Текстов, с которыми работали, нашлось не много, и изданы они по большей части давно. Хорошим подспорьем в работе стали критические разборы Виктора Гуры [10] и Василия Оботурова [15].

Основные методы работы: исследование художественных текстов, выборка исследуемых единиц, систематизация и обобщение материала, конструирование.

Прежде всего в Путеводителе упомянуто имя ныне незаслуженно забытого, но очень интересного писателя – **В. С. Железняк-Белецкого (1904 – 1984)**. Имя его отца, крупного государственного деятеля, сподвижника П. А. Столыпина, упоминается в широко известном романе Валентина Пикуля «У последней черты». По материнской линии среди его предков – знаменитый поэт и партизан Денис Васильевич Давыдов – герой 1812 года.

В. С. Белецкий учился на Высших государственных литературных курсах в Москве, печатался в журналах. Молодой автор решил взять псевдоним «Железняк», услышав от младшего брата отца – Александра, что в роду у них был знаменитый руководитель Крестьянской войны на правом берегу Украины в 1768 году против панского гнёта Максим Железняк. Называлось восстание «Колиивщина». После подавления восстания он был сослан в Сибирь [17, с. 98].

Серьёзным литературным дебютом В. Железняк стала повесть «Она с Востока» (1931), которую вместе с рассказом «Оловянные солдатики» (1934) заметил и одобрил В. Вересаев. «Этот маленький рассказ есть большая литература!» – многозначительно сказал маститый писатель молодому коллеге. Вересаева можно считать крёстным отцом Железняк в литературе.

В 1936 году в судьбе В. Железняк происходит крутой поворот: ему предложили уехать из столицы «по социальному признаку» (припомнили отца-сенатора). «Я должен был уехать в Вологду, – пишет Железняк в «Автобиографии». – Небольшой северный городок, его узорчатые домики, колонки и резьба по фасадам, величавый Софийский собор, набережные, такой поистине обаятельный запах сирени – всё это заставило проникнуть по-сыновьи к этому городку» [17, с. 11].

В Вологде В. Железняк стал научным сотрудником по охране памятников истории и культуры Вологодского областного краеведческого музея. С этнографическими экспедициями объехал почти всю область. 19 лет В. Железняк вместе с женой, художницей Ниной Витальевной, прожил в башне старинной «цифирной школы» в комплексе Вологодского кремля. Может быть, отсюда возник интерес к прошлому Вологодчины, к истории и культуре северного края. «Ещё с юных лет меня интересовали темы из истории русского Севера – темы крутых поворотов тогдашней жизни» [17, с. 13].

Но публиковать ссыльного не торопились, поэтому писал «в стол». Первым опубликованным в Вологде произведением стал изданный в 1947 году областным музеем путеводитель по городу – «Вологда». Это была первая книга о Вологде в советское время.

Последнее десятилетие жизни В. С. Железняк-Белецкого оказалось самым плодотворным: вышло пять книг его прозы – исторические миниатюры, рассказы, повести: «Отзвеневшие шаги» (1968), «Родное» (1973), «Голоса времени» (1976), «Лихолетье» (1979), «Зарницы над Русью» (1983), «Одержимые» (1986).

Не имея возможности жить в единстве с обществом, свободу мысли и слова писатель нашёл на материале XVI – XVIII веков, широко пользуясь краеведческими источниками и документами. Ещё в 1944 году был написан блестящий рассказ «Изограф», где в рассуждениях главного героя слышны слова и мысли самого автора о правде в жизни и творчестве. Это скорее новелла, т.к. финал произведения неожиданен и трагичен: получив одобрение самого царя, окрылённый надеждами, художник погибает нелепо, обидно. В 1947 году В. Железняк предложил журналу «Звезда» цикл «Русские новеллы» – блестящие этюды из истории нашей Родины, рассказы о деятелях русской культуры. Отметим и цикл исторических миниатюр «В старой Вологде».

Волинский и граф Орлов, Пётр I и Иван Грозный. Но «о ком бы ни шла речь, мы видим былое Вологодчины» [17, с. 135].

Критик В. Оботуров отмечает: «В своих новеллах и миниатюрах В. Железняк всегда немногословен. <...> Доподлинное знание разнообразного материала и убедительность психологических характеристик. Простота, сдержанная ясность и вместе с тем способность немногими, отнюдь не архаическими, средствами передать колорит изображаемой эпохи... Всё это создаёт ту форму, которую принято у нас называть документально-художественной прозой...» [17, с. 135-136].

Не может не привлечь внимания имя **Константина Ивановича Конищева (1904-1971)**, уроженца Вологодской области.

Писателем был найден «свой» жанр – историко-биографические очерки о судьбах выдающихся людей, связанных с Севером: «Повесть о Федоте Шубине» (1951) – скульпторе-академике, «Повесть о Верещагине» (1956) – выходец из Череповца, русском художнике, отважном солдате и путешественнике, «Повесть о Воронихине» (1959) – бывшем крепостном, ставшим прославленным зодчим.

Обратимся к произведению «Пётр Первый на Севере». Вот как пишет о его предыстории В. Гура: «Вскоре после войны, занимаясь... делами краеведческого музея в Архангельске, Константин Конищев обнаружил хранившуюся в сырости, позеленевшую скульптуру Петра Первого работы Павла Антокольского. Пришлось немало сил потратить, чтобы памятник этот занял своё место на берегу Северной Двины. Кто знает, быть может, в это время и возник замысел большого повествования о роли Петра Первого в преобразовании Русского Севера» [10, с. 323].

«Повествование о Петре Первом, о делах его и подвижниках на Севере, писанное по документам и преданиям», автор создавал в традиционном для себя жанре, оно состоит из отдельных рассказов, имеющих определённую смысловую завершенность. Для путеводителя отобраны несколько, в названиях которых подчёркнут краеведческий характер изображённого.

Повествование открывается бытовыми сценами приезда молодого царя в Вологду весной 1692 г. («Первый приезд Петра в Вологду и на Кубенское озеро»). Коничева интересует всеобъемлющая преобразовательная деятельность его героя на Севере – в т. ч. сооружение канатных фабрик в Вологде, интерес к богатствам северных недр, развитие торговли и культуры.

«Автор книги «Пётр Первый на Севере» опирается, как и Алексей Толстой, на пушкинскую концепцию изображения своего героя: «То академик, то герой, то мореплаватель, то плотник, он всеобъемлющей душой на троне вечный был работник». Писатель изображает своего героя в разных жизненных ситуациях: в общении с людьми, в активной деятельности, в гневе и радости...» [10, с. 327]

Вот Пётр собственноручно измеряет глубину Кубенского озера. А вот «... в мундире сержанта Преображенского полка, подвыпивший, но умом трезвый, с охраной и одним своим секретарём», ходит по Вологде. « Был он на Козлёне, где проложены переходы по улицам и переулкам дощатые на козлах. Там жили мастера канатного дела, прядильщики. Пётр интересовался их промыслом, хвалил за трудолюбие и прочность канатов... За четыре дня пребывания в Вологде Пётр сумел осмотреть всё, достойное его внимания: мастерские, торговые ряды и склады товаров, строительство речных судов во Фрязинове и Турундаеве» [13, с. 7-49].

К. Коничев был большим знатоком и исследователем устной поэзии Севера. Вот почему, создавая образ Петра Первого, он опирается на оценки своего героя в сказках, преданиях, сказаниях и песнях. Запоминается легенда о «нерасторопном» кормчем, управлявшем петровским судном на Сухоне близ местности Опоки. Сброшенный рассердившимся Петром в воду, тот не кинулся к берегу, а поплыл за кормой и указывал, как надо править, дабы не разбиться о камни. За такую преданность был прощён и награждён отменно («Через Вологду к морю Белому»).

Колоритен Пётр и в эпизоде укрощения необъезженного жеребца на голландском подворье в Вологде. «Долго об этой удаче Петра-наездника ходили по Вологодчине устные предания», – пишет автор. Не уступает по яркости и совсем короткий эпизод о том, как царь Пётр, задремавший в санях, потерял по пути шапку, вместо которой ямщик отдал свою, заячью («Забытый приезд Петра Первого в Вологду»).

Опираясь на живой исторический материал, художественная фантазия Коничева создаёт яркие, запоминающиеся картины. В 1-ой части рассказа «Третий приезд Петра Первого в Архангельск» читаем о пребывании Петра Первого в Вологде в 1702 г. и о той подготовке, которая предшествовала его визиту. За три месяца по приказу царя была построена огромная речная флотилия, готовая «принять на себя в дальний путь Преображенский полк с провиантом и военным снаряжением, а также и многолюдную свиту госу-

даря, состоявшую из 118 знатных персон, не считая обслуживающего люда» [13, с.103].

Писателю важно было показать людей Севера, талантливых, бывалых, мужественных, на которых и опирался Пётр в своих помыслах и делах. Таков рассказ «Птенец гнезда Петрова» о «кабинет-секретаре его величества» Алексее Васильевиче Макарове – нашем земляке. Таково повествование о первом русском после в Англии «Кто был Непея?». На наш взгляд, это лучшие страницы в книге Коничева.

Преданно служил Русскому Слову, без тщеславного желания приобрести известность на разоблачении «тёмного прошлого» России Александр Алексеевич Грязев (1937-2012).

История была его любимым школьным предметом. Поступил в Московский историко-архивный институт. «Там-то и возникло желание попробовать себя на литературном поприще, воссоздать «картинку» из далёкого детства или не слишком далёкого прошлого» [12].

«Особенно перспективным мне кажется А. Грязев, – писал Семён Шуртаков в «Литературной газете» (12.01.1972). – Он работает в историческом жанре, хорошо чувствует время и художественно зримо воссоздаёт его в своих рассказах» [13].

Грязев стал вологжанином в 1973 году. «Полюбил её [Вологду] с первого взгляда – за «тишину, чистоту и святость». И, наверное, не случайно, именно здесь раскрылся литературный талант Александра Алексеевича: писать в такой атмосфере легко и естественно – о славной истории земли русской и людях прошлого, в которых угадываются черты наших современников» [12].

Начинающий автор пробовал себя и в драматургии. Однако основным своим литературным делом писатель считал работу в историческом жанре. Во второй половине 1980-х Грязев выпустил две книги исторической прозы – «Чтобы свеча не угасла» (1985) и «Отечески пенаты» (1989). История Русского Севера хранит в себе немало ярких эпизодов, мало известных современному читателю. В жанре рассказа и короткой повести писатель воссоздаёт картины прошлого, связанные с ключевыми моментами отечественной истории. Таков, например, рассказ «Грех игумена» о снятии игуменом Кирилло-Белозерского монастыря Трифоном с великого князя Василия Тёмного крестоцеловальной клятвы Дмитрию Шемяке в отречении от власти.

От произведений драматургии в исторической прозе Грязев унаследовал стремление к острой интриге и напряжённому действию, связанному обычно с тем или иным эпизодом прошлого, который ставит вопрос нравственного и морального выбора героев. Автор отдаёт предпочтение персонам героического плана, ярко выраженной патриотической направленности.

В. Крупин, рекомендовавший А. Грязева в Союз писателей в 1991 г., отмечал: «Историческое образование, занятия историей благотворно сказываются в творчестве А. Грязева. Знания эпохи, текстов летописей, былин у него настолько обширны, что позволяют нам, читателям, не воображать эпоху, о которой пишет А. Грязев, а видеть, насколько правдиво и точно она описана» [13].

За 30 лет вышло 15 книг исторической прозы писателя.

Мы познакомились со сборником исторических миниатюр А. Грязева «Тайна Соборной горы». В предисловии автор так объяснил замысел и структуру сборника: «... о людях прошлого и их судьбах, а через них и о судьбе Отечества и пишутся исторические рассказы и повести, в основу которых почти всегда ставится нравственный поступок человека. Но есть ещё жанр документального исторического рассказа. Обычно это короткие этюды, миниатюры, зарисовки или архивные записи; в основе которых лежит документ или воспоминания о прошлом. Ведь и коротким рассказом поведать можно о многом» [7, с. 3-4].

Так из зарисовки «Убежище Москвы» мы узнаём о том, какая особая миссия выпала Вологде в 1812 году: быть убежищем приехавших из Москвы и Петербурга знаменитостей, в числе которых поэт князь П.А. Вяземский, и ценностей Московского Кремля, помещённых в одной из церквей Спасо-Прилуцкого монастыря. «П. А. Вяземский вёл из Вологды обширную переписку, и по ней мы можем сейчас представить себе жизнь Вологды того времени», – пишет автор.

Очерк «Сольвычегодский Левша» переносит нас воспоминаниями к знаменитому Левше Н. С. Лескова и заставляет проникнуться гордостью за наших предков – вологжан. Имя одного из них – мастер Юницын. А.Грязев, строящий своё повествование на основе архивных документов, замечает, что «...по времени рассказанные [в «Вологодских епархиальных ведомостях»] истории совпадают с хронологическими рамками «Сказа». В одно и то же время жили мастера из «Сказа» и их прототипы, а в далёком Сольвычегодске Вологодской губернии хорошо знали о тульских умельцах. Не тогда ли и родилась та самая поговорка, вдохновившая писателя Лескова на создание своей легенды?» [7, с. 24].

Не мог А. Грязев пройти мимо сюжета о библиотеке Ивана Грозного, якобы исчезнувшей в Вологде. Об этом рассказ «Тайна Соборной Горы». Для чего строил Иван Грозный морские суда в Вологде? И что скрывалось за его намерениями уехать в Англию? Интригует название рассказа «Ермак – вологжанин?»

Мы отметили для себя, что рассказы писателя читаются легко, без напряжения, хотя часто изобилуют историческими фактами, датами. «Его прозу отличает достоверность и простота. Но это та «сложная» простота, которая свидетельствует о высоком литературном мастерстве» [14]. Неод-

нозначно отношение многих вологжан к творчеству **Владимира Ивановича Аринина (1935 г.р.)**.

Уроженец Оренбургской области, Владимир Иванович живёт в Вологде с 1961 года. Так же, как и А. Грязев, закончил историко-архивный институт. Умение работать с историческим документом очень пригодилось в писательской работе.

«Получилось так, что я смог предложить читателям нечто невероятное – несколько своих версий исторических тайн: о гибели Пушкина, о библиотеке Ивана Грозного, об устюженских прототипах гоголевского «Ревизора», о произведении «Слово о полку Игореве» и другие. Со мной можно не соглашаться, оспаривать. На это я могу сказать лишь то, что все мои версии построены на исторических фактах» [3].

Наше внимание привлекли два произведения В. Аринина в книге «Только в любви... Тайны русских гениев»: «Горицы» (о знаменитом женском монастыре на Вологодчине) и цикл миниатюр, связанных темой пушкинского «Дубровского», – «Смертные ступени».

Безусловно одно: Аринин умеет интриговать читателя и держать его в состоянии приятного напряжения. Наверное, это разумно в наше нечитающее время.

Завершив обзор доступной нам литературы, приходим к следующим **выводам**. Основными темами исторических рассказов вологодских авторов являются те, что связаны прежде всего с именами Петра I и Ивана IV Грозного, их деяниями. Главные герои – крупные исторические личности, но наряду с ними писателей привлекают имена и менее известных, но по своему интересных людей, в судьбе которых отразилась изображаемая эпоха.

Опираясь на рассказы вышеперечисленных авторов, можно живо представить быт и нравы, конкретные реалии времени. В этом проявляется познавательная ценность названных книг.

Авторы (В. Аринин) не боятся использовать интригу, чтобы привлечь читателя, заинтересовать его. К. Коничев в отличие от А. Грязева и В. Железняка более склонен к авторскому вымыслу.

Некоторые произведения звучат очень злободневно. Таков рассказ В. Железняка «Воевода Плещеев» о жестоком правителе, который не ушёл от возмездия. Нельзя не согласиться с мнением, что исторический рассказ – это не только рассказ о прошлом, но своего рода зеркало, в котором может отразиться современность.

Мы обратили внимание на жанровые особенности. Так рассказы Железняка – это скорее новеллы, они более драматичны, неожиданны своим финалом. Грязев более тяготеет к историческому очерку. Произведения Коничева – это собственно рассказы, где есть развёрнутое повествование. У каждого автора своя манера письма.

Интересно сравнивать произведения, написанные на сходный сюжет. Таковы рассказы о загадочной библиотеке Ивана Грозного. А. Грязев и В. Аринин предлагают свои версии, и каждая хороша по-своему.

Какова структура составленного нами литературного путеводителя? Это система рубрик (краткие биографические данные, портреты писателей, отрывки из произведений, высказывания авторитетных людей, рекомендательные списки рассказов, литературоведческие понятия, рисунки к произведениям, изображения достопримечательностей Вологды, которые упоминаются в отдельных произведениях).

Мы также сочли нужным включить в свой издательский проект упоминание и о других вологодских авторах, которые тоже обращались к исторической теме: Роберте Балакшине, Валерии Дементьеве, Иване Полуянове.

В процессе работы пришлось преодолеть определённые трудности: объём материала оказался не так мал, каким представлялся изначально; сковывало отсутствие критических и литературоведческих материалов; вызвала сложность компоновка отобранного; понадобилась кропотливая работа по оформлению.

Прделанная работа позволяет сделать вывод о небесполезности знакомства с литературой второго ряда, куда обычно относят труды писателей-краеведов. Ценность этого материала в том, что он вызывает интерес к истории, литературе, пробуждает историческую память и чувство патриотизма.

Возможные перспективы работы, – в обращении к первоначальному замыслу: «Историко-художественные произведения вологодских авторов», т.е. тему исследования можно расширить, включив новые имена и жанры.

Литература

1. Аринин В. Только в любви... Тайны русских гениев – М.: Современник, 2002.
2. Аринин В. И. – <http://www.vodb.ru/page/readers/volchildren/arinin>
3. Аринин В. И. – История Оренбуржья. Земляки: Писатели и поэты. – <http://kraeved.opck.org/forum>
4. Армеева В. И., Армеева И. А., Малышева Т. Н. писатели-вологжане. Материалы о жизни и творчестве. – Вологда, 2011.
5. Вологда. Самое интересное. – Вологда: Древности Севера, 2009.
6. «В старой Вологде» Исторические миниатюры. – В кн.: Железняк В. Последние годы Фёдора Достоевского. – Северо-Западное книж. изд-во, 1983.
7. Грязев А. Тайна Соборной горы. Исторические этюды. – Вологда, 2009.
8. Грязев А. А. – <http://www.az-libr.ru/Persons>
9. Инджиев А. А. Словарь литературоведческих терминов – Ростов-на-Дону, Феникс, 2010.

10. Гура В. Времен соединенье – Архангельск, Северо-Западное книжное издательство, 1985.
11. Железняк В. Голоса времени. – Северо-Западное книж. изд-во, 1976.
12. Железняк В. Одержимые. Исторические повести, новеллы, этюды. – Архангельск, Северо-Западное книж. изд-во, 1986.
13. Коничев К. И. Пётр Первый на Севере. – Архангельск, Северо-Западное книж. изд-во, 1984.
14. Македонская Инна. Александр Грязев: «Православие – главная тема моего творчества» – «Благовестник» Газета Вологодской епархии – <http://blagovest.orthodoxu.ru>
15. Оботуров В. В буднях. Вологда литературная за 25 лет. – Архангельск, Северо-Западное книжное издательство, 1988.
16. Сазонов Г. Не надо кричать о любви к России. О творчестве Александра Грязева – <http://ruskline.ru/analitika/2014/01/15>
17. «Сильнее судьбы». Владимир Степанович Железняк-Белецкий. Составитель В. Оботуров – Вологда, 1995.

Н.И. Горобец
Северодвинск

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ УЧЕНИКА КАК СПОСОБ ВХОЖДЕНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННУЮ КУЛЬТУРУ

Содружество искусств на уроках литературы способствует не только формированию эстетического вкуса, уважения к истории и культуре России, ее самобытности, но и осмыслению места отечественной культуры в контексте мировой. По словам Ф. М. Достоевского, именно открытость русской культуры всегда была ее отличительной чертой.

Сегодня все чаще ставится вопрос о культурологической и культуротворческой парадигме образования. Одним из исходных принципов новой парадигмы образования, с точки зрения В. С. Библера, должен стать переход от «человека образованного» к «человеку культуры, который соединяет в своем мышлении различные культуры, формы деятельности, ценности, мировоззренческие установки [1, с. 67].

Существует целый ряд концепций культуры (С. С. Аверинцев, В. С. Библер, Л. Н. Баткин, Ю. М. Лотман, Д. С. Лихачев и др.). В культурологических, психологических, философских трактовках можно обнаружить общий центр: человек как субъект культуры, как участник общекультурного процесса.

Не секрет, что в настоящее время актуализировалась проблема отдаленности школьника от культурных ценностей, потери ориентиров в культурном пространстве. С точки зрения современных ученых-методистов,

вхождение ученика в атмосферу культуры, постижение ее категорий возможно, в первую очередь, на уроках литературы, так как природа художественного текста органично обуславливает движение читателя от слова к культуре.

Например, Н. М. Свирина цель литературного образования видит в «воспитании квалифицированного читателя, образованного культурного человека с широкими горизонтами культурных представлений, способного ориентироваться в разных культурах, который смог бы воспринимать художественное произведение как явление культуры [5, с. 5].

Использование синтеза искусств в учебной деятельности, как свидетельствует наш многолетний опыт работы, позволяет актуализировать творческую деятельность ученика, воспитать художественно зрячую личность.

В статье под термином «синтез искусств» мы понимаем процесс высшего органического соединения равноправных видов искусства, одним из которых является литература. Синтез искусств эстетически организует материальную и духовную среду бытия ученика. Результатом этого единения является новая целостная художественно-синтетическая реальность, обладающая особым эстетическим воздействием. И это чрезвычайно актуально в свете тех проблем, о которых пишут ученые самых разных областей знания.

Исследованию педагогического потенциала синтеза искусств, открывающего новые возможности в решении проблем введения ученика в культурную жизнь через эстетическое воспитание, посвящены работы В. В. Ванслова, М. А. Верба, М. С. Кагана Б. Т. Лихачева, У. Ю. Фохт-Бабушкина, Г. И. Щукиной, Б. П. Юсова и других авторов. В научной литературе существуют разные подходы к интерпретации феномена «синтез искусств». Нам близки концепции, в основе которых лежит понимание синтеза как специфического процесса соединения разных искусств, в результате чего возникает не сумма отдельных составляющих, а органическое целое, обладающее особым художественным воздействием.

Именно такой подход стал основой для разработки дисциплины «Синтез искусств на уроках литературы», изучение которой осуществляется бакалаврами 1-2 курсов направления «Педагогическое образование» (профиль «Литература»). Целями освоения указанной дисциплины являются

- развитие профессионального сознания будущих учителей литературы в контексте педагогической деятельности, а именно: преподавания литературы как одного из видов искусства;

- формирование у учащихся знаний в области различных видов искусства и умений проводить параллели между ними с использованием современных педагогических и информационных технологий;

- осознанное освоение реципиентами современных технологий введения культурного контекста.

Разрабатывая спецкурс для студентов, будущих учителей-словесников, мы следовали концепции профессора В. Г. Маранцмана, нашедшей отражение в Программе по литературе для 9 класса. По справедливому замечанию ученого, «свободное потребление искусства в современных условиях не сводится только к чтению. Многочисленные каналы массовой информации предлагают аудио и видеоматериалы, общение с которыми часто протекает по "касательной" и не требует от зрителя и слушателя напряжения, которое он испытывает как читатель. Это обстоятельство побуждает в возможном финале школьного литературного образования сосредоточить внимание учеников на связях и различиях в постижении литературы и других искусств» [4, с. 3].

На первом этапе работы по формированию профессиональных и общекультурных компетенций, овладение которыми способствует становлению студентов как профессионалов в культурно-просветительской и образовательной сферах, бакалавры готовили презентации по проблеме «Синтез в литературе и живописи»:

«Изображение религиозных праздников в повести И. С. Шмелева "Лето Господне" и на картинах Б. М. Кустодиева».

«Пейзаж в повести И. С. Шмелева "Лето Господне" и на картинах Б. М. Кустодиева».

«Иконное и иконичное в романе М. Булгакова "Мастер и Маргарита"».

«Портрет в живописи и в литературе (на примере стихотворения Н. Заболоцкого "Портрет" и живописных портретов Ф. Рокотова)».

«Герои поэтических элегий К. Батюшкова, А. Дельвига, А. Пушкина и романтические портреты О. Кипренского, К. Брюллова».

«Фантастическое и реальное в живописи и литературе (на примере повести Н. В. Гоголя "Портрет" и картин А. Иванова)».

«Пейзаж в живописи и литературе (на примере рассказа "Касьян с Красивой Мечи" и картин В. Поленова, И. Левитана)».

«Ирония и способы ее выражения в литературе и живописи (на примере рассказа А. П. Чехова "Дом с мезонином" и портретов В. Серова, К. Коровина)».

«Мир мечты в литературе и живописи (поэма А. Блока "Соловьиный сад" и картин В. Борисова-Мусатова)».

«Художественный диалог акмеиста Н. Гумилева и постимпрессиониста П. Гогена».

Отметим, что произведения живописи рассматриваются нами не в качестве иллюстраций к художественному тексту, а как самостоятельные явления, в которых так или иначе заложена возможность соотнесения с литературным рядом. Великий художник, поэт, ученый эпохи Ренессанса Леонардо да Винчи очень тонко подметил органичный синтез рассматриваемых видов искусства: «Живопись – поэзия, которую видят. Поэзия – живопись, которую слышат».

При создании электронных презентаций, которые были успешно апробированы на Филологических чтениях (научно-практическая конференция студентов, аспирантов и молодых ученых // Северодвинск, 17 апреля 2014 года) в русле секции «Информационные технологии в художественном развитии личности», студенты убедительно раскрывали роль изобразительно-выразительных средств, используемых авторами литературных и живописных произведений для передачи психологических особенностей образов, раскрытия «языка» природы и человеческой души в живописных и словесных образах.

В процесс такой работы очень важно подчеркнуть, что в восприятии живописи и художественных произведений существуют общие закономерности, но переносить опыт общения с искусством слова на живопись невозможно, ибо у каждого из видов искусства свои задачи и формы отражения жизни.

На втором этапе деятельность студентов носила качественно иной характер, они стали авторами мультимедийной книги, синтезирующей такие виды искусства, как литература, архитектура, скульптура, музыка, кинематограф. В процессе подготовки мультимедиакниги студенты постигали своеобразие языка каждого из видов искусства. Так, скульптура – вид изобразительного искусства, отображающий действительность средствами объемных пластических образов и пространственных форм. Художественно-эстетическая выразительность скульптуры достигается с помощью построения трехмерного пластического образа, в котором главное – лепка объемов, верное соотношение пропорций, умелое использование возможностей эмоционального впечатления от позы, жеста [3, с. 37]. Архитектура – иной вид художественного освоения мира. Для языка архитектуры характерны предельно широкие обобщения объемно-пространственных, ритмических, цветовых отношений материального мира. При поисках музыкальных интерпретаций к различным видам искусства создатели «Книги творческих работ» размышляли над тем, что музыка как искусство не оперирует ни понятиями, как поэзия, ни зрительными образами, как живопись, скульптура, архитектура. Материал музыки – звук [3, с. 51]. В процессе совместного прослушивания музыкальных произведений подбирали «звучание» к собору Парижской Богоматери, скульптуре Фальконе «Медный всадник» и др.

Значимыми в мультимедиакниге стали страницы, отражающие своеобразие одного из самых молодых видов искусства – кино (повесть М. А. Булгакова «Собачье сердце» в киноинтерпретации В. Бортко. Пушкинская трагедия «Моцарт и Сальери» в киноинтерпретации М. Швейцера. Концепция счастья в повести Ф. М. Достоевского «Белые ночи» и в одноименном фильме Л. Висконти). Подчеркнем, что «синкретичность природы кино, объединяющей практически все существующие искусства, позволяет оперировать мощным инструментарием воздействия на человека [3, с. 63].

Созданная бакалаврами «Книга творческих работ», как нам видится, может найти применение как на уроках литературы, так и во внеклассной работе с учащимися. На Юбилейных чтениях, посвященных 25-летию гуманитарного института САФУ имени М.В. Ломоносова (26 Ломоносовская научно-практическая конференция преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов // Северодвинск, 13 ноября, 2014 г.), были представлены «страницы» мультимедийной книги.

- «"Слово о полку Игореве" и архитектура древнерусского собора».
- «Образ Петра I в поэзии М.В. Ломоносова и в скульптуре Б. Расстрелли».
- «Образ Петра I в поэме А. С Пушкина "Медный всадник" и в "Медном всаднике" Фальконе».
- «Мотив судьбы в поэме А. С Пушкина "Руслан и Людмила" и в одноименной опере М. И. Глинки».
- «Пушкинская трагедия "Моцарт и Сальери" в киноинтерпретации М. Швейцера».
- «Стилизация как художественный прием в произведениях А. К. Толстого ("Илья Муромец", "Колокольчики мои...", "Грозой клубится белою..." и др.) и архитектура древнерусского собора».
- «Концепция счастья в повести Ф.М. Достоевского "Белые ночи" и в одноименном фильме Л. Висконти».
- «Романс как продолжение стиха (стихотворения А. А. Фета "Я пришел к тебе с приветом", "Я тебе ничего не скажу" и романсы П.И. Чайковского и Т. Толстой)».
- «Романс как продолжение стиха (стихотворение А. С. Пушкина "Не пой, красавица, при мне" и романсы М. И. Глинки, С. В. Рахманинова и др.)».
- «Повесть М. А. Булгакова "Собачье сердце" в киноинтерпретации В. Бортко».
- «Стихотворение О. Э. Мандельштама "Notre Dame" и собор Парижской Богоматери как памятник готической архитектуры».

В рамках одной статьи достаточно сложно осветить все составляющие «Книги творческих работ». Ее нужно смотреть и слушать, чтобы еще раз убедиться в том, что синтез искусств обладает особым эстетическим воздействием на реципиента, способствует органическому вхождению читателя-ученика в мир культуры.

Отметим и то, что предложенные для сопоставления произведения разных видов искусства могут стать темами для исследовательских работ учащихся. Пример тому исследование «"Слово о полку Игореве" и архитектура древнерусского собора», выполненное ученицей Лингвистической гимназии № 27 г. Северодвинска А. Колмаковой, занявшей 1-е место на областном конкурсе учебно-исследовательских работ учащихся [2: 93 – 101]. Фрагмент работы по сопоставительному анализу литературного произведения и памятников архитектуры представлен в Приложении.

Литература

1. Библиер В. С. От наукоучения к логике культуры. Два философских введения в двадцать первый век. – М., 1991.
2. Горобец Н. И. Интерпретационная деятельность учащихся на уроках литературы: учебное пособие / Н.И. Горобец. – Архангельск, 2012.
3. Интерпретация художественного произведения. Факультативный курс для старшеклассников и студентов. Учебное пособие / Под общей редакцией В. Г. Маранцмана. – СПб., 2007.
4. Программа по литературе для учащихся девятого класса, завершающих школьное образование / под ред. В. Г. Маранцмана. – СПб., 1996.
5. Свирина Н. М. Литературное образование как способ вхождения школьников в художественную культуру: Автореф. дисс. ... докт. пед. наук / Н. М. Свирина; Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. – СПб. 1999.

Приложение

СИМВОЛИЧЕСКИЙ ЯЗЫК ДРЕВНЕРУССКОГО СОБОРА

Рассмотрев композиционное сходство «Слова...» и древнерусского храма в целом, я решила подобрать архитектурные ассоциации к отдельным частям произведения, проанализировав три части «Слова...»:

- 1) неудачный поход Игоря на половцев;
- 2) киевский князь Святослав и его «Золотое слово»;
- 3) возвращение Игоря из плена.

В первой части поэмы, описывая неудачный поход князя Игоря на половцев, автор видит причину поражения не в слабости русских воинов, а в князьях, которые не объединены, действуют порознь, разоряют родную землю и забывают общерусские интересы.

К самому же князю Игорю автор относится с неподдельной симпатией, отмечая его бесстрашие, мужественность и благородство. Автор понимает князя и даже сочувствует ему, потому что на Игоре лежит печать эпохи с ее раздорами, междоусобицами, тщеславием князей. Он переживает за «буйного Святославича» и любит его, как неразумное дитя. Именно авторская оценка образа князя Игоря стала для меня критерием выбора древнерусского храма, совпадающего по тональности с этой частью поэмы.

Архитектурной ассоциацией к этой части «Слова...» стал Дмитриевский собор, возведенный во Владимире во время княжества Всеволода III. Это одноглавый четырехстолпный крестово-купольный храм. Величественные формы собора украшены роскошным резным нарядом, который занимает более половины стены. Все это придает собору торжественность

и царственную мощь и в то же время подчеркивает его мужественность, могучую слаженность и стать.

Во второй части «Слова о полку Игореве» заключена идея произведения, которую в своем «Золотом слове» озвучивает киевский князь Святослав, умудренный опытом полководец и государственный деятель. «Золотое слово» Святослава обращено ко всем русским князьям. В нем звучит страстный и требовательный призыв извлечь из истории поучительные уроки, забыть об обидах и распрах, «встать за землю Русскую, за раны Игоревы».

Из всех князей в поэме князь Святослав действительно велик. Это благородный человек, мудрый политик, прославивший себя отвагой, личными военными подвигами. Для русских князей он не только престольный князь киевский, а и наставник, заботливый отец, надежный и справедливый товарищ. Он не просто укоряет князей – он тяжело переживает их ошибки и промахи.

Рассматривая вторую часть «Слова...» как идейный центр произведения, я решила найти подобную доминанту и в средневековой церковной архитектуре. По праву таким общерусским церковным центром можно считать Успенский собор Владимира.

Успенский собор был воздвигнут в центре Владимира на высокой береговой круче. В этом соборе находилась величайшая русская святыня – икона Владимирской Богоматери, а стены собора украсили фрески великого Андрея Рублева.

Зодчие князя Всеволода возвели вокруг одноглавого шестистолпного храма новые стены, увенчали их четырьмя главами и расчленили фасады на пять частей – прясел, что сделало его еще более величественным, и он обрел подлинно классическую для русского зодчества могучую стать.

В третьей части древнерусской поэмы гневная нота в голосе автора сменяется нежной и лирической: автор «Слова о полку Игореве» вспоминает юную жену Игоря – Ярославну. Он приводит слова ее полного тоски плача по мужу и по его погибшим воинам. Ярославна обращается к всемогущим силам природы, умоляя помочь князю вернуться на русскую землю.

Будто услышав мольбы Ярославны, Игорь бежит из плена. Поняв свою вину перед русской землей, Игорь устремляется в Киев, «ко святой Богородице Пирогощей», к князю Святославу. Именно образ нежной Ярославны стал для меня определяющим при выборе архитектурной ассоциации этой части поэмы.

Во всей русской поэзии, давшей миру столько непревзойденных шедевров, нет, быть может, памятника более лиричного, чем церковь Покрова на Нерли, ибо этот архитектурный памятник воспринимается как поэма, запечатленная в камне, поэма русской природы, тихой грусти и созерцания.

Церковь Покрова на Нерли – это небольшой с четырьмя обычными крестообразными столбами храм, который был посвящен празднику Покрова Богородицы в Византии. Белокаменная изящная церковь, воздвигнутая у «водных ворот» владимирской земли, должна была убедительно продемонстрировать покровительство небесных сил. Поток вертикальных линий, образованный уступами стен, усиленный длинными колоннами и поддержанный вытянутыми окнами, создает иллюзию движения масс вверх, их невесомости. В отличие от Успенского собора, церковь сохраняла белизну своих каменных одежд – ни пятна фресок, ни блеск позолоты не разрушали девственной красоты камня. Отказ от живописных приемов придал еще большую цельность и одухотворенность этому поэтическому произведению.

В этих архитектурных памятниках, как и в древнерусской поэме, раскрывается душа нашего народа в определенный период его исторического развития, любовь к своей земле, красоту которой русичи были призваны увенчать.

Раздробленная Русь... Ослабленная, ограбленная, истекающая кровью в братоубийственных распрях и, казалось, бессильная постоять за себя. Раздоры отвлекли князей от обороны границ, и в образовавшиеся бреши стали проникать половцы, разоряя русские города, опустошая села, всюду сея смерть и разрушение.

Однако идея единства Руси не умирает в XII веке. Она высказывается в летописях, поддерживается культурным единством русского народа, общностью русского языка на всей территории Русской земли.

В древнерусской поэме «Слово о полку Игореве» призыв к единению проникнут самой страстной, самой сильной и самой нежной любовью к Родине.

Идея мира и любви нашла свое яркое воплощение и в древнерусском зодчестве. Одноглавые четырехстолпные или шестистолпные храмы, кубом вросшие в землю, возникают один за другим в стольных княжеских городах. Храм – как вобравшая в себя все свои силы твердыня, как богатырь, что ни на шаг не отступит на тяжелом своем коне. Эта неподвижная сила, что дышит в храмовой твердыне, преодолевает раздоры князей и бояр. Произведения древнерусской литературы и архитектуры проникнуты чувством любви к родному народу, к родной окружающей природе, а также христианской моралью, прославляющей миролюбие и милосердие.

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАССКАЗОВ В. И. БЕЛОВА: МОНО- И ПОЛИПРОПОЗИТИВНЫЕ ПРОСТЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Художественный текст как конструкция состоит из множества структурно-содержательных элементов, определяющих специфику его восприятия и выявления общего смысла. Эти элементы представляют собой структуру произведения, устанавливаемую, как отмечал В.В. Виноградов, «путем определения органических частей художественного произведения, которые сами в свою очередь оказываются своего рода структурами» [6, с. 227].

Состав этих компонентов определяется по-разному как в отечественной науке, так и в зарубежной. Тем не менее, большинство исследователей отмечают, что в структуру художественного текста органично входит языковое оформление произведения, включающее в себя собственно языковые средства с учетом влияния их семантики и смыслов на идейно-тематический и иные уровни *организации текста*.

На первый взгляд, самым ярким лингвистическим ярусом в этом отношении является лексика, тем не менее разного рода синтаксические единицы в данном плане так же достаточно значимы.

Семантическая насыщенность синтаксических конструкций (помимо наличия в их составе отдельных формальных компонентов, наполненных особым содержанием) определяется и качественно-количественными характеристиками пропозиций, тем или иным образом актуализирующихся в языковых структурах.

Появление термина «пропозиция» во многом обусловлено тем, что, долгое время лингвистика занималась преимущественно грамматическими аспектами синтаксических единиц, не уделяя достаточного внимания их семантике. Как отмечает Н. Д. Арутюнова, «будучи разделом грамматики, синтаксис старался не выходить за пределы собственно грамматических категорий» [2, с. 5].

В языкознании XX столетия актуализируется интерес именно к семантике языковых единиц, в том числе и синтаксических. В этом отношении важную роль сыграл Шарль Балли, который ввел в науку понятия «диктума» и «модуса», характеризующих содержательное наполнение предложения [3]. Это в определенной мере повлияло и на возникновение термина «пропозиция» как неотъемлемого компонента диктума, то есть вещественного содержания предложения. Обобщив данные различных исследований, можно прийти к выводу, что пропозиция – это общее содержание высказывания, которое является константным (инвариантным) и при этом не зависит от модальных и видо-временных его аспектов [2, 7, 8, 9].

Пропозиция как семантический компонент предложения имеет свою структуру, которая «выражается в языке предикатной группой (предикатом, со всеми словами, служащими для заполнения его семантических валентностей)» [9, с. 36-37]. Иными словами, вершину пропозиитивной структуры предложения образует предикат с зависимыми от него словами. Но, как считает Т. В. Шмелева [11], семантика пропозиции может осложняться наличием в ее структуре других смысловых слоев (помимо собственно *пропозиитивного*), а именно: *внутрипропозиитивного* слоя, представляющего собой структуру пропозиции, и *припропозиитивного*, который составляют значения фазисности, интенсивности и квантитативности (количественности).

Несмотря на то, что пропозиция – это явление семантического характера, ее формальные показатели могут различаться между собой своими грамматическими характеристиками. Так, выделяются следующие способы выражения пропозиитивного содержания [5, 11]:

- *первичные*, оформляемые как предикативная конструкция;
- *вторичные*, выражаемые посредством либо непредикативной конструкции (различных полупредикативных образований, которые осложняют предложение не только в структурном, но и в семантическом плане), либо с помощью так называемых предикатных слов (адъективов, отглагольных субстантивов и т. д.).

Также стоит отметить, что пропозицию как отражение вещественной семантики предложения (диктума) следует отличать от пресуппозиции, или презумпции, которая «противостоит коммуникативно релевантному содержанию высказывания <...>. Она входит в семантику предложения как “фонд общих знаний” собеседников, как их “предварительный сговор”» [1, с. 85]. Пропозиитивная семантика синтаксической единицы, функционирующей в рамках художественного текста, может быть частично обусловлена различными сюжетно значимыми характеристиками литературного произведения (например, мотивным и тематическим комплексом, наличием определенного рода героя и т. д.).

Цель данной статьи – выявить и проанализировать семантическое наполнение простых предложений в рассказах В.И. Белова с учетом их пропозиитивной структуры. Для анализа нами были выбраны два художественных текста, отличающиеся друг от друга типом героя: рассказ «Даня», в центре которого находится маленький ребенок, и рассказ «На Росстанном холме», главной героиней которого является Мария, вдова, потерявшая мужа на войне.

Необходимо сказать, что исследуемые художественные тексты схожи по форме (оба представляют собой рассказ как один из жанров «малой» прозы), но различны по содержанию и выражаемой идее, что обуславливает разную степень семантической сложности предложений, в них используемых.

Так, рассказ «Даня» содержит 65 монопредикативных синтаксических конструкций, из которых 23 единицы представляют собой неосложненные структуры, в то время как оставшиеся простые предложения (43 единицы) осложнены различными образованиями. Можно отметить, что большинство неосложненных предложений данного произведения (18 единиц) по семантической структуре являются монопропозитивными, например: *«Вдруг папа встретился с директором совхоза», «Сейчас он маму увидит»*. Тем не менее, структура пропозиций в таких предложениях может быть различной, то есть их предикаты (сказуемые) обладают различной валентностью: *«Вдруг Даня вздрогнул во сне»* (одноместный предикат, включающий субъект – Даня), *«И сразу Даня маму увидел»* (двухместный предикат, в котором Даня – субъект (или агенс), маму – объект (или пациенс)).

Неосложненные полипропозитивные простые предложения исследуемого текста включают в себя от 2 до 4 (~ 1,2) пропозиций (в том числе и оформленных вторичным способом, далее – *свернутые пропозиции*), которые можно обнаружить, трансформировав синтаксические единицы (то есть актуализировав их предикативность), например: *«Она принесла небольшую елочку»* – *«Она принесла елочку, которая была небольшой»*.

В то же время пропозитивная организация осложненных предложений отличается и структурой предиката (так, здесь встречаются и трехместные предикаты: *«Даня подошел и обжег палец об утюг»*, одна из пропозиций *«Даня обжег палец об утюг»*, где Даня – агенс, палец – пациенс, об утюг – инструмент).

Количество пропозиций (в том числе и свернутых) в **осложненных** единицах колеблется от 2 до 5 (~ 2,56), например: *«Она сняла пальто, подошла к дивану и ахнула, кинулась в большую комнату»* – ср. *Она сняла пальто. Она подошла к дивану. Она ахнула. Она кинулась в ту комнату, которая была (считалась) большой* (5 пропозиций).

Стоит заметить, что виды образований, осложняющих предложения в рассказе «Даня» и, соответственно, представляющих собой пропозиции (в том числе и свернутые), отражены достаточно полно: однородные члены, полупредикативные образования, уточнения, обращения, вводные и модальные слова. Тем не менее, в некоторых случаях полипропозитивность создается за счет использования в одной синтаксической структуре нескольких однотипных образований: *«Вошла с улицы мать, веселая, краснощекая»* (два обособленных атрибута), *«Папа тоже почему-то заругался, потом вынул Даню из одеяла и велел идти домой»* (три однородных сказуемых). В других же случаях наблюдается сочетание различных образований: *«Вздрагивая всем тельцем и плача навзрыд, он с трудом влез на кровать и закричал»* (два однородных сказуемых и два однородных обстоятельства, выраженных деепричастным оборотом).

Как уже было сказано выше, на пропозитивную структуру предложения в некоторой мере влияют и различные внутривидовые факторы

художественного текста, например, субъектная организация произведения. Так, рассказ «Даня» характеризуют следующие тенденции: эпизоды, описанные от лица ребенка, отличаются большей семантической простотой, чем те, которые отражают взгляд повествователя. Например, эпизод с елкой: «Она [елочка] была чуть побольше Дани, пахла зимой и лесом (3 пропозиции). Даня потрогал ее за ветку (1 пропозиция). Колется!» (1 пропозиция). В то же время финал произведения, описанный от лица повествователя (стороннего наблюдателя), в пропозитивном плане более сложен: «Измученный тревогой, совсем обессиленный одиночеством, он заснул на неразобранной кровати. (4 пропозиции) <...> Вошла с улицы мать, веселая, краснощекая (3 пропозиции). Она сняла пальто, подошла к дивану и ахнула, кинулась в большую комнату» (5 пропозиций).

Другой анализируемый рассказ В. И. Белова («На Росстанном холме») отличается от «Дани» прежде всего соотношением моно- и полипредикативных единиц: его синтаксический рисунок характеризует превалирование сложных предложений (110 единиц) над простыми (63 единицы). Это в некоторой мере обусловлено и идейно-авторскими установками: в центре повествования находится женщина, трагически потерявшая мужа на войне: «И прожита она [жизнь] с одной мыслью: вернется муж, не чувствует она себя вдовой, противится сердце любой мысли о его смерти. <...> В сенокосную ночь, сидя у камня на Росстанном холме, вспоминает она свою жизнь и хочет понять, что ей дало право и силы на надежду? И отвечает: верность! И то вековечное терпение русской крестьянки, готовой к любым испытаниям...» [10]. Иными словами, ориентация на выражение чувств и переживаний взрослого человека требует более развернутых и сложных синтаксических конструкций

Так же, как и произведение «Даня», рассказ «На Росстанном холме» характеризует различная семантическая организация осложненных (42 единицы) и неосложненных предложений (21 единицы).

Можно отметить, что неосложненные структуры в среднем являются более семантически насыщенными, нежели в предыдущем рассказе (~ 1,9), например: «Над Росстанью белая ночь сковала прозрачную тихую мглу» – Над Росстанью ночь была белая. Она сковала мглу, [которая была тихой и прозрачной].

Семантическая наполняемость осложненных предложений в среднем составляет 4,2 пропозиции. Тем не менее, встречаются и единицы, содержательный состав которой представляют от 2 до 7 пропозиций, например: «А из его глубин, как из-под воды (3), слышен был то крик (1) дергача, то заглушенный влагой (4), беспомощный (5) и милый (6) клик (2) по-детски испуганного (7) жеребенка».

Необходимо заметить, что, в отличие от рассказа «Даня», в анализируемом тексте семантический рисунок предложений оформляется большей

частью при помощи сочетания разнородных осложняющих образований: *«А дочь, ничего не поняв, недовольная, тряхнула головой, закинула овсяные, по отцу, волосы»* (однородные сказуемые, полупредикативное образование (деепричастный оборот), два обособленных атрибута, один из которых является несогласованным); *«Сцепив ладони над лбом, она ткнулась головой в траву, распрямилась и запричитала»* (однородные сказуемые, полупредикативное образование (деепричастный оборот).

Стоит отметить, что повествование в рассказе ведется с двух основных позиций: позиции стороннего наблюдателя (повествователя) и самой героини, Марии. В семантическом плане точка зрения повествователя является несколько более сложной: *«Она встала на колени рядом с камнем, кусая губы и качая головой, поглядела на пустынный дальний увал (4 пропозиции). Сцепив ладони над лбом, она ткнулась головой в траву, распрямилась и запричитала (4 пропозиции). <...> Она ничком упала в траву и вся затряслась, задергалась, будто подбитая птица, остановилась, опустела (6 пропозиций)»*.

Ср. точка зрения Марии *«Пропал без вести, но не убитый же (2 пропозиции) <...> Двадцать пять годов ждала, ждала его, голубчика... (2 пропозиции) <...> Не слышит, не знает» (2 пропозиции)»*.

Это может быть обусловлено тем, что повествование от лица Марии требует большей эмоциональности и концентрированности выражения мысли, как при любом переживании и сильном чувстве, что читатель и наблюдает в рассказе.

Таким образом, исследуемые нами тексты («Даня» и «На Росстанном холме») отличаются друг от друга не только типом героя, но и степенью семантической сложности простых предложений, в них используемых. Так, средняя семантическая насыщенность монопредикативных синтаксических единиц в произведении «Даня» (как осложненных, так и неосложненных) составляет 2,12 пропозиции, в то время как в произведении на «Росстанном холме» – 2,63. Можно предположить, что это обусловлено и ориентацией на определенный тип читателя, и стремлением точно передать мироощущение героя конкретного типа (ребенок и взрослая женщина соответственно).

Иными словами, степень семантической сложности предложений, максимально полно реализующих свои потенциальные смыслы в рамках художественного текста, определяется не только возможностями единиц конкретных типов, но идейно-эстетическими авторскими установками.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Понятие пресуппозиции в лингвистике / Н. Д. Арутюнова // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. – Москва: Издательство АН СССР. – 1973. – Т. XXXII. – Вып. 1. – С. 84–89.

2. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы / Н. Д. Арутюнова. – Москва: Наука, 1976. – 383 с.
3. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – Москва: Издательство иностранной литературы, 1955. – 416 с.
4. Белов В. И. Избранные произведения: Повести. Рассказы. Т.1. /В.И. Белов. – Москва: Современник, 1983. – 543 с.
5. Белошапкова В. А. Современный русский язык / В. А. Белошапкова. – Москва: Высшая школа, 1989. – 800 с.
6. Виноградов В.В. О языке художественной литературы / В.В. Виноградов. – Москва: Гослитиздат, 1959. – 656 с.
7. Логический анализ языка: знание и мнение. – Москва: Наука, 1988. – 127 с.
8. Логический анализ языка. Пропозициональные предикаты в логическом и лингвистическом аспекте. – Москва: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1987. — 139 с.
9. Падучева, Е.В. Высказывание и его соотносённость с действительностью / Е. В. Падучева. – Москва: Наука, 1985. – 272 с.
10. Смолин А. П. Писатель Василий Белов – классик русского рассказа: литературно-критический очерк / А. П. Смолин // Русская культура нового столетия. – Вологда: Книжное наследие, 2007.
11. Шмелева Т.В. Семантический синтаксис. Текст лекций / Т. В. Шмелева. – Красноярск: Красноярский государственный университет, 1994. – 43 с.

Ю.Н. Драчёва, Е.В. Опахина
Вологда

ВОЛОГОДСКИЙ КРАЙ В ЗАРУБЕЖНОМ МЕДИАТЕКСТЕ*

Обращение к изучению отражения образа Вологодского края в зарубежных средствах массовой информации связано с актуальностью рассмотрения процессов глобализации в медиасфере и необходимостью сохранения национальной и культурной идентичности. Изучение образа Вологодской области в массовой коммуникации ведется на протяжении ряда лет, преимущественно охватывая русскоязычный медиасегмент, художественную литературу и публицистику [2; 4; 5], в то время как описание этого феномена в современных иноязычных зарубежных средствах массовой информации систематически не проводилось.

Представление образа отдельно взятого региона в иноязычных СМИ не совпадает с его характеристикой в локальных медиаресурсах, поскольку отражает влияние ряда сложившихся стереотипов (иногда – ложных), а также может быть подвергнуто воздействию внешних обстоятельств (по-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Гранта Президента РФ (соглашение МК 5977.2015.6).

литические отношения между двумя странами, экономические стратегии региона и пр.). Описание локальных историко-культурных особенностей в иноязычной среде приобретает иную (в сравнении с медийными средствами географически близких регионов) коннотацию как новое знание, экзотизм, часто сопровождается повышенной сенсационностью, сменой эмоционального фона, актуализацией иных ассоциативных связей и т. д.

В качестве источника исследования используются иноязычные периодические печатные издания или изданий, архивы которых представлены в сети Интернет; реже – онлайн-издания. В данной статье представлен анализ наиболее популярных англо- и франкоязычных источников, аудитория которых достаточно обширна, если учитывать, что большая часть представленных изданий распространяется не только в печатном виде, но и в цифровой форме или в формате онлайн-ресурса. Представленные издания отличаются типологическим разнообразием: это и традиционные качественные издания (например, «Нью-Йорк Таймс» (*New York Times*), «Фигаро» (*Le Figaro*), «Монд» (*Le Monde*), и популярные массовые (например, «Дейли Мейл» (*Daily Mail*)).

Публикации, в которых так или иначе описываются факты, касающиеся Вологды и Вологодского края, в жанровом отношении представляют собой *репортажи* (статьи, написанные в живой манере, отражающие непосредственные впечатления автора, его стремление передать атмосферу происходящего); *аналитические* (статьи, в которых проводится анализ или комментирование событий) и *редакционные статьи* (*l'éditorial / editorial*).

С точки зрения тематики публикации о вологодском крае в зарубежных изданиях можно подразделить на *информационные* (статьи, направленные на освещение ключевых событий истории и особенностей культуры региона, подаваемых как новое знание), *сенсационные* (статьи, посвященные местным событиям, имеющим характер «сенсации», способной вызвать интерес массовой аудитории), *литературно-художественные* (статьи, описывающие литературную специфику Вологодского края и более подробно останавливающиеся на известных писателях и поэтах, имеющих биографические или творческие связи с регионом), *экономические* (статьи, содержащие анализ прошлого и настоящего положения экономики региона; сюда же входят публикации о туристической сфере), *политизированные* публикации (статьи, анализирующие местные события, получившие широкий общественный резонанс и обладающие значимостью с точки зрения той или иной политической группировки).

Основную группу публикаций о вологодском крае составляют авторские статьи, в которых представлена информация о регионе (обычно неизвестном широкому кругу европейских читателей), его достопримечательностях, культуре и традициях. Это, например, статьи, опубликованные в газете «Фигаро» (*Le Figaro*): «*Vologda, la belle discrète*» («Вологда –

скромная красавица») [12], «*Voyage dans la Russie des tsars*» («Путешествие в царскую Россию») [7] и др. Упоминание Вологодского края часто сопровождается в тексте пояснениями, касающимися его географического положения, ср.: «*a remote area of Russia bordering on Siberia*» («удаленная область России, граничащая с Сибирью») [18].

Отдельные события в регионе, которые можно характеризовать как шокирующие, скандальные, подаются в сенсационном ключе: например, бегство из тюрьмы на вертолете [13], вырвавшийся из клетки цирковой медведь [16], охота на ручного медведя [19; 23] и пр. Тексты подобных статей содержат ссылки на положение упоминаемых географических объектов по отношению к Москве: «*forced the pilot to fly to the jail, in the village of Sheksna, in Vologda region, 300 miles north of Moscow*» («вынудил пилота лететь к тюрьме в поселке Шексна, что в Вологодской области, в 300 милях к северу от Москвы») [12].

В статьях литературно-художественного плана рассказывается о литературном наследии Вологодского края. Так, рассказывается о писателе В. Т. Шаламове, детство и юность которого прошли в Вологде: «*Il fallut attendre 1988 et la parution en Russie des souvenirs d'enfance de Varlam Chalamov recueillis dans La Quatrième Vologda, pour découvrir que l'auteur des Récits de la Kolyma, l'un des dissidents les plus célèbres, y avait passé sa jeunesse*» («Надо было дожидаться 1988 года и появления в России детских воспоминаний Варлама Шаламова, включенных в книгу «Четвертая Вологда», чтобы обнаружить, что автор «Колымских рассказов», один из наиболее известных диссидентов, там провел свою юность») [7].

К представителям «Вологодской школы писателей» («*les écrivains de l'école de Vologda*») зарубежные источники относят А. Я. Яшина, Ф. А. Абрамова и В. И. Белова, произведения которых классифицируются как «деревенская проза» («*la littérature dite "ruraliste"*») [10]. Ф. Шамбон-Бюрген называет эту прозу «деревенской» (*ruraliste*), с возможным ассоциативным значением «идеализирующая сельскую жизнь», ср.: *ruralisme* «идеализация сельской жизни, любовь к сельской жизни» [3, с. 978]. Она пишет: «*Ils parviennent à édifier cette nouvelle littérature malgré les obstacles créés par la censure politique pour l'étouffer*» («Им удается создать это новое литературное направление, несмотря на препятствия, чинимые политической цензурой, чтобы его задушить») [10]. Деревенская проза в зарубежных медиатекстах соотносится с именами В. И. Белова, В. П. Астафьева, Ф. А. Абрамова, В. Г. Распутина [22]. Впрочем, далеко не всегда приводимые в статьях факты точно соответствуют действительности. Так, в статье «*Viktor Astafyev, Who Wrote of Rural Russia, Dies at 77*» («Виктор Астафьев, который писал о деревенской России, умер на 77-м году жизни») [15], представляющей собой некролог В. П. Астафьева, были впоследствии внесены исправления многочисленных ошибок, в основном касающихся датировки изданий и событий биографии писателя.

С течением времени происходит изменение интонации публикаций, связанных с литературными течениями в России в общем и с именем В. И. Белова в частности. Так, описание постсоветского периода журналистики в России содержит фрагмент стихотворения «Молитва» В. И. Белова как одного из «современных приверженцев старого антизападного, страстно националистического настроения в российском обществе» (*«the modern heirs of an old anti-Western, fervently nationalistic strain in Russian society»* [6]), причем приводится характеристика Белова как «консервативного писателя из северного города, Вологды» (*«a conservative writer from a northern city, Vologda»* [6]), ср.: *«"Oh my God," he wrote, "in the stillness of the forest, in my grandfather's deserted fields, give me relief from empty words and noisy melodies. Keep me safe while commotion rages in our souls and the democrats are hot"»* [6]. Неточности, приводящие к искажению смысла стихотворения (фрагмент статьи можно передать как «спаси меня, покуда в душах ералаш и демократы жаром пышут»), вызваны изменением в процессе перевода на английский язык синтаксического оформления текста, приведением первой и второй строфы стихотворения не в полном объеме, ср.: *«О, Боже мой! В тиши лесов, / В безлюдье дедовских угодий / Освободи от праздных слов / И от назойливых мелодий. / От суеты и злобы дня / Спаси и впредь, спаси меня. / Покуда в душах ералаш / И демократы жаром пышут, / Я обновлю колодец наш / И почию родную крышу...»* [1].

В сообщении о смерти В. И. Белова, распространяемом агентством «Ассошиэйтед Пресс» и в дальнейшем опубликованном в ряде периодических изданий США, говорится, что «он был одним из самых заметных представителей такого литературного течения, как так называемая «деревенская проза», которая восхваляла старинные русские традиции и противостояла урбанизации» (*«He was one of the most visible representatives of the so-called "village prose" literary movement, which praised the old Russian customs and opposed urbanization»* [21]), это «писатель, который в своих книгах преклонялся перед прежней аграрной Россией» (*«a writer who paid homage to old rural Russia in his books»* [21]), «который благоговел перед традиционной деревенской Россией» (*«who venerated old rural Russia»* [28]).

Многие представления о Вологде и Вологодском крае, которые можно назвать традиционными для зарубежной прессы, отражаются в ряде современных публикаций, апеллирующих к проблемам экономического развития региона. Например, в статье Майкла Вайнза об истории создания вологодского масла и об участвовавших случаях его подделки Вологодчина описана как «территория по форме немного напоминающая Массачусетс, почти одного размера со штатом Нью-Йорк, находящаяся примерно в 250 милях к северу от Москвы» (*«a vaguely Massachusetts-shaped, almost New York-sized area about 250 miles northeast of Moscow»*) [27]. Другой автор, Марсель Теру, пишет о путешествии из Москвы к Белому морю в статье

«All aboard the time machine» («Посадка на машину времени заканчивается»); «Trains in Russia are time machines. They rumble across blighted industrial landscapes and through villages that have barely altered since the 19th century. The oligarch bosses of Russia's new oil and gas behemoths have private carriages – some, I'm reliably informed, with luxurious wood-panelled rooms inspired by the gentleman's clubs of Piccadilly – but out of the window they'll still see the tiny, self-sufficient hamlets that Dostoevsky and Tolstoy idealised, and Lenin despaired of, and Stalin tried to plan out of existence» («Поезда в России – это машины времени. Они с грохотом несутся по пришедшим в упадок промышленным районам и через деревни, которые едва ли изменились с 19-го века. У олигархов – хозяев новых российских нефтяных и газовых гигантов есть частные вагоны, причем некоторые из них, как я узнал из надежного источника, обшиты роскошными деревянными панелями, напоминающими обстановку клубов джентльменов на Пикадилли, но из окна они все еще будут видеть крошечные, самообеспечивающиеся деревеньки, которые идеализировали Достоевский и Толстой, ненавидел Ленин, а Сталин пытался уничтожить») [25]. В статье приводится беглое описание Вологодчины в контексте общих рассуждений об упадке промышленного и сельскохозяйственного секторов России: «Vologda, which I'd never heard of, was a flourishing farming town with a beautiful monastery on its outskirts» («Вологда, о которой я раньше никогда не слышал, оказалась процветающим аграрным городком с прекрасным монастырем на его окраине») [25].

В последние годы СМИ уделяют много внимания проектам, связанным с Великим Устюгом. Так, в статье «*Vologda croit plus que jamais au Père Noël*» («Вологда верит в Деда Мороза больше, чем когда-либо»), опубликованной в газете «Фигаро» (*Le Figaro*), рассказывается о проекте «Великий Устюг – Родина Деда Мороза», реализация которого ставит целью изменить экономическую ситуацию в области, в которой доминирует индустриально развитый Череповец, за счёт развития сферы туризма [14]. В отдельных статьях в критическом тоне описывается участие Деда Мороза, символа язычества, в праздновании православного Рождества Христова: «there was also something strangely unorthodox about the presence of Grandfather Frost and his Snowmaiden partner at Jesus Christ's birthday party in the cathedral» («было что-то странно неправославное в присутствии Деда Мороза и Снегурочки на праздновании Рождества Христова в соборе») [26].

Особую группу статей составляют политизированные материалы, подхватывающие и тиражирующие образ Вологды оппозиционной. Например, это публикации о закрытии газеты «Наш регион», перепечатавшей датские карикатуры на пророка Мухаммеда [9; 11; 17; 20]. Реакция же на публикацию в социальной сети «Фейсбук» (*Facebook*) неофициального иронического «послания к президенту России от жителей области» Р. Романенко

обнаруживается даже в деловом новостном еженедельнике «Экономист» (*The Economist*): «...letter, sent to Mr Putin by a journalist from Vologda, the heart of Russia, provides a clue as to how some ordinary Russians feel» («письмо, адресованное мистеру Путину журналистом из Вологды, самого центра [дословно – «сердца»] России, дает ключ к пониманию того, что чувствуют некоторые простые россияне») [24], причем иронический подтекст обращения к президенту в статье снят.

Анализируя особенности голосования за партию «Единая Россия» в Российской Федерации, автор статьи «*Call back yesterday*» («Перезвоните вчера») обращается к анализу итогов голосования в Вологодской области как индикатору объективной оценки отношения населения к этой партии, поскольку это «этнически русский регион, включающий в себя Череповец» («*an ethnic Russian region that includes Cherepovets*»), в котором, «в отличие от Москвы, результаты голосования были фальсифицированы лишь в незначительной степени» («*where, unlike in Moscow, the vote was rigged only a little*») [8].

В настоящее время в масс-медиа прослеживается ангажированность, политизированность, предвзятость мнений, поэтому критический анализ зарубежного медиатекста должен стать неотъемлемой частью изучения образа региона. Периодически проводимый мониторинг зарубежных публикаций о регионе позволит проследить динамику развития имиджа изучаемой территории.

Литература

1. Белов В. И. Раздумья о дне сегодняшнем. – Рыбинск, 2002.
2. Воронина Т. Н., Федорова А. В. Авто- и гетеростереотипы восприятия образа Вологды // Слово и текст в культурном сознании эпохи. Ч. 6. – Вологда, 2010. – С. 16-21.
3. Гак В. Г., Ганишина К. А. Новый французско-русский словарь. – М., 1995.
4. Драчева Ю. Н., Ильина Е. Н., Мельникова Н. Г. Отражение особенностей звучащей речи вологжан в современной массовой коммуникации // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2015. – № 3. – С. 68-71.
5. Федорова А. В. Образ Вологды в трилогии В. И. Белова «Час шестый» // Слово и текст в культурном сознании эпохи. Ч. 11. – Вологда, 2012. – С. 150-160.
6. Barringer F. Soviet Turmoil; Read All About It! A Petrified Press in New Guise // The New York Times. 1991 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.nytimes.com/1991/09/05/world/soviet-turmoil-read-all-about-it-a-petrified-press-in-new-guise.html>.
7. Blanc L. Voyage dans la Russie des tsars // Le Figaro. 2010 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.lefigaro.fr/voyages/2010/02/26/03007-20100226ARTFIG00616-voyage-dans-la-russie-des-tsars-.php>.
8. Call back yesterday // The Economist. 2012 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.economist.com/node/21548949>.

9. Caricatures de Mahomet: une journaliste condamnée en Russie // Le Figaro. 2006 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.lefigaro.fr/international/2006/04/15/01003-20060415ARTFIG90585-caricatures_de_mahomet_une_journaliste_condamnee_en_russie.php.

10. *Chambon-Burgun F.* Le monde rural chez les écrivains de l'école de Vologda (1953–1983): Alexandre Iachine, Fedor Abramov, Vassili Belov (récits, nouvelles et romans): диссертация. Париж, 1997 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.theses.fr/1997PA040163>.

11. *Day J.* Russian paper closes after publishing cartoons // The Guardian. 2006 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.theguardian.com/media/2006/feb/21/cartoonprotests.race>.

12. *Dorman V.* Vologda, la belle discrète // Le Figaro. 2010 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.lefigaro.fr/publiredactionnel/2010/03/17/06006-20100317ARTWW00472-vologda-la-belle-discrete.php>.

13. *Gardner T.* Murderer makes Hollywood escape from Russian prison by clinging on to rope ladder from helicopter (but is caught hours later driving a cab) // MailOnline. 2012 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dailymail.co.uk/news/article-2119190/Murderer-makes-Hollywood-escape-Russian-prison-clinging-rope-ladder-helicopter-caught-hours-later-driving-cab.html>.

14. *Grynszpan E.* Vologda croit plus que jamais au Père Noël // Le Figaro. 2010 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.lefigaro.fr/publiredactionnel/2010/10/25/06006-20101025ARTWW00396-vologda-croit-plus-que-jamais-au-pere-noel.php>.

15. *Kishkovsky S.* Viktor Astafyev, Who Wrote of Rural Russia, Dies at 77 // The New York Times. 2001 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.nytimes.com/2001/12/03/arts/viktor-astafyev-who-wrote-of-rural-russia-dies-at-77.html>.

16. *Miller D.* Running away from the circus! Bear sparks panic in Russian city after escaping from travelling show and charging through the streets // MailOnline. 2014 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dailymail.co.uk/news/article-2713355/Running-away-FROM-circus-Bear-sparks-panic-Russian-city-escaping-travelling-charging-streets.html>.

17. *Myers S. L.* Second Russian Paper Shut in Cartoon Furor // The New York Times. 2006 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.nytimes.com/2006/02/21/international/europe/21russia.html?_r=0.

18. *Overy P.* In love with disharmony // Times Literary Supplement. 1999 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.the-tls.co.uk/tls/reviews/arts_and_commentary/article756618.ece.

19. *Parfitt T.* Spanish king accused of shooting tame bear made drunk on vodka // The Guardian. 2006 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.theguardian.com/world/2006/oct/20/spain.russia>.

20. Russian paper shuts over Prophet cartoons // MailOnline. 2006 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dailymail.co.uk/news/article-377776/Russian-paper-shuts-Prophet-cartoons.html>.

21. Russian writer Vasily Belov dies at 80 // The Washington Examiner. 2012 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.washingtonexaminer.com/russian-writer-vasily-belov-dies-at-80/article/feed/2053635>.

22. *Smith H.* Publishing, Russian-Style // The New York Times. 1973. July 22. P. 238.

23. Spain: King Denies He Shot Drunken Russian Bear // The New York Times. 2006 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.nytimes.com/2006/10/20/world/europe/20briefs-005.html?_r=0.

24. The home front // The Economist. 2014. March 15th–21st (vol. 240, № 8878). Pp. 23–24.

25. *Theroux M.* All aboard the time machine // The Guardian. 2009 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.theguardian.com/travel/2009/aug/01/russia-rail-moscow-marcel-theroux>.

26. *Traynor I.* Russian Orthodoxy brings Grandfather Frost in from the cold // The Guardian. 2006 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.theguardian.com/world/2001/jan/13/russia.iantraynor>.

27. *Wines M.* Vologda Journal; Russia's Favorite Spread Smeared by Counterfeiters // The New York Times. 2000 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.nytimes.com/2000/05/27/world/vologda-journal-russia-s-favorite-spread-smeared-by-counterfeiters.html>.

28. Writer Vasily Belov who venerated old rural Russia dies at 80 // The World News (WN). 2012 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://article.wn.com/view/2012/12/05/Writer_Vasily_Belov_who_venerated_old_rural_Russia_dies_at_8_m.

К.А. Елистратова
Череповец

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ ЛИТЕРАТУРЫ ВОЛОГОДСКОГО КРАЯ

Изучение литературы Вологодского края в образовательных организациях области имеет давнюю традицию. В федеральных программах присутствуют имена ряда писателей, поэтов, биографически и творчески связанных с Вологодской областью: а) **Программа по литературе 5-9 классы / авт.-сост. Г. С. Меркин, С. А. Зинин:** 5-6 классы – В. П. Астафьев, Н. М. Рубцов; 7 класс – Н. М. Рубцов; 8 класс – В. П. Астафьев; б) **Программа по литературе 5-9 классы / под ред. В. Я. Коровиной:** 5-6 классы – В. П. Астафьев, Н. М. Рубцов; 7 класс – Н. М. Рубцов; 8 класс – раздел «Стихи и песни о Великой отечественной войне 1941-1945 годах (обзор)», В. П. Астафьев, Н. М. Рубцов; в) **Программа по литературе 5-9 классы для общеобразовательных учреждений / под ред. Т. Ф. Курдюмовой:** 5-6 классы – В. П. Астафьев, В. И. Белов, В. Ф. Тендряков, В. Т. Шаламов (не менее 3 авторов по выбору). Произведения авторов-земляков включаются в списки для обязательного летнего чтения, факультативные курсы «Литературная страничка Вологодского края» (проект 8 класса МБОУ

«СОШ №34» г. Череповца), а также используются для комплексного анализа текста (на уроках русского языка).

Процесс приобщения к литературе Вологодской области имеет целенаправленный характер, чему способствует введение в разработанный в 2005 году региональный базисный план предмета «Литература Вологодского края». На его преподавание, с учетом имеющихся возможностей, отводится по 17 часов в 5, 8 и 9 классах. Следует отметить, что всего 51 час на изучение обширного, имеющего многовековую историю литературоведческого материала, – это очень мало, что усугубляется и двухгодичным перерывом (6-7 классы). Ценными представляются программа, тематическое планирование по вновь введённому предмету, три учебных пособия-хрестоматии по литературе Вологодского края: для 5 – 6, 7 – 8 и 9 классов, рабочая тетрадь по предмету для 5-6 классов. Этот комплект в настоящее время используется учителями. В учебные пособия включены разделы, авторы, произведения, отобранные с учетом принципа культурной репрезентативности, художественной состоятельности, воспитательной эффективности, а также особенностей восприятия учащихся 5-9 классов: «Устное народное творчество», «Сказки Вологодского края», «Легенды и предания», «Литературные сказки русских и зарубежных писателей», «Литература XX века» (произведения о Родине и родной природе), «Рассказы вологодских писателей о родной природе», «Ради жизни на земле», «Стихотворения о Великой Отечественной войне». В процессе изучения вологодской литературы немало внимания уделено и установлению теоретических, тематических и ассоциативных связей с основным курсом литературы (вопросы и задания после текстов направлены на понимание как самого текста, так и теории литературы; после каждого раздела идет литературоведческий минимум; в конце учебной хрестоматии – краткий словарь литературоведческих терминов). При составлении программы и хрестоматии была учтена и национально-культурная специфика нашего региона. Большую часть населения Вологодской области составляют русские, но рядом с ними живут и другие народы, имеющие свой язык, свою письменность, свою словесность. Это коми-зыряне и вепсы – две ветви финно-угорских народов. Данный факт объясняет включение в хрестоматии финно-угорского эпоса (5 класс).

Однако при использовании учебно-методического комплекса по литературе Вологодского края необходимо принять во внимание ряд обстоятельств, позволяющих учителю вносить в данные материалы коррективы: а) литература Вологодской области изучена на сегодняшний день далеко не полностью (речь идёт о современной вологодской поэзии, исходя из чего возможны отдельные замены и перестановки [1, с. 24]; б) преподавание литературы, в частности литературы Вологодского края, не может вестись без учета современных тенденций, задаваемых реформой образова-

ния: дать разностороннее, систематизированное представление о художественной словесности, связанной с Вологодским краем, как в диахронии, так и в синхронии, как следствие – расширить культурный кругозор учащихся; включить литературу Вологодского края в активный духовный запас школьника.

Рассмотрение современной поэзии и прозы Вологодского края в школьной программе мотивировано тем, что 1) во-первых, она, будучи частью общего культурного макротекста, оказывается источником, способным восполнить пробелы культурного образования в сознании молодежи; 2) во-вторых, для нее характерно отсутствие исторической и психологической дистанций с читающей молодежной аудиторией. С точки зрения поэта, литературного критика Бориса Кутенкова, «условный «мониторинг» российских городов с целью выявления литературоцентричности мог бы наградить Вологду одним из первых и вполне заслуженных мест» [2]. Это положение вполне объяснимо: литературная студия Галины Щёкиной «Ступени», фестивали «М-8», «Плюсовая поэзия», поэты, уже успевшие заявить о себе в «толстожурнальном» и книжном пространстве (Ната Сучкова, Антон Чёрный, Лета Югай, Мария Суворова и др.), литературно-художественный журнал «Вологодский Лад» (издание о культурном, историческом, общественном, экологическом феномене, которым является наш Вологодский край, весь Русский Север).

Согласно С. Ю. Баранову, использование полного набора произведений необязательно из предложенного перечня литературы Вологодского края. Учитель волен выбрать то, что в большей мере соответствует его личным педагогическим склонностям, особенностям класса, характеру образовательного процесса в данной школе, социокультурному пространству, в которое непосредственно включено образовательное учреждение [1, с. 22-24]. В соответствии с этим на уроках «Литература Вологодского края» учащимся как в 5, так и в 9 классах были предложены поэтические и прозаические тексты современных вологодских поэтов для изучения и анализа.

Постижение художественного текста – задача более важная, чем знание литературного ряда понятий. Художественное слово, его роль в создании образов и ситуаций должны быть в центре внимания школьников [3]. Такую возможность при рассмотрении литературы Вологодской литературы вообще, и современной – в частности, дает *сравнительно-сопоставительный анализ* художественных текстов, который предполагает: а) выявление ключевых моментов произведения, анализ ситуаций, строящихся на установлении черт сходств и различия, соотнесения чего-либо друг с другом для получения коечного результата, б) отражение региональных аспектов словесного творчества.

При рассмотрении темы «*Русский фольклор*» в 5-6 классах на уроках изучения литературы Вологодского края наряду с литературными жанра-

ми, представленными в хрестоматии по литературе Вологодского края для 5-6 классов (загадки, частушки, сказки, пословицы и поговорки, обрядовый фольклор), можно предложить учащимся и литературные произведения вологодского поэта Леты Югай. В данном случае необходимо предварительно обзорно познакомить школьников с биографией и творчеством автора, можно предложить творческую работу – создание литературной странички вологодского поэта Леты Югай. И уже после того как ученики познакомятся с биографией и творчеством поэта, для сравнительно-сопоставительного изучения можно предложить стихотворения Леты Югай из цикла *«Записки странствующего фольклориста»*. Заметим, что сам поэт занимается изучением обрядового вологодского фольклора, ею успешно защищена кандидатская диссертация по данной тематике (*«Ключевые образы плача: на материале похоронных и поминальных причитаний Вологодской области»*). Само название цикла заставляет школьников обратиться к определению *«фольклор»*, вспомнить основные жанры фольклора, что было изучено ранее. Стихи Леты Югай знакомят пятиклассников с такими малыми жанрами фольклора, как колыбельная, заговор, гадание, заклички. В данном случае учащимся необходимо найти и подготовить сообщения не только о самом жанре, но и определить его признаки в текстах Леты Югай.

Например, в стихотворении *«Колыбельная»* автором сохраняются элементы оберега: *«Мама от рук своих не отведет глаз...», «Будешь здоровым и сильным, – думает, – но о том – молчок. Чтоб не спугнуть твое счастье, и так двоих не уберегла»*; таинственные враждебные силы: *«по морю переполохов», «смерть заглядывает в окно, птичьим глазом косит»*; пугающий персонаж: *«серенький волчок»*. Перекрестная рифма сохраняет мерный ритм колыбельной песни. В стихотворении *«Гадания»* сохраняется структура обряда: *«А на Васильевский девушки заперлись в избе / Закидывать удочки, говорить судьбе... / ... / Если выпадет хлеб – будет и дом, и хлев, / И сундук, и жар в печи, на шкафу – виноград и лев. / Выйдет кольцо – под подушкой шкатулка, в шкатулке – желанье... / ... / Выпадет крест – значит, гроб /.../ Печина – к печали: в голову, в печень – грусть и заботу...»*. Данное стихотворение можно сопоставить как с описанием самого обряда гадания, так и его репрезентации в балладе В.А. Жуковского *«Светлана»*. Каждая поэтическая строчка – код, который позволяет учащимся развивать навыки анализа и исследования поэтического текста. Так, например, *«А на Васильевский девушки заперлись в избе...»* заставляет школьников обратиться к словарям, справочникам, интернет-ресурсам, чтобы узнать, что такое *«Васильевский»* (в данном случае речь идет о Васильевском вечере, во время которого было принято колядовать).

Стихотворение *«Заговор»* можно анализировать, сопоставляя с заговорами, представленными в проекте *«Русские заговоры и заклинания»* (про-

ект «Русский фольклор в современных записях») под редакцией В. П. Аникина. Учащиеся таким образом знакомятся с видами заговоров и их назначением (детские, любовные, семейные, хозяйственные, промысловые, лечебные), определяют, к какому бы заговору можно было бы отнести описание обряда, представленное в стихотворении Леты Югай.

Каждое стихотворение из цикла автора [4] сопровождается справочными топонимическими комментариями, позволяющими лучше узнать Вологодский край, например – ойконимами: «Колыбельная» – д. *Андронов* Вологодской области, «Гадания» – д. *Нефёдово* Вологодской области, «Заговор» (баня) – д. *Якишинская* Вологодской области; кроме того, ее тексты насыщены гидронимами: «У нас сейчас в *Яхренге* русалок нет. / Русалки-ти в больших реках, в *Сухоне* все...». Учитель может предложить учащимся составить лингвотопонимическую карту Вологодского края на материале современной прозы и поэзии. Учащиеся должны самостоятельно найти материал об упомянутых микропонимах, расположить объекты на картах Вологодской области, причем создавать, корректировать карту можно с момента начала преподавания регионального компонента – с 5 по 9 классы. Такая работа позволяет школьникам лучше узнать географию Вологодского края.

Кроме этого, Лета Югай пишет свои стихи, стараясь передавать диалектные особенности северного наречия: мягкое цоканье «Кому сбудетцё, Не минуетцё» («Гадания»), «нацальника» («рюшица»); ёканье «будёт», «никакиё» («Заговор» баня); «ксти» («рюшица») – стяжение согласных; «бес-от» («Случай»); «Русалки-ти» («Русалка»). Большинство текстов Леты Югай позволяют школьникам узнать то, чем ценен Вологодский край. При изучении стихотворения «*Росписи*» одному из учащихся можно дать доклад на тему «Вологодские росписи». Именно таким образом как сам ученик, так и его одноклассники узнают, что на Вологодской земле зародилось много замечательных народных промыслов. Особое место среди них занимает роспись по дереву. Особенно любимым предметом для украшения среди крестьян была прялка. Далее школьники находят в тексте Леты Югай: «С прялок, с домов с нарисованными часами, / С досок икон неуклюже спрыгивают впотьмах / Львы лупоглазые с вытянутыми носами, / С куцыми чёлками, с розами на хвостах...». Автор текста совмещает одновременно язычество и православие: «Иконописец по кости вывел святых и диво, / Чудо морское с кудрявою головой...», южную экзотику и северный климат: «И приручить, увить резными кустами / Южного зверя на северной полосе... Вечный покой, кто может его представить? / Кто видел льва в наших широтах?».

Второй раздел цикла Леты Югай называется «Надписи на прялках» [4]. Авторское предуведомление объясняет школьнику, о чем же здесь пойдет речь. Учащиеся узнают, что «прялка» (или пряслица, как называют на Во-

погодчине) сопровождала женщину всю жизнь, дарилась в знак ухаживания мужчины за женщиной, передавалась по наследству. Часто мужчины вырезали и расписывали прялки для своих любимых. Как отмечает сам поэт, «эти стихи – попытка, вживаясь в имена и скупые знаки, вычитанные на прялках, достроить смыслы, вкладываемые в эти надписи» [4]. Каждое стихотворение отличается лаконичностью и ёмким смыслом. На уроке класс можно разделить на группы, каждой из которых достанется по одному тексту из раздела. Задача обучающихся – зафиксировать специфические черты региональных текстов Леты Югай в разделе «Надписи на прялках»: 1) предельная лаконичность (4-5 строк), 2) необычное графическое оформление («Х Крестик», где первые два слова – имитация предмета: «Хвоя / Хорошая защита от зайцев...», по такому же типу построено стихотворение «О (Круг)»: О / фото / в овале...»), 3) необычное деление стиха: «дома/ водой/ изозераумываться/ землю/ рукамиводельывать/ ногамиисхаживать/ огонь / деревьямикормить/ назазлонкузапирать/ воздух/ ложкамиесть». На примере стихотворения «От Ивана Анне» учащиеся закрепляют тему звукописи (понятия ассонанса и аллитерации): «Ангел лег наА / Небо колоколеН / На дон, но даН / Акорд рокаА: / Анна, Анна / Начала чаН / Нот нежен тоН / А ты раскрытА / Аня – тайнаА / Но взора звоН / На думу даН / Ах, и ты тихА».

В 5-6 классах для изучения можно предложить учащимся стихотворения другого вологодского поэта – Наты Сучковой [3]. Предварительно учителем должны быть отобраны тексты, соответствующие возрастным критериям и литературоведческим способностям учащихся. Так, изучая тему «Мир животных в литературе Вологодского края», предлагаем сравнить стихотворения Наты Сучковой «Дремлет телёночек му-шоколадный, крыша сарая – под снегом...», «Спит Адам в саду соседском...» со стихотворениями поэтов русской литературы XX века – С.А. Есенина «Песнь о собаке», И. А. Бунина «Змея», Н. С. Заболоцкого «Лицо коня», Б. Заходера «Памяти моего пса». Здесь параллельно должно быть обязательно рассмотрено понятие «художник-анималист».

Тексты Наты Сучковой знакомят учащихся с православной культурой. В стихотворении «Идёт Никола Зимний – / В сугробах тают плечи...», применяя методику критического анализа посредством «толстых» и «тонких» вопросов, учитель знакомит учащихся с праздником святого Николая Угодника. Главное – это показать, как сам текст подсказывает читателю смысловую доминанту: «Идет Никола зимний – / в сугробах тают плечи...». Праздник святого Николая Угодника по традиции отмечают два дня: первый – 19 декабря (этот день носит названия праздник Николая Угодника зимнего) и весной – 22 мая. Николай Чудотворец славился великим милосердием: «Тепло от тонкой свечки,/ он греет всех, неважно – / в поддёвке ли овечьей,/ в футболке ли бумажной». Важно обратить внимание

на совмещение реального (земного) и ирреального (небесного) в поэзии Наты Сучковой: «...похож Никола зимний / на деда Николая...».

В 9 классе для анализа можно предложить прозаические тексты Наты Сучковой [4]. Небольшой рассказ «Лисенок» позволяет учащимся увидеть многогранность таких категорий, как время и цвет. Воспоминания сопровождаются «спокойным мелированием-колорированием». Если время в повествовании медленно идет в воспоминаниях назад, то цвет волос героини возвращается к исходному природному. Учащимся по ходу комментированного чтения можно предложить составление опорных схем, где можно фиксировать временные и цветовые изменения персонажей. Анализ функций времени и цвета в тексте помогает развить навыки критического анализа, расширить литературоведческий тезаурус, что пригодится в старших классах при изучении больших романов русской классики – М. М. Булгакова «Мастер и Маргарита», Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание».

На сравнительно-сопоставительном изучении можно строить уроки, направленные на раскрытие социальной и нравственной значимости родного дома и малой родины у поэтов и писателей Вологодской области. Важно объяснить обучающимся, что значат понятия «малая родина» (стихотворения Н. А. Клюева «Рождество избы» и Наты Сучковой «Хорошо ли, плохо ль за морями...»), рассмотреть связь духовного мотива детства и локуса дома (ср. И. Северянин «Сияет даль» и Ната Сучкова «у тебя в далёкой андоме, сказочной вытегре...»), проанализировать реализацию философской проблемы смысла жизни и обретения этого смысла в народной мудрости в текстах Н. М. Рубцова «Жар-птица» и Наты Сучковой «Баба Маня» (Ната Сучкова в своих текстах стремится вслед за О. А. Фокиной дать свой завет: «Хорошо ли, плохо ль за морями -/ я стою под проливным дождём,/ на земле с неровными краями,/ так уж получилось, мы живём...»). Далее можно обратиться к изображению городской и деревенской жизни в рассказе В.И. Белов «За тремя волоками» и тексту другого вологодского автора – Натальи Мелёхиной «По заявкам сельчан». Учащиеся получают возможность сравнить, какие изменения произошли в русской деревне, как автор изображает героев, чем они занимаются. Здесь также можно обратиться и к современной поэзии: так, например, Ната Сучкова посвятила данной тематике целый сборник «Деревенская проза».

Таким образом, региональный компонент делает изучаемый литературный материал, в том числе и из мировой литературы, близким и лично-стно значимым, формирует у школьников умение анализировать тексты с учетом региональной специфики.

1. Баранов С. Ю. Об отдельных заменах и перестановках в программе «Литература Вологодского края» // Интеграция бренда «Вологодская область – душа Русского Севера» в систему образования Вологодской области: метод. материалы и рекомендации. – Вологда, 2014. – С. 23.

2. Кутенков Б. «В зеркальном раю» (о книге Марии Марковой «Соломинка») // Сетевая словесность» (сетевой литературный журнал). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.netslova.ru> (дата обращения: 30.08.2015).

3. Сучкова Ната [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://belaya.livejournal.com> (дата обращения: 30.08.2015).

4. Югай Лета. Записки странствующего фольклориста. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru> (дата обращения: 30.08.2015).

Л.В. Кармановская

Вологда

ЗНАКОМСТВО С ОСОБЕННОСТЯМИ ЖАНРА РАССКАЗА-АНЕКДОТА: В. И. БЕЛОВ «МАНИКЮР»

Белов-писатель многопланов. Стремление художника работать в самых разных жанрах – в традициях русской литературы. Как из этого многообразия выбрать то, что смогло бы заинтересовать, увлечь современного школьника и как донести до нового человека (уже XXI века!) главные мысли автора, как помочь раскрыть самобытность и актуальность автора?

Целесообразно говорить с подростками и о Белове-сатирике, Белове-юмористе, в силу возрастных особенностей они более склонны воспринимать такого рода произведения. Из-под пера В. Белова вышло несколько десятков самых разных рассказов. Когда-то Василий Шукшин, «исходя из своего писательского опыта, выделил четыре основных разновидности рассказа: рассказ-характер, рассказ-судьба, рассказ-исповедь и рассказ-анекдот. Все эти разновидности нетрудно выявить и в творчестве Василия Белова» [2, с.13].

Предложим ученикам поработать над осмыслением особенностей юмора Белова на примере его рассказов-анекдотов. Это поможет и во многом пересмотреть сложившееся стереотипное отношение к жанру анекдота.

Сразу оговоримся, что такой разновидности рассказов, как рассказ-анекдот, у писателя немного. «Белов никогда не питал стойкого интереса к созданию самостоятельных произведений на основе анекдотических ситуаций. Если же иметь в виду наиболее последовательное использование писателем приёмов, свойственных именно анекдоту, то единственный в своём роде пример у него – это «Бухтины вологодские» [2, с. 13]. Однако в

целом ряде рассказов Белова можно отметить хотя бы частично воспроизведённые жанровые признаки анекдота.

В своё время М. М. Бахтин выдвинул идею о преобразовании первичных речевых жанров (РЖ) во вторичные РЖ. «Вторичные (сложные) речевые жанры... возникают в условиях более сложного и относительно высококоразвитого и организованного культурного общения (преимущественно письменного) – художественного, научного, общественно-политического и т.п. В процессе своего формирования они вбирают в себя и перерабатывают различные первичные (простые) жанры, сложившиеся в условиях непосредственного речевого общения» [3, с. 252].

Актуальность темы работы определяют следующие факторы: 1) возрастающий в современной лингвистике интерес к изучению художественного текста как целостного, самостоятельного образования, функционирующего по собственным законам (И. В. Арнольд, И. Р. Гальперин, Ю. М. Лотман и др.); 2) комплексная, углублённая работа с текстом востребована в современной школе, в т. ч. как важная составляющая при подготовке к экзаменам по русскому языку в выпускных классах.

Цель – выстроить методику работы с учащимися по обучению основам исследовательской и проектной деятельности на уроках литературы (с учётом требований ФГОС).

Достижение цели предполагает решение следующих задач:

1. Выявить и рассмотреть жанровые признаки первичного РЖ анекдота и средства их воспроизведения во вторичном РЖ.

2. Выработать методику исследования рассказа-анекдота В. И. Белова (на примере рассказа «Маникюр»).

3. Создать технологическую карту подготовки к уроку внеклассного чтения по литературе.

В работе с текстами использована *методика сопоставления*: поэтапное движение от жанровых признаков первичного РЖ анекдота к жанровым признакам анекдота, воспроизведённым в художественно-речевой структуре рассказов-анекдотов через средства, рассмотренные на разных уровнях вторичного текста.

Источником исследуемого материала являются тексты рассказов-анекдотов В. Белова (8 произведений) из сборника «Целуются зори...»: «Старый да малый» (1964), «В дороге» (1965), «На вокзале» (1970), «Маникюр» (1972), «Жалоба» (1972), «Просветление» (1972), «Рыбацкая байка» (1972), «У переезда» (1973).

1. Анекдот как жанр, его признаки

«Анекдот (греч. «anekdotos» – неизданный) – остроумный рассказ-миниатюра с эффектной концовкой, нередко политически окрашенный; жанр преимущественно городского фольклора» [4, с. 745].

Рассмотрим основные признаки анекдота с точки зрения условий функционирования и содержания.

С точки зрения *условий функционирования* в первичной среде его бытования, не следует забывать, что анекдот – устный РЖ. Следовательно, признаками анекдота как устного жанра будут *ситуативность, уместность, смеховость* (желание насмешить и услышать смешное). Устная природа РЖ анекдота требует от говорящего не только уместной, но и умелой его передачи: определённого темпа изложения и артистизма: необходимо сыграть анекдот, показать его *игровое начало*. Это сближает анекдот с таким фольклорным жанром, как народный театр.

С точки зрения *содержания* для РЖ анекдота характерно выделение тематических групп, или серий анекдотов (политические, медицинские, школьные и пр.) Иногда серия объединяется общим действующим лицом, общим героем. В любом анекдоте есть своя *характерность*: чётко узнаваемая, типичная черта либо какого-то исторического лица, либо национальные особенности героев анекдота. Характерность тесно связана с *правдивостью* РЖ анекдота.

Одним из важных признаков анекдота, выделяемых исследователями, является *парадоксальность* – способ построения сюжета, основанный на словесных или ситуативных недоразумениях или совпадениях. Как правило, сюжетный парадоксальный поворот сдвинут к концу повествования, следуя «закону последнего слова» в анекдоте. Как отмечает Е. Я. Курганов, финал анекдота – это пуантом, его острие, которое «изнутри взрывает сюжет, заставляя его играть и искриться» [5, с. 6].

С *формальной точки зрения* выделим признак *краткости*. Этот признак разные исследователи определяют по-разному: «небольшой объём», «лаконизм формы», «сжатость сюжета». Данные определения подчёркивают такое свойства анекдота, которое можно назвать динамизмом РЖ анекдота. Как отмечает В. П. Скобелев, в анекдоте «экспозиция стремительно выводит к кульминации, а та... наступает на пятки развязке» [7, с. 53]. Чаще всего анекдот построен на диалоге, прямой речи персонажей и кратких «авторских» ремарках, называющих героев, место и время действия. Диалоги, прямая речь доминируют в речевой структуре анекдота, так как именно здесь скрыто то, что называют «изюминкой» анекдота.

Для дальнейшей работы из ряда выделенных признаков РЖ анекдота выберем признаки *смеховости* как основной цели и реакции на сообщение, *игрового начала*, заключающего в себе способ функционирования РЖ анекдота, *парадоксальности* и *краткости* как яркие характеристики, активно влияющие на содержательную и формальную стороны жанра.

2. Преобразование жанровых признаков первичного РЖ анекдота в рассказе В. Белова «Маникюр». Методика анализа рассказа

Известно немало случаев, когда анекдот был положен в основу новелл, рассказов, комедий. Это даёт основание говорить о способности анекдота определённым образом воспроизводиться в литературном произведении.

Рассказ В. Белова «Маникюр» был написан автором в 1972 году, основной сюжета являются воспоминания крестьянки о её поездке в Москву. *«Десять годов сбиралась... из-под коров да под самый Кремль! Поехала к брату – он у меня полковник»*. Рассказ короткий, но насыщен событиями. Здесь и блуждания героини по большому городу: *«Телеграмму-то дать постеснялась»*, встреча с братом, его искреннее желание доставить сестре радость, в результате чего она оказывается *«в главной поликмахерской»* и примеряет обновки. Затем посещение ресторана, хождение в гости *«вплоть до самого генерала»*. Чувствуя себя не в своей тарелке, героиня стремится домой. Её встреча с мужем на своей станции – финальная часть рассказа.

Жанровые признаки первичного РЖ анекдота (парадоксальность, краткость, игровое начало и смеховость) воспроизводятся в рассказе-анекдоте В.Белова «Маникюр» на всех уровнях организации его текста [Прил. I]. Приведём примеры.

Парадоксальность рассказа-анекдота «Маникюр» на сюжетном уровне проявляется в неожиданных сюжетных ходах, построенных на непредсказуемом поведении героини, и неожиданной концовке рассказа. Логично было бы услышать от рассказчицы впечатления от Москвы (*«Меня и на спектакли зовут, меня и везде...»*), но этого нет. Природная скромность героини: *«Куда меня такую растрёпу? Лучшие уж дома держат, не показывать»* – преодолевается по-военному чётким решением брата: *«А вот мы из тебя сейчас такую мадаму сделаем!»* Казалось бы, какая женщина устоит перед возможностью сделать себя краше? Завивка, маникюр, модные туфли... Но превращение в «мадаму» не состоялось. Вместо этого слёзы: *«Как поглядела в зеркало-то... Я ли не я? Да и заревела ещё пуще»*. Новое обличье для героини оказалось ещё большим испытанием: внешнее и внутреннее не совпадают! *«Вот, познакомьтесь, родная сестра! А родная сестра слова сказать не может, ступить боится»*. Её скорый отъезд домой – попытка вернуться к самой себе, к привычному миру.

Парадоксален и финал рассказа. Читательские ожидания увидеть радостную встречу героини с роднёй не оправдываются. Встреча с мужем на станции внешне очень сдержанна. И, наконец-то, получен ответ на вопрос, который волновал доярку всё то время, что её не было дома: *«Не отелились коровы-то?» – «Отелились, – говорит, – все три»*.

Особенности лексического уровня прозы В. Белова обусловлены тесной связанностью языка писателя с народной языковой культурой, с её диалектами. В исследуемом рассказе парадоксальность воспроизводится в лекси-

ческих средствах, содержащих семантические характеристики со- и противопоставления главной героини:

*девушка – гражданка – тётка – растрёпа – мадама
экие-то капарули!* (Прим.: о своих руках) – *Как я коров-то буду до-
ить? Эткими баскими?* (Прим.: после маникюра)

Краткость в рассказе-анекдоте Белова реализуется в стремительности, динамизме повествования, в повышенной роли подтекстного содержания.

На сюжетном уровне рассказа «Маникюр» в воссоздании динамизма повествования участвуют: однолинейность сюжета, направленность на одно событие, на один характер; отсутствие растянутого зачина. Читатель с первой фразы посвящается в суть дела («*Ох, уж не утерплю, расскажу, как я в Москву-то слетала!*»); приближение, смещение кульминации рассказа к его концовке; употребление ситуативных (ролевых) номинаций для идентификации персонажей: *брат, сестра, генерал*. Такой приём также характерен для первичного РЖ анекдота.

На композиционно-речевом уровне особую роль в воспроизведении краткости и динамизма играет прежде всего диалог. Диалоги, передаваемые рассказчицей (с москвичами, с братом, с мужем), раздвигают границы текста, расширяя и углубляя его. Кроме того, композиционно-речевой слой рассказа-анекдота «Маникюр» отличается отсутствием пейзажа, описания внешности главной героини.

На синтаксическом уровне признак краткости как динамизм повествования воспроизводится средствами, характерными для «живой» разговорной речи: преобладанием простых предложений над сложными; большим количеством односоставных и неполных предложений («*Стою, гляжу – бежит!.. Пробежал мимо.*».)

На лексическом уровне текста краткость (динамизм) текста обеспечивается за счёт подтекстовой семантики отдельных слов, что вызывает ассоциации у читателя и сохраняет краткость текста при сложной смысловой насыщенности: «*Руки-то мои оклали в блюдо с тёплой водой, видать, отмачивать. Экие-то капарули!*» Писатель удачно использовал диалектное слово, которое подчёркивает не просто деталь внешнего облика, но и помогает представить отчасти все тяготы труда доярки. *Капаруля, копоруля* (от глагола *копать*) – заступ, устройство для копания картошки; небольшое орудие с прямой ручкой и металлическими прутьями. Возможные варианты слова: *капарулька*.

Признак **игрового начала** может пониматься как театральность и как воплощение игровой речевой деятельности человека говорящего.

На сюжетном уровне воспроизведению игрового начала способствует и употребление ролевых «партий». Каждый персонаж рассказа стал ярким действующим лицом в спектакле-монологе героини и автора рассказа. К игровому началу можно отнести и элемент «узнавания» мужем преобразённой героини: «*Я стою: узнает аль не узнает?*»

На синтаксическом уровне организации текста для создания речевой маски героини используется обилие вопросительных и восклицательных предложений, подчёркивающих эмоциональное состояние.

Признак **смеховости** в первичном РЖ анекдота признаётся основной целью говорящего. Воспроизведённый в рассказе-анекдоте В. Белова, этот признак перестаёт быть таковым: у писателя нет цели только насмешить читателя. Воспроизведённая смеховость – это способ взглянуть на проблемы духовно-нравственной жизни.

В рассказе «Маникюр» признак смеховости на сюжетном уровне воспроизводится в попытке надеть на главную героиню маску, которая ей в тягость, создаёт внутреннее напряжение, дискомфорт: *«Не надо и гостинцев, поскорей бы домой. Как вышла на своей-то станции, так сердце и зашлось»*.

Преобразование признака смеховости при воспроизведении во вторичном РЖ касается и концовки рассказа. Он дважды (!) пробегает мимо, не узнавая (!?) жену, а когда всё же узнаёт её в «мадаме», то даже теряет: *«Обнимать аль погодить?»* А она поддразнивает мужа, забыв уже о своих страданиях в столице: *«А вот, не всё тебе на народе форсить, в другой раз и не так крашусь!»*

На синтаксическом уровне организации рассказа смеховость воспроизведена с помощью приёма, подчёркивающего, что эпизоды поездки в столицу остались ярким воспоминанием в жизни героини и что она с юмором вспоминает об этом, каждый раз переживая все детали заново. Её эмоциональный рассказ – на одном дыхании. Именно этим может быть объяснено отсутствие абзачного членения текста.

На лексическом уровне организации текста рассказа «Маникюр» смеховость воспроизводится следующими средствами: использование просторечной лексики: «обрадел» (обрадовался). «квартира» (квартира), «поликмахерская» (парикмахерская); разные образные средства и фигуры речи: сравнения: *«Слёзы-то из меня как горох...»*; метафоры: *«Вышли на волю-то (из парикмахерской – прим.), поуспокоилась...»*

Методика анализа рассказа «Маникюр» (рассмотрение средств воспроизведения жанровых признаков анекдота) может быть применена и к другим произведениям.

К собственно рассказам-анекдотам могут быть отнесены: «Маникюр», «Старый и малый», «Жалоба», «Рыбачья байка». В художественно-речевой структуре других рассказов наблюдается выдвижение одних/одного признаков/признака и нейтрализация (неполное проявление) других.

3. Проектирование урока

Проведённая работа показывает, что на уроке по выбранной теме учителю предстоит обучать своих воспитанников филологическому анализу. Основным методическим приёмом будет замедленное чтение, в т.ч. лингвистический комментарий текста.

Ввиду того, что произведение будет рассматриваться с разных позиций, целесообразно организовать на уроке самостоятельную работу в группах. Каждая группа выявляет средства воспроизведения жанровых признаков анекдота на сюжетном, композиционно-речевом, синтаксическом и лексическом уровнях в соответствии с признаками *парадоксальности, краткости, игрового начала и смеховости*. Состав группы – 5-6 человек. Итог коллективной работы в каждой группе – продукт, оформленный в виде слайдов для создания макета презентации (общего результата). Основные этапы подготовки к уроку представлены в технологической карте [Прил. 3].

Не забудем и про осмысление такого важного элемента произведения как заглавие. «...заглавие прозаического произведения...является некоторой концентрацией смысла...» [1, с. 28], в нём также проявляется авторская позиция. «...название рассказа «Маникюр», пожалуй, метафорично... Маникюром называется не только окраска ногтей, а вообще всё внешнее и необязательное, которое в общем-то не меняет существа, почему и прекрасны и близкая к миру природы бесхитростная пожилая доярка, и её муж, о котором и сказано-то всего несколько слов, и её городской брат» [6, с. 147].

В качестве домашнего задания можно предложить (на выбор): оформление слайдов презентации; написание сочинения о признаках анекдота в других рассказах Белова (из предложенного списка); создание буктрейлеров к юмористическим рассказам; сопоставление рассказа «Маникюр» с рассказом-анекдотом В. Шукшина «Дебил».

Рассказы-анекдоты Василия Белова о жителях деревни органично вписались в контекст литературы нашего региона, позволяя увидеть ум, талантливость, чувство юмора и неистощимый оптимизм простого человека из северной русской глубинки.

Литература

1. Арнольд И. В. Значение сильной позиции для интерпретации художественного текста. // Иностранный язык в школе. – 1978. – №4.
2. Баранов С. Ю. О рассказах В. И. Белова // Белов В. И. Душа бессмертна: Книга рассказов. – М., 2010.
3. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1986.
4. Большая Российская Энциклопедия. – М., 2005.

5. Курганов Е. Я. «У нас была и есть устная литература...» // Русский литературный анекдот конца XVIII – начала XIX века. – М.: Художественная литература, 1990.

6. Пудожгорский В. К. Жанровое своеобразие рассказов В. Белова // Пудожгорский В. К. Жанрово-композиционное своеобразие реалистического повествования. – Вологда, 1982.

7. Скобелев В. П. Поэтика рассказа. – Воронеж, 1982.

Приложение 1

	Сюжетный уровень	Композиционно-речевой	Синтаксический уровень	Лексический уровень
<i>Парадоксальность</i>	- неожиданные сюжетные ходы, - непредсказуемость поведения героя, - неожиданная концовка	- переплетение речи субъекта повествователя и других персонажей в передаваемых диалогах	- неожиданность «своего» и «чужого» голосов в одной синтаксической конструкции	- контекстные антонимы и синонимы
<i>Краткость</i>	- краткость зачина, - однолинейность сюжета, - одно событие, один характер, - кульминация в концовке, - употребление ситуативных (ролевых) номинаций для персонажей	- отсутствие пейзажа, описания внешности, - диалоги, - глаголы говорения	- простые предложения, - односоставные и неполные предложения	- повторы слов, - использование подтекстовой семантики слов, - полисемия
<i>Игровое начало</i>	- употребление ролевых «партий», - номинация социальных ролей при отсутствии имён собственных	- монолог с включением ролевых диалогов,	- вопросительные, восклицательные предложения, - порядок слов в предложении	- переносные значения слов, - элементы недосказанности (подтекстная информация)
<i>Смех</i>	- использование чужой «маски», - гиперболы	- семантически несоч. слова в контексте	- отсутствие абзацного членения текста	- просторечие диалектизмы, - сравнения метафоры градация

Технологическая карта подготовки к уроку-исследованию
Структурный план

1.	Краткая характеристика	Название: Юмористические рассказы В. Белова. Рассказ-анекдот в творчестве писателя. Возраст обучающихся: 8(9) класс. Занятие – урок внеклассного чтения. Продолжительность работы: 2 недели (14 дней)
2.	Цель, задачи учебной деятельности, формируемые УУД.	Цель: обучение методике групповой работы при анализе художественного текста. Задачи: Популяризировать творчество В. Белова. ▪ Обучать приёмам работы с художественным текстом: через поэтику к проблематике. ▪ Развивать коммуникативные качества в процессе совместной работы с учителем, одноклассниками Формируемые УУД: Личностные: мотивация: узнать новое о знакомом (жанровой природе произведений); проявление ответственности; умение наблюдать, делать выводы и видеть перспективы работы. Познавательные: поиск и структурирование материала, анализ результатов и выбор способов их оформления . Регулятивные: выбор средств для реализации задачи, работа по плану; критериальная самооценка деятельности. Коммуникативные: умение слушать собеседника, участвовать в диалоге; согласование своих действий с действиями других; умение выступать.
3.	Предварительная подготовка учителя.	Учитель мотивирует учащихся; определяет источники информации, технические возможности для демонстрации приёмов оформления и презентации коллективной работы.
4.	Мотивация учеб.работы.	Основная идея: интрига: доказать, что отдельные рассказы В. Белова можно отнести к жанру рассказа-анекдота.
5.	Определение результата	Создание макета презентации

6.	Планирование работы.	Подготовка технологической карты, ознакомление учащихся с планом действий. Критерии оценки 1. Количество прочитанных текстов. 2. Степень активности. 3. Качество выполненного дом. задания (сочинение, презентация – по выбору). Оформление: формат, кегль, объём, иллюстрации) План работы над проектом с указанием сроков поэтапного выполнения.		
			Срок исполнения	Действия учителя
		Этап 1 Мотивационный	За 2 недели до проведения урока.	Предлагает тему, помогает в постановке цели, задач, в составлении плана
		Этап 2 Практический. Этап реализации задания (поиск и работа с источниками).	10 дней. Самостоятельное чтение предложенных рассказов.	Планирует инд. и групповые задания. Помогает в подборе материала, источников, в формировании группы.
		Этап 3 Аналитический Презентационный	Урок – исследование (2 часа)	Осуществляет работу координатора
		Этап 4 Аналитико-рефлексивный	3 дня Выполнение дом. задания с учётом полученных на уроке знаний.	Предлагает нестандартные задания. Ставит вопросы
7.	Проведение урока-исследования	Необходимая консультативная помощь (индивидуальные консультации); необходимые умения, способы работы (технологии): Умение находить информацию, отбирать и использовать материал. Умение оформить работу. Выступления учащихся с результатами своих наблюдений по теме. Обмен мнениями.		
8.	Рефлексия	Перечень вопросов для организации рефлексии деятельности: - доволен ли ты своей работой в группе; - как ты справился с возникшими проблемами; - что нового ты узнал и что научился делать на уроке.		
9.	Оценка эффективности учебной деятельности	Анализ реализации поставленных целей. Планируемые результаты: – <i>Предметные:</i> формирование навыков анализа текста; <i>Личностные:</i> расширение читательского кругозора, формирование культуры умственного труда; <i>Метапредметные:</i> обучение целеполаганию и умению планировать рабочую деятельность.		

ФОЛЬКЛОРНЫЕ ТЕКСТЫ КАК МАТЕРИАЛ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ДЕТСКОЙ РЕЧИ

Овладение родным языком является самым важным приобретением ребенка, так как развитие речи у детей тесно связано не только с «интеллектуальным развитием, но и с формированием характера, эмоций и личности в целом», как писал Л. С. Выготский. Вместе с тем, говоря о роли языка и речи в развитии личности ребенка, следует помнить, что, по словам А. Н. Леонтьева «хотя языку принадлежит огромная, действительно решающая роль, однако язык не является демиургом человеческого в человеке» [Леонтьев, 1981]. Творцом человека выступает конкретная предметно-практическая деятельность, в процессе которой дети взаимодействуют, вступают в различные формы общения. Иначе говоря, по словам Горького, «...рука учит голову, а затем поумневшая голова учит руки, а умные руки снова и уже сильнее способствуют развитию мозга» [Гиппиус, 2001]. Ценнейшие советы по развитию речи и мышления детей даёт К. Д. Ушинский: «Воспитание, созданное самим народом и основанное на народных началах, имеет ту воспитательную силу, которой нет в самых лучших системах, основанных на абстрактных идеях или заимствованных у другого народа». Поговорки, прибаутки, потешки, скороговорки – все эти жанры народного творчества, как считает К. Д. Ушинский, развивают в детях чутье к ритму и звуковым красотам родного языка [Ушинский, 1945].

Приведённые выше мнения во многом определяют сущность программы раннего эстетического образования для детей 3-4 лет «Детской школы искусств (хореографическая) «Пируэт» г. Вологды «Развитие речи. Театральные игры». Это, в первую очередь, деятельностный подход, разрабатываемый в работах А. Н. Леонтьева, Л. С. Выгодского, Д. Б. Эльконина, который реализуется в театрализованной деятельности, когда ребенок не просто наблюдает за чем-то со стороны, например, животным или растением, а сам становится этим животным, двигается как оно, издает такие же звуки. Это обращение к произведениям народного творчества: сказкам, загадкам, потешкам, пестушкам, играм для самых маленьких типа «сороки-вороны». Наши мудрые предки заметили таинственную связь между развитием ручек малыша, его двигательных способностей и развитием его речи и интеллекта. И то, что сейчас именуется словом *логоритмика* (комплексная методика преодоления речевых отклонений, включающих сопряженные музыкально-ритмические (музыкотерапия) и лечебные физические упражнения (кинезитерапия), а также собственно логопедические упражнения), давно и успешно реализовывалось в народном творчестве. Лого-

ритмика возникла как активная терапия с целью преодоления речевых нарушений путем развития, воспитания и коррекции у детей с речевой патологией двигательной сферы в сочетании со словом и музыкой. Она является составным звеном лечебной ритмики, основы которой были заложены еще в конце XIX века швейцарским композитором и педагогом Э. Жаком-Далькрозом. Сначала это учение использовалось в работе с заикающимися дошкольниками, позже при коррекции различного рода афазий. В 60-е годы XX века Г. А. Волкова разработала систему логоритмического воздействия, ориентированную на работу со всеми формами речевой патологии, за исключением нарушений письма [Волкова, 2003]. Определяя сущность своего учения, Э. Жак-Далькроз писал: «Пространство и время наполнены материей, подчиненной законам вечного ритма» [Жак-Далькроз, 2006]. Ритм выступает как некая универсальная категория. Это на интуитивном уровне чувствовали наши предки, оставившие в наследство потомкам многочисленные образцы ритмизованных текстов – песен, потешек, детских игр и пр.

Разработанная нами программа ориентируется также на методы и приемы арттерапии, которая, по мнению Е. А. Медведевой, представляет собой «совокупность психокоррекционных методик, как принадлежащих к определенному виду искусства, так и являющихся технологией адаптивного, профилактического, лечебного и коррекционного применения» [Медведева, 2001]. В процессе работы с детьми мы ориентируемся на игровые методики, используя большое количество народных игр, включая в работу арсенал дидактических игрушек. Всё это создает возможность для формирования гармоничной личности маленького человека, овладения им родным языком, с его традициями и красотами.

Активное пополнение лексического запаса детей происходит в процессе их участия в *тематических играх*. Одна из них – народная игра «Комарики». Дети, повторяя слова игры *«дарилки-дарилки, злые комарики вились, кружились, в ЩЕЧКИ вцепились!»* и показывая ручками комариков, пощипывают себя за названную в игре часть лица или тела. Таким образом, наряду с самомассажем, немаловажным для развития ребёнка, происходит запоминание слов-названий частей лица и тела. Злые комарики «кусают» за щечки, коленки, локоточки и т.д., а дети запоминают слова. Важен также применяемый здесь приём т.н. «якорения»: в момент называния части тела на неё оказывается физическое воздействие – пощипывание. Пальчиковая игра «Сорока-ворона» помогает детям изобразить, как они кушают кашку, которую сварила сорока, выяснить, какая каша у них любимая, что они еще любят кушать, тем самым осваивая лексику тематической группы «пища». В игровой форме происходит реализация сразу нескольких педагогических задач: во-первых, стимуляция нервных окончаний ладошки и развитие мелкой моторики, во-вторых, артикуляционная гимнастика в момент ими-

тирования пережевывания пищи, а в-третьих, работа, ориентированная на развитие словарного запаса ребёнка.

Используя метод *сопряженного проговаривания* вместе с педагогом потешек, прибауток о животных, маленькие дети легко запоминают их названия. Игры, текстовой основой которых являются потешки и прибаутки о животных, имеют ярко выраженную ритмизацию движений: дети в процессе игры подражают движениям и голосу животного, копируют его привычки и повадки.

Рано-рано поутру
Пастушок: «Ту-ру-ру-ру!»
А коровки в лад ему
Затянули: «Му-му-му!»
Ты, Буренушка, ступай,
В чисто поле погуляй,
А вернешься вечером,
Нас напоишь молочком.
Наши уточки с утра –
Кря-кря-кря! Кря-кря-кря!

Наши гуси у пруда –
Га-га-га! Га-га-га!
А индюк среди двора –
Бал-бал-бал! Балды-балда!
Наши гуленьки вверху –
Грру-грру-грру-у-у-у!
Наши курочки в окно –
Ко-ко-ко-ко-ко-ко!
А как Петя-петушок
Рано-рано поутру
Нам споет ку-ка-ре-ку!

Рассматривание игрушек как метод уточнения, закрепления и активизации словаря является очень эффективным. Игрушки предоставляют большие возможности для закрепления представлений, которые дети получили из жизни опытным путем, и для обусловленных этими представлениями слов [Тихеева, 1981]. Содержание и подбор игрушек определяются задачами речевой работы. Для развития словаря используются различные категории игрушек: люди, животные, птицы. Рассматривая кукол в народных костюмах, например, коллекционной серии издательского дома Де Агостини [Куклы в народных костюмах], дети знакомятся с их нарядами, запоминают названия элементов одежды: сарафан, фартук, рубашка, сапожки и т.д. Занятия с дидактическими куклами стимулируют речевую активность детей, способствуют речевому подражанию, тем самым развивая коммуникативную функцию речи. Работа с куклами в народных костюмах способствует расширению кругозора детей, формированию у них уже в раннем возрасте интереса к культуре и традициям разных народов.

На занятиях мы также активно используем метод *загадывания и отгадывания загадок*. Он позволяет эффективно упражнять ум, развивать мыслительные способности, углублять и уточнять знания о предметах и явлениях. Загадки, наряду с другими малыми формами фольклора, помогают детям осваивать образный строй русской речи, овладевать выразительными средствами языка. Отгадывание загадок на наших занятиях также со-

проводится введением новых слов: в момент отгадывания загадки и новые слова запоминаются успешнее.

Незаменим в работе по раннему развитию речи и метод *заучивания и произношения скороговорок*. Дети проявляют активный интерес к подобным упражнениям. В этот момент, помимо работы над произношением звуков и тренировки артикуляционного аппарата, также активно усваиваются и новые слова и понятия.

И, наконец, неоценимую помощь педагогу оказывает *работа со сказкой*. На занятиях дети не только слушают сказки, но и тут же вместе с педагогом разыгрывают их. Помня о том, что психологи справедливо критикуют многие методики раннего развития речи за механическую, бездумную повторяемость речевых действий, можно избежать этого недостатка. Когда ребенок должен несколько раз произнести слова своего персонажа (мышки, лисички, волка и др.), сначала можно просто повторить текст, без движения, потом разнообразить его мимикой, далее включить движение, создать необходимые мизансцены и пр.

Неоценимую роль в развитии детской речи играет разучивание различных песенок, попевок, игр с пением и танцевальными движениями, типа хороводной игры «Зайныка, попляши». Музыка, как известно, оказывает самое сильное эмоциональное воздействие, а эмоциональная память гораздо сильнее механической. Поэтому на всю жизнь врезаются нам в память выученные в детстве песни: «Как на тоненький ледок выпал беленький снежок», «Жили у бабуси два веселых гуся» и др.

Комплексное использование всех перечисленных методов на занятиях по программе «Развитие речи. Театральные игры» позволяет в игровой форме активно обогащать словарный запас детей, решая при этом задачи по всестороннему развитию познавательно-речевой деятельности и образного мышления ребенка в рамках воспитания гармоничной личности в традициях национальной культуры русского народа.

Литература

1. Волкова Г. А. Логопедическая ритмика. – М., 2003.
2. Гиппиус С. В. Тренинг развития креативности. Гимнастика чувств. – СПб., 2001.
3. Жак-Далькроз Э. Ритм. – М., 2006.
4. Куклы в народных костюмах. Вып. 1–90. – М.: Де Агостини, 2012–2015.
5. Леонтьев А. А. Проблемы развития психики. – М., 1981.
6. Медведева Е. А., Левченко И. Ю., Комиссарова Л. Н., Добровольская Т. А. Артпедагогика и арттерапия в специальном образовании. – М., 2001.
7. Тихеева Е. И. Развитие речи детей раннего и дошкольного возраста. – М., 1981.
8. Ушинский К. Д. Избранные педагогические сочинения / Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии (1861). – М., 1945.

ОТРАЖЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ВОЛОГОДСКОЙ ПОЭЗИИ: ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В региональной картине мира можно выделить различные компоненты: а) имеющие ярко выраженную региональную специфику, то есть фиксирующие информацию, уникальную для того или иного региона; б) представляющие собой элементы «провинциального» мировосприятия и не являющиеся специфичными для отдельно взятого региона.

Цель настоящей статьи – реконструкция относительно стабильных элементов локальной картины мира, отмеченных выраженной региональной спецификой в поэтических текстах современных вологодских авторов. Художественное осмысление региона выступает в этом случае как один из источников определения актуальных сведений о крае [1, с. 124].

В данной статье анализу подвергаются поэтические тексты вологодских поэтов Наты Сучковой, Леты Югай, Марии Суворовой.

Ната Сучкова (род. 12 марта 1976 года, Вологда) – член Союза российских писателей с 1998 года, живёт в Вологде, окончила Литературный институт им. А.М. Горького, является автором книг «Лирический герой» (2010, сборник удостоен Малой премии «Московский счёт» как лучшая дебютная книга), «Деревенская проза» (2011, книга удостоена специальной премии «Московский счёт» 2011 года, специальной премии Международного симпозиума «Волошинский сентябрь 2012»), ее стихи публиковались в журналах «Новый мир», «Знамя», «Арион», «Октябрь», альманахах «Вавилон», «Илья», «Алконостъ» и т. д.

Достаточно часты в текстах Сучковой топонимы (названия географических пунктов – городов, деревень, сел) и гидронимы Вологодской области, а также урбанонимы в описаниях непосредственно областной столицы. Лексемы данных семантических групп отражают объективные сведения о крае. Вместе с тем «проникновение» их в поэтические тексты свидетельствует о значимости объектов, названных этими словами, для автора: *«Вон огородик соседа: / насека, пара овец, / в карте зелёной читается бледно / надпись "Череповец"»*; *«Неспешная речка Тошня – деликатный отжим, а бабы бельё полощут – поди сдержи!»*; *«...у тебя в далёкой андоме, сказочной вытегре в замке о семи окнах, едущем на дровах, голубые половики, за сто лет повытертые, и на гвозде чёрного тетерева убитая голова»*; *«По улице Гагарина с продлёнок на улицу Гончарную, где праздник, стоит октябрь, стоит, как дошколёнок, а я бегу, бегу, как второклассник...»* [3]. Подобные топонимы употребляются только в прямом значении и ис-

пользуются для описания ситуаций, являющихся значимыми не только для автора, но и многих жителей региона.

В поэтических описаниях Сучковой нашли отражение и специфические региональные промышленные реалии. Область является одним из крупных производителей молока, на ее территории расположены старейшие молочные предприятия (ср.: ОАО «Сухонский молочный комбинат»). Эти факты получили поэтическое переосмысление, составив важные поэтические детали текстов: «...*две молочницы стоят, икрами белеют, и клубится молоко в тучных облаках*»; «*Чуть дребезжа на ухабах и кочках, в синее небо влетает легко зилковский белый звенящий бидончик с синими буквами "МОЛОКО"*»; «...*эта девочка сделана из сгущённого молока, до чего она белая! С этикеткой джинсовой Сухонского МК, с голубою заплаткою, эта девочка сделана из сгущённого молока – до того она сладкая*» [3]. Последний пример – яркая поэтическая отсылка к региональным брендам: сгущенное молоко – известный продукт сокольской промышленности. Указанный региональный оним со всей очевидностью может быть отнесен к единицам, отражающим общие, фоновые знания, объединяющие представителей региона (прецедентный региональный оним). Употребление подобных единиц, метонимически отсылающих к образу вологодской земли, частотно и выступает в качестве продуктивного приема репрезентации регионального сознания автора.

В некоторых случаях субститутот Вологодского края выступает имя собственное, например – теоним. В стихотворении «*Идёт Никола Зимний – / В сугробах тают плечи...*» [3] речь идет о празднике святого Николая Угодника. Церковь Святого Николая Чудотворца во Владычной слободе – один из старейших сохранившихся храмов города Вологды. Праздник святого Николая Угодника по традиции отмечают два дня: первый – 19 декабря (этот день носит названия праздник Николая Угодника зимнего) и весной – 22 мая. Николай Чудотворец славился великим милосердием: «*Тепло от тонкой свечки, / он греет всех, неважно – / в поддёвке ли овечьей, / в футболке ли бумажной*» [3]. Важно обратить внимание на совмещение реального (земного) и ирреального (небесного) в поэзии Наты Сучковой: «...*похож Никола зимний / на деда Николая...*». Николай Чудотворец на Вологодчине является наиболее чтимым святым. Именно поэтому неслучайно в текстах Сучковой столь частое обращение к его имени в разных вариациях и огласовках: «*Живут на угоре два брата, / живут – ничего не надо. / От одной матери, / да от разных отцов, / каждый – в чужого отца лицом: / младший – красавец, старший – бугай, / один – светленький, другой – тёмненький, / одного мать назвала Николай, / а второго – Николенька*»; «*На шапке снег, и всё в снегу, плывёт двуглавый / Андрея храм: сё человек мой первозванный! / Вдали, ворочая едва язык пудовый, / Звонит во все колокола седой Никола. / И всё сверкает и парит – стоит дорога. /*

– *Что, с Новым годом, рыбаки? – Да, есть немного*» [3]. В последнем случае имеет место и отсылка еще к одному сакральному локусу Вологодчины: церковь Андрея Первозванного (Спасо-преображенская, Фрязиновская) расположена на левом берегу реки Вологды, недалеко от церкви св. Николая во Владычной слободе.

Лета Югай (род. 21 декабря 1984 года, Вологда) – выпускница Вологодского государственного педагогического университета и Литинститута им. А. М. Горького, кандидат филологических наук, член Союза писателей Москвы, победитель Вологодского турнира слема (VI фестиваль поэзии «М-8», Вологда, 2011), участник Всероссийского финала слема (III фестиваль поэзии «SlovoNova», Пермь, 2011), «Писатель года» по версии журнала «Рандеву» (Вологда, 2010). Стихи Л. Югай публиковались в газетах «Литературная Россия», «Литературная газета», журналах «Новая Юность», «Дружба народов», «Дети Ра» и др., является автором поэтических книг «Между водой и льдом» (М.: Воймега, 2010), «Где трава высока» (СПб.: Почитаем, 2010) и др.

В заявленном нами аспекте интерес представляет цикл Леты Югай «Записки странствующего фольклориста». Сам поэт занимался изучением обрядового вологодского фольклора, им успешно защищена кандидатская диссертация «Ключевые образы плача: на материале похоронных и поминальных причитаний Вологодской области».

Стихи Леты Югай коррелируют с такими малыми жанрами фольклора, как колыбельная, заговор, гадание, заклички. Например, в стихотворении «Колыбельная» автором сохраняются элементы оберега: *«Мама от рук своих не отведет глаз...», «Будешь здоровым и сильным, – думает, – но о том – молчок. Чтоб не спугнуть твое счастье, и так двоих не уберегла».* В стихотворении «Гадания» также сохраняется структура обряда: *«А на Васильевский девушки заперлись в избе / Закидывать удочки, говорить судьбе... / ... / Если выпадет хлеб – будет и дом, и хлев, / И сундук, и жар в печи, на шкафу – виноград и лев. / Выйдет кольцо – под подушкой икатулка, в икатулке – желанье... / ... / Выпадет крест – значит, гроб /.../ Печина – к печали: в голову, в печень – грусть и заботу...»* [4]. Данное стихотворение можно сопоставить как с описанием самого обряда гадания, так и его репрезентацией в балладе В.А. Жуковского «Светлана»: *«А на Васильевский девушки заперлись в избе...»* (речь идет о Васильевском вечере, во время которого было принято колядовать).

Каждое стихотворение из цикла сопровождается справочными топонимическими комментариями, например – ойконимами: «Колыбельная» – д. Андронов Вологодской области, «Гадания» – д. Нефёдово Вологодской области, «Заговор» (баня) – д. Якшинская Вологодской области; кроме того, ее тексты насыщены гидронимами: *«У нас сейчас в Яхренье русалок нет. / Русалки-ти в больших реках, в Сухоне все...»* [4].

Кроме этого, Лета Югай пишет тексты, стараясь передавать диалектные особенности северного наречия: мягкое цоканье «Кому сбудетцѣ, Не минуецѣ» («Гадания»), «нацальника» («рюшица»); ёканье «будѣт», «никакиѣ» («Заговор» баня); «ксти» («рюшица») – стяжение согласных; «бесот» («Случай»); «Русалки-ти» («Русалка»). Большинство текстов Леты Югай дают представление о народных промыслах (ср. роспись по дереву, например, и текст «Росписи»). Особенно любимым предметом для украшения среди крестьян была прялка: «С прялок, с домов с нарисованными часами, / С досок икон неуклюже спрыгивают впотьмах / Львы лупоглазые с вытянутыми носами, / С куцыми чёлками, с розами на хвостах...». Автор текста совмещает одновременно языческий и христианский топосы: «Иконописец по кости вывел святых и диво, / Чудо морское с кудрявою головой...», южную экзотику и северный климат: «И приручить, увить резными кустами / Южного зверя на северной полосе... Вечный покой, кто может его представить? / Кто видел льва в наших широтах?» [4].

Второй раздел цикла Леты Югай называется «Надписи на прялках». Автор поясняет, что «прялка (или *пряслица*, как называют на Вологодчине) сопровождала женщину всю жизнь, дарилась в знак ухаживания мужчины за женщиной, передавалась по наследству. Часто мужчины вырезали и расписывали прялки для своих любимых. Как отмечает сам поэт, «эти стихи – попытка, вживаясь в имена и скупые знаки, вычитанные на прялках, достроить смыслы, вкладываемые в эти надписи». Каждое стихотворение – отражение специфических черт региональных текстов»: 1) предельная лаконичность (4-5 строк), 2) необычное графическое оформление («Х Крестик», где первые два слова – имитация предмета: «Хвоя / Хорошая защита от зайцев...», по такому же типу построено стихотворение «О (Круг)»: О / фото / в овале...»), 3) необычное деление стиха: «дома/ водой/ изозераумывать/ землю/ руками/ возделывать/ ногами/ исхаживать/ огонь / деревьями/ кормить/ на/ аслонку/ за/ пирать/ воздух/ ложками/ есть» [4].

Мария Суворова (род. 1988, Вологда) – окончила отделение культурологии языков Вологодского государственного педагогического университета (ВГПУ), член вологодского отделения Союза российских писателей, автор книги стихов «Потерянная книга» (2009) и «Город о втором дне» (2012).

В текстах Суворовой наиболее частотны вологодские микропонимы: «Лил, лил, лил ливень, / Мария тогда жила на **Марии Ульяновой** / И не знала, где найти спасение, / Куда спрятаться от шумного уличного движения» (улица Марии Ульяновой, бывшая Афанасьевская площадь и Золотушная набережная, – улица в Вологде в историческом районе Нижний Посад, расположена в историческом и административном центре города); «Я очень хорошо помню это место: / **улицу Пионерскую** пересекает **Ленина**. / Говорили, что там жили поляки и немцы, / но меня больше интересовали всякие звери. / Тогда всё было просто: **Санта-Барбара**, ревность,

измены»; «успел обернуться за полчаса – "мир цветов" за углом, через два дома **пирожные и хлебокомбинат**»; «возможно, даже буду не права, / когда я перестану думать / о том, как возвращался, тяжело кряхтя, / раздолбанный автобус / маршрутом «музыкалка-школа-дом-торговый центр Глобус» [2].

Посредством отбора и актуализации специальных средств языка названные поэты идентифицируют себя с регионом, демонстрируя знание реалий, названий, известных жителям края. Целью использования авторами средств «регионального языка» в поэтических текстах является стремление продемонстрировать принадлежность к географическому или культурному пространству региона, выразить отношение к этой земле. В этом случае систему всех языковых и речевых механизмов, обеспечивающих региональную идентичность автора, можно рассматривать как особый, региональный языковой код, служащий активизации региональной картины мира носителей русского языка.

Литература

1. Минец Д. В., Елистратова К. А. Специфика репрезентации концепта «Русский Север» в современной вологодской поэзии (на материале текстов Наты Сучковой) // *Образы национальной ментальности в текстах Русского Севера*. – Вологда: Легия, 2013. – С. 124 – 130.
2. Суворова Мария. ЖЖ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://suvorova-maria.livejournal.com> (дата обращения: 30.08.2015).
3. Сучкова Ната. ЖЖ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://belaya.livejournal.com>. (дата обращения: 30.08.2015).
4. Югай Лета. Записки странствующего фольклориста. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru> (дата обращения: 30.08.2015).

М.М. Поляков
Вологда

ОБРАЗ ДОМА-СЕМЬИ В ПОЭЗИИ А. А. РОМАНОВА

Значительную роль в формировании целостной образной картины мира Александра Романова играет образ дома, определяющий его связи с родственниками, друзьями, коллегами, родной землей, бытом собственного и отцовского домов и поэта со своими потомками. Наблюдения над фактами языка, культурно-историческими и литературными источниками, а также анализ поэтических текстов А. А. Романова позволяют представить лексико-семантическое поле, связанное с формированием образа дома в языке и индивидуально-авторской поэтической системе. Лексико-семантическое

поле в поэтической системе А. Романова формируют ведущие и частные парадигмы слов, называющие

– строения, части постройки, помещения, внутреннее убранство и предметы домашнего обихода;

– семью, людей, живущих в доме (хозяев, домочадцев), династию, род.

Таким образом, полученная полевая структура есть отражение межтекстовых парадигматических связей слов, участвующих в создании образа дома в поэтической системе А. А. Романова.

Особенно интересна для описания образа дома как объединения родственников, семьи поэма А. Романова «Мать». Мать – центр домашнего мира поэта, устроительница лада в семье и избе. Она – центр связи детей друг с другом, с домом, родом, предками (ближайшими и далекими). Не случайно поэт пишет: *Обидеть мать, которая любя, / Тебя вскормила, – потерять себя...* [4, с. 111].

В поэме «Мать» А. Романов актуализирует в словах «мать» и «матица» их общую функцию – *‘крепко держать дом’*. Матица – основа всей конструкции верха избы дома. «Худая матка всему дому смятка». В этой пословице, отражающей прежде всего конструктивную роль поперечного бруса, проявляет себя омонимия: *матка – мать семейства; матица – потолочный брус*.

Когда уезжает хозяйка (мать), то нарушается равновесие во всем доме:

*И вот решилась. В ту минуту,
Когда сказала: «Ну, пойдём»,
Рябины дрогнули как будто
И зашатались под окном.
Сказала: «Ну, пойдём» – и села.
И не поверила себе.
И показалось, что осела
Со скрипом матица в избе...
Да, верно – матери всё могут.
И, если нужно сыновьям,
В любую пустятся дорогу,
Чтоб соль и хлеб – всё пополам* [7, с. 42].

Матица выступает символом, отражающим настроение матери, ее тесную связь с домом. Дом одухотворяется благодаря соположению действий, состояний матицы и матери.

С семиотической точки зрения матица являлась обозначением границы. Благодаря конструктивному положению, матица могла обозначать сразу две границы: между *верхом* и *низом*, между *внутренним* и *внешним*. Это определяло за матицей роль классификатора внутреннего пространства

дома. Матица могла также метонимически обозначать все строение. Ей приписывалось значение связующего начала как по отношению к конструкции дома, так и по отношению к проживающей в доме семье [1: 84].

Как видим из контекста, матица обозначает границу между внешним и внутренним пространством (*«Когда сказала: «Ну, пойдём» – И показалось, что осела со скрипом матица в избе»*). Удаление хозяина из дома переносит его в другое – внешнее – пространство и заставляет весь дом грустить. Внешние природные объекты также реагируют на действия матери: *«Когда сказала: «Ну, пойдём» – Рябины дрогнули как будто – И зашатались под окном...»*.

Примечателен образ рябины, он не раз пересекается в поэтических текстах А. Романова с образом дома: *Мать повлажневшими глазами / В тумане ищет старый дом. / Вон где уже! Далёко сзади. / Рябины — ниточки кругом* [7, с. 47].

Для славянской символики и мифологии существенна связь рябины с женским началом, темой трагической судьбы. В русских лирических песнях рябину символически сопоставляют с тоскующей, страдающей женщиной. В то же время существуют представления о родстве человека и рябины, а потому запрете срубить ее. Народные христианские традиции связывают это дерево то с распятием Христа, то с повешением раскаявшегося Иуды [8, с. 514-517]. На Русском Севере рябина в заговорах выступала посредником между человеком и потусторонними силами (могла быть оберегом от колдовства, грозы; использовалась в обрядах). Деревенские жители чтут традиции, хранят многие легенды и нередко особенно суеверны. В какой-то мере эти мифологические представления проявляют себя и в лирике А. Романова.

(1) Лишь дом остался. Старый дом.

Стоит ещё в могутной силе,

Ему ещё не страшен гром.

В какой-то сумрачной заботе,

С рябинами наедине,

Как будто говорит: «Придёте,

Ещё придёте вы ко мне [7, с. 43].

(2) Там стынет родимый дом

Большой, неуклюжий...

Повернутый кверху дном

Возле рябины...» [5, с. 47].

Поэтический мотив холода формирует в поэтической системе А. Романова трагический образ покинутого дома. Актуализация прямого и переносного значений наблюдается в приведенном контексте. Дом стынет, так

как его перестают отапливать, дом стынет и потому, что теряет жизнь с отъездом хозяев, семьи. Описание дома с помощью прилагательного «неуклюжий» создает олицетворенный образ большого, беспомощного человека, оставленного родными ему людьми. Утрату (реальную или потенциальную) родственной связи дома и человека А. Романов нередко выражает через мотив холода: *Жену обидеть – выхолодить дом / И самому обогреть потом* [4, с. 111]; *Влетела, что сквозняк, повестка – / И стало в доме холодней. / Тут посоветоваться не с кем, / Лишь только с совестью своей* [2, с. 123].

Отношение матери к дому характеризуется через родственную связь. Дом воспринимается как живой организм, близкий человек, часть семьи.

*И это сходство с дедом старым
Впервые поразило мать.
Она сказала: «Нет, не станем,
Ребята, окна забивать.
Грешно, пожадуй. Пусть сверкают,
И веселей соседям так* [7, с. 44].

Сочетание «забивать окна» в контексте стихотворения ассоциируется с закрыванием глаз покойному человеку (а значит – смертью дома).

Смысловой центр многих стихотворений – человек и родственники в доме. Субъект «мать» наполнен всегда разнообразными действиями, иногда скрытыми, которые выражаются через речь, действия и даже дыхание (вздохи) персонажа, побуждающего других субъектов дома к активным действиям (*И мать вздохнула – поедем – не будем окна забивать*).

При описании «Я – субъекта» поэт использует личное местоимение 1 лица единственного числа – «Я». Такая форма, как правило, наполнена у А. Романова нотами переживаний или волнений. Везде, где действует «Я – субъект», во внутренней форме местоимения отражается *печаль*, понимание *неспособности что-либо поправить* в ситуации, и всегда дается глубокое описание действительности.

В стихотворениях, где субъект явно не выражен, но подразумевается, А. Романов использует обычно односоставные определенно-личные предложения. Их смысловая нагрузка состоит в описании приятных воспоминаний о жизни в деревенском доме (*«Скорей разуюсь у порога, / Пройдусь по полу босиком»*; *«На лавку сяду, отдыхая»*; *В крыльце стою, тоска берет*; *И ненавижу тех, хвастливых, / Кто приезжает с похвальбой / И в дни наездов торопливых / В избе смеется над избой*; *«Пройдусь без всякого притворства: лишь мать да я – одни в избе»* [4, с. 130]).

Дом для А. Романова – средоточие жизни, память прошлого, родственные «корни» человека, то, что не отпускает, связывает настоящее с

прошлым и будущим: *«Голубеют старинными крышами/ Деревеньки и там и тут, / Здесь моя деревянная отчина, / Хоть я житель и городской»* [4, с. 34].

Мотивы памяти, становления человека, связи поколений нередко влияют в поэзии А. Романова на формирование образа дома.

*Со мной разделаться не просто,
Хоть низкоросл и темноват,
Я буду виден вам за вёрсты
Из городских домов-громад.
Ведь я – не просто дом, а память,
А ваша жизнь – года, года...
Я знаю: вас ещё потянет,
Ещё приедете сюда!»* [7, с. 44].

Дом как жизненное пространство целого рода откладывает отпечаток на характер и судьбу человека:

*Изба хоть выглядит и просто,
Да в ней не так-то просто жить.
Она веков минувших память,
Она судеб отцовских суть.
И если с прошлым полукавить,
Легко в грядущем обмануть* [4, с. 131].

Дом выступает как источник формирования характера, а отношения людей отражаются на устройстве дома: *«Кто жил в семье, тот знает: / Легко понять без слов / Характеры хозяев по облику домов»* [4].

В стихотворении «Изба» А. А. Романов воплощает образ деревенского дома, который, как и жители его окрестностей, привлекает прохожих, ведет активную жизнь, беседует с земляками. Крепость семьи предполагает память о потомках. Все это хранит дом. Глаголы со значением активного или пассивного, продолжительного во времени действия употребляются при описании своеобразной коммуникации дома и человека:

*Так здравствуй, тихая изба!
Ты, говорят, патриархальна,
И примитивна, и груба,
Не видишь будущего дали,
А только жмешься в глубь земли.
А мы и знать того не знали,
Когда в тебе, такой, росли.*

*Когда в метельный гул, бывало,
Как в теплой туче, на печи
Иль под цветастым одеялом
Шептала сказки нам в ночи,
Когда ты смалу нам внушала,
Чтоб сердцем вняли наизусть,
Какая древняя, большая
Земля отцов и дедов – Русь.
Когда с пригорка ты махала,
Чтоб нам счастливо жить и плыть...
И это, слышь, патриархально,
И это лучше бы забыть? [4, с. 130-131].*

С образом избы связано становление человека в деревенских, традиционных, патриархальных условиях. Все детство ребенка, его воспитание и обучение было связано с избой. Поэт использует краткие прилагательные при описании значимых признаков избы (*патриархальна, примитивна, груба*). Глаголы прошедшего времени с финитивным способом глаголом действия (*шептала, внушала, махала*) делают избу олицетворением учительства, наставничества, любви к Отечеству. Формируется образ избы-крестьянки (простой, но мудрой женщины).

Поэт рисует своеобразный диалог дома и его жителей. Изба воспринимается самостоятельным и главным членом семьи, собравшейся у самовара. Олицетворение создает ощущение метаморфозы: кажется, будто мать разговаривает со своим сыном:

*«Изба молчит. Лишь вьются кольца
Над самоваром все теплей.
Мол, ты с дороги успокойся
Да чаю крепкого попей.
Мол, знай одно: кто держит память,
Тот в жизни значит что-нибудь.
А дней минувших не поправить,
Но и пером не зачеркнуть.
Мол, ты теперь и сам не слабый,
И если помнишь детства дни,
В знак благодарности хотя бы
Возьми да крышу почини... [4, с. 131].*

Коммуникация человека и дома подкрепляется памятью о различных событиях. Наблюдается употребление форм как повелительного наклонения (*успокойся, попей*, конструкции «*Возьми да почини*»), так и использо-

вание форм изъявительного наклонения в значении повелительного (*помнишь* по структуре – изъявительное, в коммуникации употреблено в значении повелительного).

Интенсивность движения разговора с избой к точке кульминации, а затем к развязке как к итогу беседы у А. Романова проявляется и в существовании самого дома. Для А. Романова хранить ценности – действие продуктивное, интенсивное, не застывшее: *«Иного склада дом ... / Стоит и взглядом синим / Он смотрит на друзей / Как парень в картузе»*.

Действительно, если вспомнить быт деревенского жителя, описанный у Василия Белова, то жизнь в избе заключается в постоянной работе по ее улучшению, по облагораживанию близкого к ней пространства. Не случайно интенсивность действия, заложенная в глаголах, связанных с домом, подтверждает этот иногда прерывистый, иногда длительный процесс.

Как показывают наблюдения над текстами А. Романова, ведущими парадигмами описываемого поля выступают объединения слов со значением *‘дом – постройка’* и *‘дом – семья’*. Формирование внутритекстовых парадигм и образов связано с реализацией тех или иных поэтических мотивов (памяти, взросления, старости, одиночества, утраты и др.).

Детальное описание дома, его элементов, частей в поэзии А. Романова может характеризовать целое поселение, родное пространство: *«Голубеют старинными крышами / Деревеньки и там и тут, / Здесь моя деревянная отчина, / Хоть я житель и городской»* [4, с. 34] или позволяет обозначить ключевые точки пространства (зоны перехода, связи, объединения, пересечения), где происходит встреча родственников, семьи, друзей: *«Рванулась на крыльцо: приехал сын...»*; *«И сын со смущенной невестой, / Как с неба – на отчий порог»*; *«Слышишь, в двери снова стук. / Входит мальчик. Что за мальчик? / Здравствуй, дед! Я – первый внук»*; *«Дом для гостя распахнут по-русски, / За столом можно многих вместить»* [4, с. 58]. Любовь к родному дому, семье, деревне выражается у А. Романова через нетленную связь поколений: *«Меж ушедших и живущих / Я – единое зерно»* [3, с. 35].

Многие лирические тексты А. А. Романова нацелены на воссоздание единого образа той простой жизни, где взаимоотношения людей строились в тесной связи с семьей и с окружающей природой, центром которых является изба: *«Куда ни гляну – врублены деревни / Сплеча, с размаху в русский горизонт. / Они стоят бесхитростно и просто / И доживают век великий свой. / Деревни – родовые наши гнезда – / Омыты грозовой синевой. / Но сердце ничего не позабыло, / И я поклоном кланяюсь земным / И слово древнерусское «спасибо» / Произношу всем существом своим»* [6, с. 130].

Литература

1. Афанасьев А. Н. Религиозно-языческое значение русской избы. – М., 1951.
2. Романов А. А. Избранное. – Архангельск, 1969.

3. Романов А. А. Поземка. – Архангельск, 1972.
4. Романов А. А., Романов С. А. Романова А. А. Ради светлости дня: Романов А. А. Избранные произведения. – Вологда, 2010.
5. Романов А. А. Радуга дней. Стихи. – М., 1973.
6. Романов А. А. Свет победы: стихи, поэмы, проза. – Вологда, 2010.
7. Романов А. А., Романов С. А. Романова А. А. Северные поэмы: страницы сердца моего. – Вологда, 2005.
8. Славянские древности: этнолингвистический словарь. В 5 томах. Том IV / Под ред. Н. И. Толстого. – СПб., 1995.

Л.В. Русинова
Москва

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА ДИНЫ РУБИНОЙ КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ КОММУНИКАТИВНЫХ НАВЫКОВ ОБУЧАЮЩИХСЯ, ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ НРАВСТВЕННЫХ КАЧЕСТВ ЛИЧНОСТИ

В современном обществе возрастает интерес к воздействующей, эффективной коммуникации. В этой связи развитие коммуникативных навыков, монологической речи учащихся – одна из важнейших задач учителя-словесника. Поэтому с точки зрения обогащения словарного запаса обучающихся, освоения ими приёмов аргументированного высказывания, овладения навыками написания сочинения-рассуждения крайне важным представляется проведение на уроке анализа языка художественного текста как одной из важнейших форм вербальной коммуникации. Являясь результатом сознательно организованной речемыслительной деятельности, отражающей взгляды человека на явления окружающей действительности, его эмоциональные переживания, художественный текст всегда привлекал к себе внимание педагогов.

Формат ОГЭ предполагает выполнение в ходе экзамена двух письменных работ, одна из которых – сжатое изложение, а другая – сочинение-рассуждение. При выполнении сочинения пишущему необходимо самостоятельно определить все исходные позиции – проблематику, круг необходимых сведений для аргументации собственного высказывания, в то время как пишущий изложение всё получает в готовом виде и его задача – воспроизвести предложенный текст. Повторяя вслед за автором предложенный текст, ученик находится в атмосфере творчества, потому что изложение выполняется на основе не одной только памяти. Ученик не помнит весь текст буквально, но он помнит его содержание, стиль, речевую окраску каждой фразы, и если память не подсказывает ему слова автора, он находит вместо них синонимические замены. Ученик на время становится «соавтором текста». Это, а также умение интерпретировать текст и созда-

вать собственное высказывание по выявленной проблеме, приводя тезис, различные способы аргументации своих мыслей, делая вывод, напрямую связано с языковым анализом исходного текста. Лингвистический анализ текста помогает ученику глубже и точнее понять смысл высказывания, увидеть его структурные закономерности, приёмы создания и мотивированность выбора автором языковых средств, их функциональные особенности. Ход мыслей, ассоциаций, присущих конкретному автору, находит своё отражение в особенностях речевой организации текста. Суметь понять сигналы о стиле высказывания, настроиться на определённый «ключ» – значит суметь осмыслить поэтику индивидуального стиля художника во имя адекватного восприятия его творчества. Желание высказать своё мнение по поводу прочитанного вызывают у подростка тексты, касающиеся лично значимых проблем, содержащие материал для раздумий. Одними из лучших произведений для изложения можно считать тексты писателей – наших современников, в частности Д. Рубиной. Тексты этого автора в сокращении, безусловно, можно использовать как для лингвистического анализа текста с последующим написанием изложения, так и для сочинения-рассуждения.

События, описанные в большинстве её произведений, происходят в не столь отдалённое от нас время, и сегодняшним старшеклассникам также приходится делать свой выбор между настоящими и мнимыми ценностями, душевной щедростью и скучным выполнением родственного долга, учиться сочувствовать и сопереживать. Цель автора – заставить читателя задуматься о смысле жизни, об умении сочувствовать и сопереживать. А задача педагога – научить подростка отличать настоящие и мнимые ценности, научить открыто высказывать своё мнение и приводить убедительные аргументы в его защиту. Этому, безусловно, помогут тексты Д. Рубиной. Так, по тексту отрывка из романа этого автора «Русская канарейка. Желтухин» можно предложить учащимся выполнить следующие задания.

1. Прочитайте текст и выполните задания.

(1) В фиолетовых тенях под платанами шла непрерывная кутерьма узорчатых солнечных зайцев.

(2) Девочки во дворах мастерили куколок-мальвинок, но Эська давно забросила дворовые детские глупости.

(3) Прошло два года с той ночи, как Яша сиганул в окно и совершенно пропал из виду семьи.

(4) Все это время девочка неустанно заливала тоску и тревогу родителей кипящими пассажами этюдов и упражнений, недетским чутьём понимая, что отныне миссия ее – не утешение (вялая ласка утешений еще никого не вернула к жизни), тут другое нужно: полный и сокрушительный реванш!

(5) И вот, мимо лепных тугощеких ангелов на фасаде, меж бронзовых дев, озарявших фонарями подножие широкой деревянной лестницы вестибюля гостиницы «Бристоль» Гаврила Оскарович Этингер сопровождал дочь на аудиенцию к известной австрийской пианистке Марии Винарской.

(6) Большой Этингер волновался, сможет ли его юная дочь показать себя во всей полноте таланта, сумеет ли она справиться со своей застенчивостью.

(7) На самом деле это только называлось «аудиенция у Марии Винарской».

(8) Все знали, что знаменитую пианистку во всех ее турне сопровождает супруг, профессор Венской консерватории Марк Винарский.

(9) И вот к нему-то, профессору Винарскому, гениальному Марку Винарскому, Гаврила Оскарович привел на погляд свою тринадцатилетнюю Эську.

(10) Та по-прежнему оставалась миниатюрной, так и не подросла за всю последующую жизнь: метр пятьдесят, и ножка – тридцать третий золушкин размер в придачу к вечной головной боли – где такие туфельки разыскать.

(11) И можно только вообразить, какое впечатление производила эта малышка, шпарившая Четырнадцатый этюд Шопена на беспощадной бриллиантовой скорости.

(12) Ее маленькие руки обладали поразительной растяжкой и небывалой для девочки отчаянной силой.

(13) Иногда, доставая носком туфельки педаль, она чуть не соскальзывала с рояльного, обитого кожей, табурета (высоту которого, прежде чем дочь села за инструмент, Гаврила Оскарович долго придирчиво устанавливал, подкручивая регулировочные маховики); подпрыгивала, как мяч, выплеснув на клавиатуру пену очередного кружевного пассажа; мечтательно замирала, выпустив из рук угасающий аккорд.

(14) Ее точеная головка с собранными на затылке в узел черными кудрями, мелко-кольчатыми, как бороды ассирийских царей, строгий профиль, который она рывком оборачивала то к одному, то к другому краю клавиатуры, чуть ли не ухом и щекой приникая к клавишам на пианиссимо, а на фортиссимо швыряя аккорды куда-то под рояль; ее блестящие глаза, то сощуренные в щелочки, то расширенные как бы в ужасе на громовых каскадах, округлый детский лоб, покрытый испариной, и бешеная погоня по клавишам ее недетских, суховато-мускулистых кистей, – все излучало подлинность таланта.

(15) Гаврила Оскарович в паузах лишь глубоко переводил дух, мысленно посылая дочери утишающую сдержанную силу и молясь, чтобы ничто не помешало ей отыграть до конца приготовленную программу.

(16) Завершив пьесу, Эська сняла руки с клавиатуры, оглянулась и нашла глазами отца.

(17) Папа сидел в кресле чуть поодаль, сцепив на колене кисти рук, даже пальцы побелели, а сам был очень, очень красен.

(18) И красив!

(19) Он улыбнулся ей и чуть заметно кивнул.

(20) Так у них было условлено: сигнал к продолжению.

(21) Она отерла вспотевшие ладони о коленки и, выпрямив спину («перед началом всегда глубоко вдохни»), заиграла Тридцать вторую сонату Бетховена, сложнейшую...

(22) И когда после раскаленного до минора первой части вылетела на вторую, с разреженным воздухом ее альпийских вершин, накрытых снежными ризами, с ее умиротворенно истаявающим «Lebewohl!» – «Прощай!» – последних вариаций, все бури и потрясения первой части, все земные обиды и оскорбления, и месть – все осталось в прошлом, а душа растворилась в беспмятной неге, в синих тенях, скользящих по склону горы, облитому ледовым блеском.

(23) И сливочным блеском сияла клавиатура, и черным плавником огромной акулы вздымалась поднятая крышка концертного рояля.

(24) Высокая стеклянная дверь балкона была распахнута в кроны цветущих акаций; хрустальную вазу в углу распирали букет влажной рыхлой сирени такой пышности, что столик под ним казался робким, как олененок.

(25) В воздухе этой с роскошью обставленной залы чудесно слились морской солоноватый бриз, духовитая волна от цветущей акации за балконом, тонкий аромат цветов и терпкая горечь духов стоявшей за спиной у Эськи молчаливой грузной женщины.

(26) Ее безмолвное одобрение, волнение отца, его подрагивающие, сцепленные на колене пальцы, ручки, водовороты и водопады пассажей, изливавшиеся у девочки из-под рук, – все обещало недюжинное будущее: вихрь сирени на иных бульварах, переполненные залы, черные фраки оркестрантов, акулы плавники лучших в мире концертных роялей, рукоплескания публики.

(27) Мария подошла и положила на плечи девочке свои прекрасные тяжелые руки.

(28) И все задвигались, вздохнули, заулыбались и разом заговорили на трех языках.

(29) Профессор достал из кармана большой синий платок и, смешно двигая косматыми бровями, затрубил в него на ре-диез – он прослезился во время Эськиной игры.

(30) Это был триумф Дома Этингера!

(31) Эська рассеянно улыбалась, кивала, что-то отвечала на вопросы взрослых.

(32) После Бетховена она всегда чувствовала изнеможение, как после долгой болезни с высокой температурой.

(33) Она, конечно, была ужасно рада, что аудиенция удалась; но одновременно ей не терпелось скользнуть с табурета, схватить отца за руку и поскорее утащить его в кондитерскую Фанкони, где продавали чудесное мороженое со сливками.

2. В каком варианте ответа содержится информация, необходимая для **обоснования** ответа на вопрос: «Почему профессор прослезился во время Эськиной игры?»

1) Он представил, как много труда приложила девочка, чтобы научиться так хорошо играть, и ему стало жаль Эську.

2) Он пожалел девочку, которая давно забросила дворовые детские глупости и не могла с подружками мастерить во дворах куколок-мальвинок.

3) Профессор был совершенно очарован и покорён юным дарованием.

4) Ему не понравилось исполнение музыки Бетховена, и поэтому он огорчился.

3. Укажите предложение, в котором нет **сравнения**.

1) И сливочным блеском сияла клавиатура, и черным плавником огромной акулы вздымалась поднятая крышка концертного рояля.

2) Высокая стеклянная дверь балкона была распахнута в кроны цветущих акаций; хрустальную вазу в углу распирали букет влажной рыхлой сирени такой пышности, что столик под ним казался робким, как олененок.

3) После Бетховена она всегда чувствовала изнеможение, как после долгой болезни с высокой температурой.

4) Иногда, доставая носком туфельки педаль, она чуть не соскальзывала с рояльного, обитого кожей, табурета; подпрыгивала, как мяч, выплеснув на клавиатуру пену очередного кружевного пассажа; мечтательно замирала, выпустив из рук угасающий аккорд.

4. Из предложений 9–11 выпишите слово, в которой правописание **приставки** гласной не зависит от суффикса.

5. Из предложений 3–5 выпишите слово, в котором правописание **суффикса** не определяется правилом, является исключением.

6. Замените разговорное слово «**сиганул**» в предложении 3 стилистически нейтральным **синонимом**. Напишите этот синоним.

7. Замените словосочетание «**тревогу родителей**», построенное на основе **управления**, синонимичным словосочетанием со связью **согласование**.

Напишите получившееся словосочетание.

8. Выпишите **грамматическую основу** предложения 7.

9. Среди предложений 16–23 найдите предложение с **обособленными определениями**. Напишите номер этого предложения.

10. В приведённых ниже предложениях из прочитанного текста пронумерованы все запятые. Выпишите цифры, обозначающие запятые при **вводном слове**.

Она, (1) конечно, (2) была ужасно рада, (3) что аудиенция удалась; но одновременно ей не терпелось скользнуть с табурета, (4) схватить отца за руку и поскорее утащить его в кондиторскую Фанкони, (5) где продавали чудесное мороженое со сливками.

11. Укажите количество **грамматических основ** в предложении 23. Ответ запишите цифрой.

12. В приведённых ниже предложениях из прочитанного текста пронумерованы все запятые. Выпишите цифры, обозначающие запятые между частями сложного предложения, связанными **подчинительной** связью.

Гаврила Оskarович в паузах лишь глубоко переводил дух, (1) мысленно посылая дочери утешающую сдержанную силу и молясь, (2) чтобы ничто не помешало ей отыграть до конца приготовленную программу.

Завершив пьесу, (3) Эська сняла руки с клавиатуры (4), оглянулась ишла глазами отца. Папа сидел в кресле чуть поодаль, (5) сцепив на колене кисти рук, (6) даже пальцы побелели, (7) а сам был очень, (8) очень красен.

13. Среди предложений 4–7 найдите сложноподчинённое предложение с **однородным** подчинением придаточных. Напишите номер этого предложения.

14. Среди предложений 23–27 найдите **сложное** предложение с **бессоюзной** и **союзной подчинительной связью** между частями. Напишите номер этого предложения.

Для написания сочинения-рассуждения по данному тексту можно предложить следующие задания:

15.1. Напишите сочинение-рассуждение, раскрывая смысл высказывания Георгия Яковлевича Солганика: «Художник мыслит образами, он рисует, показывает, изображает. В этом и заключается специфика языка художественной литературы». Аргументируя свой ответ, приведите два примера из прочитанного текста. Приводя примеры, указывайте номера нужных предложений или применяйте цитирование.

15.2. Объясните, как Вы понимаете смысл финала текста: «После Бетховена она всегда чувствовала изнеможение, как после долгой болезни с высокой температурой». Приведите в сочинении два аргумента из прочитанного текста, подтверждающих Ваши рассуждения.

15.3. Как Вы понимаете значение слова МУЗЫКА? Сформулируйте и прокомментируйте данное Вами определение. Напишите сочинение-рассуждение на тему: «**Что такое музыка**», взяв в качестве тезиса данное Вами определение. Аргументируя свой тезис, приведите 2 (два) примера-аргумента, подтверждающих Ваши рассуждения: один пример-аргумент приведите из прочитанного текста, а второй – из Вашего жизненного опыта.

Выводы: анализ подобного текста, в первую очередь, будет развивать навыки анализа лингвостилистических особенностей текста, учить определять его проблему, высказывать своё отношение к ней и аргументировано отстаивать своё мнение. Но в ещё большей степени такой урок будет воздействовать на эмоции и чувства старшеклассников, заставит их задуматься о вечных, непреходящих ценностях.

М.А. Овчинникова, Н.В. Попова
Северодвинск

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИТ-ТЕХНОЛОГИЙ В ОСВОЕНИИ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ РОДНОГО КРАЯ

Знание фольклора осознается современным обществом как неременная составляющая духовности, самобытный фактор преемственности поколений, приобщения к национальной культуре. Современная ситуация в области образования позволяет использовать новые пути и приемы приобщения учеников к культурным ценностям родного края. Одна из таких форм – использование ИТ-технологий (разработка веб-квестов, интернет-сайтов, электронных игр и т.д.).

В июле 2015 года группа студентов САФУ г. Северодвинска побывали на фольклорной практике вс. Нёнокса (Приморский район Архангельской области). Нёнокса – поистине уникальное место. Ю. М. Шульман, известный краевед, автор нескольких книг о Нёноксе, поэтически назвал село «северной Элладой» [1]. Эллада – благословенная страна, где боги спускались на землю в поисках возлюбленных. Как и древняя Эллада, Нёнокса находится на берегу моря, только море Белое, холодное. Это место не похоже на все остальные своей природой, своими загадками, своими историями. Как известно, в Элладу было привезено золотое руно – символ благоденствия, богатства и плодородия. Как нельзя лучше эти свойства подходят для определения жизни в Нёноксе: она издревле славилась солью, рыбой и жемчугом.

На основе собранного материала мы подготовили квест «Путешествие в северную Элладу». Данный квест *нацелен* на то, чтобы привлечь внимание учащихся к истории, культуре, фольклору родного края.

Образовательный веб-квест – педагогическая технология, включающая в себя набор проблемных заданий с элементами ролевой игры, для выполнения которых требуются ресурсы Интернета [2]. Квест состоит из набора заданий, выполняя которые участник продвигается к определенной цели. Только при правильном выполнении одного задания участник может получить «ключик», открывающий дверь к новому этапу. При прохождении

всего квеста у участников происходит полное осмысление темы, лежащей в основе квеста, им открываются новые знания, укрепляются навыки поиска и систематизации информации по теме, отбора нужных источников, формулирования выводов и др. Учтена возможность оперативной поддержки участников. Задания выполняются дистанционно, поэтому учтена возможность связаться с координатором квеста, например, через программы мгновенных сообщений: Skype, mail.ru.

Наш квест выполняет следующие задачи:

1. Образовательные – овладение способами исследования информации, способами обмена и использования информации как строительного материала для получения новых знаний, для создания образа окружающего мира.

2. Воспитательные – способствует воспитанию воли, умения преодолевать трудности, познавательной активности и самостоятельности, настойчивости, а также формированию интереса к культуре своего народа.

3. Развивающие – способствует формирования умений сравнивать, анализировать, делать выводы и навыков работы с информацией в Интернете. При поиске ответов на поставленные вопросы среди большого количества научной информации развиваются критическое мышление, умение классифицировать объекты и явления, мыслить абстрактно.

Визитная карточка веб-квеста

Предмет квеста: промысловый фольклор с. Нёнокса.

Целевая аудитория квеста: квест рассчитан на учащихся средних и старших классов школы, а также студентов разных направлений, учителей и преподавателей.

Центральное задание: знакомство с историей, культурой, фольклором Нёноксы.

Количество ролей: две роли – фольклорист и промысловик.

Продолжительность квеста: до 2-х недель.

Форма квеста: игра; участнику предлагается 20 заданий разного уровня сложности: рассказ, пересказ, аналитические задачи. Заключительное задание – кроссворд, направленный на рефлексия участника квеста.

Предполагаемый результат: оформление дневника путешествия по северной Элладе.

Итогом квеста становится обретение сокровища: записи традиционных песен Нёноксы, а также аудиозапись встречи с Ю. М. Шульманом и его семьей.

Квест «Путешествие в северную Элладу» создан с помощью конструктора сайтов WIX.com, находится по адресу <http://anylogy.wix.com/nenoksa-web-kvest>.

Структура квеста: «Главная» – страница с галереей фотоматериалов (июль 2015 г. Вкладка «О проекте» – определение целей и задач квеста.

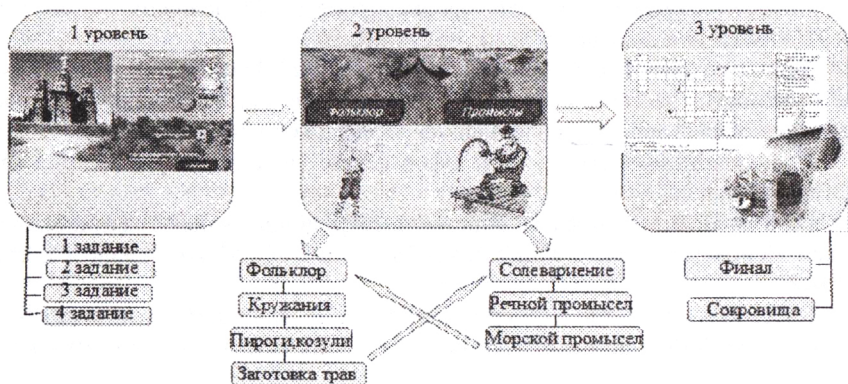
Вкладка «Инструкция» — пошаговый комментарий действий играющего. Вкладка «Дополнительные материалы» — собранный в Нёноксе фольклорный материал. Вкладка «Игра», на субстраницах которой размещены задания и вопросы.

Игра-квест включает три уровня заданий. *Уровень первый* (задания с первого по третье) предполагают работу с материалами мировой электронной сети, набор источников с целью поиска информации общего характера о древней и новой истории Нёноксы, культуре села, традициях изучения этой местности этнографами, историками, фольклористами, лингвистами, творческими людьми.

На *втором уровне* необходимо выбрать роль – «фольклорист» / «промысловик» и осуществить ряд актов творческого и репродуктивного характера: комментирование и толкование высказываний, просмотр фотографий, прослушивание аудиозаписей, знакомство с обычаями, традициями, обрядами Нёноксы. Если играющий выбрал роль «фольклориста», то он узнает об учёных-фольклористах, посещавших Нёноксу, о местном обряде кружаний, о традиции выпекания хлеба и обрядового печенья, познакомится с обрядом заготовки трав. Если выбор связан с промыслами Нёноксы, то окажется на страничках с информацией о солеварении, посетит виртуальный музей соли, выполненный сотрудниками городского краеведческого музея; узнает о морском промысле, о речном промысле, ловле рыбы, ловле жемчуга; о женских занятиях. Правильное выполнение задания или ответ на вопрос (осуществленное действие) вознаграждается обретением фрагмента – будущего сокровища.

Третий уровень – обобщение собранных данных, решение кроссворда и обретение сокровищ.

Схема прохождения уровней квеста:

Каждая открывающаяся страница квеста содержит: 1) занимательную информацию; 2) формулировку вопроса или задания; 3) выдержки-цитаты

из художественных и публицистических произведений Ю. М. Шульмана, А. Морозова, А.П. Гайдара, Вяч. Иванова; 4) мультимедиа-материалы (аудиозаписи реальных бесед с нёнокшанами, выполненные во время полевой практики в Нёноксе в июле 2015 г.; записи песен, частушек, собранных в Нёноксе; гиперссылки). Задания и вопросы отмечены значком в форме зеленого листочка или запечатанной коробки. В оформлении страниц используются клипарты – персонажи, соответствующие содержанию задания.

Главной особенностью данного квеста является использование полевых записей, сделанных вживую от носителей фольклора.

Инструкция квеста «Путешествие в северную Элладу»

«Здравствуй, дорогой искатель! Ты находишься на пороге новых открытий. Перед тобой увлекательный и интересный уголок поморской земли – северная Эллада. Впереди тебя ждет ряд интересных заданий, выполнив которые ты найдешь сокровища.

Для перехода от задания к заданию необходимо нажимать на кнопки во вкладке «Игра» или внизу каждой страницы квеста. Чтобы перейти к первому заданию, необходимо нажать на кнопку «начать игру» в правом нижнем углу страницы.

Чтобы проиграть аудиозаписи, необходимо нажать на значок «play».

Кнопки с надписью «текст» отправляет играющего на страницу с электронной книгой.

Кнопка с надписью «сайт» отправляет на сайт с публикациями о Нёноксе, о карбасостроении, о приспособлениях для ловли рыбы или в виртуальный музей «Усолье Нёноксы».

Значки в форме зеленого листика сигнализируют о том, что необходимо выполнить одно из заданий: например, рассмотреть фотографии, представленные на странице, и подписи к ним. Если задание выполнено, игрок приобретает часть картинка-пазла, который должен собраться в конце игры.

Кнопка «финал» сигнализирует о том, что все задания и этапы квеста пройдены. Кнопка «проверь себя» дает возможность перейти к кроссворду. Слова в нем подобраны так, чтобы проверить внимательность играющего и качество полученных знаний. Отгадывание кроссворда дает возможность открыть ворота в сокровищницу. Если участник справился с кроссвордом, следует нажать на сундук с золотом и тогда откроется сокровищница северной Эллады.

При создании квеста использованы материалы сайтов газеты «Правда Севера» (<http://www.arhpress.ru/psz/2010/3/17/15.shtml>); Северодвинского городского краеведческого музея «Усолье Нёнокса» (<http://musey29.ru/home/~virtual-museums/salt-museum>).

Критерии оценки веб-квеста

Критерии	Обоснование критериев	Балл
Понимание задания	• Работа демонстрирует точное понимание задания.	10
	• Включаются как материалы, имеющие непосредственное отношение к теме, так и материалы, не имеющие отношения к ней	5
	• Включены материалы, не имеющие непосредственного отношения к теме. Собранная информация не анализируется и не оценивается	0
Полнота раскрытия темы	• Полно.	10
	• Частично.	5
	• Не раскрыта	0
Изложение аспектов темы	• Изложены полно.	10
	• Частично.	5
	• Не изложены	0
Изложение стратегии решения проблемы	• Изложена стратегия решения проблем.	10
	• Процесс решения неполный.	5
	• Решение неточно и неправильно	0
Логика изложения информации	• Логичное изложение материала.	10
	• Нарушение логики	5
	• Отсутствие логики	0
Грамматика, подходящий словарь, отсутствие ошибок в правописании	• Грамотная работа	10
	• Негрубые ошибки	3
	• Грубые ошибки	0

По итогам квеста создать творческую работу «Дневник моего путешествия по северной Эллад» и разместить работу на электронной интерактивной доске объявлений.

Литература

1. Шульман Ю. М. История посада Нёноксы: историко-краеведческий очерк. – М.: Фонд Бориса Шергина, 2008.
2. Что такое образовательный веб-квест? – Режим доступа: <http://project.457.spb.ru/DswMedia/kvesttexnologiya.pdf>

Раздел III

РАБОТА УЧРЕЖДЕНИЙ КУЛЬТУРЫ ПО ПРОПАГАНДЕ ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ВОЛОГОДЧИНЫ

В.В. Калинин

с. Устье, Усть-Кубинский район

БИБЛИОТЕКА С ИМЕНЕМ ПИСАТЕЛЯ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ОБЪЕКТ НА СЕЛЕ

Наша библиотека носит имя писателя Константина Ивановича Коничева. Библиотека работает по проекту «Имя К. И. Коничева в контексте истории районной библиотеки с. Устье: мемориально-исследовательский аспект». Цель проекта – создание информационной среды, стимулирующей интерес читателей к творчеству писателя-земляка.

Задачи: создание виртуального музея писателя на основе экспонатов комнаты-музея К. И. Коничева; составление электронных ресурсов истории библиотечной деятельности с. Устье.

Составлению этого проекта предшествовало осуществление программы «Традиционная культура в пространстве литературного музея К. И. Коничева».

Своеобразной визитной карточкой для библиотеки стало проведение один раз в два года Коничевских чтений и один раз в два года Коничевской конференции. В комнате-музее писателя при библиотеке собран довольно-таки обширный материал о жизни, творчестве К.И. Коничева, о людях, связанных с именем писателя. На основе этих материалов была составлена картотека «Мир Константина Коничева».

В библиотеке создан подростковый клуб «КрУст» (Краеведы Устья). Свои исследовательские работы ребята посвящают изучению жизни и творчества Константина Коничева, значения истории малой родины в его жизни, рассказывают о своём понимании книг писателя-земляка.

Сейчас идёт смена места комнаты-музея писателя, выделена специальная комната и оформлена в стиле деревенской избы. Оформлена тематическая экспозиция «От сапожного ремесла до писательского мастерства» и для посетителей разработана интерактивная экскурсия «Мир из двух окон». В настоящий момент готовим новую экскурсию, в которой участвуют специалисты библиотеки, читатели взрослые и дети с применением театрализации по произведениям писателя.

К 110-летию писателя был устроен большой праздник в районном доме культуры. На празднике были вологодский писатель Анатолий Константинович Ехалов, самостоятельные авторы, музейные работники, наши коллеги-библиотекари и читатели. К юбилею писателя проведен конкурс рисунков среди читателей.

Своеобразной визитной карточкой для библиотеки стало проведение ежегодной Коничевской недели «Из копилки писателя», приуроченной ко дню рождения писателя. В течение недели дети и взрослые могут посетить выставки, поучаствовать в конкурсах, викторинах, посмотреть компьютерные презентации, стать участниками литературно-музыкальных часов, чтений и обсуждений книг К. Коничева. Отдел обслуживания библиотеки в эти дни украшены плакатами с цитатами из произведений Константина Ивановича, конвертами-сюрпризами «Из Коничевской копилки», поделками, рисунками, фотоработами детей и подростков, навеянными творчеством писателя. В качестве сувениров посетители получают буклеты, памятки о Коничеве, календарики.

Учащиеся совершают заочную экспедицию-путешествие «Карта исчезнувших деревень Устьянской волости» с помощью карты-схемы по тем местам, где родился и жил писатель. С 2009 года библиотекой проводятся литературно-краеведческие Коничевские чтения и Коничевская конференция. По итогам чтений, конференций выпускаем сборники докладов, которые пользуются большой популярностью среди посетителей библиотеки.

В 2015 году у нас создан сайт, мы занимаемся размещением информации о К. Коничеве, где будут представлены следующие разделы:

- Биография К. И. Коничева; даты жизни и деятельности;
- Высказывания писателя; высказывания о нем;
- библиографические списки;
- виртуальный музей ; фотогалерея Коничева
- методические материалы, посвященные жизни и деятельности К. И. Коничева.

Создание электронной версии позволит создать максимально полный информационный ресурс по изучению писателя.

В Год литературы мы составили электронную версию «Литературная карта Усть-Кубинского района».

Сейчас идет подготовка к Коничевским чтениям, которые будут проходить в ноябре по теме «Песни нашего края – традиции и современность». В печати подготовлен сборник народных песен Усть-Кубинского края, составителем которого является Зинаида Алексеевна Морозкова, местный краевед.

Библиотека – как социокультурный феномен, является центром притяжения самых различных слоев общества. Имя писателя-земляка для библиотеки стало тем культурным ресурсом, который работает на ее репутацию, повышает имидж в глазах населения и выступает инструментом сохранения традиций.

«ЧЕСТНЕЙШИЕ ПЕВЦЫ ВОЛОГОДЧИНЫ»: ОПЫТ ЛИТЕРАТУРНОГО КРАЕВЕДЕНИЯ

Наше современное общество ещё плохо осознаёт проблему: литература – это важнейшее интеллектуальная часть его собственного развития. Не только библиотеки должны знакомить читателей с новинками современной литературы, проводить встречи с авторами, но даже в новостях должен освещаться выход новых книг, выставок современных художников. Современная литература для каждого народа – это его духовная культура. Вместе с полученной свободой литература сложила с себя полномочия выступать в качестве рупора общественного мнения и воспитателя человеческих душ, а место положительных героев-маяков заняли бомжи, алкоголики, убийцы и представители древнейшей профессии.

И, наверно, поэтому приятно осознавать, что в наше время в Череповце талантливо и честно «творят» литературу люди, которые не лукавят, не подстраиваются под нынешнюю модную тенденцию. Среди них представители общероссийские писательских организаций: Союза писателей России и Союза российских писателей. В Союзе писателей России состоят Александр Пошехонов, Сергей Созин, Александр Рулёв-Хачатрян, Татьяна Жмайло, Елена Белякова, Николай Кузнецов. Безусловно, библиотеки города привечают каждого из них, но среди писателей есть те, кто чувствуют себя в библиотеке, как дома.

Александр Пошехонов родился 23 января 1956 года. Ежегодно в Центральной городской библиотеке имени В.В.Верещагина проходят в день рождения поэта творческие встречи с читателями. Он – автор 16 книг, дважды лауреат конкурса имени Николая Рубцова, лауреат конкурса «Золотое перо» (г. Санкт-Петербург), лауреат конкурса Всероссийской православной литературной премии имени святого благоверного князя Александра Невского (2009). О своём творческом пути поэт говорит следующее: «Начинал я их (стихи) писать в самом начале девяностых годов, в те времена, когда ломались общественные устои, характеры и судьбы людские, когда умирали Империя, а на ее месте только-только определялся «эмбрион» будущей Федерации. Зверели люди, зверело общество. И совершенно пропадало желание писать что-то для озверевшей толпы. Вот тогда-то я и перенес все свое внимание на детей, повернул творчество к их светлым душам и сердцам. С тех пор стихи для детей – это мое оружие и средство, с помощью которого я пытаюсь вернуть наших детей в истинный мир детства, где героями являются не компьютерные перевертыши, а наши добрые персонажи с разумом, сердцем и душой». Родина – постоянная его боль и озабо-

ченность, о ней бесконечные мысли и тревоги, тоска и любовь, вера и надежда. Вот характерное стихотворение – «В ночном поле».

*Ночь позвала, и я пошел за ней,
Пошел не в сон, а прямо в чисто поле,
Где по росистой травушке раздольно
Гулял табун норовистых коней.
Звенела ночь июльским бубенцом,
Жевали кони клевер и осоку,
А в небесах безоблачно высоких
Плыла луна с загадочным кольцом.
Шеломами железными стога
Мертво темнели в синем полумраке.
И дальний непонятный лай собаки
Казался лаем злейшего врага.
Гудело сердце, к мозгу кровь гоня,
Как будто позади неслась погоня.
Но так спокойны были в поле кони,
Что это успокоило меня.
Я уходил в медовый травостой,
Совсем забыв дневные неудачи,
Храня в душе восторг на грани плача
От мысли и внезапной и простой,
Что я иду от шума и огней,
Чтоб здесь, в июльской травянистой сини,
Вдруг по-родному встретиться с Россией
И постоять под ветром вместе с ней...*

Пошехонов – постоянный участник ежегодного городского поэтического марафона, посвященного Дню славянской письменности и культуры, литературных праздников, проводимых в библиотеках города, член жюри тематических литературных конкурсов.

Сергея Созина на Вологодчине больше знают как автора песен и романсов, звучащих в концертах череповецких и вологодских исполнителей. Но это только часть дарования череповецкого поэта. Юрий Леднев, член Союза писателей России, о стихах Сергея Созина говорил: «Сергей Созин, безусловно, отмечен талантом. Об этом говорит одно на первых стихотворений книги «Талица» – «Дурной сон». Написано оно с большим чувством и мыслью. А это главное в поэзии, чтобы чувство находилось в хорошем сплаве с мыслью. «Мольба русского к Сергию», безусловно, сильна по замыслу. Лирика Сергея – пронзительная, исповедальная...».

На нашей череповецкой земле трудится над переводами романов Жоржи Амаду Елена Белякова. Татьяна Жмайло – частый посетитель библиотек, она принимает активное участие в различных библиотечных проектах, встречах с авторами, презентациях. Жмайло Татьяна Владимировна родилась в 1951 году. Окончила Литературный институт имени А.М. Горького. Работает заместителем ответственного секретаря газеты «Голос Череповца». Выпустила поэтические сборники: «Соль минор» (1999), «Азбука дождя» (2004). Работает также в жанре авторской песни. Лауреат Артиады народов России.

Писатели, которые входят в состав Союза российских писателей и живут в нашем городе: Валерий Гостинщиков, Татьяна Ржанникова, Игорь Захаров, Александр Якунов и другие. Валерий Гостинщиков – автор сборника рассказов «Бывальщины» (1997) сборников стихов: «Путник» (1993) и «Долги осилю» (2006), сборника стихов и прозы «Нам эту память хранить» (2007), «Крылатые воины» (2013). Игорь Захаров – участник аудио-проектов «Утренние стихи» (Вологда), «LOGОрифмы» (Ярославль), лауреат поэтических конкурсов областных и региональных, организатор Первого открытого фестиваля поэзии в Череповце, соорганизатор фестиваля «Король поэтов» в усадьбе Лотаревых во Владимировке. Лауреат сетевых конкурсов «Восхождение», «Музыка перевода», «VoicesNet». У Игоря Захарова вышли книги: «Строфы, напоённые любовью» (2004), «Гусляр» (2006), «Странник» (2008).

Стихотворения поэта из Череповца Александра Якунова «Русская школа» испугалась «Учительская газета», но опубликовала «Литературная газета». Рядом со стихом череповчанина напечатаны произведения таких мэтров, как Евгений Евтушенко и Константин Ваншенкин. Александр Якунов много лет трудится в школе №21 города Череповца учителем русской литературы, он в жестких выражениях изложил состояние сегодняшней школы, положение преподавателя, нищего и изнывающего от нагрузок: «Держись, выживая на нанозарплату, за порцию мегачасов! Держись, объясняя иному примату значение всжливых слов». Впрочем, стихотворение оканчивается вполне оптимистично: «Пусть капает нам на мозги кока-кола, пусть шмотки китайские трут. Мы верим, что выживет РУССКАЯ ШКОЛА, и все предсказания врут!».

При Центральной городской библиотеке имени В.В.Верецагина уже несколько лет работает «Клуб любителей фантастики», который объединил писателей, пишущих в стиле фэнтези или альтернативной истории. Это Дмитрий Дашко, Александр Владимиров (Смирнов), Евгений Шалашов, Альтс Геймер (Роман Савенков), Михаил Бычков, Олег Волков, Александр Арсентьев и другие.

Череповецкий писатель Роман Савенков, известный под псевдонимом Альтс Геймер, принял участие в международном фестивале фантастики

«Еврокон-2015» в Санкт-Петербурге. Два его рассказа вышли в финал престижных конкурсов.

За последние три года крупнейшие издательства России (АСТ, ЭКСМО, «Крылов» и т. д.) выпустили около тридцати книг череповецких авторов суммарным тиражом более ста тысяч экземпляров. Причем только Дмитрий Дашко выпустил 16 книг. В этом году появился и совместный труд череповецких фантастов под названием «Рулька ноль один», Книга опубликована в Санкт-Петербурге (издательство «Крылов»).

В стенах нотно-музыкальной библиотеки города Череповца проходят различные фестивали, конкурсы, выставки. Именно здесь находится популярный в нашей стране музей Александра Башлачёва. Те, кто увлекается творчеством поэта, любит отечественный рок, с огромным удовольствием приходят на концерты, творческие вечера и встречи. Музей ведет свою историю с 2000 года. Тогда в Череповецком музейном объединении работала выставка к 40-летию Александра Башлачёва. После закрытия выставки часть экспонатов передали на хранение в библиотеку № 5. Там в феврале 2002 года вновь открылась выставка, посвященная Башлачёву, и эту экспозицию называли музеем. 1 ноября 2009 года в здании нотно-музыкальной библиотеки № 11 (улица Строителей, 30) открылся музей Александра Башлачёва. Самый главный помощник в создании музея – семья Башлачёва. В фойе библиотеки расположены стенды с фотографиями из семейного архива – их предоставила нам сестра поэта Елена. Центральное место в музее занимают две экспозиции: «Поезд» и «Комната Александра Башлачёва». Для экспозиции «Комната» семья Башлачёвых передала в дар музею его письменный стол, полку, на которой стоят любимые книги Александра – В. Маяковского, А. Блока, Г. Гессе. На столе – печатная машинка, журналистские материалы Башлачёва, написанные в 1983 году для газеты «Коммунист». Кстати, он одним из первых стал писать в местной прессе статьи о русском роке. Интерьер комнаты воссоздан по фотографиям тех лет. В музее хранятся письма Александра Башлачёва. Есть и уникальный экспонат – юмористическая «Ода Брежневу», написанная Сашей в 16 лет, это стихотворение по памяти записано его другом Андреем Долговым. Среди примечательных экспонатов музея – медаль фестиваля политической песни и современной музыки «Ритмы молодости в борьбе за мир» (1983 г.).

Вплотную с городскими библиотеками работает Череповецкое отделение Вологодского Союза писателей-краеведов под руководством рубцововеда Леонида Вересова. Николай Кузнецов, главный редактор, и члены редколлегии Л. Вересов, А. Королева и И. Эпанасев выпустили десять номеров краеведческого альманаха «Люди и дела». Все выпуски прошли презентацию в Центральной городской библиотеке имени В. В. Верещагина. Опубликован сборник серьезных краеведческих изысканий «Череповецкая

пристань». Лучшей книгой конкурса «Вологодская книга-2012» стала книга «Череповец. История. Современность. Взгляд в будущее» (редактор-составитель Б. Челноков, член Вологодского Союза писателей-краеведов). Борис Васильевич Челноков (род. 4 марта 1938) – известный в Вологодской области писатель, историк, краевед. Посвятил свою жизнь развитию туризма и краеведения в Череповце, проделал огромную научно-просветительскую работу, занимался изысканием в архивах страны первоисточников о создании и развитии Череповецкого металлургического комбината. Борис Васильевич является создателем двух музеев: трудовой славы ОАО «Северсталь» и вагона-музея И. П. Бардина, а также редактором десяти сборников и автором пяти книг по истории «Северстали». Одно из самых значимых достижений — книга «Череповец. История. Современность. Взгляд в будущее», изданная в 2012 году.

Игорь Ваганов – главный редактор областного военно-патриотического литературно-художественного альманаха «Ермак» (с 2006 года). Автор книг «Казак – вольный человек» (2003), «'Без памяти мы – грязь» (2005), «И мы не празднуем в мире жили», «История экстренной медицинской помощи Череповца» (2007), в 2009 году издан роман «Трезвак».

Александр Маров уже семь лет возглавляет «Клуб любителей краеведения» при Центральной городской библиотеке. Михаил Мальцев – писатель-краевед, несмотря на свою молодость, написал и издал несколько десятков книг по истории православия земли Вологодской. Он выступает в качестве лектора в «Православном клубе», который создан при Центральной городской библиотеке имени В. В. Верещагина.

Несмотря на различные трудности дня сегодняшнего: экономические, нравственные и другие, люди пишущие, близкие к литературе будут находить в библиотеке тот островок тепла, понимания, ума и терпения, которого сейчас не хватает многим. Библиотека – тот социум, где каждому рады, каждого выслушают и каждому помогут. И пока будет так: библиотеке жить, а писателям – творить новое, вечное, разумное.

О.А. Маркевич
Вологда

ЧИТАТЕЛЬСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ КАК СПОСОБ ОСВОЕНИЯ БИБЛИОТЕРАПЕВТИЧЕСКОГО РЕСУРСА

Высокая социальная значимость специалистов «помогающих профессий» актуализирует проблему освоения ими различных ресурсов, которые могут служить действенным инструментом помощи людям в условиях

сложной социокультурной ситуации. Важнейшим из таких ресурсов является библиотерапевтический. Библиотерапия выступает как практическая деятельность, направленная на активизацию духовных жизненных сил человека, и выполняет следующие терапевтические цели: развитие духовного мира, формирование оптимистического взгляда на мир, формирование потребности в самостоятельном решении проблем, наращивание адаптационного потенциала личности [1; 2].

подавляющее большинство слушателей наших курсов не знакомы с библиотерапевтической практикой и не имеют ясного представления о возможностях библиотерапии в решении социальных проблем, в борьбе с одиночеством, состоянием психоэмоционального дискомфорта, кризисными стрессовыми ситуациями, профессиональной дезадаптацией, девиантным поведением.

Дисциплина «Библиотерапия в социальной работе» преподается с позиции практико-ориентированного обучения и позволяет обучающимся включаться в проекты, связанные с их будущей профессиональной деятельностью. Анализ трехлетней практики преподавания дисциплины обнаруживает крайне низкий престиж чтения среди бакалавров социальной работы и его деформированный характер, что препятствует освоению ими информационных ресурсов, обладающих терапевтическим потенциалом.

В связи с этим возникла насущная необходимость поиска новой формы учебной работы, посредством которой студент становится субъектом читательской деятельности со своей внутренней мотивацией к овладению информационными ресурсами, необходимыми для будущей профессиональной деятельности и полезными для собственной жизнедеятельности. В структуру образовательного процесса в вузе при подготовке бакалавров (профиль социальная работа) была введена такая инновационная форма, как читательская конференция. В прошедшем учебном году мы разработали и провели первую профессионально-ориентированную читательскую конференцию «Современная литература о детях с проблемами в социализации», приуроченную к Году литературы, в которой приняли участие студенты второго курса.

Методологической основой читательской конференции послужил стратегический подход к обучению чтению, представленный в работах Н. Н. Сметанниковой, но многие элементы конференции были модифицированы в связи с профессионально-ориентированным характером инновационной учебной формы. Н. Н. Сметанникова рассматривает читательскую конференцию как социально-аффективную стратегию, целью которой является вовлеченность обучающихся в совместную деятельность. Стратегия представляет собой способы формирования и развития умений. Применяя их осознанно, понимая, в каком случае и почему нужно использовать именно эту стратегию, чтец постепенно становится компетентным чтецом и читателем.

Обучение стратегиям чтения развивает умения взаимодействовать с текстом, размышлять о читаемом и прочитанном, включает процедуры обучения пониманию, когда читатель анализирует свое понимание содержания, информацию текста и способы работы с ним [3; 4]. Конференция является одной из наиболее продуктивных стратегий, она помогает вести целенаправленное обучение с позиции, способствующей развитию мета-понимания и независимости читателя, обучающиеся включают и опираются на свой собственный опыт и знания, задают вопросы, резюмируют и обсуждают прочитанное [4].

Профессионально-ориентированная читательская конференция включала в себя несколько этапов. I. Организационный этап, мотивирующий деятельность студентов на массовое прочтение книг, связанных с их профессиональным полем деятельности. II. Выступление каждого студента по прочитанной книге III. Работа обучающихся с журналом чтения в процессе слушания. IV. Обсуждение произведения по заранее данным вопросам. V. Подведение итогов. Формирование списка книг, рекомендуемых студентами для использования специалистами в практике социальной работы.

Мотивацией к чтению книг послужили три составляющие. Во-первых, необходимость сдачи зачета по дисциплине «Библиотерапия в социальной работе». Во-вторых, участие в проекте «Мы вместе», направленном на поддержку семей, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья и предполагающим использование прочитанных произведений в практической деятельности. В-третьих, вовлеченность всей группы в инновационную деятельность: чтение художественной литературы с целью совершенствования своей будущей профессиональной деятельности в качестве читателей-экспертов.

В процессе чтения студенты осваивали ценнейший для практики социальной работы библиотерапевтический ресурс художественной литературы, содержание которого определил указатель «Книги, помогающие жить», разработанный РДБ им. А. П. Гайдара. Он включает книги и материалы из периодических изданий для читателей всех возрастов: это художественная и документальная проза классических и современных, отечественных и зарубежных авторов. Указатель объединил книги о тех, кто сумел преодолеть тяжкий недуг или научился достойно жить с неизлечимой болезнью. Как говорится в предисловии к указателю, эти книги – лекарство от собственного бессилия, отчаянья, малодушия, эгоизма и чуждости окружающих. Попытку собрать эти книги вместе предприняли детские библиотекари Москвы. В основе отбора произведений, вошедших в указатель, лежит формальный признак: один из героев (не обязательно, что этот герой – человек, взрослый или ребенок) с ограниченными возможностями здоровья. Существует несколько версий указателя. Мы обращались к варианту, который включает наиболее полный перечень книг для детей и взрослых.

В течение двух недель студент должен был прочесть одну книгу из предложенного списка и выступить на читательской конференции перед аудиторией. Выступающие должны были постараться заинтересовать слушателей книгой, мотивировать на ее прочтение, а главное – раскрыть терапевтический потенциал содержания книги и дать рекомендации по ее использованию в практике социальной работы.

При подготовке конференции студентам рекомендовалось руководствоваться примерным планом представления книги. 1. Автор, название, жанр. 2. Кому, по вашему мнению, будет интересна книга? О чем она? 3. Время и место действия книги. 4. Каков конфликт? Насколько он казался вам интересным, важным для современной жизни? Какая проблема поставлена автором в книге? 5. Чем интересна книга в целом? 6. Какой (ие) эпизод(ы) особенно запомнился(лись)? Почему? 7. Какое впечатление произвел язык, стиль автора? 8. Что вам дало чтение этой книги? 9. Как можно использовать книгу в социальной работе?

В процессе слушания каждый студент заполнял журнал чтения для фиксации воспринимаемой информации, к которой в последующем можно было обращаться, особенно на этапе формирования рейтинга из десяти книг. Кроме того, студенты оценивали и публичное выступление, выбирая лучшее из них.

Важным этапом конференции явилось обсуждение представленного произведения. В читательской конференции были использованы элементы диспута, который характеризуется известного рода экспромтом, участием «задетых за живое» студентов. Некоторые книги вызвали интерес даже у тех, кто поначалу относился к идее проведения конференции скептически. Позднее были обработаны результаты рейтингов книг, предложенных студентами, и выявлены десять из них, которые, с точки зрения ребят, можно активно использовать в практике социальной работы.

Данная форма учебной работы позволяет включать студентов в процесс активной и мотивированной творческой самостоятельной деятельности. Студенты овладевают не только конкретным ресурсом, но и способностью будить мысль, увлекать чувством, побуждать к действию. Такая учебная деятельность обеспечивает развитие читательской и шире – профессиональной – компетентности. Активность не возникает сама собой при обращении к данной форме, а создается совместными творческими усилиями преподавателя и студента.

Некоторые студенты признались в том, что чтение оказалось для них непростой задачей: «Я прочитала первую книгу за два года. И впервые узнала этого автора. Книжка очень понравилась», «Я не очень люблю читать, поэтому мне это далось трудно, хотя оказалось очень интересно»; «не хочу казаться грубой, но для меня было психологически тяжело читать книги такого плана».

Анализ анкет студентов показал, что открытие жизнеутверждающего, возвышающего потенциала лучших произведений художественной литературы для них, несомненно, состоялось: «Есть много интересных книг, которые могут помочь прожить некоторые захватывающие события, стоит только взять ее в руки»; «Эта конференция открыла для меня новые книги и авторов, которых я не читала. У меня сложился первичный список литературы, который нужно прочитать в рамках своей будущей профессии»; «эта конференция показала мне множество книг, которые помогают людям жить; они показывают, как люди живут и справляются с трудными жизненными ситуациями, находят смысл жизни даже в самых ужасных положениях».

В анкетах ребята отметили важность конференции для их будущей практической деятельности и пользу в плане самообразования и саморазвития: «Мне впервые удалось принять участие в читательской конференции, это был новый опыт. Пробудился интерес к чтению с точки зрения профессиональной деятельности. У меня появился список книг, который я хотела бы использовать уже летом в практической деятельности»; «Эта конференция дала мне опыт выступления, преодоления страха перед аудиторией, <... > для себя отметила, что существует огромный ресурс для использования в сфере социальной работы»; «после этой конференции я знаю, какую книгу я могу прочитать сама в трудной жизненной ситуации, какую могу посоветовать клиентам и коллегам».

Студенты утвердительно ответили на вопрос о том, стоит ли проводить читательскую конференцию для последующих курсов. В частности, они отметили: «Обязательно! Причем, можно было бы объединять курсы, тем самым расширять рейтинг книг. Студенты старших курсов могли бы на реальных примерах рассказать о действии книг. Полученный опыт, несомненно, пригодится в деятельности социального работника»; «Этот вид работы является очень важной частью учебной деятельности, т.к. на таких конференциях мы можем учиться и совершенствоваться на своих ошибках, а также делиться полезной информацией»; «... на примерах из книг студенты могут представить, с какими категориями клиентов они будут работать и как с ними можно находить контакт»; «конференция помогает вникнуть в суть социальных проблем», «книги помогают будущему специалисту встать на место человека, которому нужна помощь, из этих книг можно взять методы работы с некоторыми типами людей, с помощью именно библиотерапии можно реабилитировать клиентов»; «студенты должны учиться выступать, отстаивать свою точку зрения, учиться побуждать своих друзей к прочтению книг»; «такого рода конференции нужно проводить для студентов для того, чтобы они имели представление о таком направлении социальной работы, как библиотерапия, умели выстраивать выступле-

ние по книге и обосновывать прочитанное, такой вид работы помогает осваивать коммуникативные навыки и профессионально полезен».

Данная форма обучения способствует развитию коммуникативных, интеллектуальных и рефлексивных способностей студентов, обогащает личностный и профессиональный опыт, адаптирует студентов к условиям жизни и деятельности в информационном обществе.

Литература

1. Григорьев С. И., Субетто А. И. Основы неклассической социологии. (Новые тенденции развития культуры социологического мышления на рубеже XX – XXI веков) / С. И. Григорьев, А. И. Субетто. – М.: Гардарики, 2000. – 340 с.

2. Дрешер Ю. Н. Библиотерапия: теория и практика: учеб. пособие / Ю. Н. Дрешер; науч. ред. Т. И. Ключаренко / Ю. Н. Дрешер. – СПб.: Профессия, 2008. – 272 с.

3. Сметанникова Н. Н. Стратегический подход к обучению чтению (междисциплинарные проблемы чтения и грамотности) / Н. Н. Сметанникова. – М.: Школьная библиотека, 2005. – 512 с.

4. Сметанникова Н. Н. Технология проведения читательской конференции // Через чтение в мировое образовательное пространство / отв. ред. Н. Н. Сметанникова. – М.: ИТОП РАО, 2001. – 346 с.

Г.А. Мартюкова
с. Никольское, Тотемский район

25-ЛЕТИЕ МУЗЕЯ Н. М. РУБЦОВА В СЕЛЕ НИКОЛЬСКОМ: ПОДВОДЯ ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ ИТОГИ...

Жизнь и творчество замечательного русского поэта Николая Рубцова тесно связаны с селом Никольским. Здесь он воспитывался в детском доме, сюда же приезжал и подолгу жил, став взрослым. Многие шедевры рубцовской лирики написаны на никольской земле. В одном из писем к Александру Яшину поэт так написал: «А ещё потому нахожусь именно здесь, что здесь мне легче дышится, легче пишется, легче ходится по земле».

История создания музея Н. М. Рубцова начинается в Тотеме, где в городской средней школе № 1 всего через два года после трагической гибели поэта, в 1973 году, был открыт литературно-краеведческий музей, главная часть экспозиции которого была посвящена Н. М. Рубцову. Создателем этого музея стала учительница литературы М. А. Шананина. Под её руководством учащимися школы был создан кружок «Рубцовские журавли», участники которого занимались активной перепиской с людьми, хорошо знавшими поэта. К концу 80-х годов музей Рубцова в школе стал широко известен, именно сюда ехали люди со всей России, ценившие творчество

нашего земляка. В 1985 году в Тотеме появился памятник Н. М. Рубцову, созданный скульптором В. М. Клыковым.

Встал вопрос о создании полноценной музейной экспозиции за пределами школы. Было решено часть экспонатов передать в Тотемский краеведческий музей. В августе 1990 года открылась первая небольшая экспозиция, посвящённая Николаю Рубцову, расположившаяся в двух комнатах бывшего административного корпуса Никольского детского дома. Главной идеей её стал показ значения «духовной родины» поэта – села Никольского в жизни и творчестве Николая Рубцова. Инициатором открытия выступил Тотемский краеведческий музей.

Первоначально музей делил помещения с сельской библиотекой и комбинатом бытового обслуживания. Оенью 1995 года здание полностью переходит в ведение Тотемского музейного объединения. Помещения были отремонтированы. В январе 1996 года состоялось открытие новой экспозиции, которая занимала три зала и была посвящена жизни и творчеству Николая Рубцова и истории Никольского сельсовета. В январе 2001 года на здании музея была установлена мемориальная доска с барельефом (автор – вологодский скульптор Владимир Смирнов).

К 70-летию Николая Рубцова экспозиция была расширена (январь 2006), её авторы – заслуженный художник России Олег Пахомов, Наталья Коренева и Галина Мартюкова. Музей рассказывает посетителю, откуда пошла Никольская земля, об истории церковных приходов, образовании и медицине XIX века, гражданской войне, коллективизации и раскулачивании, земляках-никольчанах. Теме военного сиротского детства посвящен отдельный зал экспозиции. Жизнь Николая Рубцова в детском доме, учёба в школе, горькие и счастливые годы детства и юности... Фотографии, копии приказов по Никольскому детскому дому, паспорт детдома, страничка из «Книги учёта воспитанников», где под цифрой 70 значится Рубцов Николай Михайлович. В художественном решении «детдомовского» зала использован образ вставшей на острие школьной парты как символ перевёрнутого войной детства.

*В горнице моей светло...
Это от ночной звезды.
Матушка возьмёт ведро,
Молча принесёт воды...*

Образ рубцовой горницы, использованный при создании одного из залов экспозиции, прост и понятен многим. Именно в Никольском, в старом доме на улице Дмитриевской, у Николая Рубцова была комната-горница, которая служила поэту рабочим кабинетом. Главная ценность экспозиции музея – личные вещи Н. М. Рубцова: шарф, часы, гармонь,

сборник стихов Тютчева, подаренный Николаю Рубцову Станиславом Куныевым.

Большое впечатление на посетителей музея оказывает посещение мемориальной комнаты поэта, которая располагается на втором этаже. Там воссоздана обстановка вологодской квартиры Николая Рубцова. Из подлинных предметов можно увидеть кровать, письменный стол, кресло, кухонный стол, дорожку. Такая обстановка окружала Николая Рубцова в последние годы жизни.

С предметами быта николячан начала и середины двадцатого века можно познакомиться на постоянной выставке «По следам миновавших времён». Об истории создания музея и о том, как он живёт и работает сегодня, можно узнать, посетив выставку «Музею Николая Рубцова в Никольском – 25 лет». Общая площадь постоянной экспозиции и выставочных залов музея составляет 270 квадратных метров.

В рамках мероприятия «Литературная гостиная» музей совместно с сельской библиотекой и школой проводит литературные вечера, посвящённые творчеству Николая Рубцова, других вологодских поэтов, классиков русской литературы, организуются встречи с писателями. Проходят детские утренники, литературные праздники, мероприятия по традиционной народной культуре. Дошкольники посещают занятия по программе «Родной край», где знакомятся с творчеством поэта-земляка Николая Рубцова, с ремёслами и культурой родной земли.

Ежегодно в январе проходят дни памяти поэта. Третьего января, в день рождения Николая Рубцова, у здания музея организуется митинг с возложением цветов к мемориальной доске с барельефом поэта. Постоянные участники вечеров памяти – люди, хорошо знавшие Николая Рубцова при жизни. В январе 2015 года гостями вечера были воспитанница Никольского детского дома Т. Шанина, одноклассница Николая Рубцова Н. Шестакова, воспитанники Тотемского детского дома, жители села. Учащиеся Никольской школы показали для собравшихся мини-спектакль из жизни Николая Рубцова. Особенно полюбилась посетителям сценка из жизни детского дома, которую показывают ребята из театрального кружка Никольской школы. Руководит кружком директор школы Юлия Шадрина.

Раз в два-три года организуется межрегиональная научно-практическая конференция «Рубцовские чтения». В 2011 году чтения приобрели статус международных: на конференции выступила преподаватель университета из Румынии, переводчик стихов Николая Рубцова на румынский язык Л. Беженару.

По материалам «Рубцовских чтений» Тотемским музейным объединением были выпущены три сборника: «Исследования о жизни и творчестве Николая Рубцова» (Вологда, 2006), «Слово о Рубцове» (Вологда, 2011), «Рубцовские чтения» (Тотьма, 2012).

Мемориальный музей проводит большую собирательскую и исследовательскую работу. Изучаются темы: «Жизнь и творчество Николая Рубцова», «История и культура Толшменского поселения». Исследовательские работы публикуются, сотрудники музея выступают на научно-практических конференциях (Апатиты, Дзержинск, Санкт-Петербург, Москва). 10 июня 2015 года приняли участие в юбилейных «Рубцовских чтениях» в Государственной думе РФ.

Значительный вклад в пополнение фондов мемориального музея внесли Алексей Васильевич Антуфьев (Санкт-Петербург), Наира Вартановна Переслегина (Москва), Владимир Васильевич Соколов (Москва). В почётный список дарителей внесены имена москвичей М. А. Полётовой, С. Ю. Куняева, М. Н. Кошелевой, петербуржца Б. И. Тайгина, сестры Николая Рубцова Г. М. Шведовой и многих других.

Музей активно сотрудничает с Рубцовскими центрами, музеями городов Москвы, Череповца, Санкт-Петербурга, Дзержинска Нижегородской области, Вологды, Мурманска, города Сургут Тюменской области, с «литературной гостиной» города Артём Приморского края. Сотрудники музея гордятся дружбой с дочерью поэта Еленой Николаевной Рубцовой.

В разные годы в музее работали выставки графических работ «Душа хранит», детских рисунков «Пусть душа останется чиста...», «Мастера земли Никольской», художественных работ Светланы Немировой, Георгия Попова, Николая Сажина, Веры Филипповой. Вологодские художники часто проводят пленэры в Никольском.

Сотрудники музейного объединения оказывали активное содействие в съёмках фильмов о Николае Рубцове: «Долина детства» (Санкт-Петербург, 1997), «Поэты XX века. Н. Рубцов» (Москва, 2000), «И я придумывать не стану себя, особого, Рубцова» (Вологда, 2001), «По следам миновавших времён» (Кишинёв, 2006), «Николай Рубцов. Поэт» (Вологда, 2006), «Загадка мироздания» (Москва, 2006). По заказу Тотемского музейного объединения были выпущены буклет «Школа моя деревянная» (о школьных годах Н. М. Рубцова) и снят фильм «Подорожники». Летом 2014 года авторским коллективом сотрудников ТМО был издан буклет «Село Никольское и Николай Рубцов».

На протяжении шести лет (до своей кончины в 2005 г.) попечителем музея являлся Владимир Линьков, уроженец села Никольского, долгие годы возглавлявший агрофирму «Северагрогаз». Он оказывал финансовую помощь в приобретении технического оборудования, в проведении ремонтных работ. Также сотрудники музея искренне благодарят за поддержку начальника Юбилейного ЛПУ МГ В. Соловей, съёмочную группу фильма «Николай Рубцов. Поэт» (М. Барышева, М. Макаров, Д. Чернецов), редакцию журнала «Юность», ООО «Банк СГБ» (Вологда), московских поэтов П. Рожнову, Ю. Кириенко-Малюгина, вологодских писателей Ю. Иванова, супругов Тимашовых.

В 2015 году музею исполнилось 25 лет. Были проведены экскурсии по живописному местечку «Борок», по селу Никольскому, по музею. Были проведены знакомство со школьными народными музеями. Гости праздника посетили деревни Игошево и Починок, пройдя по следам стихотворения Н. М. Рубцова «Русский огонёк». Вечером состоялся костёр на берегу реки Толшмы с чтением рубцовских стихов. На другой день мероприятия продолжились фольклорно-этнографической программой «Коси коса, пока роса», посещением центра общественного просветительства «Бирюзовый дом». Завершились мероприятия большим праздничным вечером.

Сотрудники музея в будущее смотрят с оптимизмом. Интерес к творчеству Николая Рубцова растёт с каждым годом, в музей Рубцова в Никольском «не зарастёт народная тропа».

М.Н. Никитнёва
п. Вожега

ВОЖЕГА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В. ТЕНДРЯКОВА

Вожегодская земля славна литературными традициями. Здесь жили, создавая свои яркие произведения, такие известные писатели, как Юрий Пиляр, Александр Тарасов, Ефим Твердов, братья Фарутины, Василий Елесин. В Вожеге работал Константин Коничев, в детские годы (это были 30-е годы) здесь жил Владимир Тендряков. Сейчас при библиотеке работает литературный клуб «Автограф», авторы которого пишут стихи и прозу, печатаются в различных изданиях.

Владимир Фёдорович Тендряков (1923-1984) родился в деревне Макаровской Верховажского района, а детство его прошло в Вожеге. Почти каждый год он приезжал в родные края. Вожега появилась на карте области в 1895 году, благодаря строительству железной дороги Москва – Вологда – Архангельск. В 1929 году она стала районным центром. В посёлке жило всего 830 человек. Застройка главной улицы посёлка Вожега – Октябрьской началась в 1931 году. В 1937 году вступили в строй водопровод и электростанция. Со временем расширялось депо: появился цех промывочного ремонта паровозов, механический цех, сварочное отделение и кузнечный цех. В 30-х годах интенсивно развивалась лесная промышленность, льнообработка. Открылся маслозавод, была создана машинно-тракторная станция (1936) для обеспечения техникой колхозов.

Хотя произведения Тендрякова и не удостоивались высоких премий, но в них поднимались самые животрепещущие вопросы, которые привлекали внимание общественности. Тендряков глубоко и смело разбирался в сложных и противоречивых явлениях жизни той поры. Он – автор многих из-

вестных романов («Тугой узел», «За бегущим днём», «Свидание с Нефертити», «Ночь после выпуска», «Расплата» и других).

Вся жизнь Тендрякова – пример неистовой целеустремлённости, огромного трудолюбия, неустанного поиска ответов на жгучие вопросы современности. Его рассказы читаешь с болью в сердце, настолько они проникновенные и реалистичные.

Владимир Тендряков – участник войны. Получив ранение, в 24 года он вышел из госпиталя и был комиссован. Не сняв шинель, стал учительствовать в сельской школе. Потом его избрали секретарём райкома комсомола, писал урывками свою первую книгу «Экзамен на зрелость». В 1953 году в «Новом мире» была напечатана его повесть «Падение Ивана Чупрова». Удивительно, но солдат-фронтовик не стал писать о войне – она входила в его книги как эхо – скрипом протеза, одиночеством солдатской вдовы, голодом деревни...

Каждый год он пишет новые повести – «Три мешка сорной пшеницы», «Находка» и др. С обжигающей душу страстью говорит о противоречиях в нашей жизни, о вечном: любви, совести и долге. Его глубоко волновали проблемы становления и мужания молодёжи. Он посвятил этим вопросам почти половину своих романов, повестей, статей и очерков. Он был убежден, что наша школа призвана не только давать ученикам определённую сумму знаний, прививать им добрые чувства, учить отзывчивости, душевной чуткости, но и воспитывать в них гражданскую активность в борьбе со злом, равнодушием, эгоизмом, несправедливостью...

Безрадостная эпоха репрессий, ужас которых оставался в памяти писателя следом детских воспоминаний, составила основу его рассказов «Хлеб для собаки» и «Параня». Возможно именно эффект детских впечатлений помог автору описать события, происходившие в небольшом пристанционном посёлке.

Первым сооружением в Вожеге стал вокзал, затем построили три дома (в одном из которых жила семья будущего писателя), и от этих домов пошли две улицы – Вокзальная и Транспортная. В рассказе «Хлеб для собаки» Тендряков пишет: «У прокопчённого, крашеного казённой охрой вокзального здания, за заборчиком был сквозной берёзовый скверик» (этот скверик еще существовал в 60-е годы).

А происходило там то же, что и во многих других подобных посёлках: раскулаченные «зажиточные» крестьяне, сосланные в Сибирь и не добравшиеся до места ссылки, были брошены умирать голодной смертью в маленьком березнячке на глазах у жителей поселка. Взрослые старались обходить это ужасное место стороной. А дети... «Никакие ужасы не могли заглушить нашего зверушечьего любопытства», – пишет автор. «Окаменевая от страха, брезгливости, изнемогая от упрямой панической жалости, мы наблюдали...». Дети наблюдали за смертью «куркулей» (так там называли живущих в березнячке).

Владимир Тендряков подробно описывает ужасающую сцену смерти «куркуля», который «вставал во весь рост, обхватывал ломкими лучистыми руками гладкий сильный ствол берёзы, прижимался к нему угловатой щекой, открывал рот, просторно чёрный, ослепительно зубастый, собирався, наверное, крикнуть (...) проклятие, но вылетал хрип, пузырилась пена. Обдирая кожу на костистой щеке, «бунтарь» сползал вниз по стволу и (...) затаихал насовсем». Вслед за этим описанием следует философский вопрос начальника станции, по долгу службы вынужденного следить за «куркулями»: «Что же вырастает из таких детей? Любуются смертью. Что за мир станет жить после нас? Что за мир?...». Подобный вопрос звучит как бы от самого автора, который, спустя много лет, поражается тому, как он, впечатлительный мальчик, не сошёл с ума при виде подобной сцены. Но далее он вспоминает, что ранее уже являлся свидетелем того, как голод заставлял «опрытных» людей идти на публичные унижения. Это несколько «обмозолило» его душу.

Обмозолило, но не настолько, чтобы остаться равнодушным к этим голодающим людям, будучи сытым. Да, он знал, что быть сытым – это стыдно, и старался не показывать этого, но всё же тайком он выносил остатки своей еды «куркулям». Так продолжалось некоторое время, пока число попрошаек не стало расти, а прокормить более двух человек мальчик уже не мог. И тогда случился срыв – «извлечение», как его назвал сам автор. В один день у забора его дома собралось множество голодных. Они встали на пути возвращения домой мальчика и стали просить еды. И вдруг...

«У меня потемнело в глазах. Из меня рыдающим галопом вырвался чужой дикий голос:

– Уходите! Уходите! Сволочи! Кровопийцы! Уходите! (...)

Остальные разом потупив, опустив руки, начали поворачиваться ко мне спинами, расплываясь без спешки, вяло. А я не мог остановиться и кричал, рыдающе».

Итак, этот десятилетний мальчик исцелился, но полностью ли? Да, он больше не вынес бы куска хлеба стоящему под его окном умирающему от голода «куркулю». Но была ли при том спокойна его совесть? Он не спал по ночам, он думал: «Я дурной мальчишка, ничего не могу с собой поделать – жалею своих врагов!»

И тут появляется собака. Вот оно – самое голодное существо в посёлке! Володя хватается за неё, как за единственный способ не сойти с ума от ужаса сознания того, что он ежедневно «съедает» жизни нескольких людей. Мальчик кормит эту несчастную собаку, которая не существует ни для кого, но понимает, что «не облезавшего от голода пса кормил я кусками хлеба, а свою совесть».

Можно было бы завершить рассказ на этой, сравнительно радостной ноте. Но нет, автор включил еще один эпизод, усиливающий тяжелое впечатление.

чатление. «В тот месяц застрелился начальник станции, которому по долгу службы приходилось ходить в красной шапке вдоль вокзального скверика. Он не догадался найти для себя несчастную собачонку, чтобы кормить каждый день, отрывая хлеб от себя».

Заканчивается рассказ документальной репликой: «В самый разгар страшного голода в феврале 1933 года собирается первый всесоюзный съезд колхозников-ударников. Сталин произносит слова: «Сделаем колхозы большевистскими, а колхозников – зажиточными». От голода в ту пору умерли миллионы человек. В то же время в 1933 году в Западную Европу было вывезено 10 миллионов центнеров зерна.

В рассказе «Параня» также прослеживаются места нашей Вожеги. Небольшой железнодорожный посёлок летом действительно соловеем от жары, от пыли, едкого дыма, шлаковых куч, выброшенных паровозами. Районная чайная (местный центр) всегда была полна народу, зачастую там обедали колхозники, приехавшие на телегах и поводах с лошадьми. И как было распространено повсюду – кричал на всех углах радиорепродуктор. Посреди площади обычное увеселение – дразнят ребятишки деревенскую дурочку «Параню». Её часто обижали, и видимо, она пыталась жаловаться то бабке, то милиционеру, и вдруг сказала: «Пожалуюсь Сталину! Он вас..., врагов народа...!» За простые сплетни людей сажали. С тех пор страх сковывал всех при виде Парани – на кого-то снова укажет эта дурочка.

В деревне заметили, что те, кто особенно крепко «острил» с Параней, стали таинственно исчезать. Это поняла и сама Параня, догадалась, в чём её сила. Теперь она сама искала повода «пообщаться», указывала на «врагов». Её стали бояться, избегать. Тоталитарная власть создает абсурдное мышление. На примере посёлка Вожега Владимир Тендряков показал ужасы тех лет. Произведения Тендрякова – глубокие, отражающие большие события в истории нашей Родины. В какой-то мере сегодня это – незаслуженно забытый автор.

Н.Н. Никулинская
Тотьма

БИБЛИОТЕКА им. Н. РУБЦОВА В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ГОРОДА ТОТЬМЫ

Когда в 2011 году тотемская библиотека переехала в удобное просторное кирпичное 2-х этажное здание по улице Ленина, 21, началась новая ее история. Были созданы отличные условия для библиотечного обслуживания на абонементе, в читальном зале, появился конференц-зал, литературная гостиная, детский отдел библиотеки разместился в просторных кабинетах.

Возникла идея о создании проекта «Библиотека в стиле АРТ», главная задача которого – развитие библиотеки как выставочного и культурного центра, способствующего реализации творческих способностей тотмичей, расширению представлений о визуальной культуре, художественному просвещению посетителей библиотеки. Проект разработан сотрудниками вне-стационарного отдела, отдела обслуживания и успешно реализуется в течение последних трех лет. Партнерами проекта являются МУП «Туризм и народные промыслы», «Тотемская детская музыкальная школа», редакция газеты «Тотемские вести», Петровская художественная школа, Тотемское музейное объединение.

Первую художественную выставку, которая была торжественно открыта в библиотеке, мы назвали словами Николая Рубцова «Мне все в краю родимом мило», на ней было представлено более 20 картин Николая Сажина, члена Союза художников России. В церемонии открытия участвовали преподаватели Петровской художественной и детской музыкальной школ, родственники художника, читатели библиотеки. Историческая ценность картин Николая Сажина в том, что на них изображены не только знакомые всем места нашего города, но и те поселки, которые сегодня уже исчезли с карты района.

Выставка фотокартин «Отражения» (автор Алексей Новоселов, директор Тотемского музейного объединения) – одна из самых рейтинговых, работала в 2013 году. На 25 фотографиях представлены памятники архитектуры нашего города, Вологды, Кириллова, других населенных пунктов Вологодчины и России в виде отражения в лужах, водоемах.

У библиотеки сложились теплые отношения с творческим объединением «Объектив» г. Вологды, которым руководит член союза журналистов России, наша землячка Наталья Борисовна Трофимова. Выставки вологжан, которые экспонируются в нашей библиотеке, стали фотопозитическими. Снимки сопровождаются стихами вологодских поэтов. Наталья Борисовна часто бывает в библиотеке, презентует свои книги, участвует в открытии художественных выставок, где звучат песни, стихи наших тотемских авторов. Фотовыставки по временам года, по творчеству писателей, поэтов-земляков помогают увидеть красоту земного бытия. А на презентации сборников стихов, открытии выставок царит живое, душевное общение людей, объединенных одной страстью – любовью к поэзии, живописи и музыке.

Еще одна необыкновенная выставка рукотворного искусства – «Его величество творчество»: были представлены рукотворные куклы, другие игрушки, панно, целые композиции по мотивам сказок. Особое восхищение, благодарности и сувениры получили работы, выполненные детьми и родителями совместно.

Около 100 юношеских работ было отобрано на художественную выставку «Край, в котором я живу». Фантазии подростков в рисунках и поделках – это всегда интересно и любопытно.

Выставка-поздравление «Этих дней не смолкнет слава» – подарок ветеранам войны, детям войны, труженикам тыла от учеников Петровской художественной школы – была торжественно открыта в канун 9 мая. Экспозиция картин, поделок дополнена широким показом литературы, посвященной Великой Отечественной войне.

Яркая нарядная выставка «Прелесть вышитой картины» открылась в ноябре 2014 года, накануне Дня матери. Очень красивые и необычные вышитые картины представили умелые мастерицы Тотьмы.

В течение года успеваем открывать от 3 до 5 художественных выставок

В 2015 году мы стали победителями муниципального этапа регионального конкурса «Дружному дому – уютный двор» и городского конкурса «Украсим город цветами».

Самым посещаемым мероприятием в течение последних трех лет является Библионочь: в 2014 году – была посвящена юбилею Николая Васильевича Гоголя. В 2014 году – 200-летию открытия Русской Америки. Сегодня в фондах библиотеки имеется большое количество подаренных книг по этой теме, которые и были предложены тотьмичам и гостям города в течение мероприятия, с использованием театрализации, игровых форм и даже поэтической дуэли тотемских самодеятельных авторов. Участники Библионочи и мастер-классов высказали пожелания продолжить опыт включения зрителей в творческий процесс.

Наша библиотека с 1979 года носит имя Николая Михайловича Рубцова, является мемориальной. На любом мероприятии мы вспоминаем Н. М. Рубцова, читаем его стихи. Поэтические строчки становятся эпиграфами к сценариям, названиям литературных вечеров и фестивалей. Почитателей творчества Рубцова становится все больше, и все мероприятия проходят при полном аншлаге.

В 2015 году мы решили привлечь внимание горожан к имени другого нашего земляка – поэта Феодосия Савинова и совместно с литературным объединением «Тотьмяне» дали старт литературно-художественному фестивалю одного стихотворения «Это – русская сторонка, это – родина моя». Гостями фестиваля стали поэты и исполнители из соседних районов. Сборник стихов Феодосия Савинова 1900 года издания в формате ПДФ наш читатель, руководитель литературного клуба Евгений Елисеев, приобрел в Российской Государственной библиотеке и подарил библиотеке.

Традиционными становятся в библиотеке встречи с известным путешественником Федором Конюховым и его супругой Ириной. 14 книг о своих путешествиях написано им на сегодняшний день, многие в соавторстве с

женой. Фотосессия, автографы, сувениры гостям и только положительные эмоции – итог таких встреч, поэтому зал всегда переполнен.

Праздник День семьи, любви и верности объединяет духовную и светскую культуру. Место его проведения – обязательно библиотека. Звучит праздничная музыка и поздравления счастливым семейным парам. Библиотекари вспоминают легенду о Петре и Февронье, читают стихи, предлагают семьям поучаствовать в литературных поединках.

Яркие мероприятия позволяют нашему учреждению достойно нести свою главную миссию учреждения культуры.

А.М. Новосёлов

Тотьма

ЭКСКУРСИИ ПО ЛИТЕРАТУРНЫМ МЕСТАМ ТОТЕМСКОГО РАЙОНА

Тотемский район можно условно считать одним из наиболее перспективных в Вологодской области в плане развития литературного краеведения и организации соответствующих туристско-экскурсионных маршрутов. Тем не менее, на данном этапе процент специфически «литературных» экскурсий от общего количества невелик и составляет не более 5 %. Этому есть ряд причин: 1) историко-культурный потенциал Тотьмы значительно более богат, нежели могут вместить в себя рамки «литературного» экскурсионного маршрута; 2) значительная удалённость от областного центра; туристы, что посещают город, стараются заказать общую программу и узнать максимум полезной информации, не акцентируя внимание исключительно на местных писателях и поэтах; 3) вынос литературного музея Н. М. Рубцова за пределы города, в село Никольское, отстоящее от Тотьмы более чем в 70 километрах, сузил вероятный потенциал литературных маршрутов. В Тотьме отсутствует экспозиция, посвящённая Николаю Рубцову (все мемории концентрируются в никольском музее), не всем по силам и по карману отправиться по грунтовым дорогам в Никольское.

«Литературная карта» Тотьмы и Тотемского района довольно насыщена и может стать неплохой базой для развития данного направления экскурсионного туризма. Среди «гениев места», определивших «литературный контекст» Тотьмы, можно представить поэтов и писателей двух направлений: 1) рождённые здесь либо прожившие здесь значительную часть своей жизни (Николай Рубцов, Феодосий Савинов); 2) посещавшие Тотьму в разные периоды своей творческой биографии (Пётр Лавров, Владимир Короленко, Анатолий Луначарский, Илья Эренбург, Василий Белов, Ольга Фокина, Евгений Евтушенко и др.).

Безусловно, ключевым именем в этом списке будет Николай Михайлович Рубцов (1936–1971), поэт, значительная часть биографии которого связана с тотемской землей. Отец и мать поэта происходили из Биряковской волости Тотемского уезда (а именно – из деревни Самылково), там же находятся корни родового древа Рубцовых. После административно-территориальных преобразований Биряковская волость (позже – сельсовет) оказалась на территории новообразованного Сокольского района, однако в туристско-экскурсионных маршрутах логистически находится в связке с Тотьмой и селом Никольским. Потенциал данной местности, связанный с генеалогией поэта и живописностью расположения деревень близ реки Стрелицы, породил экскурсионные маршруты, реализуемые усилиями сотрудников ЗАО «Биряковское». Нигде не задокументированы факты посещения поэтом родины его предков. Вероятно, Николай Рубцов просто не знал о своих биряковских корнях.

Сотрудниками ТМО составлена и реализуется специальная экскурсия по рубцовским местам Тотьмы – единственная из экскурсий «литературного» направления, которая посвящена отдельному писателю либо поэту. Это связано с тем, что ввиду относительной близости временного отрезка жизни Н. М. Рубцова в городе сохранилось немало мест, так или иначе связанных с поэтом.

Комплекс Спасо-Суморина монастыря, в котором размещался ранее лесотехнический техникум, – место учёбы будущего поэта в 1950–1952 гг. Сохранились Вознесенский собор, по карнизу которого будущий поэт с друзьями устраивали рискованные для жизни путешествия, а также учебный корпус техникума (ныне музей «Открытое хранение фондов»). Отдельно стоит упомянуть бывшее общежитие лесотехнического техникума, где проживал Н. М. Рубцов. Там сохранена, но не мемориализирована его комната, в которой также жили еще четверо сокурсников поэта; она по-прежнему используется как жилая комната общежития Тотемского политехнического колледжа. В планах Тотемского музейного объединения установить на здании мемориальную доску к 80-летию юбилею Рубцова.

В здании редакции газеты «Тотемские вести» (в годы жизни Н. М. Рубцова – «Ленинское знамя», ул. Белоусовская, 5) Николай Рубцов бывал неоднократно, то посещая дружеские собрания журналистского коллектива, то принося в печать свои стихи и получая скромные гонорары. Сотрудники редакции разрешают экскурсионным группам посещать здание, в некоторые программы также включается беседа с нынешним редактором районной газеты Андреем Белозёровым.

Дом журналиста и писателя Сергея Багрова (ул. Красная, 2) здесь неоднократно бывал Н. М. Рубцов в гостях у своего друга. Это здание одно время предполагалось мемориализировать. С ним связана комичная ситуация: по инициативе сотрудников музея в 80-е гг. на доме была установлена

мемориальная доска, которую случайно увидел представитель обкома КПСС и распорядился немедленно снять («Уберите! Здесь Рубцов у Багрова пил водку!»). Доска с тех пор так и не была восстановлена, а от планов открытия музея в Тотме отказались ввиду появления музея в селе Никольском. В настоящее время дом является частной собственностью, в значительной мере утратив свой былой облик: вставлены пластиковые окна, перестроены забор с воротами.

Дом, где в 1950-1952 гг. неоднократно бывал у родственников С. П. Багрова Николай Рубцов, – ул. Гущина, ранее – Кооперативная.

Гостиница «Дом колхозника», ныне – здание отдела культуры администрации Тотемского района (ул. Советская, 13), где в 60-е гг., уже будучи довольно известным, поэт попал в заварушку, едва не окончившуюся дракой.

Берёзы, перед которыми будущий поэт прощался в 1954 г. со своей возлюбленной Татьяной Агафоновой и позже отразил эти воспоминания в стихотворении «У церковных берёз». По версиям одних исследователей, это место находится у здания бывшей церкви Воскресения (ныне – музейно-выставочный центр «На Большой Садовой»), по другим версиям – у бывшего особняка купца Холодилова.

Территория бывшей пристани (наб. Кускова, 13), куда неоднократно прибывал поэт и откуда отправлялся в новые странствия. На высоком берегу над пристанью располагалось кафе, где поэт часто проводил время; ныне на месте кафе установлен памятник Николаю Рубцову (1985, скульптор – Вячеслав Клыков), единственное мемориализованное в Тотме рубцовское место. Здесь же проводятся тотемские встречи «Рубцовской осени», мини-концерты, поэтические «открытые микрофоны». Памятник является обязательным местом для посещения всеми писателями, поэтами, гостями «Рубцовских чтений».

Любимое место Н. М. Рубцова в Тотме (по признанию самого поэта) – берег реки Сухоны перед зданием средней школы № 1.

Тотемская средняя школа № 1 (Наб. Кускова, 14) – здесь был открыт и с 1973 по 1993 гг. действовал школьный музей Николая Рубцова, созданный учительницей М. А. Шананиной.

Маршрут по рубцовским местам Тотмы составляет примерно 2,5 км. и чаще всего осуществляется в рамках пешеходной экскурсии. Основной проблемой его является отсутствие визуализации: таковую имеют лишь памятник поэту и стенд у МВЦ «На Большой Садовой», где упоминается о «церковных березах» из стихотворения поэта. Существуют планы установки небольших стендов или табличек с рубцовскими строками к 80-летию поэта в целях большей наглядности и доступности для самостоятельных туристов.

В Тотемском районе существуют и другие рубцовские места, которые экскурсанты могут посетить в рамках тура «Здесь души моей родина», реа-

лизуемого МУП «Туризм и народные промыслы» и Тотемским музейным объединением:

- паромная переправа через Сухону Черепаниха-Красное, неоднократно запечатленная в стихах поэта. Действует до сих пор и является вариантом проезда в село Никольское.

- «Старая дорога Николая Рубцова» от села Красное до Никольского, по которой поэт ходил пешком 25 километров от пристани до родного села. Экскурсии с чтением стихов поэта проводятся по одному из завершающих участков «старой дороги» вблизи местечка Борок.

- село Никольское, где сохранилось более десятка домов, помнящих Н. М. Рубцова, из которых самый значимый – бывший детдом, где ныне размещается мемориальный дом-музей. В его экспозиции представлено наибольшее количество подлинных вещей Николая Рубцова среди всех музеев и центров поэта.

- деревня Аникин Починок, где сохранился дом Марии Богдановой, послужившей прототипом героини стихотворения «Русский огонёк».

- деревня Предтеча, упоминаемая в стихах Н. М. Рубцова.

- деревня Игошево с Алексеевским храмом.

Эти объекты на юге Тотемского района в значительной степени меморIALIZED, однако основной проблемой остаётся транспортная доступность (паромная переправа либо очень плохая грунтовая дорога). Музей Н. М. Рубцова проводит не более 30-40 экскурсий в год и не столь часто посещается индивидуальными туристами, как Тотьма.

Значительное количество выдающихся личностей побывало в Тотьме не по своей воле, будучи на пути в ссылку либо находясь непосредственно в ней. Все эти писатели были вынуждены отмечаться в полицейском управлении, которое тогда располагалось (и располагается в реформированном виде сейчас) в бывшем доме купца Холодилова на набережной Сухоны (наб. Кускова, 10):

- Владимир Галактионович Короленко, прославивший Тотьму в своей «Истории моего современника», одна из глав которой называется: «Остановка в Тотьме»; оставил весьма не лестные отзывы о городе.

- Пётр Лаврович Лавров, писатель-народник, историк и социолог, в Тотьме завершил свой главный труд – «Исторические письма», а также познакомился со своей будущей гражданской женой Анной Чаплицкой, отбывавшей ссылку за участие в польском восстании.

- Анатолий Васильевич Луначарский, писатель, первый народный комиссар просвещения в советской России. В XX веке был одной из наиболее обсуждаемых фигур в контексте тотемской истории, его имя носил тотемский музей. Луначарский в Тотьме побывал в 1903-1904 годах и оставил о ней достаточно поэтичные воспоминания: «Мои тотемские воспоминания еще приятнее вологодских... Тотьма – очаровательный, узорный городок, с

церквями в стиле рококо, на берегу громадной реки, за которой тянутся тёмные леса. Недалеко от города лежит монастырь, куда можно ездить на санях сквозь серебряные зимние леса и где дают хлеб, квас и уху, каких я ни до, ни после никогда не едал... Я вспоминаю Тотьму как какую-то зимнюю сказочку, какую-то декорацию для «Снегурочки». Сохранён деревянный дом Упадышевой, в котором Луначарский проживал, будучи в ссылке; ныне — памятник федерального значения, используется как жилой и не музеефицирован.

Сохранились упоминания о Тотьме в произведениях советского писателя Ильи Эренбурга. Эренбург был в Тотьме в 30-е гг. и оставил о ней воспоминания как о городе разрушаемых храмов, занятых спецпереселенцами, проживающими в ужасных условиях, либо используемые под дома культуры и клубы. В частности, запечатлённый в строках Эренбурга храм Иоанна Богослова на Ковде ныне уничтожен полностью, близ того места, где он располагался, установлен памятный информационный стенд.

В дальнейшем визиты в Тотьму писателей и поэтов были связаны с именем Николая Рубцова. В 1975 году на вечер памяти поэта прибыл Евгений Евтушенко, остались фото и видео памятного вечера в фондах Тотемского музейного объединения. В связи с празднованием юбилейных рубцовских дат город посещали Василий Белов, Виктор Коротяев, Александр Грязев, Ольга Фокина и другие.

Можно сделать вывод о том, что литературные маршруты по Тотьме и Тотемскому району имеют определённый потенциал к развитию. Вместе с тем нельзя не признать, что многие имена с «литературной карты» Тотьмы остаются малоизвестными и недостаточно сакрализованными среди поклонников литературного творчества. Востребованность литературных маршрутов планируется повысить за счёт расширения мемориальной составляющей: появления навигации (вероятно, с использованием QR-кодов) на улицах города, мемориальных табличек на домах, а также создания экспозиции, посвящённой Николаю Рубцову, в Тотьме. Вариантами являются музеефикация комнаты поэта в бывшем общежитии лесотехникума, выделение отдельного зала в экспозиции краеведческого музея либо (в случае негативного прогноза по развитию сельской территории) – перевоза мемориального музея Н. М. Рубцова в Тотьму. Расширению «литературной карты» Тотьмы и Тотемского района могут также способствовать дальнейшие научные исследования.

ГОД ЛИТЕРАТУРЫ КАК ЯВЛЕНИЕ КУЛЬТУРНОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ: ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ ВОЛОГОДСКОЙ ЦРБ

В год литературы *главная цель* – работа по пропаганде книги, формирование в её потребности, чтении, в духовном и интеллектуальном росте, самосознании и самообразовании. А основными *задачами* являются: пропаганда ценности чтения и книги, формирование информационной культуры личности; развитие творческих способностей путем организации литературных и поэтических конкурсов; вовлечение всех категорий пользователей в культурно-просветительскую деятельность; повышение читательской и творческой активности пользователей в изучении истории родного края, помочь читателям сформировать художественный вкус, приблизив к творчеству классиков; помочь людям всех возрастов открыть для себя новых авторов, включить их в информационное поле современной литературы, оусуествить доступ к книжным новинкам.

В работе по продвижению художественной литературы используем все традиционные формы: выставки, выставки-просмотры, литературный календарь, обзоры, литературные вечера, клубы по интересам, игровые формы. При этом ищем новые пути, формы привлечения к чтению художественной литературы. На *открытие года литературы* собрались творческие люди Вологды, Вологодского района. Нашу первую встречу открыли выдающаяся русская поэтесса Ольга Александровна Фокина, писатель, журналист Дмитрий Анатольевич Ермаков, заместитель главы Вологодского муниципального района Татьяна Евгеньевна Артемьева, вологодский бард Владимир Сергеев. Звучали произведения русских писателей в исполнении детей и взрослых.

Нынешний год наполнен различными событиями: в январе – юбилей Антона Павловича Чехова и Александра Сергеевича Грибоедова, в марте – Всемирный день поэзии, 100-летие со дня рождения Вероники Тушновой, в апреле провели «Яркие свечи библиосумерек»; затем ряд мероприятий к 70-летию Победы в Великой Отечественной войне, в мае – в семейном клубе состоялась встреча с вологодской детской поэтессой Татьяной Леонидовной Петуховой, участвовали в областной акции «Литературном марафон» «Читаем Пастернака», июнь – Пушкинский день в России, юбилей вологодского поэта Александра Романова.

24 апреля в России была объявлена акция библиночь-2015. Коллектив районной библиотеки решил организовать библиосумерки. Данная акция в поддержку чтения проходит у нас уже несколько лет подряд. «Яркие свечи

библиосумерек» собрали в библиотеку истинных любителей русской классики. 19 век ... Сколько поколений отделяет нас от той эпохи... Какие люди жили тогда? Как жили? О чём мечтали? Об этом рассказывают нам писатели и поэты тех времён. А мы пригласили желающих в литературный салон. Хозяйка салона Анна Павловна Шерер гостеприимно встречала верных друзей. Её гостиная постепенно пополнялась и литературными героями. Первыми прибыли две сводные сестры (по литературному отцу) очаровательная Наташа Ростова и прелестная Анна Каренина, они задали тон литературной беседы, непринуждённо помогая собравшимся вспомнить некоторые моменты творчества Льва Николаевича Толстого. Мелодичный звоночек известил о прибытии следующего гостя. Присев за столик Анны Павловны, Владимир Дубровский предложил интересные задания по творчеству Александра Сергеевича Пушкина. Татьяна Ларина, «милый женский идеал», попросила присутствовавших вспомнить знаменитое письмо «Я к вам пишу...», которое с энтузиазмом было подхвачено всеми гостями и блестяще воспроизведено до конца. Пожаловавшая в гости прелестная тургеневская Ася увлекла всех игрой «Узнай героя по портрету», затем предложила вспомнить и продолжить известные фразеологизмы, «окунув в самую гущу народных масс». Её задания увлекли и хозяйку салона с Владимиром Дубровским, они представили свои фразеологизмы. В это время в зал пожаловала таинственная незнакомка, представленная так: умна, начитанна, благородна и нравственно чиста, романтик по натуре... Кто же это? Собравшиеся без труда по описанию распознали миловидную княжну Мери, вместе с ней вспоминали героев М. Ю. Лермонтова. За окном сгустились сумерки, а путешествие по дороге повестей и тропе рассказов вело к новым заданиям по творчеству Н. В. Гоголя, А. С. Грибоедова. Увлечённые заданиями, зрители незаметно для себя стали участниками игры «Литературный покер». И тут никто «не ударил в грязь лицом», молодёжь нисколько не уступила взрослым.

Апогеем вечера стало чтение любимых стихов людьми разного возраста и профессий. В полутьме, под завораживающее мерцание зажжённых свечей, за чашкой ароматного чая с пирожками собственного изготовления, непринуждённо звучали прекрасные произведения, старшеклассница Ульяна Усманова порадовала всех зрителей, исполнив песню. Среди наших гостей была молодая поэтесса Елена Фирулёва, которая прочитала близкие сердцу строки известных авторов и свои. Наши друзья познакомились с новыми книгами, поступившими в библиотеки Вологодского района. Подарком для всех стала поэтическая страничка *«Я желаю тебе добра»* с презентацией о жизни и творчестве поэтессы Вероники Тушновой, подготовленная к 100-летию со дня её рождения.

По мере приближения ночи, атмосфера таинственности в зале нарастала. Самые смелые гости отважились посетить «Приют нечистой силы», где

ждал сюрприз. Для всех вечеров стал праздником для души и сердца, тёплым и красивым.

Продолжением стала акция *«Библиотечный бульвар»*, проходившая 27 мая, в Общероссийский день библиотек. Сотрудники библиотеки организовали около библиотеки выставки-просмотры, представив периодические издания, интересные литературные новинки. Любители чтения имели возможность обмениваться книгами, представленными на выставке-акции *«Буккросинг»*. В дальнейшем планируем организовать такие выставки и на территории нашего села, в удалённых деревнях Кубенского сельского поселения.

26 мая на абонементе мы предлагали читателям поучаствовать в областной акции *«Литературный марафон – Читаем Пастернака»*. Чтецами стали люди разного возраста, некоторые впервые в этот день обратились к его творчеству, а у кого-то в памяти были даже любимые отрывки.

6 июня в России отмечается Пушкинский день, этому событию посвятили акцию *«Вся жизнь – один чудесный миг»*. Посетители познакомились с презентациями *«Александр Сергеевич Пушкин»*, *«Тебя, как первую любовь, России сердце не забудет»*, отвечали на видео-вопросы, читали строчки любимых стихов великого поэта, слушали известные песни и романсы на его стихи.

Издание книги *«Край Северный – Вологодская земля»* – значительное событие в общественной и культурной жизни Вологодского района. Вечер *«Источник вдохновения: Вологодский район»* 30 июня посетили люди, неравнодушные к исторической судьбе нашего края. Составители книги и авторы очерков – Геннадий Васильевич Шириков и Сергей Николаевич Цветков. Они рассказали о том, как создавалась эта книга, какой пласт исторических материалов им пришлось проработать. Были приглашены ветераны-участники Великой Отечественной войны, живущие в Кубенском: Крупин Владимир Александрович, Кузьмин Александр Анатольевич. Им вручили памятные подарки и фотоальбомы *«Лица Великой Победы»*, героями которых являются они сами. В рамках мероприятия начала работу фотовыставка *«Лица Великой Победы»*, посвящённая жителям Вологодского района – участникам Великой Отечественной войны 1941-1945 г. г. Многие зрители поделились своими воспоминаниями, как трудились на Вологодской земле.

70-летие Победы в Великой Отечественной войне – эта дата неразрывно связана с пропагандой книги, чтения. Мы решили подойти не совсем обычно, подготовить вместе с учащимися Кубенской средней школы небольшой спектакль. За основу взяли пьесу А. Гуркова *«По дорогам памяти»*, по рассказу Я. Стельмаха *«Спроси когда-нибудь у трав»* о молодоговардейцах. Все вместе подбирали декорации, реквизит, костюмы, музыку, переживали наши успехи и неудачи. Неподдельные слёзы блестили на гла-

зах зрителей и молодых артистов из сформировавшегося коллектива «Аккорд» – такое название придумали сами ребята. Своей искренностью они подкупили и жюри городского конкурса чтецов «Венок славы», проходившем в молодёжном экспериментальном театре «Сонет» в г. Вологды, завоевали почётное второе место. В этом большая заслуга руководителя, учителя русского языка и литературы С.В. Комягиной и библиотекарей И.Р. Махновец, М.Ю. Серовой.

Более 10 лет по традиции в последнюю субботу июля в нашем селе проходит ярмарка «Кубенский Торжок». В этом году мы предложили гостям и односельчанам посетить *«Литературный бульвар»*, расположенный у здания библиотеки в самом центре села. Одним из главных событий стала презентация сборника «Написано сердцем», в который вошли стихотворения земляков: Валерия Воронова, лауреата премии Сергея Есенина «О, Русь, взмахни крылами», Елены Кадыровой, Нины Спички, Елены Фирулёвой, Ирины Харинской, Ольги Шаратиновой. Собранным был представлен сборник семьи Демидовых – Еремеевых «Частичку сердца дарим людям». В него вошли литературные опыты бабушки Галины Павловны и внучки Насти. Нашими коллегами собран большой материал, создан и опубликован путеводитель «Село Кубенское» по улицам нашего села, их мог приобрести каждый желающий.

Гостям и жителям Кубенского мы предложили познакомиться с выставками «Лица великой победы» об участниках Великой Отечественной войны Вологодского муниципального района, подготовленная к 70-летию великой Победы, «Прогулки по селу родному»: результат фотокросса; с книгой «Российская летопись». Все могли стать участниками буккроссинга, обменяться книгами, посетить фотоателье, стать персонажами литературных произведений, отгадать представленных персонажей, отвечать на вопросы викторин, прочитать любимые стихи и полакомиться угощениями в литературном кафе!

18 августа в гостях у библиотеки были коллектив молодёжного экспериментального театра-студии «Сонет» с поэтическим спектаклем «Не откажутся любя»: о жизни и творчестве Вероники Тушновой. Доброжелательная атмосфера, созданная ведущей Ингой Никитиной, стихи и песни в исполнении актрисы Любви Николаевны Губернаторовой никого не оставили равнодушными.

Литературное краеведение – отдельное направление в работе Вологодской центральной районной библиотеки. Регулярно на абонементе оформляются полки с книгами писателей-вологжан. К фестивалю «Рубцовская осень» с 8 по 12 сентября на абонементе районной библиотеки была организована акция «Куда ни глянь: Россия, Русь – звенит рубцовскою строкою». В её рамках представлены книги о жизни и творчестве Николая Рубцова, сборники стихов, воспоминания о поэте соседей, знакомых,

родственников, а также можно прослушать аудиозаписи со стихами и песнями в авторском исполнении. Учащиеся Кубенской средней школы читали стихи, которые 11 сентября представили в Вологде на открытии 18 Открытого фестиваля поэзии и музыки «Рубцовская осень» и в «Акции открытого чтения» «Прочитай Рубцова», организованной Вологодской областной юношеской библиотекой им. Тендрякова.

«Родом из Кубеноозерья» – под таким названием в сентябре прошли встречи с Вадимом Валерьевичем Деметьевым. В октябре отмечается юбилей нашего земляка Сергея Валентиновича Чухина, его памяти мы подготовили поэтический вечер «Душою чист» и Чухинские чтения. Традиционными для нас стали встречи во время Недели вологодской книги, проходящие в первой декаде октября, в этом году любителей поэзии соберёт вечер «Я к тихой родине приду».

Активными слушателями являются учащиеся Кубенской средней школы на занятиях в литературной гостиной «Жемчужинка» и жители Кубенского дома-интерната для инвалидов и престарелых в гостиной «Волшебный очаг». В памяти старшеклассников сохранились литературный вечер по творчеству А. П. Чехова, поэтический вечер «Опалённые строки», посвящённый Дню Победы. В доме-интернате интересно прошли занятия в январе – «В кругу героев Чеховских рассказов», в марте, во Всемирный день поэзии, – «Капли звонкие стихов» по творчеству поэтов Вологодского района, познакомились с беседой «Я живу поблизости от вас» о жизни и творчестве вологодского поэта Александра Романова.

Наш коллектив имеет поддержку администрации Вологодского муниципального района и администрации Кубенского сельского поселения и, конечно, наших активных читателей.

В наших планах – литературно-музыкальные вечера по творчеству Сергея Есенина, о романах, торжественное подведение итогов Года литературы в день рождения библиотеки 11 декабря. Но всё-таки Год литературы – это не один годом, это постоянная целенаправленная работа каждой библиотеки. В подтверждение этой мысли приведу отрывок из стихотворения Елены Малаховой:

Год литературы – кто придумал это?
Разве может быть у литературы год?
В своём Отечестве она живёт, как эхо,
И голос свой, как пламя, отдаёт.
Она идёт от века к веку,
Спасая наши души и сердца,
Она – бальзам для человека,
Его молитва и его душа.

ДУША БЕССМЕРТНА: ПРОДВИЖЕНИЕ ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В. И. БЕЛОВА

Наша область одна из первых на Северо-Западе разработала собственный бренд: «Вологодская область – душа Русского Севера». Продолжая данную аналогию, мы считаем, что нашего земляка – известного русского писателя Василия Ивановича Белова – можно по праву назвать душой Вологодчины. В своих произведениях Белов всегда ратовал за сохранение русского языка, родной природы, национального уклада жизни Русского Севера и христианских ценностей. Его произведения рассказывают о нашей жизни так, как это мог видеть только великий писатель, горячо любящий свою Родину. «О Родине душа моя болит...», – писал он в одном из своих стихотворений, обращая внимание читателей на проблему разрушения основы основ отечественной культуры – уникального уклада русской деревни.

«Земля Белова – это затерявшаяся среди клюквенных болот, среди малых рек и озёр, за тёмными лесами, за тремя волоками деревня Тимониха, в которой жили его прадеды, деды и родители, где родился и вырос сам Белов. Деревня Тимониха – олицетворение северной глубинки, ведь именно отсюда, из этой кладези, автор брал колорит, быт, нравы и характеры своих героев. И если мы действительно хотим знать свою родину, сегодня нам уже не обойтись без Белова, без его слова о родной земле...» (Ю. Селезнёв).

Наша библиотека с 2013 года носит имя классика русской литературы В. И. Белова и позиционирует себя как продолжатель его дела, сохраняет систему его ценностей. Библиотека проводит мероприятия по популяризации творческого наследия писателя среди различных групп населения.

В библиотеке работает *Центр литературного краеведения*, где оформлены экспозиции, посвященные Белову: первая воссоздает обстановку рабочего кабинета писателя в Тимонихе, на второй представлены народные ремесла, описанные в произведении «Лад». Центральное место занимает выставка «Писатель земли Харовской», на которой сосредоточена информация о В. И. Белове: его произведения, материалы о жизни и творчестве, фотографии и т. д. Центр организует для учащихся школ более углубленное знакомство с произведениями Василия Белова, проводя уроки нравственности и патриотизма. «Людей надо воспитывать хорошими книгами...», – говорил В. И. Белов в одном из интервью. Для читателей библиотеки организуются книжные выставки, экскурсии, литературные вечера, читательские конференции, викторины по творчеству писателя. Центр выпускает календари, буклеты, проспекты, закладки для книг с цитатами из произведений Белова.

На малой родине писателя в Азлецкой сельской библиотеке имеется экспозиция предметов старины «Лад деревенской жизни». Материалы для нее были собраны в ходе экспедиций по Азлецкому краю. В библиотеке также создаются новые экспозиции, связанные с творчеством писателя: предметов деревенского быта: «Без молошного какая ребенку приятность» – посвященная молоку; «Веками роднились с нами эти деревья» – представлены изделия из дерева, которыми пользовались наши прадеды в обычной жизни; «Нехитрые мальчишечьи богатства» – игрушки, в которые играли крестьянские дети. Разработана игровая программа «Игры на летней прогулке», которая включает деревенские игры на природе. Около библиотеки работает «Скамейка-читайка», где для учащихся, которые посещают малую родину писателя, проводятся конкурсы и викторины на знание произведений Василия Белова.

Нельзя во всей глубине понять Белова без его родной деревни Тимони-хи, ей писатель был «обязан лучшими своими мыслями, лучшими движениями души». «Долго без родной Тимони-хи я вообще жить не мог, засосет в левом боку, зашаает – долой все! На родину. А там один какой – то затрапезный окунишко своим хвостом расплещет твою тоску веселыми синими брызгами» («Лад»).

Оказаться в этих местах – значит соприкоснуться с внутренним миром Белова. *Литературно – туристский маршрут «Дорога к Дому»* пролегает от Харовска до Тимони-хи и знакомит с традициями и бытом северной деревни, историей района. Рассказ о творчестве писателя, знакомство с его поэтическими и прозаическими произведениями дополнены встречами с героями его книг на интерактивных остановках: на проселочной дороге, у речки, в сосновом бору, на деревенской улице. Туристы очень активно покупают местные сувениры, изделия Дома ремесел, сельскохозяйственные орудия труда и продукцию личных подсобных хозяйств, участвуют в мастер-классах по народным промыслам. На деревенских посиделках участники маршрута угощаются блюдами русской кухни и слушают рассказ о мастерах и обычаях края. В память о посещении родины писателя туристы высаживают березки на аллее «Белые сказки моей земли». Маршрут недаром называется «Дорога к дому». Именно эта дорога вывела писателя на широкую дорогу жизни. По ней всегда он возвращался обратно, в родительский дом, признавая, что «человек счастлив до тех пор, пока у него есть родина».

Не случайно *межрегиональный литературный фестиваль «Притяжение»* проходит в Тимони-хе. «Я дома у себя на родине, и теперь мне кажется, что только здесь светлые речки, такие прозрачные бывают озёра. Такие ясные всегда разные зори. Так спокойны и умиротворительно – задумчивы леса зимою и летом...» – писал Белов в повести «Плотницкие рассказы». Девизом фестиваля мы считаем строчки поэта А. Гребнева:

*И все-таки лучшее слово
На запах, на вкус и на цвет –
Оттуда, где сердце Белова,
Оттуда, где родины свет.*

Время обязывает библиотеки пересмотреть традиционные формы работы с наследием писателя – классика, искать другие – инновационные подходы к читательской аудитории, не забывая при этом совершенствовать накопленный опыт.

Так к 80-летию юбилею писателя была впервые проведена районная акция *«Читаем Белова вместе»*. Во время акции все желающие могли подойти к микрофону, установленному у библиотеки и прочитать отрывок из произведения Василия Ивановича. Акция вызвала живой интерес у земляков и гостей города и уже проводится ежегодно на различных библиотечных площадках района.

С 2013 года библиотека совместно с автономной некоммерческой организацией дополнительного образования «Пролог» г. Москва организует конкурс детских творческих работ *«Иллюстрируем Белова»*, победители которого поощряются поездкой в г. Москву. На конкурс дети представляют индивидуальные и коллективные работы, выполненные в различных видах и техниках изобразительного и декоративно-прикладного творчества: рисунки, плакаты, аппликации, компьютерная графика, мягкая игрушка, батик, бисероплетение, соломка, лоскутная техника, работы из природных материалов и другие.

В выставочном зале библиотеки оформляются экспозиции вологодских и московских художников, участников пленэров на родине Белова «Ольховая сторона», фотовыставки «Сенокос в Тимонихе», «Праздничная Тимониха», «В краю, где целуются зори». Традиционно в День города проект «Харовский Арбат» у библиотеки собирает художников, музыкантов, чтецов, прославляющих своим творчеством родину писателя Василия Белова. В этом году в День города на площадке перед библиотекой была организована праздничная программа «Чаепитие с Беловым». В сквере у библиотеки можно было не только попить чай на травах, но посмотреть выставку самоваров, поучаствовать в многочисленных конкурсах и викторинах. А самое главное – снова обратиться к произведениям автора, где он описывает традиции русского чаепития.

В День рождения В.Белова – 23 октября проходят Районные Беловские чтения. В них принимают участие земляки писателя: авторы, краеведы, культработники, журналисты, учителя и учащиеся школ. Библиотека также участвует во Всероссийских Беловских чтениях «Белов. Вологда. Россия». Участники этих чтений приезжают к нам в библиотеку и принимают участие в маршруте «Дорога к Дому». В День памяти В. И. Белова – 4 декабря

проходят мемориальные мероприятия в Тимонихе и в библиотеках Харовской ЦБС.

В 2014 году МБУК «Харовская ЦБС им. В. И. Белова» выиграла грант Всероссийского конкурса «Культурная мозаика малых городов и сел» с проектом «Память – продолжение жизни: Библиотека на родине писателя В. Белова». В рамках осуществления проекта был создан информационно-культурный центр по продвижению литературного наследия писателя В. И. Белова на базе Центральной библиотеки. Были организованы более комфортные условия для обслуживания туристов на литературном маршруте «Дорога к Дому».

В наших планах – продолжение поисковой и исследовательской работы по истории и культуре края, сбор материалов и изучение творчества писателя В. Белова, дальнейшее развитие литературно – туристского маршрута «Дорога к дому», издание сборника «Земляки вспоминают Белова» и альбома «ФОТОпрочтение Белова». Для продвижения библиотеки в информационном пространстве создан сайт, в котором есть разделы: «Экспозиции о Белове», «Литературная карта края», «Центр литературного краеведения», где можно найти информацию о писателе. Пополняется электронный ресурс «Писатель земли Харовской», краеведческий материал в нем систематизирован по темам. Библиотекой объявлен сбор средств на памятник писателю В. Белову в г. Харовске.

С целью увековечения памяти В. И. Белова разработаны проекты: *«Литературная усадьба Тимониха»*, *«Край лесов и озер: эколого-краеведческая тропа»*. С проектом «Литературная усадьба Тимониха» библиотека участвовала в Интернет – конкурсе «Литературный след». Эти проекты наряду с другими программами учреждений культуры района, направлены на сохранение уникальной историко-культурной и природной территории около деревни Тимониха, чтобы сделать ее привлекательной для посещения туристами и любителями творчества автора; чтобы малая родина писателя стала тем местом, где люди могут познать чувство незыблемой и нерушимой духовной опоры, которую давал писателю этот уголок земли. «Тихая моя родина, ты все так же не даешь мне стареть и врачуешь душу своей зеленой тишиной!» (рассказ «На Родине»).

БЕЛОВСКИЙ СБОРНИК
Выпуск 1

Подписано в печать 23.03.2016. Формат 60х84/16.

Усл. печ. л. 15. Тираж 170 экз.

ООО «ИПЦ «Легия»
e-mail: legia1997@mail.ru